

**ИГОРЬ
ОСИПОВ**

**Сквозь Навь
на броне**

2017

Когда идет война на уничтожение с наступающими волна за волной тварями чуждого зла, и ни одна сторона не может взять верх, когда даже древние боги не знают, как поступить, остается один выход — вооружиться боевыми заклинаниями и автоматами с серебряными пулями, сесть на бронетранспортер и выступить в поход в поисках чего-то, что поможет переломить ход сражения. Поход сквозь другие миры. Вот только по следу идут полные ненависти твари, а местные боги отнюдь не гостеприимны. Главному герою вместе со своей командой предстоит пройти в чужой мир, найти новое в себе и в своем окружении, сразиться с хитрым врагом и отгадать тайну иной цивилизации.

Осипов Игорь Валерьевич
Сквозь Навь на броне (Как я стал боевым магом.
Книга 2-я)

ВСТУПЛЕНИЕ

Большой сокол со звонким клёкотом неспешно сделал широкий круг и, шумно хлопая крыльями, приземлился на подставленную кожаную перчатку. Его владелец, прищурился глазами и едва шевеля губами, прошептал ласковые слова, погладил хищную птицу и протянул небольшой кусок мяса, а потом стал с тоской в глазах наблюдать, как любимец отрывает от пищи тонкие волокна острым клювом. Мужчина был высок и широкоплеч. Каштановые волосы стягивались золотым обручем так, чтоб не падали на лицо. В недлинной, но густой бороде блестела серебром благородная седина.

Мужчина ждал, и время от времени оглядывал бескрайнее поле, жёлтое от колыхавшихся на ветру летних высохших трав. Вскоре, один из тех, кого он ждал, появился из ниоткуда в полусотне метров. Возникший неспешным и полным достоинства шагом двинулся к обладателю птицы. Он шёл по полю, мимо исковерканных людских тел и туш нечеловеческих тварей, по пулемётным гильзам и клочкам колючей проволоки, мимо воронок от разрывов снарядов и обломков военной техники, изуродованных боевыми заклинаниями. Когда он подошёл ближе, стало заметно, как дрожит воздух вокруг могучей фигуры, словно над раскалённым асфальтом. Там, где ступала его нога, обутая в красный с загнутыми носами сапог, трава обугливалась и осыпалась пеплом, от которого поднимался едва заметный сизый дым.

— Здравствуй, брат, — произнёс владелец птицы, обратившись к своему спутнику густым низким и чистым басом.

— И тебе здравия, Стрибог, — хрипло ответил тот, пригладив ладонью огненно-рыжую бороду.

Суетившиеся до этого в окопах солдаты замерли, пожирая глазами витязей, сошедших с иллюстраций старинных былин. Поверх их расшитых золотом шелковых рубаш, были накинуты длинные плащи, алый у одного и небесно-голубой у другого. На богато убранных поясах висели ножны с кинжалами, чьи рукояти венчали самоцветные камни, а пальцы сильнейших мира сего украшали богатые перстни.

Рыжий поправил красный плащ, на котором красовалось вышитое золотом пламя, и облокотился на стоявший рядом бронетранспортёр. В том месте, где он коснулся металла, краска потемнела и вспучилась от жара, словно идущего из кузнечного горна.

— Опаздывают они что-то, — посетовал шатен, тяжело вздохнув, отчего по полю прокатилась легкая волна ветра, колыхнув травы, и подняв легкую пыль с брустверов окопов.

— Женщины, — объяснив одним словом всю суть неурядицы, ухмыльнулся рыжий.

— Здесь мы, Сварожич, — раздался в ответ полный силы женский голос. Мужчины обернулись и разом кивнули девам, одна из которых обладала округлыми формами тела, а грудь её такова, что готова была разорвать зелёное, расшитое золотом платье своей тугостью и упругостью. От женщины исходила сырая дождливая прохлада, как от летнего ливня. Там, где она стояла, трава прямо на глазах зеленела и наливалась соком. Вторая же стройная, высокая и бледная с черными, как смоль, длинными волосами, свободно ниспадающим по плечам и ровной спине, и такими же тёмными бездонными очами, одета была в бело-голубой княжеский наряд, убранный серебром и жемчугом. От бледной тянуло лютым зимним морозом, суровым и трескучим. А еще от нее веяло безысходностью и смертью.

— Измором берут, — начал говорить сокольник, поддев носком сапога чёрную глянцевою тварь, чуждую этому миру, — неглупы пришлые вóроги, но раз измором, то сил у них много. Позиционную войну мы проиграем, изживут одного за другим. Надо что-то предпринять. Срочно.

— Что говорит Род? — спросила полноватая женщина, кивком указав куда-то вверх.

— Он, как всегда, молчит. Пора бы уже привыкнуть. На свои силы надеяться надо.

— Есть у меня новости, — произнесла бледная, вложив одну ладонь в другую и опустив их на уровень чресл.

— Хорошие? — спросил сокольник, сверкнув голубыми как чистое небо глазами.

— Не знаю.

— Покажи.

Женщина не шевельнулась, но в воздухе перед ней прозрачной голограммой замелькал калейдоскоп обрывков размытых образов.

— Негусто, — пробубнил рыжий.

— Что есть, то есть, — пожалала плечами бледная.

— Избранный нужен, — сам себе под нос протянул рыжий.

— Поход туда-не-знаю-куда, найти то-не-знаю-что? Старая песня, — растянулся в горькой усмешке губы сокольник, погладив свою птицу.

— Зато, до сих пор востребованная, — парировал хозяин огня.

— Сложно избранного найти. Для каждой цели свой надобен, — вздохнула пухленькая.

— Есть у меня один на примете, — произнесла белая, — из него неплохой избранный получится.

— Храбр? — поднял глаза рыжий.

— В меру осторожен, — ответила бледная хозяйка зимы.

— Умён?

— Как все люди.

Силён?

— Он первого полководца чуждой тьмы уничтожил.

Все замолчали, но вскоре слово взяла пухленькая, достав из воздуха большое спелое яблоко. Она покрутила его в руках, а потом подбросила на ладони, взвешивая и оценивая.

— Время не то. Твари сильные, поход непредсказуемый, век двадцать первый. Одного избранного мало будет, — произнесла, наконец, женщина.

— А он и не один, — ответила, вскинув голову, бледная, а потом отвела глаза и улыбнулась, заметив в нескольких шагах от себя санитаря. Тот перевязывал раны бойцу, сидящему спиной к колесу бронетранспортёра. Появление четвёрки хозяев этого мира застало медика врасплох, и он замер, боясь пошевелиться. Раненый, тяжело дыша, шептал одними губами: 'Не хочу, не надо', глядя при этом на богиню расширенными от ужаса глазами.

Белая качнула головой.

— Не сейчас, человек. Ныне каждый воин на счету, — произнесла она сильным властным голосом и шагнула прочь.

По лицу солдата потекли слёзы, а санитар, повеселев, начал перематывать бедолагу с удвоенным усердием, озорно бормоча при этом.

— Ты ещё меня переживёшь, браток, раз сама Мара Моревна сказала Нет...

ГЛАВА 1. ПРИЕЗД

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

— Домовёнка возьмёте в добрые руки? — послышался детский голосок.

Я поднял глаза и посмотрел на девочку лет десяти, стоящую в дверях моего купе.

Поезд ждал, пока не прицепят дополнительные вагоны. И на такой технической станции в пассажирский вагон зашли дети из интернатов, раздавая волшебство и мелкую нечисть всем желающим. Маленький, словно игрушечный, старичок, висевший на руках ребёнка как котёнок, шевельнул усами и бородой и поднял взор на свою хранительницу и распространительницу, после чего вздохнул и покачал головой. Он не был в восторге от девочки.

На шее у девчурки висел шелковый платок, на манер пионерского галстука, только он был белый с ярко-зелёными концами, которые отделялись чёрной жирной полоской. Интернату покровительствовали берегини.

— Нет, — ответил я, вытащив ложку из стакана с чаем, — Во-первых, у меня уже есть домовой, а во-вторых, это не домовой, а овинник. Он лучше в амбаре себя чувствует, или на худой конец в гараже.

— Вот, не бестолочь ли, — смешно прокартавил старичок, имея в виду ребёнка.

— Тогда возьмите для гаража, — не унималась девочка, вытянув руки с потусторонней сущностью,

— А гараж у меня охраняет древнее божество.

— Не бывает так, чтоб чьи-то гаражи древние боги охраняли. Боги, они вон какие, они по мелочам не размениваются.

— Бывает. У меня бывает.

— Да ладно вам. Не хотите, значит, не хотите. Тогда купите плашки с дланью берегинь. Недорого.

Девочка достала тонкие листки бересты со впрессованными в них листочками подорожника и с нанесёнными глаголицей от руки письменами. Кусочки были заламинированы и обрезаны под размер кредитки.

Я взял прямоугольник и покрутил в руках, читая наложенное на него заклинание. Это было что-то новенькое.

Девчурка заметила блеснувший у меня в глазах интерес.

— Достаточно приложить к мелкому ожогу или порезу и произнести слова, берегини, берегини, оберегите меня. Ранка затянется. Только она одноразовая.

Заклинание стоило дороже, чем обычный лейкопластырь в десять раз, но для колдовства действительно было дешёвым. Я отдал девчужке деньги.

— А магнитики не хотите?

— Давай уж. Я чародей, зарабатываю неплохо. На магнитики деньги найдутся.

Мимо купе прошла ещё одна девушка, постарше этой. На ней был серый галстук с жёлтыми концами — воспитанницы богини Макошь — покровительницы женских ремёсел, летних дождей и урожая. Судя по маленькой серебряной бляшке, приколотой к блузке, девочка была кандидаткой в жрицы. Она деловито оглянула купе и пошла дальше.

Я взял магнитики, потом закрылся и стал рассматривать. На одном был изображён храм

бога Сварога, на другом хрустальный дворец богини зимы, колдовства и смерти Мары Моревны, на третьем — обелиск в память о жертвах ядерных ударов в первой междумировой войне.

Войне, которая длится до сих пор. Я это знаю не понаслышке. Пальцы сжали висящий на шее чёрный силиконовый шнур, продетый через войсковой жетон-'смертник' и два золотых кольца. Полтора года назад мы смогли выжить в мясорубке первой волны вторжения, после которой я женился, а год спустя, потерял жену — одна из тварей смогла пробраться в город под видом духа, нуждающегося в социализации. Таких приучали к жизни в нашем современном мире в специальном центре, куда устроилась моя жена. Там и произошла бойня, унёсшая десятки жизней, в том числе и её.

Боль обиды на мир, богов и всех этих тварей до сих пор грызёт изнутри как стая волков. А ведь я боевой маг, будь я рядом, сумел бы сберечь, но меня рядом не было.

Нет, конечно, я не один такой чародей в погонах. Боевых магов достаточно много, из нас формируют специальные подразделения или придают в помощь обычным войскам. Моя команда называется 'Зверобой'. И мы в полном объёме оправдываем это громкое имя. Именно мы смогли одолеть при первой волне боёв одного из эмиссаров Черной Орды, как с легкой руки журналистов стали называть силы вторжения.

Поезд едва заметно качнулся и стал плавно набирать ход, тихонько постукивая колёсами на стыках рельс. Теперь впереди тепловоза, который сменил локомотив на электрической тяге, шёл специальный вагон, переделанный из товарного. По высоте он был ниже обычного в два раза и не загораживал машинисту обзор. Сверху на нём размещалось несколько башенок от бронетранспортёров с крупнокалиберными пулемётами, а внутри сидел мотострелковый взвод, готовый выскочить по тревоге и оцепить пассажирский состав. Такой же вагон был в конце поезда.

Эти меры предосторожности, как и ограждение из толстых бетонных плит, тянущихся от транзитного полустанка до самого Новониколаевска, были организованы не на пустом месте. Чёрные твари, опустошившие пригород прошлой зимой, все никак не могут успокоиться. Они постоянно выходят из бескрайнего Чернолесья и устраивают рейды, норовя отыскать уязвимые места в нашей обороне. Поговаривают даже, что появился новый эмиссар.

Чернолесьем называли территории, где грань между мирами была многократно тоньше, чем в других местах Земли. Хотя единичных шпионов ловили по всей планете, только здесь Черной Орде было проще перекидывать и контролировать своё войско, только здесь они вели бои. Город оказался в кольце. Пришлые твари не могут покинуть сибирскую равнину, не потеряв своё преимущество — единство контроля над своими войсками. Пройдя невидимую черту, твари начинают бесцельно бродить и не реагируют даже на выстрелы, сделанные в упор. Не могут они и проникнуть в город, так нужный им для неведомых целей. Новониколаевск с начала боевых действий был накрыт защитным куполом, который сотворили и поддерживают старые боги. Город превратился в большую крепость.

Я дотронулся до лежавших на столе магнетиков. Много чего поменялось за полтора года. Богам нужны люди, уж такова их природа, но мало кто просто так захочет остаться вечно осаждённом городе. Осознав двухсоттысячные потери, ещё триста тысяч человек бежало. Но крепость нужна. Всякими льготами и выплатами правительство сдержало оставшихся жителей. Не обошлось и без вмешательства богов. Они занялись всяческой благотворительностью, на радость властям и бюджету. Госдума почти единогласно приняла

постановление о перемещении, каких только можно интернатов в Новониколаевск, и те почти сразу были разделены меж богами. Про переброску войск можно, вообще, молчать. Четыре полнокровные дивизии сторожило гигантский форт с миллионом жителей.

Переместили и многие тюрьмы, заключив договор на их охрану со сверхъестественными сущностями. Колонии-поселения сторожил владыка леса и разные тёмные духи, а зоны строгого режима были под надзором Мары, как говорится, от смерти ещё никто не убежал.

Ещё только недавно об этих богах не было и слуху, а теперь они стали частью повседневной жизни.

В дверь несколько раз сильно стукнули, а потом без разрешения открыли. В купе заглянул вооружённый боец.

— День добрый, — устало заговорил он, повторяя свою рутинную фразу уже для сотого пассажира, — документики, пожалуйста.

Я протянул паспорт. Боец бегло пробежался по его страницам, сверив фото с моей физиономией.

— Запрещённые артефакты, незарегистрированные духи, оружие, наркотики?

— Первое, второе и третье имеется, — ответил я ему, с лёгкой насмешливой улыбкой, — четвёртое в принципе не приемлю.

Боец замер, не зная как реагировать на слова, как на шутку или на чистосердечное признание. Но потом он всё же окликнул кого-то, кто ходил по соседним купе.

Секунду спустя, в купе зашёл маг в форме внутренних войск, в звании капитана.

— Вы сказали, что у вас имеются наименования, требующие строгого учёта и специального разрешения, — осторожно начал он, — надеюсь, все соответствующие документы у вас имеются.

— Сейчас всё покажу, — ответил я.

На стол легли пять коробочек, подходящих больше для дорогой парфюмерии. Однако внутри было другое. Стал открывать коробки, и губы мага дрогнули в лёгкой улыбке.

— Позвольте? — спросил он, и после моего кивка достал один из подарков, что я приобрёл для женской части нашего скромного коллектива.

— Патроны пять и шесть на пятнадцать? — уточнил он, разглядывая миниатюрные дамские револьверы.

Оружие отличалось только цветом рукояти и гравировкой имени.

— Да, патрон такой же, как для мелкашки и биатлонной винтовки, только пули серебряные. Вы же знаете, что в нашем городе, где нечисти больше чем людей, такое оружие — самый лучший подарок.

— Ну да.

Маг положил назад револьвер с жёлтой рукоятью и гравировкой 'Ангелина', а потом глянул на остальные. Небесно-голубой — 'Оксана'. Бордовый — 'Светлана'.

— Странно, а это для кого? Для незрячей, что ли?

Он достал совершенно чёрный револьвер, на рукояти которого выступали серебристые точки шрифта Брайля.

— Тут написано Александра. Она экстрасенсорик, ей глаза не нужны, чтоб точно выстрелить.

— Станный у вас коллектив. Ещё оружие есть?

Я вытащил на стол свой пистолет-пулемёт 'Кашган', ближайшим аналогом которого был

израильский 'УЗИ'. Маг тут же достал рацию.

— Пятый вагон, семнадцатое место, ситуация четыре.

Рация прошипела 'Принял' в ответ.

Я достал удостоверение и документы на оружие. После очередного предмета маг скрипнул зубами. На стол легла волшебная палочка и куча разноцветных жетончиков к ней с исходниками боевых заклинаний. Потом я достал чёрный кинжал с янтарным навершием.

— Это, я так понял, запрещённый артефакт?

— Да. Пункт два перечня — не до конца изученные побочные эффекты.

— Разрешение на перевозку, — сосредоточенно процедил маг. — Ещё что?

Я вытащил небольшую борсетку, которую вешали на пояс, и открыл. Среди мягкого поролона шевельнулся маленький ужик, уставившись на нарушителей покоя блестящими глазками.

— Это к какой категории относится, к контрабанде животных или артефакты?

— Незарегистрированные сверхъестественные сущности, — ответил ему я.

— Почему не зарегистрировали? — в очередной раз скрипнув зубами, спросил маг.

— Не хочет.

— Что значит, не хочет? Его надо в обязательном порядке зарегистрировать. А то убежит и набедокурит чего. Будет домохозяек пугать.

— Не убежит. А домохозяйки не тот размах.

— И какой у него размах?

— С тобой точно справится. Но я за ним прослежу, обещаю.

— Я обязан буду доложить в комендатуру, — произнёс маг.

— Докладывай.

Он сфотографировал на небольшую мыльницу мои документы, оружие и змейку, а потом спросил.

— Из командировки?

— Нет. Из отпуска, — ответил я.

— Из отпуска? — изумился он. — Зачем вам в отпуске столько всего?

— У меня отпуск по звонку в командировку превратился. Я из спецподразделения по борьбе с нечистью. Слышали о таких?

— Слышал, — улыбнувшись, ответил маг. — Не буду вас больше мучить, а вы демона все же поставьте на учёт. И в комендатуру я доложу, уж не обессудьте. Счастливо оставаться.

Маг вышел, прикрыв дверь в купе.

Поезд потихоньку шёл длинный путь от внешнего осадного кольца до внутреннего. Здесь этот промежуток самый короткий — всего пятнадцать километров, не то, что на север, там вся тысяча наберётся, если не больше.

Снаружи послышался едва заметный разговор шепотом, потом дверь снова приоткрылась чуть больше чем на спичечный коробок, и в зазоре стали видны те же детские лица, чьи владелицы раздавали по вагону магнетики и домовых.

— Ни разу боевых магов не видела, — едва слышно произнесла одна.

— Вот дурёха, у меня знакомый боевой маг есть, они люди как люди, — шепотом ответила другая. — Вон, космонавты же тоже люди, хотя и летают в космос.

Мне стоило больших усилий не улыбнуться. Придумали тоже, космонавта с магом сравнили.

Девчата тихонько задвинули дверь в купе и начали шептаться дальше, обсуждая уже

события начала войны с Черной Ордой. Наверняка у многих из них в то время погибли родственники. Война коснулась всех, сжигая атомным пламенем людей и нелюдей, пожирая бесчисленными пастями монстров, отравляя колдовством.

Я снова дотронулся до висящих на шее обручальных колец.

Через некоторое время на меня плавно надавил силовым полем упругий невидимый барьер, созданный старыми богами для защиты города. Сила эта пропала сразу, как только миновали нематериальную крепостную стену. Это значило, что я уже в городе.

****

Совершенно черный, немного поблескивающий в лучах пробивающегося в полог леса солнца цветок, похожий на еще нераспустившийся бутон тюльпана размером с легковой автомобиль, висел в полуметре над палыми листьями меж стволов деревьев. Он не имел глаз, но пристально наблюдал всем своим естеством за ползущей по стальной колее вереницей вагонов, защищенных каменной стеной, железной лозой с многочисленными шипами и оружием человеческих особей, именуемых солдатами.

Он наблюдал за людьми, тихонько дотрагиваясь до их аур, стараясь не выдать себя. Он наблюдал и делился полученным знанием с тем, кто имеет Право Вершить. Он наблюдал, и в какой-то момент пришло эхо. Эхо гласило, что настал момент начать цепочку деяний, одну из тех, что сделает Цель ближе.

Координатор откликнулся согласием, а затем плавно поплыл среди лесных деревьев вглубь леса. Поплыл плести цепь.

ГЛАВА 2. СТАЖЕР

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

Поезд остановился, и я неспешно вышел из вагона, попрощавшись с проводницей. Над выкрашенным в салатовый цвет огромным вокзалом разлетелось повторяемое звонким эхом объявление: 'Уважаемые пассажиры, поезд, следующий по маршруту Стольный-Град-на-Неглинной — Дальневосточинск, прибыл на третий путь, стоянка сорок минут', доказав, что я окончательно вернулся домой.

Стоило мне только достать телефон, чтобы вызвать такси, сразу услышал рядом громкий голос.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться!

Я в недоумении повернул голову. Прямо передо мной стоял молодой вояка в парадной форме с курсантскими погонами и с нашивкой пятого курса. Честно говоря, я ещё не привык к своему воинскому званию, мне его вручили досрочно, прыгнув через одно, после уничтожения эмиссара чуждого зла.

— Я вас слушаю, — ответил я ему, глядя на этого черноглазого брюнета с правильными чертами лица снизу вверх.

— Курсант Сорокин прибыл в ваше распоряжение для прохождения стажировки! — бодро отрапортовал он, возвышаясь надо мной почти на голову.

— С этого места поподробнее, — немного растеряно произнес я, сбитый с толку таким поворотом событий.

Никто меня не предупреждал о стажёре, тем более, что их у меня никогда не было.

Бравый вояка протянул мне документы. Среди них обнаружили: командировочное удостоверение, план стажировки и предписание на неё, аж на целый месяц, продовольственный аттестат и прочее. Особое внимание я обратил на подпись своего начальника в графе согласование.

— Ну что ж, пошли, — махнув сжатыми в руке бумагами, поманил я за собой новичка. — Тебя как зовут?

— Владимир Сорокин, — бодро отрапортовал тот.

— Пойдём, Володя. Ты сам откуда будешь?

— Из Стольной Академии Боевой Магии.

— Как меня узнал? — спросил я курсанта.

Он молча достал из кармана распечатанную фотографию.

— Понятно. Ну что ж, пойдём, — вздохнув, еще раз произнёс я, а потом добавил с ухмылкой: — Стажер.

Такси, которое я заказал, пока шли, подскочило на привокзальную площадь буквально через три минуты. Под звуки шансона и звонкий голос фантомного навигатора, изображавшего смазливую девицу размером с ладонь, сидящую, закинув ногу на ногу, на передней панели машины, доехали быстро. Синтетический призрак всё время махал руками и ругался как 'гопотелка': 'Ну, ва-а-аще невозможно ехать. Ты са-а-ашёл с ма-а-аршрута. Чо за фигня. Маршрут перестроен, всё тока для тебя, а ты не ценишь'. Если бы поездка затянулась, то фантом бы начал раздражать, а вот водитель всё кричал и посмеивался, видать, только недавно приобрел, наиграться не успел.

В конце пути нас ожидал огороженный тщательно побеленным бетонным забором городок, типовой, как все казенные учреждения. В завершение картины поверх забора тянулась колючая проволока, а по периметру висели камеры.

На небольшом КПП мы прошли рамку детектора, после чего дневальный экипированный в боевое снаряжение, проверил документы, и отдав воинское приветствие, нажал на кнопку, разблокировав вертушку в проходе.

— Здесь обитает наша группа и группа 'Трассеры' с их отдельным батальоном поддержки, — прокомментировал я, обведя рукой территорию.

— Я знаю, был здесь, но меня не пустили внутрь, — ответил стажер.

— Правильно, что не пустили.

Когда вышли с КПП, курсант очень внимательно окинул взглядом ряд выделенных магам двухэтажных таунхаусов, облицованных бледно-зелеными квадратными панелями, офицерское общежитие и казарму. Из-за них бочком выглядывала крохотная застекленная столовая.

Пересеча плац, который пах размякшим от жары асфальтом, мы зашли в мой дом, самый крайний в ряду.

— Здрав буде, хозяин, — раздался хриловатый голос домового, стоило нам войти в дверь.

Я глянул в зал, который располагался на первом этаже и примыкал непосредственно к прихожей, совмещенной с лестницей на второй этаж. Дед Семён сидел на компьютерном столе и пялился в монитор. Кнопки на клавиатуре щёлкали сами собой, вводя текст, беспроводная мышь тихонько ползала по своему коврику, словно ленивый хомячок.

— Дед, ты совсем оборзел, — окликнул я бородатого старичка ростом с детский локоток, — своего хозяина не на пороге встречаешь?

— Я тебе потом в ножки бухнусь, боярин, — ответил домовой, не поворачиваясь, — как настроение на то будет.

— А оно будет?

— Незнамо то.

Я вздохнул и достал из чемодана коробку.

— Я тебе счётчики новые на горячую воду привёз.

— Другое дело, — крикнул домовой и, быстро растаяв в воздухе, материализовался в прихожей.

Он, демонстративно игнорируя курсанта, взял коробку и снова испарился, теперь в неизвестном направлении.

— Я только один раз видел домового, — тихо произнёс Сорокин, — и он поспокойнее был.

— Он вредный только на словах. Вот погоди немного, завтра за тебя возьмётся, поймёшь, что он адекватный дед.

— Извините, у вас кто-то умер? — спросил курсант, показав на фотографию девушки с чёрной ленточкой на уголке, и маленькой погасшей свечкой, стоявшими на тумбочке для обувных принадлежностей.

— Дед! — снова позвал я домового, недоуменно рассмотрев фотографию, поскольку точно помнил, что изображенная на черно-белом траурном снимке особа благополучно здравствовала на момент моего убытия в отпуск.

— Чего тебе? — отозвался тот, снова появившись рядом.

— Это что за прикол? — спросил я.

— Да, — махнул рукой дед Семён, — это у Оксаны опять заёбушек прилетел. Опять поминки по себе устраивает.

— Где она? Где, вообще, все? — нахмутив брови, задал я вопрос, намереваясь найти членов своей команды.

— Оксана с Ольхой в обители зла.

— Где-е-е? — протянув, спросил я.

— На каретном дворе. Ты же, боярин, туда стокма сил зла упрятал, что даже другие боятся соваться, называя сие место колыбелью чёрных сил.

— Понятно, — буркнул я, достав из чемодана большой пакет, — Пойдём, стажер, гараж посетим.

Мы снова выскочили на уличную жару. К городку примыкал парк техники, в который можно было пройти через калитку в запасных воротах. Среди нескольких хранилищ, технических помещений и контрольно-технического пункта было и моё место.

Стальные ворота в отдельное хранилище были открыты нараспашку, явив миру две единицы техники, для которых помещение было явно великовато, так как рассчитано оно на восемь машин. В одном углу висел традиционный пожарный щит, на другом технический уголок, оформленный по всем требованиям руководства по паркам воинских частей. Уголок для мага был совершенно ненужной вещью, но раз требовали, приходилось озадачивать подчиненных.

Стоило мне шагнуть внутрь, как оттуда с радостным воплем выскочила совершенно голая худенькая рыжая девчурка, которой на вид было не больше тринадцати лет. Она с разбегу повисла у меня на шее.

— Тихо, тихо, задушишь, — выдавил из себя я.

Девчурка спрыгнула на землю и, широко улыбаясь, уставилась на меня огромными зелёными глазами на веснушчатом лице.

— У меня подарки есть, — негромко сказал я, достав из пакета коробку конфет, небольшое зеркальце в деревянной оправе и коготь большого хищника на шелковом шнуре. Моя дикая подопечная любила сладкое, простые деревенские вещицы и коллекционировала кусочки разных зверей и птиц, то как когти, зубы, черепа, хвосты с лапками и шкурки.

Девчурка с детской непосредственностью взяла предметы и, не сказав ни слова, умчалась вглубь гаража, где одним махом заскочила на трехметровый металлический шкаф для уборочного инвентаря. Там она уселась, свесив ноги, и стала любоваться гостинцами.

Я поймал ошарашенный взгляд курсанта.

— Это Оляха. Она лесная нечисть, лесавка, умерший в лесу ребенок, заблудившийся двести лет назад. Она не говорит, но все понимает. Сразу предупреждаю, животных в доме мы не держим, если увидишь кошку или другую мелкую живность, то, скорее всего, это она. Не вздумай обижать, а то придётся накладывать швы от когтей и зубов. Если жив останешься. Она может и волчицей перекинуться, и рысью.

Стажер тихонько кивнул, а я перевёл взор на хмурую молодёжную компанию, сидящую на незанятом машиной месте и чертящую мелом пентаграмму на бетонном полу. Вся компания, разряженная и раскрашенная в чёрное, молча пялилась на меня. Три девушки и три парня возраста студентов-первокурсников ждали моих слов.

— Это что за сборище сатанистов? — не заставив ждать, спросил я. — Оксана, ты кого сюда притащила?

— Орден покорителей тьмы приветствует своего магистра, — ответила высокая бледная девушка с длинными волосами и блёклыми глазами, встав со своего места.

— Оксан, хватит дурковать, что это за спектакль?

— О, магистр, мы изучаем силы тьмы, дабы изгнать их с наших земель, — пафосным загробным голосом, проговорила новоявленная сектантка.

— Да, они тут клуб по интересам организовали, любители оккультных наук, — подала голос из угла ещё одна девушка.

Она лежала на шезлонге возле Тигра-М и глядела на экран планшета. Девушка была несколько старше, чем эта шестёрка ряженных, и одета в светлый легкий сарафан и босоножки. Причем даже в помещении она пользовалась темными очками.

— И ты не с ними? — спросил я у неё, показав пальцем на шестёрку любителей готики.

— Я такой дурью не увлекаюсь, — ответила девушка.

— А я, грешным делом, подумал, что тебе среди них самое место, как самому категоричному представителю темных сил.

Она состроила мне фигу.

— Не дожدهшься.

— А как они сюда прошли? — задал я очередной вопрос, который волновал меня не меньше самого факта их пребывания.

— Полковник Белкин решил, что здесь они принесут меньше вреда себе и окружающим. Все одно лучше, чем будут шарахаться по подвалам и руинам. И его вроде как просили присмотреть за молодежью с администрации района. Но деталей не знаю, сам у него спроси при встрече.

Я вздохнул и подманил Сорокина, решив провести небольшую проверку.

— Стажер, вы проходили экстрасенсорное восприятие?

— Да.

— Значит, вот тебе первое задание. Ты должен сосчитать, сколько в этом помещении людей, и сколько сверхъестественных существей. Ауры описываешь вслух.

Он крепко зажмурился и приложил пальцы к вискам, а потом подошёл к рассевшейся молодёжи, начав перечислять результаты своих видений.

— Парень, аура нормальная, радужная, судя по некой тусклости в грудной клетке — курит.

Я улыбнулся. Стажер пока правильно начал описывать ситуацию. Я тоже заметил отравление органов дыхания табачным дымом у этого незнакомого паренька.

— Девушка, аура нормальная, судя по дополнительной яркости в нижней части таза — у неё месячные. Девушка, аура нормальная, особенностей не вижу. Парень, аура нормальная, имеются зачатки экстрасенсорного восприятия. Парень, аура нормальная, судя по некоторым признакам — имеет недавно сросшийся перелом ключицы.

Я кивнул, а стажер тем временем запнулся, дойдя до Оксаны. Я хмыкнул. Людей больше в помещении не было. Осталась только нечисть и нежить.

— Девушка, — неуверенным голосом продолжил Сорокин, — аура тусклая, серая с вкраплениями голубоватых линий. Имеется красная пульсирующая клякса, говорящая об очень сильной травме, технически мало совместимой с жизнью.

— Несовместимой, — поправил я стажера.

Он открыл глаза и, нахмурившись, посмотрел на Оксану, а та даже не моргнула.

— Она потом тебе все уши прожужжит, как её, невинный цветок жизни, изнасиловал и

утопил в речке маньяк. Она нежить, навья, русалка в исконно славянском понимании.

— Так на человека похожа, — пробормотал он.

Я хлопнул курсанта по широкой спине.

— Она не так давно была человеком, не парься, в нашем городе это вполне обычно. Ещё не такое увидишь. Кстати, Оксана — наш штатный стрелок. А теперь опиши Ольху, а потом Свету.

— Свету? — переспросил стажер.

— Девушку в шезлонге, — уточнил я.

Сорокин снова зажмурился.

— У Ольхи очень контрастные оттенки ауры, преобладают всполохи оранжевого и зелёного цвета. Светлана. Аура яркая, но цвета мягкие, приглушённые, можно сказать, пастельные. Преобладают холодные оттенки, в то же время длинные яркие-красные нити тянутся к людям. Она кто?

— В официальных документах подобные ей называются гемозависимая нежить с синдромом Дэ. В народе — вампиры.

— Да ну нафиг! — вырвалось у Володи. — Настоящая вампирша.

— Да, настоящая. Она у нас штатный водитель. Будешь этот месяц тесно с ней работать. Дальше.

— Здесь кто-то ещё есть?

— Да. Посмотри за нашим бронеджипом.

Стажер обошёл машину по кругу, ожидая подвоха. Я последовал за ним, подойдя к приютившейся в углу боевой машине пехоты БМП-2. Та была раскрашена в чёрный цвет, а на броне красовались рисунки и письмена индейцев Майя, выполненные позолотой. Металлические полосы на ребристом листе словно специально были созданы как разлиновка для древней письменности. К вооруженной тридцаткой башне были прикреплены веревками, продетыми сквозь приваренные к броне кольца, человеческие и звериные черепа.

Стажер аккуратно прикоснулся к острому носу гусеничной машины и сразу отдернул руку.

— Там кто? — спросил он.

— Там импортный демон ночи и луны. Читай ауру.

— Очень яркая, серебристая с жёлтыми и красными всполохами. И мельтешение какое-то ещё.

— Хорошо. Дальше.

— Ещё есть?

— Угу, — довольно подтвердил я.

Сорокин зажмурился и стал вращать головой.

— Не могу понять. Блёклая тёмная аура, но она словно размазана по хранилищу. Не понимаю.

— Открой глаза и посмотри вверх, — с лёгким вздохом ответил я.

Стажер поднял глаза и нервно сглотнул. По потолку разливалась медленно колышущаяся, как нефть по водной глади, субстанция, из которой на нас глядели сотни маленьких глаз.

Сорокин молча замер, таращась на это создание.

— Мягкая Тьма, — пояснил я, — совершенно безобидный, хоть и страшноватый на вид

древний демон эпохи неолита. Очень ранимый.

Стажер не ответил, лишь легонько кивнул.

— Я сейчас подарки им вручать буду, всё-таки месяц дома не был.

Я в очередной раз наклонился к пакету и достал большой стеклянный шар с призрачными мотыльками внутри, они слегка светились, порхая по сфере. С потолка вниз спустилось тонкое чёрное щупальце, подхватившее сувенир. Следующим я достал черепок небольшого зверька в полиэтиленовом пакете и связку из семи золотых монет.

— Это для кого? — спросил стажер, рассматривая странный подарок.

— Для неё? — махнул я рукой в сторону БМП.

— Она женщина?

— Я тоже обалдел, когда узнал. Но ничего, привык.

Тем временем со стороны боевой машины к нам подскочило два полупрозрачных суслика, созданных демоницей себе в услужение из плотной ночной тени. Сквозь призрачную плоть чернели кости зверьков. Существа схватили пакетик и монеты, и убежали восвояси.

— А кто прекратит дурачиться со всякой хиромантией, тот тоже получит подарок, — громко произнёс я, достав из коробочки миниатюрный револьвер.

— Умеешь ты убеждать, — буркнула Оксана. — Всё ребята, расходимся.

Молодежь повставала со своих мест и, перешептываясь, направилась к выходу.

— Дашь потом заценить рев? — спросил напоследок один паренёк из готической компании, тот самый, у которого был перелом ключицы.

— Дам, еще и на тебе испытаю, — ответила навья, подойдя ко мне, — будет одним умертвием больше.

Я подождал, пока молодёжь не уйдет, а потом отдал оружие с синей рукоятью. Девушка тихо пробормотала мне: 'Спасибо', и прошла мимо неподвижно стоящего курсанта вслед за друзьями.

Стажер подошёл ко мне, с любопытством рассматривая то чёрный потолок, то дико размалёванную БМП, то наш внедорожник.

— Я в Новониколаевск прибыл только вчера. Мне показалось, что это обычный город, а теперь вижу такую ерунду. Товарищ капитан, тут всё такое ненормальное?

— Бывает по-всякому, — ответил я. — Завтра покажу, а сейчас постой на солнышке, отдохнись. Ты и так перенапрягся с экстрасенсорикой.

Он вышел из хранилища, а я поднял в руке коробочку с ещё одним револьвером, почувствовав едва заметные колебания маго-поля.

— Спасибо, — произнесла Света, которая всегда пыталась подкрасться ко мне незаметно.

Она взяла подарок, быстро чмокнув меня в щеку, а потом спросила.

— Он к нам надолго?

— На месяц, — ответил я и посмотрел на девушку. — Света, он не для еды, ты меня понимаешь?

— Понимаю, — произнесла она, неотрывно глядя на стажера как кот на мышь, и прикусив острыми зубами губу. — Но, вот, четвёртая отрицательная... эх.

****

Координатор Диверсий наблюдал, как единицы разума, посланные для исполнения деяния цепи, притаились под чревом огромного механического раба, созданного людьми для перемещения вещей. Чрево рычало, пожирая кровь Земли, сжигая его в себе, получая от него движение. Раб, не имея своей воли и направляемый человеком, двигался в гигантское становище людей, сотворенное из камня, металла и стекла. Становище, наполненное пещерами-кубами с множеством нор. Становище, накрытое незримой сферой-панцирем.

Они посланы подтвердить или опровергнуть знания о предстоящих событиях, ибо прошёл шепот.

ГЛАВА 3. СУПЕРМАРКЕТ

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

Стажера я разместил на чердаке — там тоже была оборудована небольшая комнатка для внезапных незваных гостей. Конечно, можно было бы его отправить в казарму батальона поддержки 'Трассеров', но это мой стажер, а не их.

Был вариант поселить его в жилище Николая, но там же обитала и Света, которую наш православный чудотворец взял на перевоспитание. Не хотелось бы провоцировать вампиршу, особенно таким деликатесом. У Ангелины с Александрой, проживавших вместе, тоже не совсем этично оставлять молодого паренька.

Курсант, впрочем, был не против чердака.

Достав ему запасной комплект постельного белья, и показав, где находятся стиральная машинка, душ и туалет, я уединился в своей спальне, расположенной на втором этаже дома. Что говорится, приятно иметь дополнительные плюсы от должности боевого мага, да и зарплата раза в четыре выше чем у того же комбата. Но маг, на то и маг, чтоб взамен привилегий с него требовать невозможного.

Я с тоской поглядел на пустующую половину двуспальной кровати. Уже полгода пустующую. После смерти Анны я так и не встречался ни с кем. Первые месяцы её изуродованный труп всплывал перед глазами, стоило их только прикрыть. И хотя сейчас полегче стало, но боль потери, все еще не стала шрамом на душе, периодически кровоточа. Хорошо, хоть команда став для меня новой семьей, не давала сойти с ума от горя и одиночества. На стене комнаты посреди многочисленных в своей бесполезности грамот и фотографий с момента вручения медали, где мне руку пожимает начальник управления боевой магии, висели фотки нашей группы. Вот мы на Темном море, вот в зоопарке, а вот в тайге на привале с шашками. Все вместе, одной дружной семьей. Люди и нелюди.

Вздыхнув, я включил в розетку домашний генератор мага-поля, питавший синтетических призраков, артефакты и волшебные палочки, а следом запустил ноутбук. Сразу же рядом с экраном возникла прозрачная фигурка техномагического фантома размером традиционно с ладонь. На этой неделе она изображала старика Хоттабыча. Я периодически менял фантому оболочку, чтоб не надоел. А если вдруг найду облик, который понравится, оставлю насовсем. Но пока этого не было.

Искусственная сущность замерла, дожидаясь, пока догрузятся с диска её файлы, а потом склонилась в приветствии.

— Тысячи лет процветания тебе, о, мой повелитель.

— Новости, — коротко озадачил я поискового синт-духа.

— Как угодно моему повелителю, — отозвался джинн, а затем сменил облик.

Миниатюрная женщина в деловом платье-футляре начала перечислять последние события дикторским тоном. Под её приятный голос на экране появлялись видеоролики, соответствующие новостям, а в воздухе материализовались объемные пиктограммы, которые можно было взять рукой и положить в карман, чтоб потом использовать как ссылку на любом другом цифровом устройстве, оснащённом магоблоком. Они совсем ничего не весили, а на ощупь были как слабо надутые воздушные шарики.

Слушая новостной поток, я откинулся на подушку и поднял руку, сотворяя магическую

пчелу. Волшебное насекомое размером с синицу возникло из воздуха, деловито пожужжало, а потом село на раскрытую ладонь, цепляясь колючими лапками. Я аккуратно сжал в кулаке существо, которое было на ощупь мягким и тёплым как хомяк, и только слюдяные крылышки жёстко шуршали по коже. Это было мое детище, созданное изначально как фонарик-ночник, и превращенное потом в оружие. Каждая из таких пчел могла взорваться как ручная граната, разве что без осколков. Для этого ей нужно было только напитаться энергией. Пчела могла иметь и другие функции. После памятных событий я не ложился спать, пока хотя бы парочка таких созданий не ползает по стене комнаты или летает над головой. Боялся.

— Сегодня в Пекине состоялась встреча глав государств... — тем временем читал голос.

— Дальше, — прервал я её, заставив замереть и пропасть изображение Китайского мегаполиса с высоты птичьего полета.

— В ЮАР произошло нападение группы лесных демонов на пригород Йоханнесбурга, мотивация неизвестна, количество жертв уточняется. Власти страны обратились в ООН с просьбой оказать содействие в урегулировании ситуации.

— Запомнить, — приказал я.

Надо будет держать на контроле, как бы не послали урегулировать.

— Дальше.

— Патриарх выразил негодование по поводу инцидента, в котором малое божество из свиты Сварога нарушило границы православного монастыря, — продолжила комментировать фантомная дикторша, указав ладонью на стучащего посохом священника, — Патриарх призвал ускорить мероприятия по выдворению нечистой силы в особую зону.

Знаем мы эту зону, живём в ней. Это значит, опять придётся ждать наплыва произвола сосланной нечисти. Всех не вышлют, погрозят пальцем, пообещают пожаловаться высшим или развеять, да оставят, тем более того, из свиты одного из самых сильных славянских богов, а вот буйных одиночек могут отправить.

— В северо-западном районе Новониколаевска произошла стычка с силами Черной Орды. Жертв среди мирного населения нет. В ходе инцидента пострадало шесть военнослужащих из числа группы сопровождения коммерческого транспорта по опасной зоне.

Мелькнула карта с анимированным курсором, обозначая район событий.

— Зафиксирован новый случай массовой резни в районе Восходящей Улицы. Паранормальная сущность, которую удалось идентифицировать как Мясника, ворвалась в салон сотовой связи и убила пять человек. Нападавшему удалось скрыться.

На экране ноутбука показывали забрызганные кровью витрины, полицейских, складывающих в пластиковые мешки замазанные крупными пикселями фрагменты тел, раскуроченный стол с пайпадами и прочей электронной безделицей. А потом черно-белый стоп-кадр с камер наблюдения отобразил темное человекоподобное существо.

Я медленно поднялся с кровати, неотрывно глядя на замершую картинку. Сомнений почти не было, это действительно Мясник. Но ведь я его убил. Я его выследил и убил. Сколько их? Двое? Трое? Конвейер? Внутри всё затряслось от злости. В растопыренную руку скользнула, лежащая на столике Игла. Колдовской клинок, данный мне хозяином леса в дар, которым я располосовал тогда эту тварь.

Нудно зазвонил телефон, но только через минуту я пересилил себя и взял аппарат.

— Егор, у тебя всё в порядке? — раздался оттуда голос Александры. Наш штатный

экстрасенс живёт через дом, но ей не составляет труда сканировать весь городок своим повышенным восприятием на предмет всяких необычностей, а уж настроение начальника она отслеживает даже во сне.

— Александра, — начал я, а потом добавил сокращенный вариант имени, несмотря на то, что она его не любила, — Сашенька, Солнышко, помнишь тварь, которая убила Аню. Она жива, или это дубликат. Не знаю. Знаю только, что он снова в городе и убивает.

— Егор, мы его вычислим, — медленно произнесла Белкина, каким-то тоскливым голосом. — Все вместе. Слышишь? Вместе.

— А вдруг за ним будет новый? Надо вычистить всю эту заразу на корню. Всех этих вторженцев. Всех, — зло выдавил я.

— Надо, но за один день это не получится.

— Знаю, — тихо согласился я, опустив голову и уставившись на колдовской кинжал.

— Тебе сейчас тяжело. Я понимаю. Но постарайся отвлечься, сходи куда-нибудь, займись какой-нибудь простой работой. Хорошо?

— Хорошо, — ответил я, сбросив вызов, закрыл глаза и сосчитал до десяти, а потом легонько бросил на кровать кинжал. Большой янтарь, красовавшийся на навершии рукояти, сверкнул оранжевыми искрами в своей глубине.

— Хватит новостей!

— Слушаю и повинуюсь, — ответил фантом, вернув себе облик Хоттабыча.

Права Сашенька, пойду, займусь стажером.

Я поднялся по лестнице. Дверь была не заперта, и я вошёл. Сорокин в это время раскладывал на кровати свои вещи. Там уже валялись планшет и комплект умывальных принадлежностей. При моем появлении он выпрямился с полотенцем в руках, ожидая моих слов.

— Ну что ж, Володя, сейчас мы будем из тебя делать жителя нашего города. Для начала возлагаю на тебя ответственность по уходу за цветами на лоджии. Если не справишься, то считай стажировку проваленной.

— Это там? — спросил он, показав на стеклянную дверь, ведущую к небольшому чердачному саду под прозрачной поликарбонатной крышей. — Там ещё какая-то живность в цветах. Я посмотрел. Там листья шевелятся, словно кто-то бегает между ними.

— Нет там никаких животных. Это растения шевелятся. Жена коллекцию собирала, очень редкие виды из современных демонических тропиков, поэтому окно на лоджии не открывай. Чего доброго, замёрзнут.

— Растения шевелятся?

— Да. Инструкция на стене висит. Это на такой случай, чтоб кто-нибудь из команды мог поухаживать в моё отсутствие. Это всё что от жены осталось, они мне дороги как память о ней. Ясно?

— Так точно, — негромко ответил Сорокин.

— Если понял, перейдём к следующему вопросу. Ты индивидуального стража давно обновлял?

— У меня его нет. В академии стоит один на всех. Нам его хватало.

Я поднял руку, а потом сжал кулак. Из воздуха на уровне лица возник ангел в доспехах и лицом, скрытым под глубоким капюшоном. Вместо крыльев за спиной медленно колыхались светящиеся, как спираль тусклой лампы накаливания, многочисленные нити-щупальца. Размеры у него были такие же, как и у всех синтетических духов — с ладонь взрослого

человека. Страж боролся с призрачными аналогами компьютерных вирусов, энергетическими паразитами, втихую питающимися от мано-генератора, и проявлениями мелкой нечистой силы.

Теперь все стражи — ангелы. Церковь приобрела себе компанию Сапёрского, и таким вот незатейливым образом борется с ересью и постоянно напоминает о себе. Страж, помимо своих функций, периодически озвучивает православный календарь и напоминает об опасности язычества. Впрочем, терпеть можно, он не навязчивый, а приобретя платную версию можно сменить стражу оболочку — канонический иконный облик жутко надоедает. Я, вот, поставил себе персонажа из популярной компьютерной игры.

— Это не столица, где нужна защита только от надоедливых рекламных мороков, — наставительно произнес я, — Это город старых богов и нечисти. Ты же только начал разбирать сумку?

Стажёр кивнул.

— Сейчас проведём диагностику твоего имущества. Страж, анализ объёма вокруг меня в радиусе десяти метров! — приказал я.

Ангел-хранитель поднял перед собой ладонь и медленно провёл её слева направо.

— Ух, ты, — вырвалось у Сорокина, когда начали проявляться различные сторонние чары.

Вскипел чёрной пеной планшет, по вещам вяло побежала разноцветная плесень. Зашебуршались в сумке всевозможные неприглядные паразиты.

— Обнаружено шестнадцать незарегистрированных в домашней энергосистеме модулей, — начал отчёт страж. — Семь призраков отложенной рекламы сомнительных товаров, четыре маячка, пять проклятий.

— Классификация проклятий, — приказал я.

— Во-первых, проклятье на цифровое устройство с целью выведения из строя, совмещённое с рекламой сервисного центра. Вызывает искру на процессор. Во-вторых, проклятье на продукты питания, вызывающее их обезвоживание. В-третьих, проклятье на сумку, вызывающее поломку застёжки-молнии, предположительно, баловство. В-четвёртых, два проклятья на здоровье. Одно вызывает тошноту при употреблении алкогольной продукции, второе отложенная смерть от инсульта.

Я задумался. Тошнота — это так, мелкие шалости, старые ведьмы любят накладывать, стараясь отвадить молодёжь от пива, а отложенная смерть — это серьёзно, это уголовное дело.

— Принадлежность отложенной смерти.

— Не установлено.

— Маячки.

— Один не установлен, три имеют подписи.

— Прочитай, — приказал я, достав из кармана блокнот с авторучкой.

— Первое: сия свинья гадит, не глядя, — произнёс страж, — сообщение анонимно. Второе: содержит номер телефона и воздушный поцелуй. Третье имеет подпись Темновой Светланы, по прозвищу Малокровка. Текст гласит: моё.

— Ну что, — произнёс я, обращаясь к Сорокину, — убедился в необходимости стража?

— Да, — хмуро ответил тот, а потом спросил: — меня убить хотели?

— Хотели. Сейчас часто такое попадает. Половина таких смертоносных сюрпризов точно является приветом из Чернолесья.

— А маячки?

— Бросать надо мусор в урну, глядишь, всякие дворовые духи не будут обидные этикетки клеить. Поцелуйчиками малолетки балуются. А со Светой я поговорю.

Я повернулся к ангелу-хранителю, равнодушно вззирающему на нас.

— В список разрешённого внести тошнотики и маркер от Малокровки. Остальное развоплотить.

Страж перекрестил комнату. Незаконные чары вспыхнули ярким золотистым пламенем, прежде чем погаснуть.

— Не идентифицированный маячок не поддается удалению, — произнес ангел-страж, заставив меня еще сильнее нахмуриться.

— Отправить информацию в сервисный центр.

— Будет исполнено.

— Я поставлю, — пробормотал стажёр.

— Вечером, — вздохнул я, решив не нагнетать обстановку. — Сейчас идём в торговый комплекс, будем дальше из тебя жителя нашего города делать, а то сдохнешь на следующий день.

Я подождал, пока Сорокин не наденет джинсы и футболку, и не вытащит из сумки кроссовки, после чего мы вышли из дома.

— Мы сейчас пойдём в торговый центр, там кое-что купишь. Если денег нет, я займу. Скидочную карту дам, у меня она эксклюзивная.

— Что мы будем брать? — спросил стажер, на ходу проверяя карманы в надежде там найти, что-нибудь интересное.

— Увидишь.

Мы миновали КПП. И снова пошли по мягкому от жары асфальту вдоль улицы. Ехать на общественном транспорте не хотелось, во-первых, идти было недалеко, всего полчаса, а во-вторых, в автобусе гораздо душнее, чем на воздухе.

Пока шли, курсант с любопытством рассматривал проезжающие мимо нас автомобили, заглядывал в витрины магазинов и аптек, наблюдал за прохожими. Видимо, он пытался найти то особенное, что отличало наш город от остальных. Оно, конечно, есть, но надо знать, где искать, чтоб найти. Я знал, а он нет. Вокруг всё было привычным для жителя мегаполиса. Даже рекламные призраки возвещали не о конце света или пришествии высших сил, а распродажах и новинках сезона.

Торговый центр встретил нас вращающимися дверями и эскалатором посреди атриума, многочисленным разношерстным народом и огнями рекламы.

— На обратном пути купим продукты и вино, по случаю прибытия из отпуска. Вся команда в гости придёт. А сейчас на самый верх, — известил я о своих планах стажера, когда зашли внутрь.

На четвёртом этаже у Сорокина забежали глаза от любопытства. Ещё бы. Только у нас колдовство продавалось не в специализированных магазинчиках, а открыто и в таком масштабе. Можно было открыто и без оглядки купить всё, что угодно, от заклинаний к волшебным палочкам, до лицензированных артефактов.

Я подошёл к одному павильону и чуть ли не силой протянул застывшего с открытым ртом курсанта. Он замер в проходе, когда увидел первых нелюдей, бродящих в толпе. Я мельком бросил взгляд на группу псоглавцев, которых на западный манер иногда называли гноллами. Рыжая самка с белыми подпалинами, тащила пакеты с продуктами, а рядом с ней

бегала троица мелких щенков. Детёныши ещё не в полной мере освоили прямохождение и периодически становились на четвереньки. Один раз она громко рывкнула, вздыбив шерсть на загривке, когда малец с чёрной спинкой попытался залезть в пакет и достать конфеты. Тот, тихонько заскулив, отбежал от нее на три шага и стал обиженно плестись сзади.

— Неприлично пялиться, — шепнул я на ухо курсанту. — Пойдём.

Стоило нам переступить порог павильона, как к нам, улыбаясь, подошла миловидная девушка, снабженная бейджиком сотрудника.

— Здравствуйте, чего-нибудь желаете? — затараторила она дежурную фразу.

— Здравствуйте, — ответил я приветствием на приветствие и указал ладонью на стажера, — будем сейчас моего молодого коллегу снаряжать. Приехал из столицы. Мы сами справимся, если что позову.

Девушка кивнула и побежала встречать другого клиента, который пришел поглядеть на ассортимент. Я же придирчиво оглядел Сорокина с ног до головы.

— Ты у нас воин и маг.

— Это типа как в компьютерной игре? — крутя головой по сторонам и рассматривая ярко освещённые витрины, спросил стажер. — Класс персонажа.

— Не ёрничай. Старые боги чётко разделяют свои сферы влияния по роду занятости человека. Вот смотри.

Я поднял со стеллажа небольшую, залитую в стеклопластик, стилизованную под старину статуэтку, так что получался прямоугольник со сглаженными рёбрами по габаритам и форме похожий на зажигалку. Фигурка внутри была раскрашена в красный и золотой цвета, а молнии, что держал божок, блестели серебром.

— Вот это, — продолжил я, — малый идол Перуна. Он испокон веков был покровителем дружины, перенеся свои божественные функции на современные силовые ведомства. Имея этот идол, можно пользоваться благословениями и прочими полезными плюшками этого божества.

— Я в богов не верю.

— Не нужно верить, достаточно просто купить и пользоваться.

— А им тогда какая польза?

— Через тебя они соберут разлитую в пространстве энергию, пока ты пользуешься благами. На, — я вручил ему небольшую пластиковую карточку с изображением Перуна и исписанную глаголицей, — это малое благословение ратника. Прикладываешь ко лбу и произносишь фразу: Перун, дай мне сил. Бодрит на несколько часов получше банки кофе.

Стажер принял карточку, и с любопытством повертел перед собой.

— А это? — взял Сорокин со стеллажа другую статуэтку.

— Это идол Макоши, покровительницы женских ремёсел, осеннего плодородия и летнего дождя. Это чисто женское божество, оно тебе бесполезно. Возьми лучше вот это.

— Что это?

— Мара, богиня зимы, смерти, справедливости и колдовства.

— Зачем мне она?

— Ты чем слушал? Я ж говорю, она богиня колдовства. Порой неплохо помогает сообразить с заклинаниями. Пока сам не научишься толком, лучше иметь с собой. Потом лучше взять Белбога на удачу, и обязательно Дажбога.

— Дажбог, это кто? — спросил Сорокин, набрав пачку разных карточек благословений, и перебирая их как кредитки.

— Это Солнце. Как говорили наши предки, все мы дети солнца. Возьми, не пожалеешь. Мне один раз очень помогло. Занятная история тогда вышла, потом расскажу. До сих пор радуюсь, что жив остался, — ответил я, а потом продолжил. — Пожалуй, хватит. Разве что ещё парочку наших местных звёзд — хозяина тайги и хозяйку реки Топь. Это из чистого уважения. Занятные они личности, пришлось пообщаться.

— Товарищ капитан, вы что ж, с богами лично общались?

— Нет, что ты. С китайскими или древне-шумерскими, например, нет, они у нас не водятся, а вот с славянских почти всех видел вблизи. Ах да, надо статуэтку Чернобога взять.

— Товарищ капитан, Чернобог-то зачем? Остальные-то понятно, а этот-то зачем? — недоумевая, спросил стажер, когда я вручил ему прямоугольничек с угольно-чёрным сердитым дедом внутри.

— От местной мафии откупиться, — ответил я, протянув обозначенную статуэтку.

Мы долго ещё передирали божественные товары, еле вытащил паренька оттуда. Вернулись в городок поздно. Курсант тащился молчаливо, держа руку на специальном чехле, похожем на небольшой патронташ охотника, который вешался на брючной ремень. Уже подходя к дому, слышали звонкий молодой голос.

— А, вот ты где, крысёныш!

Мы обернулись. Нас быстрым шагом догоняла Ангелина. Она, как всегда, была коротко стрижена и одета в стиле унисекс.

— Тебе сейчас по сопатке настучать или на завтра оставить? — сходу спросила девушка, метая молнии из светло-голубых глаз.

— В чём дело, — усталый, но заинтригованный, спросил я у высокой подтянутой блондинки, которая была одного со стажером роста, но гораздо тоньше, что вполне естественно для девушки. Но я то сам был не очень высок со своими метр семьдесят, и они на полголовы возвышались надо мной.

— Представляешь, этот типец хамит всем кому ни попадя. Я спокойно стою у банкомата на КПП, а этот толкнул и дальше пошёл. Я его зову, мол, ты хоть извинись. А он, знаешь что? Мол, соси свою карамельку дальше, додик. Я за ним, а он швабру в турникет вставил и вякает, я ж говорю, соси. Я его сейчас прихлопну!

— Остынь, не знает паренёк порядков, научится, — произнёс я. — Уважение к старшим со временем приходит.

— И с кровавыми соплями, — добавила Ангелина, хрустнув костяшками пальцев.

— Мы ж, вроде, ровесники, — подал голос Сорокин. — Что я извиняться-то должен?

— Я его сейчас урою, — процедила магесса.

— Успокойся, Ангелина, — произнёс я.

— Вообще-то, я думал, что это пацан такой недоделанный, — брякнул Сорокин.

— Что?! — окончательно вскипела магесса, готовая ударить курсанта. А бить она умела, вкладывая в каждый удар еще и магический импульс. Сам видел, как она кулаком вмятину оставляла на дверце сейфа.

— Стоять! — прокричал я, и, скрипя зубами, прибавил: — значит, слушай сюда, Володя, это лейтенант Фотиди, она боевой чародей высшей категории отряда боевых магов Зверобой, командиром которого я являюсь. Ангелина, это курсант Сорокин, прибыл для прохождения практики из столичной академии боевой магии.

— Ну, ты попал, стажер, — с недоброй ухмылкой процедила магесса.

***

Координатор замер над волнами медленно текущей реки. Замер совсем рядом с прозрачным панцирем человеческого города, раскрыв черные лепестки. Он ловил эхо, идущее от капли деяния, вплетая его в свой поток решений.

Эхо гласило: наблюдатели успешно прошли в логово врага, составляя иллюзию подобия места, делая слепки аур людей и нелюдей, получая знания.

ГЛАВА 4. КАРТОШКА И ВОЛШЕБНЫЕ ПАЛОЧКИ

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

— Без рук, я сказала, — донёсся с кухни голос Ангелины, заставив меня бросить переключивание вещей в шкафу после приезда.

Я спустился со второго этажа, чтоб увидеть заинтриговавшую меня ситуацию. В воображении даже промелькнул сценарий неприличных событий. Конечно, боевую магессу трудно обидеть, но в нашем мире случается всякое.

Представшая глазам картина заставила улыбнуться. Наша незабвенная Фотиди дрессировала Сорокина, давая самые разные нелепые задания. Сейчас стажер, высунув язык, одним лишь телекинезом держал картофелину и кухонный нож в воздухе перед собой, подставив снизу под клубень для подстраховки ладонь. При этом он должен был почистить овощ. Движения у него получались корявые, а картошка и того хуже, её словно топором обкромсали.

— Тоньше очистки, тоньше, — приговаривала девушка, держа в руках небольшой черпак явно не для того, чтоб им орудовать у плиты, а скорее в роли оружия.

— Тяжело, — ответил Сорокин, облизав пересохшие губы.

— Зато полезно как для боя, так и для ума, — огрызнулась Ангелина.

Я ухмыльнулся. Зная мстительность и взбалмошность Фотиди, можно быть уверенным, что такие кары продлятся до самого окончания стажировки.

От дверного звонка до меня донеслось мелодичное попискивание.

— Это, наверное, Бельчонок, — предположила Ангелина, — пойду, открою.

— Остолопом занимайся, сам открою, — ответил я ей, и направился к входу.

Немного не доходя до нижней ступени, я прикоснулся магией к замку. Дверь щёлкнула, повернув ручку, и на пороге появилась Светлана, неся торт и небольшой пакет. Вампирша весело напевала под нос какую-то незатейливую песенку из разряда 'хорошо живёт на свете Вини Пух'.

— А где Белкина? — спросил я у неё.

— Скоро будет. Кар-Карыча покормит и придёт.

— Этот гордый птиц может и со стола поесть.

— Она ему витаминки скармливает, — ответила Света и, ловко скинув босоножки, в два прыжка проскочила мимо меня на второй этаж.

Я покачал головой. Никак не привыкну к тому, что вампиры быстрее человека. Не всегда сильнее, но вот быстрее — да. Пришлось плестись вслед за ней.

— Что это за негуманное обращение с военнопленными? — спросила Света, кивнув на курсанта, и выкладывая на стол содержимое пакета.

— Меры профилактики и воспитания, — ответила Ангелина, в очередной раз звякнув Сорокина черпаком по голове.

— Бить-то зачем? — огрызнулся стажер.

— Это отвлекающий фактор.

— А я ему тут волшебную палочку принесла, из своих старых, и книгу заклинаний, и хрустальный шар, — произнесла вампирша.

— Света, — произнёс я в сторону бледной девушки, — методы не гуманные, но он должен научиться владеть собственной силой, а не заёмной. Он боевой маг, а не пользователь колдовского сучка.

— Я всё равно покажу ему, как пользоваться.

— А я думаю, что они уже проходили. Ведь проходили? — обратился я уже к Сорокину.

— Неа, — ответил тот. — У нас их пока ещё нет.

— Палочек нет? — изумился я. — Это ж самое элементарное.

— В столице их, видимо, пока не выпускают в массы, церковь, прошу прощения за каламбур, палки в колёса ставит, хочет иметь монополию на чудо. Была бы их воля, они весь наш город на костёр пустили, — высказала мысль Ангелина, опершись острым локтем на плечо стажера, отчего тот скривился.

— Я расскажу, — тут же вставила слово Света и, не дожидаясь моего разрешения, продолжила. — Палочка она как мышка для компьютера, чисто для управления. Долго тыкались, пока не решили, что старинная методика комбинации волшебного слова и жеста палочки — самое лучшее.

Вампирша вытащила на свет длинную деревянную спицу, покрытую лаком. Волшебную палочку она отдала Сорокину, а следом протянула небольшой кожаный чехол, похожий на подсумок от гранаты. Володя щёлкнул застёжкой и вытащил из чехла хрустальный шар размером со сливу.

— Да-да, — продолжила вампирша, — это главное в прикладном колдовстве. Конечно, до магии настоящего чародея артефактная недотягивает по мощности, но ведь подавляющее большинство населения — обычные люди, которым волшебство совсем не ведомо. Чародеям тоже шар полезен, если лень делать что-то самому или силы кончились. А вот ещё.

Девушка достала из пакета небольшой блокнот в чёрной кожаной обложке.

— Это волшебная книга — в ней хранятся инструкции к заклинаниям, записанным в шар. Этот шарик — мобильная версия, его нужно периодически заряжать от мана-генератора, или привязывать к домашнему источнику силы. Колдун при должной сноровке может и своими силами артефакт зарядить, но это долго, муторно и не эффективно.

Сорокин открыл волшебную книгу и тут же криво усмехнулся.

— Это розыгрыш, да?

— Почему ты так решил? — спросила Света.

— Книжка-то электронная.

— Двадцать первый век на дворе, — взял я слово, — на бумаге только подарочные экземпляры делают. Можешь к смартфону привязать шар вместо книжки, если в нём есть маго-блок.

— Понятно. А как это работает?

— Как — как, синхронизируешь шар через мана-генератор с компом и скачиваешь заклинание, как на флешку. Потом пользуешься.

— Здорово. Можно я попробую?

Я кивнул. Сорокин полистал книжку, хмыкнул, а потом дотронулся до злосчастной картофелины кончиком палочки и произнёс 'Тубер Мунди'. Клубень взлетел в воздух и медленно завертелся. От него стала отделяться тонкая ровная спиралька кожуры.

— Вот бы сразу, а то по голове, да по голове.

Я хотел прокомментировать, но снова раздался дверной звонок, откладывая нравоучения на потом.

— Володя, открой, а то чувствую, тебе опять ковшиком прилетит.

Стажер быстро подскочил и умчался, а потом так же быстро поднялся обратно.

— Там эти, которые с Оксаной в чёрных балахонах.

— Чего хотят? — спросил я.

— Молчат, ненормальные.

— Слушай, займи их чем-нибудь, Оксана придёт, поговорю, чтоб домой больше не приглашала.

Курсант, цепляясь рукой за перила, опять умчался вниз. Через некоторое время из зала донёсся громкий звук какой-то игры, запущенной на приставке. Вскоре Володя снова поднялся наверх.

— Вот дурные, они словно джойстик первый раз в руках держат, — громко проговорил он, не стесняясь того, что его могут слышать гости, а потом перевёл тему разговора: — А палочкой в доме всё можно делать?

— Можно всё, но нужно настройки производить. Возни много, — ответил я, открывая холодильник, чтоб проверить, остыло ли вино.

На подоконнике материализовался дед Семён.

— Боярин, я счётчики поставил. Они работают токма тогда, когда вода горяча. Экономия. Вот.

— Нет тут никакой экономии, — буркнул я, — счётчики денег много стоят, вся экономия коту под хвост.

— Ну, так, не моих же денег стоили, — крикнул домовой.

— Дед, я тебе поражаюсь! — выпалил я. — Ты у меня их полгода выпрашивал. Знал, что платить мне за них.

— Ну так, низкий поклон тебе, боярин, — с ехидцей ответил домовой.

— Товарищ капитан, у вас такая разношёрстная команда, как так получилось? — спросил Сорокин, не отрывая взгляда от домового.

— Я когда-то на курсы переподготовки попал, переучивали на боевого мага из обычного научного сотрудника, видите ли, нашли у меня предрасположенность. Там в лесу подобрал Ольху, она как кошка увязалась за мной, а у меня не хватило сил бросить маленькую беззащитную лесавку. Да и, вообще, про меня шутят, что вся эта сверхъестественная братия липнет ко мне, как мухи на варенье.

— Я был первым, — подняв палец, произнёс с пафосом дед Семён.

— Да, дед первым был, его за мной просто-напросто закрепили в принудительном порядке, внесли в опись квартиры, но ничего, сдружились. Потом Оксану приютил.

— Товарищ капитан, а Оксана с Ольхой ведь самая натуральная нечисть?

— То же правда. Ольха, как я говорил, лесавка. Она — заблудившаяся в лесу двести лет назад девчонка. Одичала совсем за это время, по-человечески не говорит, да и понимает не всё. Оксана — навья, утопленница. В классическом понимании древних славян она русалка. Её изнасиловал, потом убил маньяк, с тех пор она тронутая на переживаниях о своей смерти. Поминальные фото ставит по себе, часами под водой валяется. А вот Света работала в другой группе, после того как её покусали упыри, она тоже стала такой. Потом группа погибла, а Света стала у нас водителем. В группе ещё два мага, один боевой, зовут его Кузнецов Николай, а вторая — экстрасенсорик Белкина Александра. Она дочь куратора из главного управления.

— Блатная, значит.

— Не говори так больше, а то уже от меня ковшиком получишь. Она свой человек, и это проверено в бою, — негромко, но твёрдо и немного зло произнёс я.

— Понятно. А эти, которые в гараже?

— Мягкая Тьма сам пришёл за статуэткой, которую я давным-давно купил с рук как сувенир, прижился. Он действительно мягкий и душевный, любит поплакаться, к тому же совершенно безобидный, если не доводить до психоза. Вот если довести, то мало не покажется, он ядерный удар выдержит, сил немерено. А в боевой машине пехоты обитает мелкий демон ночи из империи Майя. Её в плен брали, а потом оставили у себя на перевоспитание. Я ж говорю, что духи ко мне липнут. Это уже поговорка.

— Про Пóлоза забыл, — вставил домовой.

— Этот если сам захочет, то расскажет, а нет, значит, нет.

Стажер по-новому посмотрел на нашу небольшую, но дружную команду, а я взглянул на телефон.

— Что-то Перекрёсток трубку не берёт.

— Так, тебе не сказали? — переспросила у меня Ангелина, оторвав глаза от процесса накладывания сыра в тарелку, к которому она только что приступила.

— Чего?

— Он в госпитале. Пока тебя не было, вместе с полицией ходил на оборотня, что промышлял в частном секторе. Перевертыш не один оказался, в результате Николая покусали. Целители сняли эффект заразы, а сейчас обкалывают от столбняка и бешенства на всякий случай.

— Вот не может он без адреналина! — ругнулся я. — Ничерта ему не праведных деяний хочется, а экстрима и признания, сколько бы он ни упирался, доказывая обратное! Хотя...

Я поглядел на Свету.

— Он не обижал тебя?

— Нет, — ответила вампирша, достав из холодильника гематогенку.

Девушка разорвала упаковку. Половинку протянула Сорокину. Тот молча отказался.

— Откармливаешь? — с усмешкой спросила Ангелина.

— Нет. Просто паренёк понравился, — без тени смущения ответила Вампирша, — а то, что вкусный, так это просто небольшой бонус.

Стажер нервно глянул в алые глаза Светланы и пересел ко мне за спину.

— А Перекрёсток — это фамилия? — спросил он, продолжая чистить картошку волшебной палочкой.

— Нет, — ответил я, — так повелось, что всем спецотрядам даны названия, а их членам — прозвища. Одни прозвища насовсем даны, некоторые по несколько сменили. Кузнецов у нас Перекрёсток, Ангелина — Крапива, Светлана — Малоокровка, Александра Белкина которая экстрасенсорик — Всевидящая, Оксана — Серебрянка, а я — Посрединник.

— Придумают же, — буркнул Стажер.

— Ну придумывают за некоторые особенности, — усмехнулся я, — вот про Крапиву тебе, думаю, понятно.

— Да уж, а остальные?

— Николай к нам пришёл из православной дружины. Он яростный поборник христианства, и даже врагов своих поверженных крестом осеняет, оттого и получил. Света ещё ни одного дóсуха не выпила, экономит. Мне дали прозвище именно за то, что всякая нечисть ко мне липнет, я посредине меж людьми и духами.

— Понятно, а Оксана?

— Она у нас штатный стрелок. Один раз мелкого божка так наштиговала из пулемёта, что серебра в нём было больше, чем он сам весит. На днях, кстати, сходим Николая попроведем.

— А кто придумывает прозвища-то? — снова вернулся к теме стажер.

— Нечисть разная, — ответила вместо меня Ангелина, — все, с кем общаемся часто.

Снова донёлся звук дверного звонка. Я кивком отправил Сорокина вниз. Поднялся он уже не один, а вместе с Оксаной и Александрой.

Я обнял Белкину и вручил подарок. Хотя от неё что-либо в коробке было бессмысленно прятать, она за сто метров всё как рентгеном сканировала. Девушка широко улыбнулась и покраснела.

— Не успели малость ужин сготовить, — произнёс я, — сейчас всем нарежем по задаче. Кому салатика построгать, а кому мясо жарить.

— А эти, которые в гараже, они будут? — спросил курсант.

— Да, попозже, как сделаем. Тьма за Ольхой следит, а то она всё сырое мясо слопает, а Луника дожидается, пока стемнеет.

— Луника — это в БМП сидит?

— Угу.

— Это всё хорошо, — перебила нас Александра, — что приставку не выключили? Орёт попусту.

— Там же дружки Оксаны сидят, ждут её, — улыбнувшись, ответил я.

— Я никого не чувствую, — произнесла Белкина. — Там пусто.

— Я никого не жду, — тихо сказала навья.

Мы дружно переглянулись, а потом осторожно спустились. Замотанная в балахоны троица по-прежнему сидела перед огромным экраном на полу. Один играл в фэнтезийную ролевою игру, а остальные двое пялились на изображение.

Персонаж с криками и звоном клинков рубил цифровых негодяев, собирал золото и получал опыт, звеня ненастоящими монетами и проливая рисованную кровь.

Я прищурился и перешёл на комбинированное восприятие, когда ауры накладывались поверх обычного зрения на манер фотомонтажа. Троица наблюдалась глазами, а в экстрасенсорном восприятии нет.

— Я их тоже не ощущаю, — шёпотом произнёс я, не поворачивая головы.

— Это — не мои, — так же тихо сказала Оксана, стоя у меня за плечом.

****

Координатор Диверсий ждал, слушая эхо знаний от капель, разбросанных по людскому становищу.

Капли деяний шептали:

...выявлена закономерность движения вооруженных групп людей, имя которым 'Патрули'...

...выявлены массовые места скопления людей, именуемые 'Торговые Центры' и закономерность их пребывания...

...выявлены новые формы неживых существ, труднодоступных для наблюдения прикосновением силы...

...поднадзорная группа людей находится в пассивном состоянии, новых знаний от них

не получено...

Координатор вплел эти знания в одно единое, и поделился ими с Вместилищем Сверхъестественного.

Координатор решил: нужно еще копить, нужно еще готовиться, нужно еще наблюдать.

ГЛАВА 5. НОЧНЫЕ ГОСТИ

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

Я хмуро глядел на троицу неизвестных гостей, которых почему-то не видно внутренним зрением мага. Ладно, я мог не заметить, так как чаще пользуюсь обычными человеческими глазами, а вот то, что закутанных в чёрные балахоны пришлых не заметила Александра было удивительно и тревожно. Можно было готовиться к самому страшному. Если эмиссары зла научились такому трюку, то выследить их в городе станет невозможно, они спокойно прирежут всех по очереди. А то, что сидят и не нападают, то это просто может быть особенностью совершенно чуждой логики, они могут ждать, когда я подойду поближе.

— Дед, ты почему их впустил? — спросил я, не поворачивая головы.

— Ну, так, боярин, ты же сам сказал их пустить.

— Я, вообще-то, не тебе говорил, а стажеру, который толком не знал, кто перед ним. Но ты-то домовый, ты всякую пакость на версту не должен подпускать.

— Ты хозяин, ты приказал, я смолчал, тем паче, что они не тати злобные, а просто гости, и вошли с разрешения.

— То есть, во всём виноват боярин? — со злой усмешкой спросил я у старика, решив отложить взбучку на потом.

— Знамо дело, — так же незамысловато ответил дед Семён.

— Долбим, или сначала разберёмся? — тихонько спросила Ангелина.

— Разберёмся. Мне интересно, они нас не слышат, или специально притворяются.

— А на кого они похожи? — раздался шепчущий вопрос Белкиной, и Оксана стала негромко обрисовывать ей на ухо ситуацию.

Слепая девушка, видевшая мир только своей экстрасенсорной возможностью, сейчас пребывала в растерянности. Для неё эта троица была человеками-невидимками.

Сзади сверкнула фотовспышка. Существа вздрогнули, но так и остались сидеть. Я обернулся. Стажер тихонько потыкал пальцами в экран смартфона, а потом с хитрой физиономией ещё раз сверкнул вспышкой, за что тут же огрёбся подзатыльника от Фотиди-Крапивы.

Я вздохнул и осторожно подошёл к гостям, и сел на пол рядышком. Те немного сторбились, пряча лица под глубокими капюшонами. Персонаж игры, запущенной на приставке остановился, не реагируя на удары чудовищ.

— Вам за каких нравится играть? — спросил я, лёгким движением руки указав на экран, — за злых или добрых?

— Что есть зло, а что есть добро? — громким чётким шёпотом произнесло одно из созданий.

— Зло — это боль, смерть, утраты близких людей и ценного имущества.

— Мы не убиваем без крайней на то необходимости. Мы не лютуем. Мы не берём людского, оно нам не нужно.

— Зачем вы здесь?

— Новый город, он тонет во свете. Даже ночью нет тьмы. Старшие ищут путь, как жить в таком. Нужен дневной лик. Мы решили сами попытать судьбу, искать самим. Найдём — старшие нас похвалят и возвысят.

— Нашли?

— Ищем.

— А у меня зачем искать? У меня нет вашего пути.

— Мы слышали от других, что есть Посрединник, который указал путь многим. Мы слышали от живых, что есть маг, способный услышать живущих вне времени и понять.

— И кто эти живые, которые так говорили?

Существо, что сидело позади остальных, осторожно протянуло бесцветную, как на чёрно-белой фотографии, тонкую руку с зажатой в пальцах помятой визиткой. Я тихонько взял кусочек картона.

'Полковник Белкин'.

— Твой папик опять вмешивается, — произнёс я, обращаясь к Александре. — Это с его подачи появились существа.

— Я с ним поговорю, — ровно ответила девушка, — как байкот закончится.

— Опять не разговариваете?

— Да достал он, хотел меня из города на какие-то пионерские сборы отправить показное занятие провести. Я его послала. Уже неделю не общаемся.

Я вздохнул и достал телефон, набрав номер начальника.

— Извини, я не могу долго говорить, — раздался оттуда усталый голос.

— Я не займу много времени, товарищ полковник. Но вы, часом, никого ко мне не отправляли?

— С чего ты так решил? — после некоторого молчания последовал ответ.

— Ну, интуиция подсказывает.

— Как они выглядят? Те, о ком говорит твоя интуиция?

— Такие худенькие, в чёрных балахонах с капюшонами. Числом три.

— Вот, жеж... — послышался неразборчивый набор слов, прежде чем последовал нормальный ответ: — Где ты их видел? Нет, стой, они что, рядом с тобой? Дома?

— Угу.

— Значит так, передай им, что они сбежали без разрешения. Их старший принял решение, что если они вернуться без какого-нибудь приемлемого предложения дневного облика, их казнят. И поделом, — проговорил Белкин и бросил трубку, не объяснив, что это за облик. Вообще ничего током не объяснив.

Короткий разговор кончился, и я снова перевёл своё внимание на троицу чёрных.

— Слишком светло, — своим громким свистящим шёпотом произнесло создание, на которое возложили обязанности переговорщика.

Я посмотрел на выключатель, и он щёлкнул подвластный моему телекинезу. Комната погрузилась в полутьму, развеиваемую сиянием экрана телевизора. Пляшущие тени рухнули на бежевую стену.

То существо, что говорило от лица остальных, медленным и неуверенным движением откинуло капюшон, явив нам худое серое лицо с большими чёрными глазами без белков и радужки. Лицо, принадлежащее девушке, было не лишено некой красоты. Духи часто брали очень гротескные образы, они были либо красивыми, либо, наоборот, отвратительными до невозможности. Сейчас был немного необычный, но, все же, положительный вариант.

Когда же капюшон скинул второй дух, я понял, что увидел другую крайность. Лицо больше похожее в своей худобе на жертву фашистского концлагеря, пересекали три длинных щрама, а рот зашит толстыми чёрными нитками. При этом один глаз был белым как

очищенное от скорлупы варёное яйцо.

У третьей сущности, в отличие от нормальных по форме, и немного даже детских чёрных губ первой, рот тянулся от уха до уха тонкой щелью, напоминая зловещую улыбку. Она демонстративно его открыла, заставив отпрянуть. В свете телевизора сверкнули многочисленные тонкие как иглы острые зубы. Длинный змеиный язык, слегка подрагивая, опустился ниже подбородка, а потом втянулся обратно в пасть.

— Я знаю, кто это, — произнёс дед Семён.

— И кто же? — спросила Фотиди, с лёгкой брезгливостью глядевшая на эту троицу.

— Ночницы.

Я провёл ладонью по лицу. Ночницы. Демоны ночи. Воплощения людских страхов перед беспросветной тьмой. Всё гадали, куда они подевались сотни лет назад, и на тебе, некоторые выползли на мою голову. Зато понятно, почему их появление держалось втайне — никому неохота жить рядом с теми, кто воплощение страха, вшитого в нашу суть на уровне инстинктов, и ледящего кровь в полночный час, когда человек беззащитен перед ликом мироздания. И если младшие ночницы уже вызывают дрожь, то что есть старшие? Бр-р-р. По спине пробежались мурашки.

— Круто, — произнёс Володя и подошёл к ночницам, обняв самую симпатичную, а потом поднял телефон и снова сверкнул фотовспышкой, постаравшись, чтоб все попали в кадр.

Та, что со змеиной пастью, раздражённо зашипела.

Я выразительно поглядел на стажера, а потом выразил свою праведную мысль.

— Ты совсем дурной? Ты зачем к незнакомому духу впритирку лезешь? Ты так головы можешь лишиться. Откусят, и всё.

Сорокин медленно отодвинулся, переводя взгляд то на меня, то на кого-то из команды. Я проследил его взгляд, остановившись на Фотиди. Вокруг Ангелины кипела сила, заставляя дрожать воздух. Она создала не меньше пятнадцати заготовок боевых заклинаний, а на лице жирными буквами читалось: 'Только шевельнитесь'.

— Ангелина, — позвал я магессу, — ты, чем мальчика назюкивать на неумные дела, лучше составь рапорт начальству от моего имени, что на охраняемую территорию беспрепятственно проникают всякие демоны, и представь на подпись.

— Мы не всякие, — прошептала серая гостья.

— Вам слова не давали! — рявкнул я.

Ночница опустила лицо.

— Значит, запомни, стажер, без моего разрешения ни к одной сущности ты не приближаешься. Могу показать фотографии тех, кто это правило нарушил, посмертные.

Сорокин что-то невнятно пробурчал.

— Не слышу ответа.

— Так точно.

— Не слышу!

— Так точно! — прокричал Володя и тут же вскочил на ноги со словами, — Едрить-колотить!

Я повернулся. В прихожей у самого потолка завис огромный лохматый паук. В свете ламп его густой тёмный мех отливал серебром. Из сочлений лап сочилось тусклое белесое сияние. А под этой огромной тушей стояла тонкая фигурка обнажённой девушки, иссиня-чёрная кожа которой была разукрашена затейливыми белыми узорами.

— Ночные тени? Они еда? — спросила лишённым выражения голосом девушка, указав на троицу обмотанной шнурками от запястий до локтей рукой, с которой вверх тянулись короткие тонкие нити, словно к ним были привязаны невидимые воздушные шарики.

— Пока нет, — ответил я, бегло глянув на новое действующее лицо.

— Это кто? — трясущимся голосом спросил стажер.

— Это Луника. Ну, мы её так на русский манер называем. Настоящее имя по-другому звучит.

— Луника — это которая девчонка? — уточнил Сорокин, не отрывая глаз от паука, имевшего размеры малолитражного автомобиля.

— Нет, Луника на потолке, а девчонка, как ты сказал, всего лишь аватарка. Очень многие духи так балуются. Это тоже запомни, стажер, чем качественнее аватарка, тем круче демон или бог. Самый шик — это иметь в подчинении живого человека, а ещё лучше много, но таким уже высшие боги промышляют.

— А она настоящий человек?

— Нет, очень качественная подделка.

— Зачем здесь ночные тени? — спросила Луника, наклонив голову набок.

— Ты не любишь тени? — спросил я, впервые столкнувшись с таким фактом. С Мягкой Тьмой, который является божеством древней пещеры, вышедшим из глубин палеолита, паучиха неплохо ладила.

— Я создание светлоликой Луны Ишчель, хозяйки радуги и ночных цветов, возлюбленной бога Солнца Тонатиу. Я тку паутину, по которой ночные боги восходят на небо. Я тку паутину, оберегая сон спящих от кошмаров и ужасов. Они есть ужасы и страхи.

— Понеслась религиозная буча, — прошептала Фотиди, закатив глаза. — Демон сгинувшей империи Майя против древнерусских страшилок. Ставлю на чернявую, серые хлипковаты.

Чёрная девушка шагнула в комнату. Узоры на коже запульсировали белым сиянием в такт ударам сердца. В руке сверкнул обсидиановый нож.

Пришлось вмешаться. Я встал между троицей ночниц и разгневанной Луникой, начиная накапливать силы для боевых заклинаний. Вся моя команда замерла в дверях, с напряжением ожидая развязки триллера.

— Никакой войны в моём доме! — громко и чётко произнёс я.

— Они кошмары и зло, — проговорила марионетка Луники, а паук противно заскрежетал челюстями.

— Их и так казнят, если они не найдут этот их бредовый облик.

— Но им здесь не место!

— Я их буду препарировать, уж очень они любопытные в некотором плане! Тебя устраивает такой вариант? А если хочешь помочь в этом деле, то возьми под строгий надзор!

— Живодёр, — прокомментировала Оксана.

Сзади сверкнула вспышка, от которой вздрогнули все. Я обернулся. Стажер опять стоял со смартфоном в руках.

— Ты задолбал со своим аппаратом! — сорвался я на курсанта.

И так ситуация непонятная с тенями, а ещё этот на нервы действует.

— Но ведь круто, — криво улыбнувшись, ответил стажер.

Я хотел, было, ему сказать совсем грубое словечко, но вместо этого толкнул телекинетическим импульсом. Да так, что стажера отбросило к стене, где он ударился

спиной и остался лежать, глотая ртом воздух. Телефон упал на пол и у него отскочили крышка и аккумулятор.

— Извиняться не буду. У меня жена тоже сюсюкалась со всяким сомнительными тварями, пыталась их добрым словом перевоспитать. Голову оторвали, просто взяли и оторвали. У еще живой, — тихо, но зло произнёс я, — А теперь всем спать. И этим тоже, — показал я на горстку духов.

Луника подскочила к ночницам и ловко спеленала слабо сопротивляющиеся тени поблескивающей серебром тончайшей паутиной и уволокла в хранилище. Теперь я точно был уверен, что они не сбегут, главное, чтоб не съела.

Ангелина погасила свои боевые заклинания и вышла из комнаты, забрав с собой Оксану. Дед немного посокрушался, что теперь обои поцарапаны и теперь нужен ремонт, а он нынче дорог, но тоже растаял. Сзади подошла Александра. Экстрасенсорик придвинулась поближе к моему уху.

— Новенький. Очень много лжи, слишком много, и она очень хорошо скрыта. Обычный маг не уловит.

— Документы в порядке, — ответил я ей, — это я проверил в первую очередь. Да и твой отец подтвердил, что новенький направлен официально.

— Там ещё что-то, что-то чужое, липкое. Я его не понимаю, а потому боюсь.

— Разберёмся, — ответил я, собираясь завершить этот день.

****

'Люди. Они догадываются. Цепь деяний под угрозой!', - вскричала капля деяния, отсылая пучок знаний своему Координатору.

Координатор вслушался в крик и отложил остальные деяния, сосредоточившись на одном, приводя в действие сотни и тысячи других капель. Единицы его разума начали производить расчёт событий и приводить в действие сотни и тысячи вторичных капель, обладающих атакующей оболочкой, отдавая им короткие приказы.

Люди бы сказали: 'Он готовился к бою'.

ГЛАВА 6. ТРЕВОГА

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

Я напряжено вслушался в истошный вой сирены, который пронесся над городком, поднимая гарнизон по боевой готовности, означавшей атаку врага, в крики дневальных и визг сигнализаций от комнат хранения оружия.

Спустя несколько минут, в дверь без стука залетел солдат и громко проорал несколько раз.

— Тревога! Внимание, тревога! Сигнал триста тридцать три! Внимание, тревога! Сигнал триста тридцать три!

— Слышу! — прокричал я в ответ. — Тебя все слышали.

Сигнал под этим кодовым названием означал атаку тварей эмиссара Черной Орды на периметр города. Если бы был прорыв внутри, то звучала команда шестьсот шестьдесят шесть. Ему специально присвоили такое название, потому что это самый тяжёлый случай. Самый страшный. Но на этот раз был обычный штурм извне.

С улицы послышался топот — водители побежали мимо нашей двери к хранилищам заводить бронетранспортёры, а чуть позже подтянутся остальные, экипировавшись и получив оружие. Если подняли по тревоге и нас, и Трассёров, то случай тяжёлый. Я глянул на Свету, приложившую ладонь с карточкой-подорожником ко лбу морщившегося от боли стажера. Она явно положила глаз на курсанта.

— Ты почему ещё не там?

— Считай, что там, — ответила Светлана, вставая с корточек.

— Я не считаю. Я хочу видеть, что ты уже там.

— Есть, товарищ капитан, — зло ответила вампирша и рванула к выходу, в один прыжок исчезнув в дверном проёме.

Все остальные члены группы без слов покинули мой дом и направились в свои жилища. Никому не нужно было говорить, что делать, все и так знали свои обязанности согласно боевого расчёта. Даже словоохотливая Света, нарушающая стереотип мрачного кровососа, ворчала лишь для того, чтоб просто не молчать. Но ей разрешалось. С такой скоростью, какой наделены вампиры, девушка уже наверняка обогнала солдат соседнего подразделения, заведя Тигр и напяливая бронежилет со шлемом.

Я быстро поднялся наверх, переоделся в полёвку, а потом сделал пас рукой, отщёлкивая кодовый замок и, открывая запертый, помимо прочего, изнутри сейф. Дверца распахнулась, и в руки сам собой выскочил пистолет-пулемёт 'Каштан', а следом подсумок с магазинами к нему и Игла в ножнах. Я привычно закинул ремешок-петлю через плечо, и прицепил на портупею остальное. Вот и вся готовность, так как броники и шлема группы хранились в машине, а главным оружием был я сам.

— Товарищ капитан, — услышал я голос Сорокина, — мне что делать?

— Ждать, стажер. Ждать нас дома, — ответил я, направившись к выходу.

На месте, кроме Светы, к моему прибытию уже была Александра Белкина. Всевидяща забралась на своё место в бронированной машине, поджав ноги и обняв сама себя руками, готовясь к трансу. Она всегда так делала, объясняя тем, что в этом положении ей проще сосредоточиться на окружающем мире.

В углу уже рычала БМП, где в одном лице была и командиром боевой машины, и наводчиком-оператором, и механиком-водителем Луника. Демон древней империи Майя ловко обращалась со своим передвижным домом, и оттого напоминала мне больше не паука, а рака-отшельника в большой ракушке, что тот всегда таскал на себе.

Вскоре подбежали и все остальные, попрыгав на штатные места. Машина зарычала двигателем и выехала из хранилища, где уже стоял боец-регулировщик, поднявший желтый светящийся жезл и, замахав им в сторону тревожных ворот из парка. Мы выскочили, лишь чуть-чуть притормозив на выезде. К нам подскочил один из командиров взводов батальона поддержки Трассёров, сунув сложенный вчетверо лист карты, и быстро отскочив обратно.

Я развернул его. Там наспех фломастером был отмечен район нашего назначения и приписка: 'Идут на прорыв. Цель — мост северного объезда'.

Все было понятно. Новый эмиссар решил захватить плацдарм для удобных манёвров своих сил по пограничной территории. Мост стоял у самой границы божественного барьера, и позволял резко перебросить войска. Этого нельзя было допустить. Конечно, взорвать его было можно, но отстраивать заново никто бы не стал, да и нужен мост не только им, но и нам, поэтому приходится с завидной периодичностью отстаивать этот переходящий приз.

Из радиостанции доносилось одно лишь шипение, как всегда бывало во время боя с чёрными тварями — эмиссар давил всю связь, переняв метод работы наших служб радиоэлектронной борьбы.

За два десятка минут мы пронеслись мимо жилых окраин, руин старого пригорода и выскочили за периметр. Там уже шёл бой. Миномётные батареи долбили противоположный берег Топи, отрезая пополнение неприятеля, а на этом усиленный батальон полка первой осадной дивизии выстраивал боевые порядки. Штатные маги держали щиты, чтоб предотвратить урон от дальнобойных средств потустороннего противника. Я очень явственно ощущал их, даже не видя. Так же, как ощущал инженеров, развёртывающих мобильные генераторы маго-поля в трехстах метрах в стороне, под защитой небольшого леса.

Нам наперерез выскочил солдат поста охранения.

— Пароль!

— Квест Немезида! — отозвался я, высунувшись из окошка.

Было слышно, как в кустах другой дозорный начал нажимать клавишу индуктора на полевом телефоне ТА-88. Пробурчал невнятный доклад.

— Вас к телефону! — прокричал боец из зарослей.

Я выскочил из кабины и быстро подскочил к аппарату, едва не запнувшись о провод.

— Капитан Соснов слушает.

— Егор, — донеслось из трубки вместо приветствия, — мы будем выдавливать их от моста, трассёра встанут в резерве, а ты прикрой нам грунтовку с правого фланга, чтоб оттуда ничего нечаянно не выскочило. Там же кладбище было, а ты мастер нежить крошить. Мне будет спокойнее за два взвода, что там стоят.

— С остальным справитесь?

— У нас уже вторая атака на мост за этот месяц. Справимся.

Я дал отбой и, выскочив из кустов, прыгнул в машину, начав короткими фразами направлять Свету в нужную точку. Сзади, ревя двигателем, шла БМП. Наконец, мы были на месте. До нас издали доносились приглушённые раскаты непрерывного артиллерийского огня и треск стрелкового оружия. А здесь было тихо и спокойно, беспокоило только то, что

непреодолимый для врага заслон, поставленный старыми богами вокруг города, оставался позади.

Я глянул на свой отряд, щурясь в потёмках. Александра Белкина молча качалась в трансе на своём месте, вглядываясь слепыми от рождения глазами в ведомый только ей мир биополей и тонких энергий. Никто так не умел ощущать мир вокруг, как она.

Ангелина Фотиди нервно грызла очередную ириску, всматриваясь в темноту, она всегда была напряжена перед очередным боем, в отличие от Оксаны, которая меланхолично бормотала себе под нос мотив какой-то песенки, положив голову на приклад Корда, уподобившись персонажу известной картины сестрице Аленушке у пруда. Навья потом будет картинно сокрушаться, что опять осталась в живых, но поди попробуй отправь её в настоящую мясорубку, заартачится не хуже бабки в троллейбусе, которой не уступили место. Мол, я хочу умереть красиво, а не как бестолковое пушечное мясо.

Светлана замерла с остекленевшими глазами, отчего казалась манекеном, но стоило чему-нибудь подозрительному шевельнуться, как она резко поворачивала голову. Причём настолько резко, что, казалось, не существовало промежуточного положения между началом и концом.

Жаль, что не было с нами сейчас Николая, он сразу бы начал раскладывать рядом с собой различные гранаты, которые мастерски мог отправить телекинезом в противника. Да, уж.

Чуть впереди были видны спины солдат, которых мы должны поддерживать и усиливать.

— Идут! — оборвала возгласом мои размышления Белкина.

— Много?

— Нет, но прут прямо вдоль городского барьера, даже не боясь. Там мелкой живности почти четыреста особой. Есть ещё нежить, но её совсем мало.

Я кивнул сам себе, как имел обыкновение делать, когда мысли в голове складывались в стройную и понятную картинку.

— Старшóй! — позвал я ближайшего взводного, тот быстро подскочил, придерживая чехол с флажками, — основные усилия на правый фланг. Группа противника идёт на прорыв к миномётным батареям. Численность до четырёх сотен.

Старлей пару секунд молча соображал, а потом побежал к своим, начав отдавать распоряжения. По цепочке понеслись команды. Позиция у нас была удобная. Сами мы спрятались в лесу, а перед нами зияла небольшая проплешина, освещаемая настолько яркой луной, словно наша паучиха у своих богов выпросила. Все было видно как днём.

Я закрыл глаза и вытянул вперёд ладонь.

С чего я обычно начинал при подготовке к бою? Во-первых, комплексный щит. Это самое основное заклинание, которое необходимо знать боевому магу, ведь оно защищает тебя и твоих товарищей от внешних угроз. Перед внутренним магическим зрением возник слоистый барьер, имеющий форму большой полусферы. Наружный слой упругого силового поля толщиной в метр тормозил лёгкие пули и осколки от снарядов и гранат, при этом отклоняя их траекторию вверх, что позволяло защитить залёгших на земле людей. Затем относительно твёрдый, но тонкий слой фантомной материи, нужный для подрыва детонаторов снарядов. Под ним шёл слой вспененного пространства, так же тормозящий мелкие осколки и гасящий ударную волну. В щите засияли метки оружия, которому в случае стрельбы будут созданы специальные каналы, для беспрепятственного пролёта пули.

Во-вторых, пустые пузыри энергонакопителей. В случае энергетической атаки, они работают как предохранители, отводя урон на себя. Жаль с лазерами такое не работает. Но лазерного оружия еще не придумали.

Всё это незримо для простого человека, лишь чародей аурным зрением может считать возмущение маго-поля и прочитать структуру заклинания.

Вслед за щитом я смастерил заготовку фокусного импульса- заклинания, создающего в некой точке пространства небольшой всплеск энергии. Это колдовство можно сравнить по своей простоте и эффективности с автоматом Калашникова, нужно только попасть.

Остальное я могу наколдовать по необходимости.

Я помню первого эмиссара Черной Орды, помню схватки с одичалой массовой брошенных на произвол монстров, но с новым координатором ещё не сталкивался. Посмотрим. Он, похоже, не совсем глуп, раз пытается ударить не единым кулаком в лоб, а разделяет задачи. Тот же рейд в сторону тылов говорит о многом, но вот сил он отправил маловато.

Монстры появились как всегда внезапно. Из противоположного леска на проплешину выскочили излюбленные модификаты сил вторжения — искажённые чужим колдовством звери. Сотни созданий, когда-то бывших обычными собаками, молча направилась к нам. В ту же секунду наши позиции взорвались треском автоматных и пулемётных очередей. Раны на чёрных, лишённые кожи телах зверей при попадании в них специальных пуль, начинали гореть ярким изумрудным огнём, словно в туда воткнули цветные светодиоды.

Монстры не знали страха, а их хозяева не вели счёт потерям, видя перед собой только конечную цель. Вражеские создания быстро одолели проплешину, потеряв в численности не так уж много, но мы были готовы. Треск автоматов потонул в грохоте мин направленного действия, раскидавших конфетти рубленого мельхиора с добавкой однопроцентного серебра, отчего ближайшие твари запыхали зелёным, словно облитые колдовским напалмом. Одновременно с этим, с яркостью сварочной дуги вычертили резкие силуэты деревьев вспышки заговорённых гранат, испаряющих проклятую плоть врага.

— Давай! — крикнул я, подав сигнал своей группе.

Над ухом загрохотал Оксанин Корд, отправляя в скопище неприятеля техническое серебро калибра двенадцать целых и семь десятых миллиметра. Хлопнула в ладоши Ангелина, и центр поляны исказился вакуумным ударом, от которого земля вздрогнула, подняв пыль на целую ладонь. Монстров как языком слизало с круглого пятка. Рядом застучала тридцатка с боевой машины пехоты нашего подлунного духа, вперемешку с треском ПКТ.

А враг все налегал, перескакивая через дёргающиеся трупы и оторванные конечности. Вскоре начали срабатывать средства противодействия ближнего рубежа. Раскинутые бойцами по траве перед собой заколдованные монетки вспыхивали рубиновыми огнями, взлетая вверх на полтора метра с такой скоростью, что огоньки сливались в одну чёрточку. Они насквозь пробивали тварей, рвущихся к солдатам, сами исчезая в волшебном пламени.

Я вышел из кабины и провёл ладонью перед собой. Умное заклинание выделило тварей из этой массы, а потом начало обстреливать фокусированным импульсом энергии, отрывая конечности и разбрасывая потроха.

— Они нас связывают, чтоб мы не могли к основным силам уйти! — встав рядом, прокричала Ангелина.

— Согласен! — отозвался я, пытаюсь докричаться через шум боя.

— Бельчонок говорит, что там ещё горстка мертвяков будет! Некромант, наверное, совсем слабоват! Только дюжину тащит, но маскируется, говорит, хорошо!

— Раздавим! — ответил я, а в следующий момент увидел на том краю проплешины несколько ярко-оранжевых вспышек размером с микроавтобус. Отдача от магического щита, принявшего на себя атаку противника, отозвалась болью в голове. Казалось, что по черепу ударили бейсбольной битой. Перед глазами все поплыло, а в ушах застрял металлический звон. Сквозь плывущий перед глазами мир, я увидел, как ближайший бронетранспортёр разнесло взрывом.

Стоящая рядом Ангелина подняла над головой кулак, стягивая силу. Из машины выскочила Александра и принялась трясти меня за лямки разгрузочного жилета.

— Танки! Они на нас пустили танки! — наконец, дошёл смысл слов, которые она все это время кричала.

Я тряхнул головой, приводя рассудок в порядок, и глянул на поле боя. Четыре старенькие шестьдесятчетвёрки, чьи силуэты, ревя двухтактными дизелями, быстро приближались к нашему краю лес. Когда они миновали середину поляны, грянуло ещё четыре выстрела. Снаряды взорвались о барьер, но на этот раз я подготовился, погасив отдачу почти полностью. И все же, осколки полоснули по позиции взводов, пройдя через просевшую защиту.

По противнику несколько раз выстрелили из РПГ, но без особого результата. Даже пробив кумулятивной струёй броню почти невозможно навредить мёртвому экипажу, до сих пор воюющему только под действием чар некроманта, а узлы и агрегаты зацепить не удалось.

Когда танки своим весом продавили щит и подъехали совсем близко, я выставил перед собой ладонь, а потом резко толкнул ею невидимый груз. От телекнетического удара ближайший танк развернуло на месте, и оторвало у него три фальшборта.

Донёсся крик кого-то из взводных, после чего в боевую машину выстрелили сразу из двух гранатомётов. Секунду спустя, рванул боекомплект, обдав меня новой волной отката от магического щита. Снова зазвенело в ушах, а перед глазами на пару мгновений потемнело. Ну, ничего, главное, что взрыв не достал личный состав подразделений.

Рядом уже полыхал второй, не без участия Ангелины. Было видно, что обессиленная девушка еле держалась на ногах.

Я взмахнул рукой и из воздуха возник рой фантомных пчёл, каждая из которых была размером со спичечный коробок. Призрачные насекомые закружились в смертельном танце, набрасываясь на псов, помогая солдатам, которые упорно отстреливались от нападающих тварей. Пчёлы взрывались яркой белой вспышкой, такой же, что несли в себе зачарованные гранаты солдат. Ровно через десять секунд невидимый враг развеял пчел, нащупав нить колдовства, но десять секунд — это тоже очень хорошо.

Следующим шагом я поднакопил сил и ударил по двигателю третьего танка тяжёлым фокусированным импульсом. Машина мгновенно заглохла. Из командирского люка вылез мертвец с половинкой головы и схватился за НСВТ, но по нему из своего Корда полоснула серебром Оксана. Мертвец загорелся белым пламенем и упал внутрь танка.

Я опасался, что нежить может выстрелить из пушки в ручном режиме, но танк замер окончательно, словно пламя передалось всем членам мёртвого экипажа.

Четвёртый танк добились бойцы.

Атака эмиссара Орды захлебнулась, оставив четыре сотни трансформированных почти

до неузнаваемости псов и четыре танка. Мы потеряли семь человек убитыми и тринадцать ранеными.

Разбор и путь домой я не помню, так как просто провалился в беспамятство. Доподлинно известно, что танки были только у нас, и это походило на проверку новой тактики. Если так, то это очень плохо, так как на подконтрольной врагу территории была целая база хранения старых танков, больше тысячи единиц. И хотя большинство можно было восстановить только чудом, как раз чуда у эмиссара хватало в запасе.

***

Над полем недавнего боя сновал черный тюльпан в окружении дюжины других цветов, поменьше. Те уподоблялись ромашкам, только размеры были с локоть в поперечнике, и в каждом, в окружении черных лепестков на ложе размещались по семь черных икринок размером с кулак. Полупрозрачные икринки единиц разума блестели в лунном свете гладкой оболочкой и сверкали крохотными фиолетовыми искорками, снующими внутри них вокруг небольших сгустков непроглядной тьмы.

Цветы-ищейки собирали знание о случившемся, обмениваясь между собой короткими образами, обрывками знаний и частицами решений. Координатор Войны был в негативе, люди бы сказали: 'Он в ярости'. Координатор проводил осознание причин поражения, делал поправки на перспективу.

ГЛАВА 7. СБОР В КРУГЕ ДОПУЩЕННЫХ

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

— Товарищ капитан, она меня укусила, — раздался из-за моей двери голос стажера, в котором слышалась паника.

Я сначала глянул на лежащий на краю кровати смартфон и тот встал на ребро, показав семь часов утра, потом телекинез коснулся защёлки на входе и та быстро сдвинулась впуская раннего гостя. В спальню влетел стажер, держась ладонью за шею. Из-под его пальцев бежала тоненькая красная струйка. Глаза Сорокина были больше чем у совы, севшей на горшок по нужде, а лицо белело как мел.

Аура отчаяния чувствовалась за сотню метров. Охота было удавить его, ведь отдых после тяжелого боя — святое дело.

— Что случилось? — спросил я у него, сонно щурясь. — Меня вампирша укусила, — выпалил Сорокин, часто дыша.

— Наша или чужая? — уточнил я.

— Света. Она укусила меня. Я теперь тоже стану вампиром. Я не хочу, — чуть ли не плача, произнёс стажер.

— Ты ведёшь себя как маленький ребёнок, — зло проговорил я.

— Но ведь она укусила.

— Выйди, — сказал я стажеру.

— А как же укус? — с жалобой выдал Сорокин.

— Выйди, я оденусь! А потом пройдемся. Всё равно в Потусторонку сходить надо.

Стажер выскочил за дверь. Сразу после этого на подоконнике возник дед Семен, хитро улыбаясь.

— Что? — спросил я у него, протирая ладонью лицо.

— Светка наша полночи под окнами ходила, то подойдет, то отойдет.

— Ну, и?

— У вас бой был. Раненых да падших много, кровищи пролили немеряно. Упырица совсем опьянела от этого. Вот, я и говорю. Она сначала ходила туды-сюды, а потом шасть в окно на чердаке, и к Володьке.

— И он, прямо таки, даже не увидел, как красна девица ему в стекло стучится? Хотя да, Света умеет бесшумно подкрадываться, страж ее своей считает, а уж окно открыть тихонечко колдовством, вообще никакой проблемы нет.

— Складно, конечно, боярин, да не так. Она когда залазила в горницу, то пороняла всё что было с подоконника, горшки с цветами вдребезги. Убытку на рубль золотом. А ёнтот даже не шоло́хнется.

— И ты всё это наблюдал, старый охальник?

— Часто ли на моем веку такие забавы случаются, — просмеялся дед Семен.

— Ну, дальше давай.

— Светлана наша еще и в мышеловку наступила, так что ойкала сильно.

— А мышеловка там откуда? — изумился я, даже промахнулся мимо рукава рубашки, которую в тот момент одевал.

Дед ухмыльнулся еще шире, так что усы затопорщились как щетка для одежды, и

продолжил.

— Девка совсем опьянела и обнаглела. Она видит, что тот спит богатырским сном, и шасть к нему под одеяло и в обнимку лежит, хихикает себе под нос, видать, ждет когда проснется, а он не просыпается. Так она его тихонько надкусила по жиле кровеносной и давай цедить помалость аую, а рукой меж тем, ему под одежу.

— Дед, хватит тут эротических рассказов, ты по существу говори.

— А то и по существу, что укус у вампира как зелено вино пьянит. Я много видел как укушенные, коли проснутся, так в объятия жаркие заключают кровососа, ежели это не силой было, а уж потом думают, как им с напастью быть. На западе всё на неких суккубов да инкубов потом говорят, хотя те и непричём по большей мере. Так вот, когда ёнотот проснулся, так и лежит молча, на неё смотрит, словно истукан какой и только потом как включили его, оттолкнет, отскочит и стоит сморит. Наша упырица — девка кровь с молоком, грудь туга, губы червлёны, даром что лицом бледна, глаза огнем, аки угли пылают. Ежели криком заходиться, тогда сразу, а коли молчать, то до утра в ее объятиях. Вот и разумею я, странный он. Да и Александра свет Пáллна тоже молвила, де не по нраву.

— Тоже слышал? — спросил я у него.

— А кто ж в доме хозяин?

— Дед не нарывайся.

— Ну, лáден будь, замуститель я твой.

Я вздохнул, оделся и вышел на улицу. Курсант, ждавший всё это у входа в дом, поплёлся за мной как собачка, затравленно осматриваясь вокруг. Особенно его интересовал брезжащий в промежутках между высотками рассвет. Он, казалось, прощался с ним. А я мысленно проклинал и этого обалдуя, и Свету, съехавшую с катушек. И если вампиршу можно было понять, то этот здоровенный детина бесил своим поведением, доводил до белого каления. А ещё он настораживал и мою интуицию тоже — с ним точно было что-то неладно.

До большого здания специализированного торгового центра, носившего гордое название 'Потусторонняя радуга', дошли молча. Перво-наперво, я посетил зоомагазин, где купил целую коробку мышей. В аптеке приобрёл гемакон с кровью, специально там меня ожидавший по предварительному заказу, и полкило гематогена, не забыл про сбор валерьяны в пакетиках и рыбий жир в капсулах. Последний очень любила Ольга.

— Это точно поможет? — озабочено спросил стажер, разглядывая мои покупки.

— Да, особенно это, — ответил я, протянув ему валерьянку.

— Она помогает от укусов?

— Нет. Она помогает от нервов. Ты и так не станешь вампиром.

— Но она меня укусила, — ошарашенно выдавил из себя стажер. Он немного попятился от меня.

— В следующий раз лучше читай материал, который раздают в поезде во время спецстоянки, — тоскливо вздохнул я, переходя к лекции, — Вампиры становятся такими под воздействием особой энергетической системы, типа вируса, только сверхъестественного. Он попадает в тело человека вместе с укусом вампира. Укус нужен, чтоб преодолеть естественную защитную оболочку биополя. В течение трёх суток он встраивается в это самое биополе, а потом начинает менять человека. Процесс занимает от пяти до четырнадцати дней. Лечится вся эта беда только первые три дня, потом процесс становится необратимым. Так вот, послетого как человек, поражённый заразой, умирает, энерговиром реанимирует

тело. При этом сознание человека, маленько подправленное заразой, остаётся. Следующим шагом вирус создаёт специальную структуру, предназначенную для заражения нового человека. Весь цикл занимает от четырёх до пятнадцати месяцев. Это индивидуальный показатель. В период экстракции, как это называется, носитель становится агрессивным и проявляет неодолимую тягу к укусу другого человека. В остальное время они не заразные.

— Но она укусила меня.

— У Светы по графику период экстракции через три месяца, но чтоб не умереть окончательно, ей периодически требуется свежая кровь. Всякие заменители лишь отодвигают сроки потребностей в эритроцитах. Кроме того, у вампиров очень сильно связаны влечение к человеку с потребностью в его крови, это особенность изменения психики. Это не лечится, а ты ей понравился.

— Понятно, — с облегчением ответил стажер, — а оборотни?

— И оборотни, и классические ходячие мертвецы представляют собой разновидность этой заразы. Если спросишь про осиновый кол, то он не такой уж и опасный для них, чеснок неприятен, не более, серебро нарушает структуру вируса, как и очень-очень яркий свет, но всё зависит от количества того и другого. Кстати, у вампиров есть свой сайт. Там они отмечают предпочтения в крови, сроки следующей экстракции и прочие фишки. Студенты порой подрабатывают, давая себя укусить. Стоит это не так уж мало, особенно если жертва симпатичная.

Я замолчал, облизав пересохшие от такой долгой лекции губы.

— Фух, — выдохнул он. — Кровь для Светы, а мышцы для чего?

— Узнаешь, — ответил я, а потом показал в сторону автодороги, — Ты лучше туда глянь.

Повеселевший стажер вытянул шею. Там прямо по разделительной полосе бежала очень красивая девушка в ярко-розовом спортивном костюме и наушниках с красными светодиодами. Её лёгкими и непринуждёнными движениями нельзя было не залюбоваться. Редкие утренние машины объезжали, даже не сигналив, только раз остановилась на обочине легковушка, в которой водитель щёлкнул бегунью на профессиональный фотоаппарат.

По мере того как девушка бежала, становилось всё светлее. Уличные фонари гасли один за другим, извещая о наступлении дня.

— Красивая, — прошептал стажер, уже отошедший от шока ожидания неминуемой смерти. — Кто она, не знаете?

Я улыбнулся.

— Телефончик хочешь взять?

Тот неопределённо пожал плечами, не отрывая глаз от красавицы.

— Дохлый номер. Это одна из близняшек Зарниц — сестёр Солнца, Утренняя Зоря.

— Но ведь красивая же, дух захватывает.

— Не спорю, есть такое.

— Пойду знакомиться, — произнёс стажер, поправив футболку.

— Стой, псих. Тебе голову откроют, даже не заметив.

Я схватил Сорокина за шиворот. Точно псих. Я его завтра же сдам берегиням, пусть осмотрят мальчика на предмет здоровья рассудка.

Дальше мы шли по улице, размышляя каждый о своём. Проезжая часть всё больше наполнялась автомобилями, а тротуары прохожими, спешившими на работу, отводящими детей в школы и садики. Открывались магазины.

— Товарищ капитан, — опять обратился стажер, — а как живут нелюди?

— Так же как и люди. Тут есть несколько спецкварталов, там они и проживают. Потом как-нибудь свожу поглядеть.

— Товарищ капитан, — позвал меня Сорокин, — глядите.

Я поднял глаза. Прямо у КПП в городок стояли два бойца с оружием и в полной экипировке.

— У батальона опять тревога? — спросил стажер.

— Нет, — прищурившись и переходя на экстрасенсорное восприятие, ответил я. — Это не батальонные. Тот здоровяк, что справа, в красном берете — из дружины Сварожича, а тот, что в синем — из гвардии Стрибога, владыки ветров. Если хорошо присмотреться аурным зрением, то можно увидеть, что всё оружие и вся экипировка зачарована под завязку. А ещё на каждом висит маркер, вернее, натуральное незримое знамя. Из видимых признаков — только шеврон.

Стажер присмотрелся, а потом повернул голову.

— Понятно, а вон та девка, которая на заборе сидит задницей на колючей проволоке, она тоже из гвардии?

— Это дитя Мары Моревны. Эта, как ты говоришь, девка опаснее, чем весь батальон поддержки Трассеров.

— И что они там делают?

— Сейчас узнаем.

Мы неспешно подошли к КПП. Ратники слегка скосили на нас глаза, но больше не шевельнулись.

Дневальный на калитке стоял, забыв дышать, и лишь стрелял глазами в разные стороны. Когда поравнялись, он тихим шёпотом заговорил.

— Товарищ капитан, они что здесь?

— Не знаю, а кто из них тут?

— По-моему, все.

Я скептически скривился. Все боги и духи тут при всём желании не поместятся.

Когда зашли на территорию городка в глаза сразу бросился огромный пылающий белым огнем круг на асфальте. Внутри его стояли люди и жрецы основных богов, участвующих в жизни города, при чем их очертания слегка размазывались и растекались, как мираж над раскаленным песком. Там, судя по мимике и жестам, о чем-то оживлённо переговаривались, но до нас не доносилось ни звука, словно его выключили. Наверняка заслон работает как система подавления утечки информации.

Я осмотрелся. Из окон казарм на это действие пялились солдаты. Некоторые снимали происходящее на телефоны. Снаружи этого круга через каждые пять метров спиной к середине стояло по ратнику, готовому по первой команде вступить в бой.

Наша группа тоже была под заслоном. Нас заметили и помахали рукой. Я пошёл вперёд. Чтобы пересечь пылающую линию, пришлось напрячь силы, до того был тугой воздух. Создалось впечатление, что я пытаюсь сблизить два однополярных магнита, которые друг от друга отталкиваются. Зато сразу нахлынули звуки, а фигуры перестали растекаться.

— Соснов, подойдите, пожалуйста, сюда, — позвал меня незнакомый генерал, одетый в офисную форму.

Я приблизился, покосившись на команду. Они стояли хмурые, но решительно на что-то настроенные.

— Повторите для него, — произнёс мужчина в возрасте, одетый в тёмно-серый свитер и джинсы. На груди у него был прицеплен золотой знак жреца Стрибога.

— Я сама, — разнёсся над кругом громкий голос.

К центру подошла красивая женщина в голубой с белой вышивкой одежде жрицы богини Мары. Подчинённый владыки ветров сделал два шага в сторону, уважительно кивнув.

Глаза жрицы периодически вспыхивали быстро мигающими, как индикатор работы жёсткого диска, огоньками. Эту моду ввела хозяйка реки Топь, стремившаяся сократить разрыв между ней и высшими богами если не силой, то новшествами. Сначала посмеялись, пошутили, а потом приняли за норму. Удобно, когда понимаешь, что через человека общаешься с божеством. Интересную новинку со временем переняли все.

— Посрединник, — заговорила она, — ты знаешь, что души людские после смерти сначала попадают в Навь, а потом, если осознают свои прижизненные ошибки, то в Славь. Мы все души допрашиваем, дабы узнать, кем они были при жизни, какую пользу из них можно извлечь. А затем сборщики сортируют души. И вот мне в дар от Великого Ящера приводят две души, которые почти ничего не помнят. Ни имени своего, ни рода занятий, ни родной речи, но, — жрица делала драматическую паузу, — но есть одна важная особенность. У недавно умершего человека, по его нитям судьбы, можно отследить, откуда он. И эти двое были люди, но их нити вели не к планете Земля.

Я стоял и молчал, пытаюсь оценить масштабность произошедшего события. Люди, но не с Земли. Это значит, что обитаемых миров во вселенной много.

— И вы хотите отправить нашу группу на разведку. Раз эти пришли к нам, то можно найти логово врага, узнать, кто он и чего хочет. Можно заручиться поддержкой других цивилизаций, если они будут не враждебно настроены. Как вариант, подготовить плацдарм для контратаки. Так?

— Так, — подтвердила жрица.

Я посмотрел на товарищей. Все ждали моего слова.

Будь моя жена здесь, она бы встала перед богами со словами: 'Не пуцу. Вы его отправляете в никуда и говорите, что вернёте обратно. Не верю!' А по её щекам потекли бы слезы. Но её не было, и не будет больше никогда.

— Но мы можем не вернуться.

— Если бы мы хотели отправить вас в один конец, — начала ответ жрица Мары, — то просто убили. А вы по Калинову мосту через реку Смородину можете идти не только туда, но и обратно, хотя это и нежелательно.

Я опустил взгляд. Нежелательно? А вот, хрен им, я обязательно пройду. Назло пройду и вернусь. У меня к ним слишком много вопросов.

— Люди в космос отправляются, рискуя не вернуться, и на северный полюс с южным. А подводники? Каждый поход как лотерея, — проговорил генерал.

— Я не за себя боюсь. Я однозначно пойду, с удовольствием нагажу этим мразям, но я не готов жертвовать товарищами.

— Твоя группа согласна. Не пойдёт только Перекрёсток, его не пустим.

— Это почему? — процедил я.

— Он нам нужен, — коротко ответила жрица, сверкая глазами.

— Тогда другой вопрос. Почему не боги, у простых магов может не хватить сил справиться со всем этим?

— Мы нужны здесь. Кроме того, выбор группы Зверобои — политическое решение, —

продолжила ответ жрица. — Группе доверяют как люди, так и живущие вне времени.

Я ещё раз поглядел на группу.

— Извини, короткая у тебя стажировка, — произнёс я, обратившись к Сорокину.

— Он пойдёт с вами, — громко произнёс жрец Сварога, подошедший в этот момент поближе.

— Как пойдёт? Я не возьму его с собой. Он не проверенный и не подготовленный человек. Я против, — ответил я представителю божества.

— Это решено.

— Я против!

— Это решено! — повторил жрец, — Он нужен!

Я нахмурился. На носу важная миссия, а мне подсовывают стажера, который станет балластом, который может не вернуться, повиснув на душе тяжёлым грузом.

— Зачем? Его убьют в первом же сражении, а если нет, то нам придётся отвлекаться на то, чтоб защищать его. Я против.

— Не тебе решать, человек!

— Я вам не подчиняюсь! У меня для этого есть свои командиры!

— С ними вопрос согласован. И ты обязан подчиниться! — ответила устами жрицы Мара, пылая синим огнём в глазах, и ткнув мне в грудь лист с кучей подписей и печатей.

Военачальник, пришедший в этот круг, спокойно разговаривал со жрецом Сварога, как старый знакомый. Видать, не впервой общаться с высшими силами, но глаза его были направлены на наше со жрицей небольшое противостояние. Я посмотрел на генерала, и тот кивнул, подтверждая слова.

— Хорошо, — медленно выпуская из себя слова и делая шаг в сторону, произнес я, начиная рассчитывать, насколько я могу наглотать в такой ситуации.

— Вот и ладненько, — негромко произнес генерал.

— Товарищ генерал, разрешите вопрос, — произнес я, и, не дожидаясь ответа, продолжил, — нам подготовка нужна, оборудование, снаряжение и прочее. Всё же не в соседний лес пойдём.

— Есть такое дело. Вас снабдят всем, что посчитают нужным, — проговорил тот спокойно, достав сигарету, а потом похлопал по карманам.

— Разрешите, я подожгу, — указал я на белую палочку с табаком.

— Неа, знаем тебя. Если поджигать, то целые гектары.

Он подманил помощника и бесцеремонно вытащил у того из нагрудного кармана зажигалку. Затянувшись дымком, он посмотрел на меня с лёгким прищуром.

— Ты не торопись, полгода есть в запасе. Составь список, а оборудование мы всё подберём. Пойдём пока, посмотрим, что у вас есть из техники.

Я оглянулся. Жрецы что-то едва заметным шепотом обсуждали, бросая на нас косые взгляды.

Мы двинулись в хранилище. За нами последовала целая стайка любопытных личностей.

Стажер шёл рядом, насвистывая 'На пыльных тропинках дальних планет'.

В гараже генерал подошёл к нашему Тигру, похлопал по металлическому боку, словно по шкуре крупного животного.

— Хорошая машинка. Вы же на неё поставили Корд? И кучу заклинаний, поди, повешали? Если не ошибаюсь.

— Не ошибаетесь, товарищ генерал, — ответил я, поймав сосредоточенный как у

хищника перед прыжком взгляд старого вояки.

Тот обвёл всё хранилище взглядом, остановившись на членах команды и на жрецах Мары и Сварога, а потом кивнул. В ту же секунду женщина в белых одеждах подняла руку. В её кулаке вспыхнула яркая голубоватая искра, от которой стало больно в голове, а попытки перейти на экстрасенсорное восприятие не увенчались успехом — из-за потока силы, шедшей от жрицы, слепило не только глаза.

Сразу за этим в помещение влетела пара гвардейцев Сварога, снаряженных в индивидуальную бронезащиту. Один сходу налетел на стоящего рядом со мной с контуженым видом стажера и повалил на пол, заломив тому руки за спину. Сорокин что-то нечленораздельно промямлил, уткнувшись лицом в бетонный пол. Из рассечённой брови потекла кровь.

Другой гвардеец встал в двух шагах от него и направил на голову пулемёт Калашникова. Вставленные в чёрную ленту патроны блестели серебряными пулями. Стажер дернулся, чуть не скинув со спины тяжелого воина, но тот ткнул в правый бок электрошокер. Сорокин, вместо того, чтоб обессилено обмякнуть, зло зарычал как дикое животное и заскреб бетон ногтями, заставив нас поморщиться, тут же получив прикладом по голове.

Всё это выглядело как заранее спланированная акция.

Я вопросительно посмотрел на генерала, но тот сосредоточенно сверлил взором курсанта. Щёлкнули наручники, а в спину стажера упёрлось колено тяжёлого гвардейца. Ладонь в перчатке придавила голову к полу. Мимо жрецов к курсанту быстро проскочил высокий худой мужчина с черной бородкой клинышком и крючковатым носом, одетый в синюю спецовку. Было в нем что-то смутно знакомое, отчего по коже побежали мурашки, но я не мог понять, что именно. Меж тем он ловко вынул из небольшого футляра слегка светящуюся фиолетовым светом спицу длиной с карандаш. Спица была тонкая как человеческий волос, но под пальцами долговязого не ломалась и даже не гнулась. Мужчина, недолго думая, вогнал спицу стажеру в висок. От этого вся группа ахнула, а генерал подался вперёд, забыв моргать.

Сорокин заорал, словно его в кипяток опустили, но вырваться не смог, и лишь быстро заелозил по бетону кроссовками.

Долговязый перехватил спицу и стал крутить её двумя пальцами, как стоматолог, выдергивающий нерв из больного зуба.

— Терпи, терпи, хьё, — произнёс он, вытягивая слова, — Терпи.

Хьё! Так называли людей бесы. Он один из них, при этом говорил без всякого акцента, присущего жителям нави.

Бес медленно вытянул спицу из головы стажера. На тонком стерженьке соплей повис чёрный сгусток. Сорокин перестал орать и с тяжёлым выдохом обмяк на полу. Я скривился от такого зрелища.

— Это оно? — спросил генерал, разглядывая субстанцию.

— Да, Стратег, — ответил бес, убрав спицу вместе с намотанным на неё сгустком в футляр. — Всё.

Генерал выдохнул. Жрица Мары погасила искру и опустила руку. Ратники отошли в сторонку, а к стажеру подскочила худенькая девушка с длинными соломенными волосами и изумрудно-зелёными глазами, одетая в белый врачебный халат на голое тело. Она провела ладонью над неподвижным Сорокиным, а потом прикоснулась кончиками пальцев в голове.

— Незначительные повреждения головного мозга, — мягким голосом заговорила

она, — повреждены речевые центры, незначительно повреждены слуховые нервы, некоторые повреждения лобных долей. Он около года не сможет говорить, не будет слышать правым ухом, возможны частые депрессивные состояния. Замена мозга на субстанцию вторженцев окончательно не завершилась. Я прослежу за лечением.

— Хорошо, Береста, — произнесла жрица.

— Можно узнать, что происходит, — спросил я, наконец, у генерала.

Тот вздохнул, словно сбрасывая напряжение, а потом ответил.

— Появилось два эмиссара Черной Орды. Один комплектует армию и ведет боевые действия, а второй пытается вести разведывательную и диверсионную деятельность. Они научились подсаживать к обычному человеку такой вот подарок, нечто вроде пульта дистанционного управления к телу, который со временем заменяет мозг. Ещё пару дней, и пришлось бы убить бедолагу. Одно радует, что это штучная система, иначе бы город был наводнён самыми натуральными зомби. Проблема в том, что им удалось узнать, что мы собираемся включить в состав группы сотрудника спецслужбы и решили его сделать своим агентом.

— Стажер липовый?

— Он будет полезен, — вместо ответа произнес генерал, при этом криво улыбнувшись.

— Он был неадекватен всё это время, — недовольный таким поворотом событий выдал я свои наблюдения.

— И чем дальше, тем больше? — переспросил генерал наигранно подняв одну бровь, — это шёл процесс перестройки мозга. Мы не разобрались во всех деталях, но на поведении в основном и прокалываются эмиссары Орды. Их психика слишком далека от нашей, и они не отличают нормальное поведение от такого. Это как при бешенстве, немотивированная радость, резко сменяющаяся сильной агрессией, иррациональный страх, смерть.

— Мы отслеживаем всех умерших в городе, — включилась в объяснение жрица Мары, — было выявлено, что душа попадает в Навь, а тело продолжает ходить по городу, как ни в чём не бывало, более или менее адекватно отвечая на вопросы. Совсем не так, как положено ожившему мертвецу. Начались тотальные проверки, в том числе и в силовых ведомствах. Нам очень хорошо помогает последнее обновление фантомной стражи. Они при сканировании выявляют признаки поражения тленом разума и по закрытым каналам отправляют информацию в спецслужбу.

Я вспомнил про не определившийся и недоступный для удаления маячок.

— И что теперь с ним будет? — спросил я, показав на неподвижного Сорокина.

— Он включен в состав экспедиции. Этот вопрос прошел все этапы согласования. Он пойдёт с вами. Заменить уже не получится.

— Но, он же нездоров, — изумился я.

— Он более-менее вернёт адекватность к вашему убитию.

— Я не врач, чтоб осматривать его. Я боевой маг. И никто у нас больше первой помощи оказать не сможет.

— Береста пойдёт с вами в качестве штатного целителя. У вас всё равно вакансия.

— Она кто?

— Берегиня.

— И то хорошо. Хоть удара в спину не буду ждать, — выдохнул я, устав от нахлынувшей информации, — Хорошо, что за полгода можно нормально подготовиться.

— Полгода было произнесено для эмиссаров Орды, — сказал генерал, достав новую

сигарету.

— Сколько времени у нас есть?

Генерал сделал глубокую затяжку, а потом долгий выдох.

— Три дня. Вся операция, вообще, будет идти в диком темпе. Аналитики предсказывают, что вторженцы раскусят наши планы на седьмой день. Тогда начнется гонка на выживание.

****

Координатор Диверсий получил знание: наблюдатель за магами уничтожен. Цепь деяний оборвана. Координатор перешел в состояние смятения негативных размышлений. Люди бы сказали: 'Он раздосадован'.

Но что важнее, подтверждена достоверность ранее полученных знаний о предстоящих событиях в городе. Все существа связанные с этим помечены как первоочередные.

Цепь деяний оборвана. Необходимо начать новую цепь деяний, ведущую к Цели. Координатор отдал приказ, и в одной из рукотворных человеческих пещер-подвалов в городе-крепости из оцепенения вышел боевой кластер скрытого действия. Черная человекоподобная фигура, задрожав от нахлынувшего предчувствия убийств, вырвалась из защитного кокона и в сопровождении ищек выскочила в ночную подворотню.

Мясник вышел на охоту.

ГЛАВА 8. ПОДАРКИ БОГОВ

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

— Кыш-кыш-кыш, — услышал я голос генерала Булычёва, сидевшего за столом у входа в наше хранилище, превращённого в место подготовки к переброске. Более того, именно здесь будут открывать ход.

Генерал осторожно махнул книгой, отгоняя колдовское создание. Мохнатое тельце большого насекомого проползло по столешнице, а потом зажужжало слюдяными крылышками и взлетело, отправившись к своим собратьям. Сотни пчёл, созданных мной, кружились по хранилищу, готовые кинуться на возможного врага, чтоб исчезнуть в яркой бело-голубой вспышке. Они были подвластны моей воле, являясь частью моей ауры, используя мой разум как сервер, но древние человеческие инстинкты заставляли окружающих вести себя так, словно это дикий непредсказуемый рой, что, впрочем, порой было на руку. А меня они успокаивали, давая ощущение защищенности и комфорта, отчего я периодически окружал себя летающим минным полем, наслаждаясь покоем.

— Пусть они не подлетают, — произнёс генерал, грозно зыркнув на меня, — читать мешают. Тренировка тренировкой, но не нервируй.

Я не ответил, но вокруг начальника сразу образовалось пустое пространство. Я действительно решил подействовать на нервы нашему новому куратору. Всё из-за того, что он постоянно был здесь, словно ему заняться было нечем, ни продохнуть, ни расслабиться. Мы и так готовились. Я гонял народ, не жалея ни себя ни их. Времени мало, а задача стоит перед нами сверхъестественно опасная.

От открытых ворот в железо-бетонное помещение вместе с легким ветерком проникал горячий воздух, смешиваясь со звонким эхом бряцающего железа, перекладываемых инструментов и редких перекликиваний.

На металлическом стеллаже, стоящем в глубине хранилища, Оксана пятый раз перебирала вверенный ей пулемёт и, надев на руки тонкие латексные перчатки, раскладывала по коробам ленты с патронами калибра двенадцать целых семь десятых миллиметра с серебряными пулями. Специальные полые алюминиевые колечки, на которые я наложил облегчающее закливание, мелко тряслись, прицепленные к корпусу пулемёта, стремясь вверх. С ними оружие весило во много раз меньше, позволяя хрупкой девушке легко нести смертоносный груз.

Луника взгромоздилась в углу у самого потолка, держа под контролем свою человекоподобную аватарку. Девочка раскладывала на бетонном полу всевозможные черепа: лошадиные, собачьи, сусликовые и многие другие. Умение создавать плотные тени из останков животных могло помочь в разных непредвиденных ситуациях.

Безымянный и молчаливый призрак механика-водителя, впаянный в аккуратно отремонтированную после попадания противотанкового гранатомёта броню, прозрачной голубоватой голограммой тоскливо ходил вокруг боевой машины пехоты и тыкал пальцем на пятнышки и подтёки. Тени сусликов под его руководством терли черными лапками корпус БМП, облепив его как белки кормушку.

Сидевший неподалеку от меня за своим столиком Сорокин ткнул в клавиатуру ноутбука пальцем, и по хранилищу разлетелись звуки тяжелого рока, рождаемые большими

колонками, стоящими под столом, заставив начальство нахмуриться, а меня поднять глаза к потолку и тяжело вздохнуть. Стажер подбросил вверх волшебные палочки, поймал их, а потом стал сидя на стуле с закрытыми глазами двигаться в ритм музыки. Волшебными палочками при этом он самозабвенно совершал движения, словно они барабанные. Под конец композиции он их резко вытянул вперед, вскочив со стула. С пола один за другим поднялись четыре пистолета-пулемёта Каштан, зависнув квадратом на уровне лица. Следом потекла по воздуху вереница патронов. В отличие от моего, использующего обычные патроны 9x18 мм от пистолета Макарова, его были модификацией под боеприпас типа 9x19 мм Парабеллум. Маленькие патроны на лету расходились в четыре ручейка, и со специфичным щёлканьем вставлялись в магазины. Каштаны синхронно звякнули предохранителями, дёрнулись затворы, проверяя чтоб в канале ствола ничего не было. Снова клацнули предохранители, а после магазины встали на свои места.

Может, энергии и опыта у него меньше чем у меня, Ангелины или Николая, но упорства в тренировках ему было не занимать.

Тем временем стажер качнул рукой с зажатой в ней палочкой в сторону. Пистолеты-пулемёты дёрнули стволами, уставившись на невидимую мишень.

Я решил подыграть. Одна из пчёл зависла в десяти метрах от него и вспыхнула ярким оранжевым огнём. Стволы снова дёрнулись, поймав цель. Пчела зигзагами полетела к выходу, и оружие сопровождало её до самого исчезновения.

Вспыхнул новый огонёк, а потом резко другой. Каштаны неизменно направлялись в нужном направлении. Когда я создал сразу четыре огонька, то был приятно удивлён. Стволы стали выцеливать каждый свою пчелу.

Сорокин покрутил в левой руке палочку, пару раз картинно стукнув о столешницу. В воздух поднялись два видеорегистратора и яблоко. Секунду спустя, вокруг фрукта завертелись три небольших метательных ножа, снимая по спирали кожуру. Когда яблоко очистилось, один из ножинок быстро замелькал, разрезая плод на тонкие прозрачные дольки.

— Молодца, — крикнул генерал, тоже наблюдавший за этим представлением.

Я слегка улыбнулся, выискав несколько незначительных огрех, а потом, пользуясь экстрасенсорным восприятием, посмотрел вокруг себя. Люди и нелюди предстали в виде комбинации блёклых контуров тел и размазанных разноцветных клякс их аур, окружающих голову.

Генерал был расслаблен и уверен в успешности всего мероприятия. Тонкие зеленоватые нити любопытства тянулись в разные стороны, прикасаясь как щупальца осьминога-дистрофика, к оборудованию, членам команды и книжке, которую тот так увлечённо читал.

Серо-голубые нити заботы Оксаны ласкали пулемёт. Дай ей волю, она под подушку класть его начнёт.

Сорокин, наоборот, пульсировал хаотичными цветовыми пятнами, словно он проникся музыкой до самых глубин души, а аура работала как цветомузыка.

В его ауре порой быстро проскакивали нездоровые тёмные кляксы, о которых говорила Береста. Не хотел бы я побывать на его месте, когда тебе вырежут часть мозга, да еще и инопланетным паразитом, хуже только полная лоботомия.

— Я пришла, — раздался, повторённый эхом жизнерадостный голос.

В хранилище с большим пакетом, с искрящейся в нём испуганными аурами мелкой живностью, заскочила Света. От неё тянуло беззаботностью, а несколько нитей, среди

которых были и любопытство, и забота, и желание тесного контакта, красуясь изгибами, коснулись колючего Сорокина. Во всё это вплелась характерная только для вампиров нить алого цвета. Это выбило стажера из колеи, отчего вниз посыпались патроны, яблоки и ножи. Оружие и регистраторы он подхватил в самый последний момент, причём один из приборов руками, уронив палочку на бетон.

— Товарищ генерал, вот, вы просили, — произнесла Света, поставив на стол бутылку дорогой минералки.

— Спасибо, солнышко, — ответил тот сомнительным для вампириши комплиментом, оторвавшись от книги.

Тем временем Света кинула мне упаковку сока, а потом достала из пакета коробку. Живность была мышами, купленными в 'Потусторонке'. С потолка неспешно спустилось чёрное щупальце Мягкой Тьмы. Света вложила одну мышь, грызун сверкнул паникой, а потом погас. Остальную живность девушка поставила на разукрашенную БМП в качестве бутерброда паучихе. Луника очень любила полакомиться мышатиной.

Себе вампириша достала гемакон, из которого стала тянуть человеческую кровь, как сок из пакетика.

Я открыл глаза. Света сидела на складном стульчике, напялив солнцезащитные очки. Сама она была одета в костюм для пляжного волейбола и кроссовки.

— Слушай, ответ, мол, я чё, я ни чё, не устраивает, — обратился я к Светлане, — если тебе донор нужен, то иди, купи, пока не отбыли, а от него отстань. И так хлопцу досталось, все мозги наизнанку вывернули. Лучше машиной займись.

— Не нужен мне донор, — вспыхнула ни с того, ни с сего вампириша.

Она хотела ещё что-то сказать, но её перебил сигнал грузового автомобиля, подъехавшего прямо к воротам хранилища.

Из кабины вскочил вояка с нашивкой рати Перуна. Он отдал воинское приветствие Булычёву, а потом задал вопрос.

— Товарищ генерал, куда разгружать имущество?

— Туда, сынок, — ответил наш куратор, и махнул прямо на то место, где я стоял, а потом обратился ко мне: — Соснов, созывайте всю группу.

КамАЗ развернулся, и водитель откинул борт. К тому времени подошли солдаты из батальона поддержки 'Трассеров' и стали ловко скидывать запаянные в полиэтилен свёртки и непонятно маркированные ящики.

Подтянулась группа. Генерал построил нас в одну шеренгу и начал лекцию.

— Товарищи первопроходцы, нам прибыла первая партия специального оборудования совместной разработки наших магов из Осколково и Уважаемых Старших Духов, то бишь, богов. Первый экземпляр, — генерал махнул рукой, подзывая снаряжённого в полевую форму и комплект тактического снаряжения солдата, — улучшенный вариант экипировки Ратник. Всё, что можно, заговорено и зачаровано. Так сказать, сплав науки и метафизики. При произнесении специального заклинания форма меняет цвет под окружающий фон, без заклинания имеет стандартную защитную расцветку. Помимо разгрузки, бронезилета и шлема, в состав защиты входит индивидуальный силовой щит, снижающий эффективность поражения пулями и осколками, кстати, он может использоваться одновременно с тем щитом, что вы продемонстрировали, дополняя его. Это подарок от Стрибога, при приближении быстрых объектов на их пути воздух загустевает до состояния киселя. Наши пробовали, мелкую дробь и пули из биатлонных винтовок останавливает полностью, а вот

бóльший калибр нарезного, пули и картечь гладкоствольного уже нет. Но удар смягчает заметно.

Генерал отпил минералки, прежде чем продолжить.

— Был раскрыт секрет старого колдовства под названием Семиведёрная фляга, когда в малый объем можно вместить очень большое количество материи, правда, масса никуда не девается и приходится постоянно использовать совместно с ними облегчители, но последнее вы умеете. В следующих образцах колдовского искусства такие чары уже встроены. Например, классическая армейская фляжка. Облегчитель встроен в ободок у основания горловины. Сама фляжка вмещает ровно семь литров воды вместо стандартного литра. Вполне хватает для большинства нужд. Далее пошёл полет фантазии наших мастеров, как то: магазины к автоматам Калашникова на двести патронов каждый, рюкзак, в который можно спрятать запас пайка на месяц и всё что нужно, правда, рыться в нём стало неудобно. Пришлось навешать кучу карманов. Есть канистры для топлива и технических жидкостей, по виду на пять, десять и двадцать литров, но они соответственно вмещают тридцать пять, семьдесят и сто сорок. Есть ящики для боеприпасов с таким же масштабом вмещаемого количества единиц, но об этом достаточно. Продумана магическая система глушения выстрела.

Он еще некоторое время вел лекцию, вертя в руках то один прибор-артефакт, то другой, а потом поставил задачу разбираться самим, громко дав команду: 'Разойдись!'

Я взял часть экипировки и пошел домой, чтоб там спокойно поковыряться.

— Егор, — услышал я голос Булычёва, который вернулся к своему месту.

— Я, тащ генерал! — рефлекторно последовал мой ответ, что-что, а уставной порядок обращения в армии прививается даже привыкшим к самостоятельным действиям и особому отношению боевым магам.

— Подойди-ка сюда.

Я положил на бетон свертки с имуществом и приблизился к столику генерала. Тот подождал, а потом неспешно положил на край столика несколько документов, подвинув пальцами в моем направлении и выразительно посмотрев на меня.

Я взял их со стола. Документы были распечатаны на обычном лазерном принтере, прошиты серыми нитками и проштампованы синими печатями. В правом верхнем углу значилось 'для служебного пользования'.

— Что это?

— Это я так, выжимки тебе в дорогу собрал на всякий случай. Там по международному праву, по действиям миротворческих сил и прочая ерунда на случай контакта. Психологи хотели в группу своего запихать, но их не утвердил Дажбог, сказав, что психолог станет только обузой для решительных действий, мол, не дураки, сами разберутся. Наши, вообще, хотели человек сорок протолкнуть, даже многие высшие уже было кивнули, но кто-то вмешался.

— Кто?

— Не знаю, может Сварог, может кто из темных, но пойдете только вы. Одну берегиню разрешили, и то конкурс, говорят, дикий был.

— А Сорокин?

Генерал скривился, словно я наступил на большую мозоль.

— Его уже списали, но в списках он прошел, и потому пойдет с вами в качестве груза.

— Как списали?

— Ну... совсем... его из живых уже вычеркнули. А он жив. Знаешь... это большая игра... тебе потом всё расскажут, сейчас нельзя. Я понимаю, что недомолвки не нужны, но так надо. Поверь, — виновато произнес он.

Я промолчал, скосив глаза на стажера.

— Ты не обижай его, — продолжил генерал, — ему и так досталось. На десяток человек хватит намучиться...

****

Большой сизый голубь сидел на водосточном желобе. Он вращал головой и наблюдал за людьми, суетящимися в ангаре с техникой. Люди таскали и разбирали железяки и ящики, но до птицы не доносилось ни звука. Полог тишины, наброшенный на городок, препятствовал голосам и шуму. Чтоб что-то услышать, голубю нужно было проникнуть внутрь колдовского круга.

Птица скрежетнула лапками по жести водостока и сорвалась в полет, но он был не долгов. С неба на него обрушилась крылатая молния. Сокол-сапсан войдя в пике атаковал шпиона на скорости в триста километров в час. От удара когтей, принадлежащих самому быстрому охотнику на планете, голубя разорвало на три неровных куска. Тушка упала на бетон, расплескав по нему красную кровь и черную кляксу, а сокол у самой земли вышел из пике и вновь начал набирать высоту, уходя на боевое дежурство.

Координатор Диверсий отметил наличие защиты от получения знаний.

ГЛАВА 9. ТЕРАКТ

-- Егор Соснов — Новониколаевск--

Поковыряться спокойно не получилось, снова истошно завывла сирена, извещающая о тревоге, снова побежали солдаты, подгоняемые криками командиров подразделений. Я потянулся за рацией, готовый поторопить своих подчиненных, но меня остановил Булычёв.

— Это нас не касается.

Он сосредоточенно замер, стоя у своего стола, только лишь медленно перебирая кончиком большого пальца по подушечкам остальных.

— Что случилось-то хоть? — спросил я у него, когда Булычёв наконец вернулся в наш мир, достал из кармана телефон и отправил кому-то короткий знак вопроса по смс.

— Сейчас доложат. Я задачу поставил.

Словно прочитав его мысли, в ворота хранилища зашел комбат, что при Трассерах. Подполковник Дружев, снаряженный в боевую экипировку, поправил лямку на ремне кевларового шлема и обратился к Булычеву.

— Товарищ генерал, подана команда триста тридцать три. Шарахаются, суки, там же, где и в прошлый раз, но прямого столкновения пока нет. Ни танков, ни прочего не видно. Как мое мнение, так это перегруппировка перед ударом. Через час вдарят. Было уже такое.

— Спасибо, — ровным голосом ответил Булычёв, словно не о войне шла речь, а об электричке, которая опаздывает.

— Товарищ генерал, когда уж северный мост барьером накроют? Тяжко его постоянно стеречь. С барьером-то сподручнее.

— Как только, так сразу, — ответил начальник, не шевельнув ни единым мускулом на лице.

— Разрешите идти? — спросил комбат, скрипнув зубами.

— Идите.

Я смотрел на это с некоторым недовольством. Там сейчас люди свою жизнь подставлять будут, а этот даже слов хороших не нашел.

Генерал снова поднял телефон и застыл с ним в руке, прикрыв при этом глаза. Аппарат пиликнул, и начальник резко поднес его к уху.

— Где? — коротко спросил он, а потом добавил: — Юго-запад, значит. Какие еще сведения? Я понял, спасибо.

Я перехватил другой рукой мешок с экипировкой, что нам вручили, и повернулся к выходу. Краем глаза отметил, что генерал опять вскинул телефон на очередной звонок.

— Бросай, — произнес он, и я не сразу понял, что он обращается ко мне.

— Что случилось, тащ генерал?

— Дерьмо случилось, вот что. Поехали.

Прямо к ангару подъехала служебная машина, и только мы вскочили в нее, рванула с места, цепанув защитой двигателя лежащий полицейский. У выезда из городка нас ждал экипаж военной автоинспекции, который, включив сирену и проблесковые маячки, помчался впереди. Генерал ничего не говорил по пути, да и ехать пришлось не долго.

Машина подрулила к 'Потусторонней радуге', в которую мы недавно ходили со стажером. Открывшееся глазам зрелище было сравни фрагменту с поля боя. У торгово-

развлекательного центра были выбиты все стекла, да и не только у него, но и у припаркованных на специальной площадке фирменных машин такси. Со всех сторон верещала сигнализация. На асфальте, вокруг небольшой вмятины в потрескавшемся асфальте лежало несколько тел, над которыми уже трудились врачи скорой помощи. К трем белым машинам с красными крестами сразу после нашего приезда присоединилась еще одна. Несколько охранников выводили паникующий народ. Из трех серых КАМАЗов с синими полосами на бортах выскакивал ОМОН.

С магистрали к комплексу заруливала пожарная машина, извещая о своем прибытии воем сирены.

Булычёв хлопнул дверью и быстрым шагом направился к месту события, буркнув короткое: 'За мной'. Я пошел следом.

На полпути к нам подбежал незнакомый мне майор и стал тараторить.

— Товарищ генерал, зомби, снаряженный взрывчаткой. Его на входе волчара унюхал, поднял тревогу, тот и рванул прям здесь. Я даже в душе не знаю, как они его так протащили. Заслон стоит, а этот тут это...

— Я понял, — со сталью в голосе ответил начальник.

— Товарищ генерал, сейчас аналитики работают...

— Я понял! Иди, работай!

Мы подошли к самой воронке. Бросился в глаза разорванный пополам вервольф в ошметках черной жилетки охранника, живой только благодаря своей сверхъестественной сущности. Он жалобно скулил, и царапал когтистой рукой асфальт, залитый кровью. Сизые потроха, оборванные, как кусок садового шланга, тянулись на пару метров в сторону. Конечность была только одна, а на месте второй висели кровавые лохмотья. На жаре темная жидкость быстро превращалась в коричневые коросты. У получеловека-полузверя сидела совсем молодая девочка-врач, бледная как лист капусты. Увидев мой взгляд, она пробормотала еле различимо, словно оправдываясь.

— Я не знаю, что с ним делать. Люди при таком не живут.

— Ничего не надо, — ответил я, — разве только обезболивающего вколите. Он через месяц как новенький будет. Нечисть он.

— Вижу, что нечисть. Всё одно жалко.

Я горько улыбнулся. Если бы не волчара, жертв было бы больше.

— Там еще один! — разнесся над площадкой перед входом крик.

Я подумал сначала, что это про раненого или, как вариант, про еще один изуродованный труп, но по толпе, стоявшей поодаль от торгового центра, прокатилась новая волна паники, а внутри раздались вопли. В руку вцепился Булычёв и силой поволок сквозь разбитые витрины.

— Может, остальных собрать?

— Не успеем. Выродки оттянули на периферию внимание высших и войска атакой сразу с двух направлений. Все боевые маги, по идее, должны быть далеко. Боги перекинули основной поток энергии на места штурма, который является только отвлекающим маневром. Эти уроды становятся всё изворотливее и изворотливее.

Мы проскочили через опустевшие кассы и пробежали в зал супермаркета. На полу в лужах темной крови валялись тела, у одного из которых была оторвана голова, совсем как у Анны тогда, а это значит, что здесь успел побывать Мясник. Я стиснул зубы и потрянул головой, направившись дальше, не время сейчас о таком думать, там, отрезав пути к бегству

где-то двум десяткам человек, стоял смертник. Люди замерли в ужасе, глядя как одетый в курточку не по размеру и не по сезону мертвец, мерно покачиваясь из стороны в сторону, смотрел в пустоту.

А по нашу сторону стояла жрица, воздев лицо и руки вверх. От женщины исходила сила, какую мало где узришь. Даже обычный человек мог заметить дрожащий вокруг нее воздух.

— Что она делает? — не отрывая колкий взгляд от событий, спросил Булычев.

— Режет.

— Давай без ваших терминов, я же не маг, — огрызнулся он.

— Она глушит сигнал управления мертвяком. Иначе некромант, или кто там его ведет, уже рванул бы.

Генерал кивнул.

— Садани по нему. И делов-то, — произнёс он.

— Не могу. На нем щит стоит. Он может быть запрограммирован на самоликвидацию при попытке прямого воздействия. Щит хороший. Даст время на активацию заряда.

— Ждем саперов.

— Нет, — ответил я. — Я пошел.

Генерал не ответил, но снова кивнул и отошел на несколько шагов назад.

Я поставил собственный заслон и почти на цыпочках пошел вокруг мертвяка, стараясь, чтоб барьеры не соприкоснулись. Кто его знает, что за приказы сидят в этой гнилой башке. Зомби заметил меня и, сухо заохав, закачался быстрее, куртка распахнулась, и там стал виден пояс со взрывчаткой.

Вскоре я встал так, что оказался между людьми и ходячим снарядом. Теперь можно было не бояться. Взрыв саданет по моему барьеру, поглотившись почти без остатка. Это всяко слабее чем, четыре танковых снаряда.

Я повернулся к людям. Некоторые рыдали, некоторые крестились и шептали молитву. Одна женщина упала на колени и потянула руки к жрице.

— Мать Сыра Земля, защити нас!

Особняком стояли несколько девочек с цветными пионерскими галстуками. Двух я узнал. Одна предлагала мне в поезде овинника под видом домового, а вторая, постарше, была кандидаткой в жрицы Макоши, важно ходившей тогда по вагону. Они и здесь вместе держались. При этом я заметил у них некую схожесть, которую упустил из виду в прошлый раз, словно они сестры.

— Все будет хорошо, — произнес я девочкам и подмигнул левым глазом.

— Ты же Посрединник? — осипшим голосом спросила молоденькая ученица богини, словно специально узнавала, что за боевой маг был тогда в вагоне.

— Да, солнышко, — ответил я.

Тем временем мертвяк начал охать все громче. Он даже сделал шаг в нашу сторону и поднял руку, словно хотел ухватить.

Я подготовил фокусный импульс посильнее, чтоб окончить этот спектакль смерти.

— Уходите оттуда! — раздался крик, — Уходите, у него маго-бомба внутри!

Я глянул на голос. Это орала невесть откуда взявшаяся Ангелина, стоящая на линии касс супермаркета, ухватившись руками за рамки детектора. Как она могла что-то почуять, когда жрица ослепляла всех вокруг, кто может видеть не только глазами? Не знаю, но доверяю её словам. Вот только уйти не успеем.

— Всем на пол! — заорал я на людей, а потом ударил мертвеца, но не фокусным

импульсом, а телекинезом.

Тело подкинуло вверх и в сторону на десять метров, а потом все озарила яркая вспышка. По помещению прокатилась ударная волна, сметающая мой барьер и сминающая стеллажи с товарами супермаркета. Я не столько увидел, сколько почувствовал, как жрицу, глушившую сигнал, откинуло на стопку с рулонами туалетной бумаги, как я и рассчитывал. Сколько было в этом взрыве мощности? Не меньше сотни в тротиловом эквиваленте.

И все же я сдержал удар, а перед тем как провалиться в беспамятство успел заметить большой черный цветок размером со сковороду, выскочивший из кучи разбитых горшков с растениями и шмыгнувший в измятый воздуховод. Один из кукловодов этого адского спектакля. Осколок чистого зла. Наблюдатель.

Из тьмы меня вывели шлепки ладоней по лицу.

— Вот ведь, засранец, — как сквозь толщу воды доносился глухой голос Ангелины, — геморроя только и успеваешь покидывать. Они же специально ловушку с двойным дном сделали. И панику среди горожан посеять, и на магов поохотиться. Это ж первый принцип минирования. Одну под объект, вторую против саперов. Двоечник.

Я скривился и облизал разбитые губы. По подбородку текла кровь из носа.

— Очухался! — произнесла магесса, а потом вlepила еще одну пощечину, — это за наши переживания.

Тут же на грудь ко мне плюхнулась Ольга, улыбаясь от уха до уха. Я погладил девурку, а потом осторожно отстранил от себя, встал и осмотрелся, стараясь не кашлять и взяв тоненькую руку лесавки. В сторонке стояла, поджав губы, стояла Белкина, по её щекам текли слезы. Поняв, что я заметил, девушка отвернулась.

— Все целы? — спросил я.

— Все контужены, но живы, — ответила Фотиди, — ты конечно монстр, такую хрень удержать.

— А жрица?

— Скорая увезла. У нее несколько открытых переломов.

Я кинул и улыбнулся.

— Это хорошо, что все живы. Вам кто сказал про теракт?

— Да... — отмахнулась вместо ответа Ангелина. — Не все ли равно?

— Надо будет теперь всегда в резерве толкового мага оставлять, — проговорил подошедший генерал Булычёв. — Раз они такие манёвры отчебучивать начали.

— Вы словно не человек, — медленно проговорил я, — тут гибнут люди, а вы категориями мирового масштаба размышляете. Для вас это компьютерная стратегическая игра.

— Не имею права по-другому, — ответил генерал, — буду думать иначе, жертв будет больше. Может, потом поймёшь.

Генерал повернулся и замер, уставившись на немного пухленькую женщину среднего роста, которой еще секунду назад не было и в помине. Костюм ее был под стать княгиням. Светло-зеленая лёгкая материя расшита золотом и драгоценными камнями, в основном изумрудами. На пальцах блестели многочисленные перстни и кольца. В волосах красовались разноцветные шелковые ленты, а тугую грудь пятого размера, готовую выпрыгнуть из глубокого выреза, прикрывало ожерелье из больших зеленых камней. Глаза женщины горели бирюзовым огнём.

Она постояла так несколько секунд, а потом как-то неуловимо поменялась, можно

сказать, стала человечной. Из её спины словно выдернули незримый стержень, она слегка ссутулилась, а черты лица смягчились. На лице проступила улыбка.

— Здравствуй, матушка, — низко поклонился Булычёв, коснувшись пальцами правой руки пола в традиционном русском приветствии.

— И ты здоров будь, Стратег, — ответила женщина, а потом перевела взгляд на меня. — Подойди ко мне, Егорушка.

Я ошалело подступил к женщине, уже понимая, кто это.

— А ты таков, каким мне тебя Мара Моревна описывала, — продолжила женщина, — ну что ж, прими в дар от меня, соткала в путь-дорогу вам.

Она протянула небольшой аккуратный свёрток белого полотна. Я низко поклонился, коснувшись кончиками пальцев правой руки пола, как того требовал этикет при общении с высшими. В столице и других регионах страны такой поклон, чтоб согнуться в поясе, а руку от сердца и до самой земли был редкостью, и применялся только во время официальных церемоний, а в Новониколаевске богов и сильной нечисти много. Часто приходилось это делать.

Женщина едва заметным движением кивнула в ответ, развернулась и пошла прочь. Пройдя десяток шагов, она обернулась и произнесла: 'Спасибо тебе за ученицу', а потом беззвучно растаяла в воздухе.

Я выпрямился и покрутил ткань в руках. Из складок на пол упала небольшая записка. Я поднял её, на той красивыми кренделями было написано три слова.

'Скатерть-самобранка. Макóшь'.

****

Координатор Диверсий был в позитиве. Люди сказали бы: 'Он злорадствовал'.

Все ближние по времени звенья деяний принесли плоды: тактика отвлечения внимания показала себя эффективно; цепь деяний по изматыванию войск противника благополучно запущена; энергетический потенциал приоритетных целей-магов определен.

Координатор размышлял и в тоже время наблюдал, как боевой кластер скрытого действия уходил от места атаки, унося оторванную человеческую голову, уже не живую, но еще не мертвую, благодаря колдовству, унося источник знаний о единицах скрытого действия, принадлежащих не людям, но существу высшего порядка. Люди называют это существо по-разному: Брахманом, Родом, Небом, Аллахом, Господом Богом. А координатор называет его Самой Главной Целью.

ГЛАВА 10. ТОПЬ

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

После теракта мне отлеживаться не дали. Береста сноровисто подлечила мои ушибы, приложив к разным местам карточки с заламинированными подорожником, ромашкой и мятой, всегда имевшиеся у нее в медицинской сумке, которую она теперь постоянно таскала с собой. Помимо этого берегиня поводила руками, снимая головную боль. Во время этих манипуляций, я пропитался к ней искренним уважением. Вот уж действительно, лучшая из лучших: разбитая губа срослась за считанные минуты, а от боли в остальных местах не осталось и следа. Разве что синяки остались, но и те резко пожелтели, словно им была неделя, а не пара часов. Напоследок она мне вколола какие-то витамины обычным одноразовым шприцом.

Генерал Булычёв убедился, что со мной всё в порядке и погнал нас всех на очередное занятие, а сам остался выслушивать того самого майора, который во время теракта всё твердил об аналитиках.

Нас долго натаскивали на всю эту заговорённую экипировку. Вручили мобильные и стационарные хрустальные шары и разнообразные палочки. Не забыли снабдить исходниками к самым разным заклинаниям, как говорится, на всякий пожарный случай.

Генерал Булычёв снова появился у нас в хранилище сразу после очередной лекции и поставил прямо в хранилище раскладушку с хорошим матрасом и теперь валялся на ней, почитывая очередную книгу, и периодически давая указания, словно ничего и не было. Он даже немного взялся шутить, только шутки у него были с бородой, из справочника старого чекиста.

Уже к вечеру пришлось возиться с синтетическими фантомами. Мне, как командиру подразделения сунули стопку с лазерными дисками, на которых были сохранены установочники рукотворных призраков. На вопрос: 'Почему не жёсткий диск или флешка?' ответили, что так надёжнее. Вдобавок сунули отдельный DVD-привод, подключаемый кабелем, как к компьютеру, так и к смартфону.

Я не спал уже сутки, накачиваясь плашками с благословениями Сварога и Перуна и крепким кофе. Перед глазами пестрели всевозможные дүхи консультанты, призраки-энциклопедии, говорящие интерфейсы. Выражение 'на том свете выпитесь' в связи с поставленными перед нами целями переставало быть простой фигурой речи, а превратилось в наиболее вероятную действительность ближайшей перспективы.

Я один за другим сложил диски в специальное портмоне, камуфлированное, как и всё другое. Оставил только один. Мне его супруга когда-то подарила.

Я вставил диск в привод. Он зашуршал, а в сторонке от клавиатуры в воздухе возникло размытое пятно. Клякса сформировалась в синтетический фантом-открытку, изображающую стилизованную копию моей жены, которая, как и все искусственные сущности была размером с ладонь. Эдакая объёмная открытка-фея типа 'Мы всегда будем рядом'. Фантом не умел разговаривать, и только выискивал моё лицо среди остальных, да улыбался. Мог ещё сидеть на краешке монитора, кружке кофе или ветке, тихонько покачивая ножками и шевеля радужными крыльями бабочки.

Красиво получилось, а главное, похоже. Глаза, один льдисто-голубой, а второй

изумрудно-зелёный, были такие же большие и выразительные. Я вздохнул и убрал диск к остальным, привязав открытку к своей ауре, так она действительно будет со мной постоянно.

Я потёр лицо ладонями. Стоящая на столе кружка с водой под действием пирокинеза закипела, выплёскивая воду на столешницу. Пакетик чая поднялся в воздух и плюхнулся в кипяток.

Я взял чай и, шумно швыряя, отпил глоток. Да, есть такая привычка, небезгрешен. Второй глоток не успел совершить — телефон задрезжал входящим вызовом. Номер не определился. Я нажал кнопку ответить.

— Посрединник, — раздалось оттуда неживым голосом, — жду тебя на набережной.

Больше ничего сказано не было, и переспросить я не успел — звонок был завершён.

Сидящий на своей раскладушке Булычёв слово что-то почувствовал. Так как отложил книгу и подошёл ко мне.

— Кто звонил?

— Не знаю. Сказали, что будут ждать на набережной, и всё.

Он немного постоял, задумчиво глядя на стену и перекатываясь с пятки на носок.

— Езжай, — наконец, выдал он, — я дам распоряжение, чтоб тебе выделили сопровождение.

— Вызов можно проследить? — спросил я у него.

Тот покачал головой.

— Здесь уже три часа как работает аппаратура радиоподавления. На сотовый в принципе невозможно дозвониться. Смекаешь?

— Думаете, из высших кто, — не то утвердительно, не то вопросительно произнёс я, вспоминая, который из духов и богов так поднаторел в современной жизни, что может сделать вызов на недоступный телефон.

— Я думаю, да. Езжай.

Я кивнул и покинул территорию городка. За КПП меня ждала машина, которая быстро добросила до указанного места. Набережная большая, но я уже догадывался, кто это был, поэтому ехал уверенный в интересной встрече.

Машина быстро проскочила по магистрали, остановившись у памятника императору Всероссийскому, благодаря которому город не оказался в своё время на задворках истории. Бронзовый исполин самозабвенно глядел вдаль.

Я вышел из машины и пошёл к реке, ответив водителю, чтоб тот не шёл за мной. Выйдя к набережной, обдуваемой лицо прохладным ветерком, я оглянулся и, никого не увидев, облокотился на перила.

Минуты шли, но ничего не происходило. Солнце уже готово было спрятаться за горизонт, вычерчивая на воде тени расположенных на том берегу зданий. Над набережной загорелись фонари и гирлянды. Люди, празднично проводящие время, ходили мимо, кто с мороженым, кто с прохладительными напитками. Невдалеке играла живая музыка, напоминая, что праздники сейчас нужны были как никогда.

— Не составишь компанию? — услышал я звонкий молодой голос совсем рядом.

Я обернулся. Голос принадлежал девушке лет восемнадцати, светловолосой и голубоглазой. Она весело смотрела на меня, держа в руке стаканчик с мороженым.

— Извините, я занят, — тихо ответил я.

— Ждёшь кого-то? — не отставала девушка, обращаясь на 'ты', словно мы старые

знакомые.

— Да.

— Тогда, может, скажешь, как тебе это?

Она сделала быстрый оборот вокруг себя, разведя в стороны руки, давая рассмотреть со всех сторон бирюзовый сарафанчик.

— Хорошее платье, — тактично произнёс я.

— Я не о том. Как тебе моё новое тело, Посрединник.

Я нахмурился и медленно огляделся по сторонам, а потом ещё раз внимательно оглядел девицу.

— Пожалуй, составлю компанию.

— Тогда пойдём.

— Куда? — спросил я.

Она пожала плечами и махнула рукой, указывая дорогу вдоль набережной.

— Например, туда. Давно я не показывалась смертным. Ты не против небольшого представления?

— Я думаю, что мой ответ ничего не решит, — ответил я богине реки Топь.

— Ты прав, но представление будет не только для них, но и для тебя.

— Последний раз, когда я вас видел, — осторожно начал я, — вы были немного не такой.

— Ты, ведь, не о теле?

— Да.

— Я впитала немного памяти той бедняги, что утонула недавно в реке, это сказалось на манере восприятия окружающего мира. Она была изрядно ветреной особой, но это даже забавно. Ходишь себе, ищешь простых удовольствий. Будешь мороженку? — произнесла она, указав на стоящий неподалеку ларёк.

— Нет.

— Зря. Вкусная. Пожалуй, самое вкусное, что я пробовала за последнюю пару тысяч лет. Вечером пойду музыкой побалуюсь. Концерт сегодня всяких молодёжных коллективов. А через месяц опять тело сменю, если надоест. Мало ли их нынче тонет.

— С вашей помощью тонет? — нахмурившись спросил я.

Она опять неопределённо пожала плечиками, а потом ответила.

— По большей части нет. Пьяная молодь сама успешно тонет. Кто на диком пляже не вынырнет. Кто зимой под лёд провалится. Мне хватает. Не ценят они дар жизни.

Мы молча прошли расстояние до причала прогулочных кораблей, где столпилось много отдыхающих людей в ожидании очередного рейса. Корабль мерно тархтел, покачиваясь на воде, еще не начав принимать пассажиров на борт. Богиня реки Топь со смехом попросила меня купить ещё стаканчик мороженого, мол, ей, барышне, покапризничать можно, а потом взмахнула рукой.

Кораблик, оказавший в тисках незримой нечеловеческой силы, резко развернулся на месте, проскрежетав об бетон бортом. Канаты, которыми он был пришвартован к пристани, лопнули как нитки. По кораблю забегала испуганная команда, которая только что хваталась руками за поручни, дабы не попадать за борт. Капитан матерился, не стесняясь разинувших рот отдыхающих.

Очередным взмахом руки богиня заставила судно осесть до опасного уровня, словно на его палубу сверху сгрузили десяток вагонов щебня или железных болванок. Следом кораблик

подпрыгнул, освободившись от невидимой ноши, как детский мячик, который ребёнок опустил на дно, а затем резко отпустил. На заполненную людьми пристань хлынули крупные тёплые волны. Некоторых зевак сбило с ног.

— Пойдём, — заговорщически произнесла она, взяв за руку.

— Куда?

— Туда, — ответила она мне, показав на воду.

— Я не хочу плавать.

— И не надо. Просто пойдём.

Она сорвалась с места, утягивая меня за собой. Пристань кончилась, но я не упал в темную воду. Под ногами возникали прозрачные ступеньки, в которых иногда мелькала мелкая рыбёшка. Они были упругими, как канцелярский ластик, и отлично держали нас обоих. Вдоль ступенек из реки поднялись несколько струек, сформировав перила.

Народ на пристани зашумел, начав снимать происходящее на камеру.

Вскоре ступеньки кончились, и под ногами осталась только поверхность реки, пружинящая, как батут в парке развлечений. Отбежали мы не далеко, не больше полусотни метров, после чего богиня остановилась, присела на корточки и тихонько шлёпнула ладошкой по водной глади. Оттуда медленно всплыло создание размером с человека, лениво вильнув плавниками, и совсем её по-рыбьи сделало 'Пф-ф-ф' верхней частью жаберных щелей.

Рыбина сделала пируэт и снова проплыла под нами. Из-за упругой воды создавалось ощущение, что мы стояли на прозрачном льду, отделавшем нас от создания.

— Нравится? — спросила хозяйка реки, показав на исполинскую щуку.

— Что это с ней?

— Это пробный экземпляр для стратегического обеспечения. Если город возьмут в осаду посерьёзней, чем сейчас, то народ нужно кормить будет. В моем распоряжении все ресурсы реки, но на целый город не хватит. Поэтому я решила создать вот такой НЗ: добавить рыбе скорости роста и конечной массы. Но законы мироздания так просто не обойти, одно изменение толкает за собой другое. По цепочке они рушат старую систему, как домик из ракушек на берегу. Быстрый рост требует быстрого обмена веществ. Этого невозможно добиться без коренных перестроек организма. Пришлось добавить теплокровность. Но в воде слишком мало кислорода для обеспечения метаболизма теплокровного организма, примерно в тридцать пять раз меньше, чем в воздухе, пришлось добавить рыбе одно лёгкое вместо плавательного пузыря и изменить систему дыхания. Теперь она может дышать и так, и эдак. Но этого всё равно мало. Пришлось перестроить всю систему пищеварения для лучшего усвоения корма. Жрёт она отменно. И лёгкое, и желудок скопированы от выдры. Почки решила не делать, оставив эту функцию за жабрами. Дальше — больше. Теплокровность подразумевает активный образ жизни, для этого нужен другой мозг.

— Тоже выдры?

— Нет. Тут своё. Ни от выдр, ни от дельфинов, ни от нерпы не подходит, тем более не подходит птичий. Мозг стал самой сложной частью работы, даже такой примитивный. Ещё пришлось сделать толстый слой подкожного жира, чтоб не было переохлаждения тела. Видишь, какая толстая. И это притом, что она годовалая.

— Да в ней килограмм сорок, — удивился я, смерив взглядом контуры гибкого тела.

— Да, аппетит отменный. Приходится подкармливать. Но больше не вырастет, стоит

ограничение. А потом буду экспериментировать с осетрами, карпами и судаками.

Она замолчала ненадолго, разглядывая свое творение.

— В дикую среду не выпустишь, съест всё.

— Зачем вы мне это показываете? — спросил я, поглядев на богиню серьёзным взглядом.

— Вам предстоит опасный путь. Мало ли что. Вот, — произнесла богиня, протянув мне небольшой цилиндрик сглаженной, как галька, веточки мореного дерева размером с половину карандаша, — здесь заклинание, которое осуществляет такие перемены. Разберёшься.

— Спасибо.

— Потом расскажешь, пригодилось или нет. А теперь ступай, — легонько махнула она рукой, давая знать, что беседа окончена.

Я не заставил её ждать, быстро убравшись на пристань. Народ расступился передо мной, оживленно обсуждая событие. Лишь на берегу я обернулся, увидев девичью фигурку, валяющуюся раскинув руки на воде, как на гамаке. Голову даю на отсечение, что стану сегодня звездой ютуба. При таком-то шоу.

Водитель в машине, подъехав прямо к пристани, не стал спрашивать ни о чём, но мне почему-то казалось, что он всё же наблюдал за мной втихомолку и записывал событие на камеру. Я сел на пассажирское место, крутя на ладони цилиндрик. И всё время, пока водитель вез меня домой, не покидало ощущение какого-то квеста. Тут бонус, там бонус.

Довезли меня прямо до родного хранилища, но я еще минут пять сидел, потупив взор, а когда вышел и повернулся к воротам в ангар, то встал как вкопанный, увидев самого себя, сидящего за рабочим местом.

****

Три пары кошачьих глаз наблюдали за городком, где обитали приоритетные особи людского рода. От трёх созданий-наблюдателей одновременно пришли знания, что там происходит непонятное перемещение. Три наблюдателя не могли ошибиться, но близко подойти невозможно, а издали сложно было разобраться в достоверности сведений.

Эхо гласило: люди на доли мгновений исчезли и появились немного в стороне.

Координатор Диверсий пытался подобрать подходящую модель деяний и событий, что объяснила бы это, но не мог. Координатор пустил цепь размышлений, пытаясь продумать события с низкой достоверностью. Люди бы сказали на его месте: 'Странно. Хитрый враг. Он что-то опять замышляет'.

Координатору не хватало знаний. Координатор решил: усилить наблюдение. К имеющимся шпионам добавились еще три опустошенные оболочки кошачьего рода, за чьи нити тянули капли деяния.

ГЛАВА 11. СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

Я долго смотрел на самого себя, вернее, на то, что было как две капли воды похоже на меня. В какой-то момент даже было желание ущипнуть мягкое место в надежде, что я всё ещё сижу в служебной машине, и просто сплю, а это дурной сон.

Но щипать самого себя я не стал, лишь посмотрел по сторонам, стараясь поменьше шевелиться. В углу на раскладушке все так же возлежал генерал-майор Бульчѐв, тихонько перелистывая страницы книги. Создавалось впечатление, что меня нет, что я растворился на фоне бетонных стен и стенда с пожарным расчётом или стал призраком.

Снаружи слышались тихие шаги, а вскоре появилась и их обладательница. Александра Белкина протопала мимо меня ко мне за рабочим столом. Она оперлась прямыми руками на край столешницы и заговорила.

— Тут предложение поступило, скатерть-самобранку проверить. Народ скоро соберётся.

Тот я, который за столом, поднял на экстрасенсорику глаза, немного посверлил её сосредоточенным взглядом, а потом снова принялся ковыряться в ноутбуке.

— Что молчишь? — переспросила магесса.

— Я здесь, — тихо подал голос я.

Девушка вздрогнула и повернула голову на звук голоса, а потом тихонько закачалась, переходя в транс, но, видимо, не поняла ничего, так как снова повернулась к рабочему столу.

— Не смешно голосом баловаться, по-детски это как-то, — проговорила Александра.

— Я не балуюсь, я здесь.

— Не чувствую, — неуверенным голосом ответила она, — не понимаю. Я же вижу, что ты здесь, — указала она на стол. Твою ауру ни с чем не перепутаю. Ты вот.

С этими словами девушка протянула руку в направлении моего двойника. Пальцы прошли через лицо, не встретив сопротивления. Александра резко отдернула руку, словно обожглась.

— Не понимаю, — тихо произнесла она. — Я никогда не ошибалась.

— Я здесь, — повторил я свою короткую фразу.

— Не замолкай, — попросила Белкина.

Я стал повторять как патефон с заевшей пластинкой, слово 'здесь', отчего ситуация стала похожа на детскую игру 'горячо-холодно'. Девушка, выставив перед собой руки, пошла на мой голос. Она была слепа от рождения, и экстрасенсорные возможности заменили ей глаза, но теперь сверхчувство дало сбой, впрочем, как и моё собственное нормально зрение. Десяток шагов спустя, её ладони ткнулись мне в грудь, а пальцы стали ощупывать торс и лицо.

— Да, это ты, а кто тогда там? — произнесла она, смущенно улыбнувшись и немного покраснев, а потом указала она рукой в сторону двойника.

— Не знаю.

Со стороны раскладушки слышался тихий смешок генерала Бульчѐва. Я обернулся и сразу зажмурился, не поверив глазам, а когда открыл их, то долго смотрел на двух абсолютно одинаковых генералов. Один лежал на раскладушке и листал страницы, а второй стоял с тем

рядом и с хитрой улыбкой смотрел на нас.

— Ловко устроили? — спросил он, показав пальцем на второго себя.

— Что происходит? — спросил я.

— Вас всех потихоньку двойниками заменяют. Ауру в пределах защитного купола глушат, и воссоздают полноразмерный синтетический фантом с копией ауры. Вот, вот, смотрите, — указал генерал в угол.

Там из воздуха возникла, как старая фотография в проявителе, Оксана. Иллюзорная навья увлечённо чистила пулемёт, уподобившись какому-то механизму в однообразности движений.

— У нас в генштабе такое используют. Со стороны и не поймёшь, сколько человек ходит по коридорам, и где какой начальник сейчас, — продолжил Булычёв.

— Я думал, что у меня глюки, — ответил я.

— Оно и понятно. Но подменыши умеют только несколько основных действий выполнять, порой ходят туда-сюда. Для шпиона эмиссара зла были озвучены сроки в полгода на переброску. Полгода и будем дурачить этих уродцев, если они раньше не раскусят, что мне кажется более вероятным. Так что там про скатерть-самобранку?

— А? Скатерть? — переспросила Александра, водя головой из стороны в сторону, пытаясь уловить моё биополе, — Всем интересно, что можно от неё получить.

— Что ж пойдём, мне самому интересно. Да и нужно всё-таки сделать небольшой праздник, отвлечь людей от этой подготовки и мыслей о преисподней.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Когда мы вышли из хранилища, то небо уже окончательно потемнело, а территория освещалась только желтым светом уличных фонарей, обозначив, что остались одни сутки до того момента, когда нас отправят в страну мёртвых.

Мы быстро дотопали до моего дома, где в зале на первом этаже уже собралась вся команда, кроме Мягкой Тьмы и Луники, оставшихся в своих убежищах в гараже. Оляха в образе кошки шмыгнула по лестнице навстречу нам, коротко потёрлась о ногу и тоже пошла в зал. Там она превратилась в человека и уже в образе рыжей девчонки сиганула на шкаф, вытянувшись там с зубом какого-то зверя в руках, больше похожего на клык саблезубого тигра, если судить по размерам. Это генерал по рекомендации Александры купил, но он сам не знал, что за вещица, просто озадачил одного из подчинённых приобрести подобного рода редкость.

Там же на шкафу сидел домовый, важно обзорежая комнату.

Поперёк дальнего кресла развалилась Ангелина, запрокинув голову и молча смотря вверх, и свесив с подлокотника ноги. Одна её рука была протянута к потолку, и в десяти сантиметрах над ладонью лениво вертелась сфера-головоломка, где маленький шарик катался по лабиринту. Шарик как раз сорвался с тонкой дорожки, заставив боевую магессу тихо выругаться.

Сорокин листал справочник языка глухонемых, неловко скручивая пальцы в жестах алфавита. Он не учёл того, что мы его не будем понимать — никто языка жестов не знал. Но делал он это, скорее всего, не для реальной пользы, а чтоб его не донимала Света, которая присела на краешек дивана и томным взглядом пронзала свою жертву.

Новенькая неподвижно стояла у подоконника с цветами в горшках и широченными изумрудными глазами пялилась на телевизор, где шли мультики про круглых зверюшек.

— Ну, наконец-то, — проговорила Ангелина при нашем появлении, — заждались уже.

Сорокин при виде генерала приподнялся с дивана, но тот рукой показал, мол, не вставай, не надо.

— Осталось только Оксану дожидаться, — продолжила Ангелина.

— А где она?

— А где ж ей ещё быть, — крихтя, ответил мне дед Семён, — мокнет в бадье полная тоски и печали. Очерёдный разок плачет по утраченной судьбинушке. Ты бы привёл её сюды, неловко без неё.

— Товарищ генерал, я щас, — произнёс я и пошёл на второй этаж, где была ванная комната.

Как и сказал домовой, Оксана лежала в холодной ванной, таращась в потолок, и только коленки торчали из-под водной поверхности. Она могла так пролежать без дыхания и движения всю ночь.

Я постучал по краю ванны, не комплексуя от наготы девушки. Давно уже привык к тому, что нечисть часто стремится к минимуму одежды, и русалка была не исключением.

— Оксан, вылазь.

Она лишь легонько повела бледно-серыми глазами на звук голоса. Я не сомневался, что дитя воды прекрасно меня слышит, просто, не хочет ничего делать.

Я вздохнул и шевельнул пальцами, выдергивая телекинезом пробку из слива. Вода быстро ушла, вильнув на прощание небольшим водоворотом.

— Зачем?

— Что зачем? — переспросил я, протянув полотенце.

— Идти зачем, я даже вкуса еды не почувствую.

— За компанию.

— А я нужна этой компании? Я труп, который забыли похоронить.

— Опять старая песня, — снова вздохнул я, — раз пришёл, значит, нужна.

— Честно-честно? — криво улыбнувшись, уточнила Оксана, как делала всегда, когда не была в сильной депрессии, и лишь чуть-чуть грустила. Это был её личный повод согласиться вылезти из ванной.

— Честно-честно. Пойдём.

Девушка встала, выжала длинные, до пят, крашенные в чёрный цвет волосы, и пошла в сторону лестницы, оставляя мокрые следы.

— А одеться? — бросил я вслед.

— Так пойду, посижу в уголочке, пенсионера посмущаю, мне положено. Я ж русалка.

— Мне кажется, он не из тех, кого можно чем-то смутить. Но ты хоть вытрись, нечего ковёр мочить.

Оксана подхватила кинутое ей большое полотенце и всё-таки замоталась в него.

Так мы и спустились. Света, деловито расстелила на столе скатерть-самобранку, а я вытащил из кармана короткую инструкцию.

Она была очень простой и короткой.

— Ну, Егор, давай, — подбодрил генерал, поуютнее усевшись в пододвинутом кресле.

— Сейчас. В общем, нужно три раза постучать по развёрнутой на более или менее твёрдой и ровной поверхности волшебной ткани, а затем вслух произнести название блюда, и на сколько человек. Форма приказа произвольная. Количество блюд ограничено. Снизу приписка. Я не тупее, чем эта речная сучка.

Все скромно улыбнулись. Топь среди божеств считалась зазнайкой, постоянно

выставляющей остальных богов отсталыми дикарями, которые в машину лошадь запрягают.

Я осторожно постучал по белоснежной скатерти костяшками пальцев, выискивая глазами малейшие признаки сказки.

— Хлеб.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом над столом возник обычный синтетический фантом, изображающий пухленькую домохозяйку, ряженную в национальные русские одежды и белый передник.

— Какой хлеб желаете? Чёрный, белый, особливый? Я знаю сто три способа приготовления хлеба, — произнесла миниатюрная барышня из скатерти специфическим окающим говором.

— Вот, подстава, — бросила со своего места Ангелина, приподнявшись на локтях в кресле, — она в полотно процессор с батарейками зашила?

— Нет. Помнишь, как Топь синтетических фантомов к себе свиту взяла, на ходу перекроив, и сделав независимыми от компа и генератора маго-поля? Тут нечто похожее, — сказал я, глянув на магессу.

— Скатерть вся светится, — произнесла Белкина, — и искрит.

— Ладно, продолжим. Хлеб белый.

— С добавками? Без? — все так же проворковав, спросила повариха.

— Без.

— Исполняю.

Над скатертью возникла яркая жёлтая точка, которая, упав, сразу приняла форму сияющего каравая. Когда свечение погасло, в зале запахло свежим хлебом. У меня аж слюнки потекли. Я протянул к нему руку и тут же отдернул.

— Что? — сразу спросила Света, уже склонившаяся над волшебным полотном.

— Горячий, — ответил я, — как из печки.

— Пахнет вкусно, — потянула носом Александра.

Я осторожно оторвал кусочек и отправил в рот. Хлеб был очень вкусным. Всегда любил такой, тёплый, свежий, мягкий.

— Кто следующий?

— Я, — потянулась к скатерти Александра.

Она стукнула по поверхности.

— Чёрную икру.

— Сколько?

— Полкило. Нет, килограмм.

— Куда тебе столько? — спросила Ангелина, спрыгнув с кресла. Глаза у неё блестели как фонарики со светодиодами. Видно, что в голове мелькает тысяча вариантов желания.

— Всегда любила, а тут хоть наемся. А то две икринки на бутерброд намазаны, что это за удовольствие.

— Поделись.

— Тут всем хватит, — беззлобно отмахнулась Всевидящая.

Но икра всё не появлялась. Вместо этого, крохотная повариха задала вопрос.

— Какую посуду ставить? Деревянную, расписанную хохломой, фарфор, крашенный гжелью, хрусталь резной, глина или серебро?

— Только не серебро! — отскочила от стола Света.

Оксана, стоявшая рядом со мной в одном полотенце, тоже отошла назад.

— Дерево в народном русском стиле, раз уж сказка у нас такая, и самовар, — выдал я.

— Время ожидания самовара пять минут, — сразу предупредила повариха.

— Почему?

— Конденсация большого количества металла требует затрат времени и энергии.

Пока она говорила, на столе возник деревянный ковшик полный зёрен чёрной икры. Ковшик был покрыт резьбой и расписан красивым узором. В икре лежала большая деревянная ложка.

— Молекулярный принтер, — произнёс я, разглядывая скатерть. — За такое готовы будут космическую станцию отдать, или войну объявить.

— Будешь препарировать? — спросил Булычёв, весело улыбаясь.

— Обязательно в схемках поковыряюсь. Может, чего и пойму, — ответил ему я, проведя ладонью по скатерти.

— Пока не испортил вещь, закажи водочки, а то икра есть, хлеб есть, а такое богатство смочить нечем.

— Хорошо, товарищ генерал.

Я стукнул по столу, назвав продукт, а когда возникла небольшая деревянная стопочка, отправил телекинезом её к Булычёву. К тому времени над скатертью-самобранкой возник большой светящийся цветом медного купороса шар, начавший медленно принимать форму самовара.

Посыпались заказы один другого заковыристее, отчего вскоре стол стал ломиться, наглядно иллюстрируя выражение 'рог изобилия'. Большая копчёная осетрина на блюде теснила корзину со спелым виноградом, горшочки со щами соседствовали с кувшином кваса, печёная курица чуть не угодила в плошку с мёдом. Нашлось место даже для заморских суши, причём палочки и подложка были расписаны под хохлому. Одна только Оксана заказала большую чарку ключевой воды, а онемевший Сорокин с энтузиазмом накалякал на листке целый список, ткнув его в фантом-кухарку с молчаливым требованием выдать пищевые блага.

Со шкафа спрыгнула Ольха и умыкнула тарелку жареных карасей.

— Да-а-а, — протянул генерал, — хорошая вещь, чёрт меня побери!

— Помяни черта, он придет, — проговорила Ангелина.

****

Черное существо, схожее с человеком, сидело на подоконнике квартиры расположенной на втором этаже. У него все было от человека, и комплекция, и тугие узлы мускулов, и движения. Только голова отличалось. У него не было лица, волос, ушей и прочего, лишь три большие черные полупрозрачные, как икринки, сферы размером с теннисный мяч. Они были плотно прижаты друг к другу и утоплены в подобие лица, как вертикальные секции неработающего светофора. Икринки-мячики располагались в одну линию сверху вниз так, что нижняя была на уровне рта, средняя на уровне человеческих глаз, а верхняя на скошенном назад лбу. Икринки прикрывались единой стекловидной массой, как маской или фонарь кабины самолета-истребителя.

Существо ждало. Существо дождалось.

Дверь открылась, и в комнату вошли две особи, мужчина и женщина. Мясник соскочил на пол и одним рывком приблизился к мужчине, ударив массивным кулаком в середину туловища. Тот согнулся пополам, его аура слегка поблекла. Стоящая рядом женщина

прижала ладони к лицу и завизжала. Мясник вторым ударом заставил поблекнуть и её, а потом взял мужчину за волосы и подтащил к окну. Следующим движением он выбил человеческим лицом стекло и стал с чавкающим звуком водить горло по осколкам, торчащим из рамы. Мужчина сначала пытался сопротивляться, уперевшись руками в окно, но вскоре обмяк, так как силы были не равны. Подоконник залило темной кровью.

Мясник выполнил очередную задачу.

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

Дверь снова открылась, и в неё вошёл высокий худощавый мужчина с ухоженной чёрной клиновидной бородкой, одетый в белый костюм. Это был бес, который вытаскивал из Сорокина инородную заразу.

Он немного постоял оценивающе глядя на нас, а потом встал у стола, положив на стол небольшой кейс из кожи крокодила, немного подвинув при этом тарелку с холодцом. Он щёлкнул замками и достал оттуда чёрный бархатный мешочек, а потом вздохнул, поджав губы.

— У меня к вам своеобразный и совершенно секретный разговор.

— Вы кто? — спросил я у него, недовольным голосом.

— Вам привет от госпожи Лилитурани-Пепельный-Цветок, я её хороший друг.

— Вы бес? — спросил я, чтоб удостовериться в своих предположениях я.

Все внимательно смотрели на него, не зная чего ожидать от такого гостя. Домовой, погладив бороду, протянул 'Мня-я-я, дела да дела-а-а'.

— Да. Я ещё я ваш проводник в Нави, до самого выхода с другой стороны, — невозмутимо ответил бес, а потом снова взглянул в свой кейс.

— Рассыпались, что ж начну и так.

Говорил он совершенно без акцента, совсем не так, как до этого виданные мной бесы. Те коверкали глаголы и произносили слова с шипяще-каркающим говором, хотя и старательно пытались произносить каждый слог.

— Что за дело вас привело? — спросил я у него, не переставая разглядывать, когда понял, что генерал Булычёв не собирается вступать в диалог, выбрав роль предвзятого наблюдателя-болельщика.

Бес стал разбирать какие-то предметы в кейсе.

— Мне поручили вам рассказать о Нави, кое-что вы знаете, кое-что нет.

Он поднял глаза, убедился, что все на него внимательно смотрят, а затем начал долгий монолог, не переставая ковыряться в своём кейсе.

— Явь, где обитают звери, птицы, разные гады и насекомые, в общем, всё разнообразие органического мира, в том числе и человек, тесно связана с другими мирами нашего комплекса. Другие миры — это царства Нави, коих число семь, и Славь. Люди поглощают проходящую через всю вселенную энергию. По сути, люди являются аналогом солнечной батарейки. В Яви постоянно обитают только светлые боги, именуемые Ясуни. Тёмные боги, то есть Дáсуни, живут в Нáви. Они правят обитателями Нави, которых именуют бесами, и я один из них. Так вот, всё живое, заканчивая свой жизненный путь и покидая разрушившуюся белковую оболочку, попадает в царства мёртвых. На этом история не заканчивается. Но сначала я поясню кое-что о Слави. Это тоже мир, но там обитает Всесоздатель живого. Неважно, как его называют, я, вообще, не сторонник произносить его имя, так как понятие имени к нему сложно применимо. В начале времён, когда человечество только появилось, Всесоздатель брал людские души и воссоединял с собой.

Бес замолчал, подбирая сравнение.

— Грубая аналогия, но ближе всего подходит описание суперкомпьютерной системы,

где к одному управляющему серверу подключены слабые, но многочисленные вычислительные модули. В данном случае людские души. Получается эдакий единый сверхразум коллегиального мышления без подавления личностных качеств индивидуумов. Сложноватые термины, но потом поймете, — махнул он рукой. — Живые не сразу попадают в Славь, сначала они последовательно проходят царства Нави, задерживаясь некоторое время там. Древние правители тёмного мира с самого начала стали использовать мёртвых в качестве рабов. Да-а-а, давно это было. С тех пор много поменялось. Человечество из горстки почти обречённых созданий превратилось в доминирующий вид. Всего вас было, знаете сколько? Двести. Всего двести. А сейчас? Девять миллиардов. За всю историю человеческого вида родилось и умерло более ста миллиардов. И лавина постоянно нарастает. Души воссоединяются со Всеродителем не просто так. Для этого их надо привести к единому знаменателю, иначе внутренние противоречия разорвут всю систему. Души нужно перевоспитывать. Понятие грех не просто так введено в обиход. Разум грешника отличается от разума нормального человека. Убийца не считается с чужими жизнями, вор не считается с чужим правом на собственность. Но важны мотивы. Пытающийся и убивающий ради удовлетворения своей потребности в самоутверждении или просто считающий других недостойными жизни — требует глубокой корректировки, он не сможет вписаться с таким мировоззрением в общую систему. Напротив, мать, убившая недруга, защищая своё чадо, разумеется, если это была крайняя мера — не требует корректировки, равно как и положивший свою жизнь за семью и отечество в исконном понимании этого слова. Вор, укравший яблоко чтобы не умереть от голода, отличается от грабителя, отбирающего золото, для удовлетворения своей жадности. Это долго можно продолжать, но в целом вы поняли. Когда людей было мало, Всесоздатель сам занимался этим, а в какой-то момент решил все изменить. Теперь все царства Нави распределены по службам перевоспитания. Первое царство, где правит повелитель подземных вод, пещер и болотных глубин, Великий Ящер, служит буфером всех умерших для их сортировки. Бесы собирают души. Что-то остаётся немного отлежаться, что-то требует сбития спеси и самолюбия, в общем, они становятся рабами и энергоуловителями на срок до двухсот лет, а потом приходят посланники Всесоздателя и покупают собранные души. Платой служит твердь и энергия. Когда попадёте, поймёте, о чём я. Так рассказывать бессмысленно.

Бес широко улыбнулся понятной только ему шутке, а потом щёлкнул пальцами. На столике возник золочёный хрустальный фужер с пузырящимся шампанским. Бес одним залпом выпил его, а потом поставил назад и ещё раз щёлкнул. Фужер растаял как клочок тумана.

— Человечество полезный ресурс. Ясуни собирают энергию с живых, реализуя все свои фантазии, пресекают всякие катаклизмы, дабы человечество не сильно потеряло в численности. Дасуни получают постоянно освежаемый поток рабов и продают мёртвых за богатства. Люди получают бессмертные души, а Всесоздатель присоединяет себе всё больше новых душ, увеличивая и без того запредельное могущество и мудрость. Ведь он знает всё, может всё. Конечно, не все проходят фильтрацию, оседая в нижнем царстве Нави на пожизненное пребывание в царстве Кошечья. Это маньяки и прочие неисправимые. Но это сейчас не столь важно. Общую структуру вы уяснили. Система устойчива и почти совершенна, все пребывало в гармонии идеального механизма, и тут внезапно сразу два события, ломающие всю стройную картинку — одно из них — это непонятный враг из Запределья. Это волнует всех — нужно сберечь человечество, без него мир рассыплется.

— Ясуни не смогут быть богами, Дасуни лишатся рабов, а Всесоздатель перестанет самосовершенствоваться? — предположил я.

— Да, — согласился бес, — Мы до сих пор не знаем о враге почти ничего, и это страшно. Незнание мотивов и способов эффективного противостояния ставит под угрозу всю нашу цивилизацию, но есть ещё один фактор.

— Люди в параллельном мире?

— Это очень важное событие. Я пока сам не располагаю всей информацией. Но это очень важное для всех, включая Всесоздателя.

— Если он такой всемогущий, почему не вмешался сам? — спросил я, поглядев на чарку с квасом из-за пересохшего горла.

— Он вмешался. Он постоянно вмешивается, но его ходы зачастую столь тонкие, что их невозможно отследить, но самым масштабным и грубым в современной истории было снятие блокады колдовства и разрешение старым богам вернуться.

— А как же буря миров, выдувшая магию и уничтожившая большинство духов и богов?

— Назрела необходимость поставить зарвавшихся высших на место, иначе человечество могло не дожить до этого дня.

— Они не рассказывали, — осторожно высказался я.

— Как же, расскажут они, — ухмыльнулся бес. — Да, он их прижал, а потом благосклонно разрешил вернуться на место, распределив для надзора по территориальному принципу, как президент полпредов и губернаторов. Это дало мощный толчок к развитию и позволило поставить заслон на пути врага с минимальными затратами ресурсов. Я не побоюсь высказать и свои собственные мысли, и думаю, что ваша группа тоже неслучайна.

— Неправда, — подала голос Ангелина, — мы сами все шли этим путём.

— Правда. Группа собрана не просто так, но тайных игроков в этом случае много, и у каждого свои цели, — ответил бес, сотворив себе ещё шампанского.

— Получается, нет никакой свободы воли, нет выбора?

— И да, и нет. Вся жизнь человека состоит из постоянной череды выборов, и чтоб направить его в нужную сторону, достаточно поставить его перед нужным выбором. Повторюсь, это лишь мои мысли, но я восемьсот лет наблюдаю за этим миром, есть над чем задуматься. Возьмём тебя, Посрединник. Просто предложить тебе стать боевым магом было мало. Ты просто отказался бы, а вот маленький штрих всё изменил — достаточно было, чтоб в нужный момент не сработали контрацептивы у твоего друга, и его жена забеременела. Условия выбора изменились. Вместо простого едешь — не едешь, получаем: либо едешь ты, либо твой друг бросает готовую родить жену. Выбор? Да, выбор. Но!

Бес поднял палец, оторвавшись от процесса раскладывания чего-то там.

— Ты просто не мог подставить товарища даже при наличии выбора. Все решало твоё слово, но лично для тебя выбора не было, ты не мог не поехать. Чувствуешь разницу? И так во всём. Достаточно маленького прыжка мыши в другую сторону и дикая рыжая кошка встречает одинокого мага в лесу.

Я поглядел на застывшую Ольху на шкафу и вспомнил момент нашей первой встречи.

— Да, Посрединник, ты смог увидеть в ней не лютого оборотня, а маленькую незащищённую девочку. Когда поставили перед тобой выбор остаться боевым магом или уйти, сломав жизнь ребёнка, ты думал не о себе. У тебя был выбор, в то же время его не было. Цепочка событий сложила вашу группу. В итоге кто смог победить эмиссара зла? Вы! Но, думаю, с тобой намучались.

— Почему? — изумился я.

— Ты ленивый. Умный, смелый, но ленивый. Тебя если не пинать, ты и будешь ковыряться в своих магосхемах, иногда побивая всяких тварей.

Я нахмурился от такого сравнения.

— Зачем тогда нужен такой боевой маг? Я не то чтобы жалуясь, но логика хромает. Вокруг куча героев, которые встанут на баррикады в первых рядах, пойдут сами искать подвигов. Зачем пинать меня?

— Кто хранитель смерти бессмертных? — ответил риторическим вопросом бес. — Ты. Богам нельзя было держать у себя такое — это против правил. Обычному человеку тоже не вручишь, слишком легко отобрать, да и применить простой человек кинжал не может. А вот, у боевого мага забрать что-то не так просто, а в случае необходимости, он может кинжал использовать. Но в то же время, если вручить Иглу инициативному супергерою, он начнёт крошить без разбора всех духов и богов, погибнув в конце концов нелепой смертью. Другие запрячут поглубже и постараются забыть. Ты был самым подходящим вариантом, не агрессивен, но силен, способен к активным действиям, но требует для этого серьёзной моральной мотивации. Это устраивает всех. Только не возгордись, таких многоходовок очень много, ты даже не представляешь насколько. Ты винтик в механизме, именуем божественное провидение.

— Я не согласен. Мне нет дела до ваших открытий и разборок. Если так хочется, то отправляйся сам. Я тебе не винтик, — зло ответил бесу я.

— Ты не расстраивайся, все мы винтики.

— И тебя тоже ставят перед выбором? — начал повышать я голос. — Не знаешь? А смерть моей жены тоже просто маленький шагочок в нужном направлении?! Это тоже было спланировано и методически грамотно исполнено?! Игроки хреновы!

— Не знаю ничего о ее смерти, — сухо ответил бес, — зато я знаю, кто профессионально занимается правкой судьбы, и могу свести. Они могут многое рассказать, и про смерть твоей жены тоже, но только если ты согласишься на экспедицию.

— Мне нужно с ними поговорить.

— После похода, — ответил бес.

— Сейчас!

— После похода! — впервые повысил голос бес, — это цена за поход и ценные сведения. По-другому никак.

— Хорошо, я согласен. Но мне нужны гарантии.

— Я клянусь великой Навью, что исполню своё слово.

— Мне мало слова, тем более беса!

— Придётся поверить, механизм уже запущен. Ты позже поймёшь, насколько высоки ставки.

— Я согласен, — тихо, но зло ответил ему я.

— Вот и ладненько, тогда я вернусь к основной теме разговора.

Бес достал на свет тонкую серебристую спицу, с полосками разного цвета и толщины с одного края, того, что имел небольшую бусину на верхушке.

— Это вещь из комплекта душетехника. Их очень много видов. Конкретно эта работает как индикатор зависти, а вот эта ненависти. Душа во время сортировки похожа на ежа — весь в иголках. По таблице индикаторов душу отправляют на следующую сортировку, это долгая пытка. Бес поднял руку с алой спицей.

— Есть ещё такая. Она позволяет приказать человеку всё что угодно. Человек исполнит. На её использование должна быть особая лицензия. У меня такая лицензия есть. Но дам вам я не эти спицы. Дам вам вот эту.

В ладонь легла изумрудная спица.

— Она читает языки. Воткнёшь живому человеку в голову, она начнёт считывать знание языка. Но нужно не меньше чем тринадцати носителей, что провести экстраполяцию. В комплекте с ней идёт хранилище языков.

Бес вытряхнул на ладонь из бархатного мешочка небольшой кубик со сглаженными гранями. Кубик был совершенно прозрачен, имел размеры примерно двух сантиметров и был похож на игральную кость из казино. Только точек на гранях не хватало.

— Это хорошая сделка, — пробормотал он, разглядывая кубик на ладони.

— Вы о чём? — спросил я.

— А? Извините, мысли вслух. Я просто люблю собирать хорошие истории жизни. За то, что я стану вашим проводником, что обычно поручают мелким бесятам, мне дадут вас после смерти, а я сниму копии с вашей памяти.

Я с немым вопросом уставился на беса.

— У меня есть хобби, я собираю чужие истории жизни, интересные истории. Я считаю и сохраню вашу память себе. Это популярно у нас, как у вас коллекционирование редких марок или старых монет. Начинающим душетехникам достаются семейные драмы с неожиданной концовкой.

Бес вытащил из кейса несколько хрустальных кубиков размером с ноготь.

— Я мастер своего дела, магистр. У меня отборные истории, редчайшие. Вот.

Он поднял кубик и посмотрел через него на свет люстры.

— Это первый покоритель Сибири, а это первый человек в космосе.

Очередной кубик лек на ладонь.

— А это Распутин и история его возвышения и смерти. А вот моя любимая. В ней сказано о создании одной книги. Память автора. Главный герой, конечно, вымысел, но, зато, я настоящий. Книжка называется Фауст. Гёте.

Я посмотрел на древнего беса, а тот сложил все обратно в кейс, кроме изумрудной спицы, чехла для неё и кубика в мешочке.

— Я уполномочен передать приказ. Никому не рассказывать о том, что мы встречались. Иначе риски не вернуться существенно возрастут.

Я кивнул, осознавая необходимость этого момента. А Мефистофель отсалютовал мне бокалом с шампанским, отпил глоток и растаял в воздухе.

А я все думал над словами беса. Винтики. Смерть Анны.

****

Мясник спрятался в канализационном люке, убив при этом нескольких людишек, которые тоже решили спрятаться нем. Он уже понял, что таких даже не будут искать.

Мясник положил перед собой голову человеческого наблюдателя, и открылся потоку силы. Кожа и волосы на его страшном трофее вспыхнули белесым огнем, испаряясь с черепа. Вскоре и кости истончились в этом сиянии, как лед в теплой воде, оставив лишь мозг. Но на этом превращение не закончилось. Мозг загорелся ровным свечением, как фосфор, и стал сжиматься, пока не обрел вид большой икринки, только не черного цвета, как те, что входили в состав координатора, наблюдателей или мясника, а словно отлитая из янтарного

стекла с яркой золотистой искрой в середине.

Убийца взял икринку и приложил к своему животу. Черная кожа разошлась, и трофей погрузился внутрь туловища.

Единица разума врага изолирована. Она не сможет теперь навредить планам Координатора. Останется только надавить на нее и выжать знания. Но это задача не мясника. Это задача других специальных кластеров.

ГЛАВА 13. ПОТУСТОРОННИЙ БИЛЬЯРД

-- Егор Соснов — Новониколаевск —

Вчерашний пир у скатерти-самобранки закончился очень поздно. Нет, не потому, что мы пили и ели, а потому, что долго сидели, обсуждая и скатерть, и беса, и артефакт хозяйки реки с её внезапным преобразованием из сосредоточенной, внушающей благоговение дамы в ветреную девчонку. Обсуждали и само путешествие. Всех словно прорвало с фонтанами предложений и идей.

А сейчас я сидел на своём месте в хранилище, тоскливо глядя на своего двойника, бродящего в задумчивости по гаражу, и на стажера, который сидел на бетоне и медитировал.

— Позвольте вас отвлечь от дум, — услышал я знакомый голос, на который неспешно повернул голову.

В углу хранилища стоял бильярдный стол, которого секунду назад ещё не было, и давешний бес, одетый в джинсы, клетчатую рубашку и жилетку, раскладывал на зелёный бархат разноцветные шары. Я был незнаком с этой игрой, но что-то подсказывало, что такого количества предметов и такой раскраски в правилах не было. Бес периодически шевелил указательным пальцем, и шары неспешно перекатывались с одного места на другое.

— Чего вам? — грубо ответил я, не имея никакого желания общаться с этой личностью.

— Ну, во-первых, я принёс вам подробную инструкцию по Нави. Она на дисках, на столе у вас.

Я опустил взор вниз, увидев стопку более чем из двадцати DVD-носителей.

— А во-вторых, хочу кое в чём разобраться, — продолжил бес.

— В чём?

— В вашей группе. Помните, я рассказывал о своей версии неслучайности вашей группы, о возможности выбора и прочее?

— Хотите ещё лекцию прочесть?

— Нет. Нестыковочки имеются. Игра в подтасовки интересная, а ставки большие. Я профессионал, вижу, где ход подстроен, а где все само собой, — он пожал плечами, — по большей части. Ну, знаете ли, то спор на пятьсот лет на душу человека организовывал, то спор на уступки. Мало ли чего можно придумать.

— Зачем вам душа?

— На душу, на которую заключён прижизненный договор не распространяются правила. Она на полтысячелетия полностью принадлежит хозяину. Если человек кое-чем интересен, то это хороший трофей. Шантаж, полные знания человека, его возможность использования в этом мире в виде подчинённого призрака. Мало ли пользы находчивому. Впрочем, я отвлёкся. Я профессионал, — повторил бес, — и я вижу несколько игроков, тянущих одеяло вашей жизни на себя. Хочу понять кто эти игроки. Начнём с простого. Александра Белкина. Всевидящая.

Бес достал из воздуха кий и ударил по одному из шаров, тот ударил другой, белый.

— Её преднамеренно лишили зрения ещё в утробе матери, дабы она могла развить своё сверхъестественное чутьё до космического уровня. Кому это нужно? Кто положил на неё глаз? Наш добрый дедушка Ау, выросший на пне в лесу. Немного подправили жизнь семейке, вернув через подставного душкá мёртвого братишку, вот и весь сказ. Злая на отца, она всегда

шла наперекор ему, к тому же слепая пытается доказать, что она не инвалид, и лезет в передраги. Ваша группа — просто капкан для неё.

Белоснежный шар лениво прокатился, а потом провалился в лузу.

— То, что она окажется рядом с тобой, можно было даже не выправлять. Наоборот, чтоб отвадить, пришлось бы повозиться, к тому же она к тебе равнодушна.

— Александра? — изумился я.

— Она это всячески прячет. Даже хамит, но это так. Она пойдёт за тобой в Навь как козочка на верёвочке. Как и твоя приемная дочка Ольга. Та тоже с тобой. Это простые ходы. Даже скучные.

Бес с характерным звуком отправил в движение ещё один шар — синий.

— Оксана. Навья. Русалка. Она ставленница богини реки, но тут не только её рука. Тут потрудилась и Мара, ходы сильные, с характерным изящным почерком. Девочка схлопотала такую дозу смертельного для нежити снадобья, что на пятерых хватило бы, но жива, если это можно назвать жизнью, и рядом с тобой. Интуиция шепчет, что дело сложное, но не больше. Оксана идёт. Ей всё равно, где ныть, лишь бы слушали, а слушаешь только ты.

Синий шар упал в лузу.

Стажер, хмуро таращился на Мефистофеля, слегка покачиваясь, словно решая, что делать. У него с последней встречи были очень противоречивое отношение. Боль и избавление.

— Света, — продолжил бес, — она ненавидит эмиссаров Черной Орды всеми остатками своей души, у неё нюх на этих тварей. Тут даже подтасовывать ничего не надо. Она идёт.

Алый шар последовал за синим.

— Сорокин Владимир, — протянул бес, посмотрев на стажера и подмигнув тому. — Игра грубая, очень грубая, почти наугад. Нашли паренька с предрасположенностью боевого мага, и пошло. Раз неудача, — шар стукнулся об бортик и вернулся в исходную точку, — два неудача, — шар повторил манёвр, — избили наркоманы, банкомат сожрал карточку, девушка по нетрезвости изменила с первым встречным, и такое раз за разом. А потом бац! Случайные одноклассники оказались размазанными по стенке, а мама с инфарктом на кладбище. Сынок-то — монстр. Вот тебе и беглый маг, которого можно сделать хорошей марионеткой, да только марионетку перехватили. Слышишь, куколка — это я о тебе.

— Стоять! — заорал я, когда стажер подскочил с бетонного пола и снял с предохранителя пистолет-пулемёт, — Хочешь быть марионеткой — выстрели! А если нет, тогда собери волю в кулак и сядь на место! Он специально тебя заводит, он бес.

— Спасибо, — ответил Мефистофель, подкинув серый шар на ладони, и положив его обратно на бархат, и хохотнув какой-то понятной только ему шутке. — Его перехватывают и отправляют в академию, делать боевика на службе отчества, а потом, когда Зверобоев решили отправить в Навь, вспомнили про него. Паренька нужно натаскать на живую дичь в полевых условиях, а тут ещё один ход — наши старые знакомые подсунули червячка. Но, опять же, грубо и незатейливо. Их ещё раз обыграли, подсунув списанного со счетов паренька. Этот сдохнет теперь, но будет рыть под эмиссаров зла, просто чтоб не быть их марионеткой больше никогда.

Бес поднял шар и опустил рукой в лунку.

— Все доказываешь, что свободы выбора нет? — спросил я у беса.

— Нет. Я поставил на тебя, что ты вернёшься, да ещё и вернёшь всю команду, насколько это возможно. А свободы выбора — это иллюзия. Для всех. Вот смотри.

Бес дотронулся кончиком кия до фиолетового шара.

— Ты пойдёшь доказать, что никто тобой не управляет. Там нет богов и некому управлять, — нарочито пафосно произнёс бес.

Шар ударился в бортик рядом с лузой и вернулся на исходную.

— Ну, это так, показать. Я сам в это не очень то и верил, — отмахнулся бес, — Ты пойдёшь в Навь, чтоб найти ответы о смерти жены.

Бес ударил по шару, а потом озадаченно замер, глядя, как шар остановился у самого края лузы, но не упал. Он перешёл и отправил в движение чёрный шар, но тот отскочил от фиолетового, даже не шелохнув.

— Мда. Незадача. Надо подумать.

Бес легонько толкнул зелёный шар, и оба фиолетовый и изумрудный, слегка соприкоснувшись, упали в лузу.

— Мдя-я-я, точно нужно подумать, редко ошибаюсь? И ведь вопрос об ответах был близок, но не критичен. А вот о свободе воли меня малость озадачило. Тебе что, всё равно?

— Я не совершил действительно плохих поступков, а подталкивают меня к хорошим, или я сам их совершаю — неважно. Это мой выбор, даже если выбора не было.

Бес приподнял брови.

— Я не то чтобы я сильно удивился, но все же.

Он положил на стол жёлтый шар, переведя разговор в другое русло.

— Вот незадача. Я не могу понять вашу Фотиди. У неё нет мотивов, совершенно никаких, но она всё равно идёт, причём идёт с энтузиазмом. Почти на верную гибель, но с энтузиазмом, — повторился бес.

Он несколько раз ударил по шару, но тот останавливался в сантиметре от той лузы, где лежал мой шар. Делал кривые линии, лишние удары о бортики, но неизменно оказывался рядом со мной.

— Я не понимаю, — произнёс бес. — Это меня злит. Она точно ни на кого не работает, она точно не влюблена. Я её не понимаю. Она словно сумасшедшая, мол, вижу светлое будущее, а на остальное плевать. Я хочу поковыряться в её мозге, — стиснув зубы, процедил бес.

Он постоял немного, сжимая в руках кий, а потом повернул ко мне голову.

— Поставь систему помощи, я кое-что поясню в ней.

Когда я взял диск с нанесённой на неё от руки цифрой один, рядом возник синтетический ангел-хранитель, выдав результат своей теневой деятельности.

— В ходе анализа рекомендуется не производить установку модуля. Рекомендуется уничтожить физический носитель.

Я замер, разглядывая поблескивающий лёгкой радугой диск.

— Ну, Посрединник, каков твой выбор? — с ехидцей спорил бес.

Не успел я ответить, так как к воротам хранилища подъехала грузовая машина. Обычный тентованный Урал-4320, только новенький. Из кабины выскочила на бетон Ангелина Фотиди, потянувшись на носочках с громким 'Эх!'.

— Это что? — недоумевая, спросил я, заметив краешком глаза, что долго разглагольствовавший бес уже успел ретироваться в никуда с присущей ему элегантностью, оставив на полу хранилища шесть разноцветный шаров в треугольнике и ещё один, чёрный, рядом с ними.

— Это я выпросила себе рюкзак, — ответила боевая магесса, хлопнув ладонью по

металлическому откидному борту грузовика.

— Что-то он не тянет по стоимости на МКС, как нам обещали недавно, — тихо возмутился я, понимая, что такой рабочий ослик совсем не лишний будет.

— Там барахла загружено много, а что он такой неказистый, так не в этом дело. Машина проверена временем, неприхотлива, ремонтируется легко.

— Это хорошо, но почему со мной не согласовано? — начал повышать голос я, привстав со своего места.

— Ах да, — Ангелина бодро подскочила ко мне, протянув листок с рапортом, в котором было изложено требование включить автомобиль Урал-4320, номер такой-то, в состав экспедиции.

— Сама поведёшь?

— Да, права имеются, водить умею. Посажу рядом Сорокина, а то наша Малоокровка в своём воображении о тесном пространстве внедорожника из него кровь и соки выпивать уже начинает.

— Список оборудования, — произнёс я, протянув руку, чтоб принять гипотетически существующий документ. Каково же было моё удивление, что и это было мне вручено, словно Ангелина отбросила свою безалаберность и подготовилась на совесть.

Я положил список себе на стол, ознакомиться ещё было время, до отправки оставалось целых шесть часов.

На глаза снова попала стопка дисков, вручённая бесом. Не ставить и уничтожить? Нет. Любопытство и уверенность в своих силах усердно шептали обратное. Непременно поставить. Я вставил диск под номером один в лоток привода. Он зашуршал, и сбоку от клавиатуры сформировался миниатюрный Мефистофель в одеждах девятнадцатого века с её особенностями: фраке, шляпе-цилиндре, белых перчатках, бабочке. Завершала картинку трость с золочёным навершием. Естественно, это был синтетический фантом, но сходство было фотографическое. По мере загрузки данных стеклянный взгляд искусственного духа становился всё более осмысленным. Когда последний диск закончил вращаться, бес плавно переместился на краешек монитора и произнёс.

— Вы думали, что так легко от меня отделаетесь?

Я глянул на синтетическое существо.

— Деактивировать звук. Активация объекта только по требованию пользователя, зарегистрированного под ником Посрединник.

— Функция недоступна, — ответил призрак. — Я не для того мучился, перенося выжимки из своей памяти на цифровой носитель, чтоб меня затыкали. Он мне потом все расскажет, как говорится, из первых уст.

— Вот блин, а если развею?

— Можно, конечно, но пользы больше.

Я провёл ладонью по лицу, а потом отсоединил синтета от поля мано-генератора и вплёл в свою ауру. Хотя там уже и так было тесновато: открытка супруги, рой многофункциональных пчёл, деактивированные заготовки щита и боевых заклинаний. Теперь ещё и бес. Ангела не хватает. Я ухмыльнулся и присоединил туда же синтетического стража, оставив ему канал связи для обновления.

ГЛАВА 14. КАЛИНОВ МОСТ

-- Егор Соснов — Навь —

Ночь пришла как-то внезапно, вырвав нас из уже привычного ритма подготовки. Дальше уже некуда готовиться и отступать некуда. До отправки осталось всего полтора часа.

Я сидел на кровати и разглядывал фотографию Анны, держа ее руке и поглаживая пальцами.

— В знатную передрыгу ты попал, — протянул домовой, возникнув рядом со мной.

Дед Семен положил руки на колени и стал смотреть на какую-то точку на стене.

Я повернул голову.

— Предлагаешь отказаться?

— Кто я такой, чтоб тебя отговаривать? — ответил дед. — Я просто старый зануда, который всю свою бытность просидел за печью.

Домовой протяжно вздохнул и продолжил.

— Я тоже тоскую по хозяйшечке, да только не воротишь ее более.

— Дед, я...

— Молчи! Знаю, что больно на душе твоей. Знакомо мне это. Я уже сто веков на тот свет уйти не могу, всё мыкаюсь по углам, всё домочадцам помогаю. Знаешь, скольких я схоронил за десять тысяч лет? Кто от болезни помёр да голода, кто от печенежских сабель, да немецких снарядов, кто от зубов да когтей лютых зверей, кто просто вышел зимой в метель из дому да потом не вертался обратно, в трех шагах от двери замерз, не нашел дорогу. А уж сколько баб в родах вместе с детьми померло, жуть. И всякого помню, всякого жалко было.

— Дед...

— Молчи, говорю! Знаю, что месть задумал ты. Но не о мести думать надо.

— О чем?

— О живых. Мертвых срок вышел на нашей земле. Их нужно поминать, нужно почитать, но думать нужно о живых.

— Но они ей голову, дед.

— Нужно супостата бить, нужно. Кто ж спорит? Да только не мезтью думать. Мезтью ты всех в могилу сведешь. Нужно думать, чтоб детей меньше сиротилось, да баб вдовело. Да самому как жить дальше. Вот, о чем нужно думать.

— Дед, как я её забыть смогу?

— Забыть? Кто ж тебе забывать говорит, дурья ты башка? Я говорю, что надо думать, как дальше жить. Не ты первый, не ты последний такой страдалец. Погорюет, погорюет мужик, да по новой женится. Девочек много вокруг. Та же Александра по тебе сохнет, а ты со своей мезтью дальше носа не видишь.

— Дед! Это уже слишком!

— Не кричи! Ты ей ласково слово скажи, приголубь. Бабы ласки да бабы глазки мужику лучше всякого лечебного бальзаму душу лечат. Поверь мне старому.

— Дед, не надо.

— Как знаешь, я сказал, а ты подумай. Не себе, так хоть девке добро сделаешь.

— Сердцу не прикажешь.

— Ой ли, сиротинушка. Да твое сердце уже давно истосковалось по любви. Ты сам того не видишь, горемыка. Девкам каждый день, да через день подарки таскаешь, пылинки с них сдуваешь. На ту же Александру глаза лишний раз боишься поднять, весь в свою тоску погруженный.

Я покосился на домового, но промолчал, а он продолжил.

— А сам поход доброе дело, не всё в чистом поле недруга бить. Лазутчики тоже нужны. Помнится, француза били мы. Они как раз на постой в хату заявлялись, так вояки притворятся мужиками, придут, поклоняются им, всем ружьям счет сделают, все их речи заморские послушают с глупым видом, а потом как наскочат, да как побьют всех, не потеряв ни единого бойца. А почему? Потому что по уму всё делали, а не лезли в лоб с криком убью гада.

— Дед, при чем тут французы? Это же твари из иного мира.

— А какая к хренам разница? Что француз, что немец, что холовец, что эта напасть. Это враг. Хитрый. Лютый. Потому и отправляет вас князь туды, дабы вы пошли да посмотрели. Есть враг, плохо, но добро то, что ты уже знаешь, где от него подвоха ждать. Нет врага? Уже лучше. Тогда нужно подумать будет, чтоб он там и не объявился. Друг там? Вообще лепо дело. А про беса этого так скажу. Ты его слова слушай, да сам трижды думай. Четырежды. Своим глазам верь, да друзьям своим. И обещанное с него требовать надобно обязательно, так как не угомонится твоя душенька, пока ответов не узнает. Это — тоже правда. Занозой сидеть будет.

— Думаешь, обманет?

— Знаю я эту братию. Они может и не солгут, да так правду вывернут наизнанку, что хуже лжи будет. Сейчас так умеют ваши словоблуды, коих репортерами кличете да журналистами. Не все, не все, но есть те, кто за копейку белое черным выставят, а дерьмо золотом назовут. Хуже бесов. Тьфу.

Домовой побарабанил пальцами по кровати, а потом хлопнул ладонью по ноге.

— Решено. С вами отправлюсь в путь-дорогу.

— Да разве домовой может так без дому?

— А будим считать, что я в новый отправляюсь, посмотрю, посмотрю, да вернусь. Тьму за старшего оставлю, он даром, что пещерный, справится с теремом. Ну, пойдём, горемыка. Время поджидает, там еще тебе ентот генерал напутствие не применит сказать, чуёт мое сердце. Ты ему внемли, он хоть и хитрец, но вам во вред всячину творить не будет.

Я кивнул, встал и вышел, прихватив деда Семена с собой. Домовой стал невидимым и спрятался у меня за пазухой. Делить барсетку с меланхоличным Полозом он отказался, всё недолюбливая змея.

Полчаса спустя мы стояли перед небольшой колонной из внедорожника Тигр, Урала и БМП-2. Все снаряжённые в заговорённую экипировку, вооружённые до зубов.

Из начальников был только Бульчѐв, молча поглядывающий на низко летящую пару Сушек, прикрывающих наше убитие. Реактивные двигатели штурмовиков заглушали все остальные шумы. А ещё были по тревоге подняты все подразделения, отрабатывая задачу по отражению условного противника. По учебной команде жилые кварталы оцепил полк внутренних войск. По улицам сновали многочисленные патрули. Только эти учения могли по короткой команде превратиться в настоящие боевые действия.

Была сирена оповещения МЧС, а ещё где-то там за пультами сидели расчёты ядерных пусковых комплексов, готовые обрушить смерть. Может быть, даже на нас, если из Нави

хлынет нечто страшное.

Как и сказал дед Семен, Булычев подошел ко мне и сунул очередную прошитую распечатку, на которой на сей раз красовалась надпись 'Совершенно секретно'.

— Аналитики поработали, — произнес старый чекист, — там возможные сценарии событий. Мы постарались подготовить самые разные инструкции. Так же расписаны временные показатели. Всего конечно, не предугадаешь, но старайся следовать по самому худшему сценарию. И ни пуха, ни пера.

— К чёрту, — ответил я, поплевав туда, где находился сжатый в моем биополе фантом беса.

Несколько минут спустя рядом с нами из воздуха возникли несколько богов. Они некоторое время хмуро разглядывали наши лица. Даже ветреная при нашей последней встрече хозяйка реки Топь, была серьёзна до дрожи. А потом они по очереди кивнули, словно мы прошли тест на пригодность перед комиссией, и та молча выставила оценку 'годны'. Клейма не хватает.

— Я начинаю, — произнесла холодным голосом Мара Моревна.

Она не шевельнулась, но в воздухе запахло озоном, и над горячим после дневной жары асфальтом подул морозный ветер, от которого серая площадка покрылась инеем. Пространство над небольшим, начерченным мелом кругом начало плыть, как спецэффект в дешёвом фильме. Следом начал покрываться пузырями асфальт. Один из пузырей взмыл в воздух и, сделав небольшой круг, плавно улёгся на своё место. За ним манёвр повторили ещё несколько собратьев. А потом кусок мироздания сорвался в бешеном хороводе положенного набок смерча. Закружились громадные капли расплавленного асфальта, закружился обнажившийся щебень. В сердце вихря возникла тьма, тянущая струйки из Нави в Явь.

— Смородина-Река сменила русло! — пробиваясь сильным голосом сквозь рёв колдовского урагана и шум бьющихся в дикой воздушной пляске камней, прокричала Мара.

Магия рвала пространство, расширив тьму до размеров туннеля, в который мы уже могли проехать на наших машинах. Хранительница порядка жизни и смерти вскинула руку, из остатков грунта вверх потекли багровые струйки, сформировав сначала опоры, а потом и бревенчатый мост красного дерева с резными перилами, один конец которого начинался у наших ног, а второй уходил во тьму.

— Калинов мост! — снова прокричала Мара, а потом добавила: — Рано! Ждать!

Вскоре из тьмы послышался низкий утробный рёв, подходящий больше дракону, нежели силам пусть потусторонней, но всё же, природы.

— Страж моста подтвердил ваше право пройти!

— А кто он?!

— Змей Горыныч! — откликнулась богиня. — Идите!

— По машинам! — заорал я.

Отряд быстро захлопал дверями, а потом заревел в ответ древнему монстру двигателями, выкинув в воздух струи дыма, словно доказывая, что родня ему — тоже огнедышащие. Мол, мы с тобой одной крови, ты и я.

— Давай, — сказал я Светлане, сев на своё место.

Вампирша плавно отпустила сцепление, и броневедомитель тихонько покатился вперёд, пока его не поглотила тьма.

Я не успел испугаться или удивиться. Тьма почти сразу выбросила нас из себя. А Навь встретила нас метелью. Крупные снежинки летели в неизвестном направлении, застилая

собой мир. Машина мягко прокатилась ещё немного и встала заглохнув. Подсветка приборной панели погасла. Сначала показалось, что мы где-то за полярным кругом, и это просто наш родной снегопад, но внезапно снежинки из лучистых кристаллов превратились в белоснежную саранчу. Насекомые скреблись по стеклу и металлу, и пытались отыскать любую щёлочку, лишь бы забиться поглубже.

Нас должны встретить, но от делегации не наблюдалось даже следов и мимолётных признаков. Впрочем, за такой пургой из белой саранчи, её можно было не заметить даже с двух шагов. За стеклом была только белая муть.

Ни через десять минут, ни через полчаса, ни через час нас не встретили. Это, откровенно говоря, заставляло нервничать. Металл машин покрылся белым налетом инея.

— Что делать-то будем? — спросила нервно барабанящая по неуместной в боевой машине розовой оплётке руля Света.

Я косо на неё глянул, пробежавшись глазами по свисающему с зеркала заднего вида на шнурке мультяшному графу Дракуле, а потом обернулся на остальных членов своего бабьего царства. Оксана прислонилась к стеклу лбом и равнодушно разглядывала эту белоснежную стаю саранчи. Когда нечто полупрозрачное белесое выскочило из этой каши и скрежетнуло по стеклу когтями, оставив тоненькие царапины, то девушка даже не дрогнула и лишь проводила духа взглядом.

Ольха в образе кошки пыталась ловить непонятных мелких существ лапками через прозрачную преграду, азартно бегая от одного окна к другому. Береста сидела, закрыв ладонями лицо.

— Эй, — тихо позвал я, — что с тобой?

— Навь, — откликнулась шёпотом берегиня, — она нас съест. Мне страшно. Это место тёмных духов.

— Да ладно тебе, живы будем. Эти немного опаздывают, и всё.

— Я ничего не могу понять, — подала голос Александра Белкина, — мешанина какая-то.

— Так, ясное дело, мы же в другом мире.

— Буду разбираться, — буркнула экстрасенсорик, — будь оно неладно.

— Разберишься, а я пока гляну как остальные.

— Там опасно может быть, — сказала Светлана, с опаской глянув на боковое стекло, где ещё одна мутная сущность не больше белки, перебирая лапами, искала щёлочки. От коготков стоял неприятный тихий скрежет.

— Жить, вообще, опасно, — ответил я и осторожно приоткрыл стекло.

В щель сразу скакнули три саранчи, а мутные духи с подвыванием просунули тощие лапки, но сразу отдёрули, словно обжёгшись, оставив облака холодного пара. Ольха сразу скакнула ко мне на колени и прижала лапами большое насекомое.

— Уберите эту гадость, — с брезгливостью в голосе протянула Света, поджав руки и уставившись на свою коленку, на которой, тихо шевеля усиками, сидела саранча.

Я поймал насекомое, сжав в кулаке, а потом осторожно приоткрыл, стараясь разглядеть существо из другого мира. Но на ладони ничего не было, лишь несколько капель холодной воды.

— Нав-в-вь, — еле слышно прошипел из подсумка на поясе молчавший все это время полоз, обратившись ко мне, — ты ж-ж-же уж-ж-же понял, ч-щ-щто э-э-это-о-о.

Он выполз из своего убежища и, подняв голову, стал разглядывать своим немигающим

взглядом мир вокруг. Я не ответил, только кивнул, а потом резко открыл дверь и выскочи из машины. Снежные насекомые сразу облепили мою одежду, а морозные духи норовили залезть в лицо. Я поставил согревающее заклинание, отгоняя и тех и других. Навь. Мир мёртвых и мир сна. Все, что есть в Яви отражается здесь причудами сновидений и аллегорий. Мир, подобный зазеркалью Льюиса Кэрола, к которому прикасается каждый спящий, в котором ещё при жизни начинают тонуть шизофреники. Я читал раньше, только вспомнил об этом сейчас. Явь и Навь. Реальность и Сон. Жизнь и Смерть.

Я прошёл несколько шагов по яростно скрипящим, как летучие мыши, букашкам-снежинками и упёрся в грузовик. Из кабины на меня уставились две пары глаз. Ярко-голубые Ангелины и карие Володи. Увидев, что со мной все в порядке, они тоже хлопнули дверями и выскочили наружу.

— Что, хренушки, а не делегация? — сразу спросила Фотиди, натягивая капюшон бушлата, предусмотрительно взятый в дорогу, и которые заставила захватить остальных.

— Похоже на то.

Со стороны внедорожника раздался громкий удар по металлу чего-то тяжёлого. Мы сразу бросились туда, создавая на ходу заготовки боевых заклинаний, но опасения оказались напрасными.

— Тьфу ты, — буркнул я, глядя на полоза, что увеличился в размерах и теперь сжимал в своих кольцах какое-то существо. Видимо, он нечаянно задел машину, когда ловил эту тварь.

— Это хоть не встречающий? — с ехидцей спросила Ангелина.

— Нет, — прошипел полоз, ещё сильнее стиснув кольца, по которым пробежались фиолетовые всполохи. — Мелка-й-я-а-а дич-щ-щ.

— Что-то меняется, — произнесла Белкина, осторожно выскользнув из двери, слепо держась за машину одной рукой и удерживая с любопытством озирающуюся Ольху другой.

Сразу за её словами по миру прокатилась волна, упругая, тёплая и желтоватая, как солнечный зайчик на снегу. Саранча разом замерла и стала падать на землю. Трупки съёживались и таяли, а морозные духи в панике начали забиваться в трещины проступающей из-под сугробов земли. Ветер перестал дуть, а воздух стал прозрачный. Сами мы стояли на большой поляне, а вокруг простирался лес-сад. Нас окружали многочисленные кривые деревья, чёрными обугленными остовами и угловатыми сучками напоминая о только что кончившейся странной зиме. Обнажающая земля была покрыта густым слоем мягко пружинившей под ногами прелой листвы, в контурах которой проступали странные образы. Я бы сказал образы чьих-то рухнувших надежд.

Над лесом виднелся хрустальный шпиль какого-то сооружения, отсвечивая радужными бликами, как бриллиант под лапой ювелира. Больше всего оно походило на телебашню, уходящую острием в вяло гребущие плавниками облака. Те неспешно огибали препятствие, словно опасаясь порвать мягкое брюхо, поглядывая на золотой шар солнца. Это действительно было похоже на сон.

А потом я перевел взгляд. Те насекомые, что лежали не на земле, а на машине, превратились в большие капли воды, которые не спеша стали расползаться в разные стороны, шевеля улиточными рожками и оставляя за собой мокрые дорожки.

— Вернусь домой, посету психиатра, — усмехнулась Ангелина, раздавив пальцем одну такую каплю. Та не исчезла, а разделилась на несколько прозрачных слизняков поменьше, которые начали расползаться в разные стороны.

Я положил на ладонь несколько созданий и отхлебнул.

— Ты сдурел? — донеслось из распахнутой двери, — вдруг отравишься.

Света так и не решилась выйти наружу, держась за руль.

— Талая вода и ничего больше, — ответил ей я.

Следом за мной повторил действие Сорокин, поймав штук десять, и получив полную горсть воды.

— Придурки, — буркнула Ангелина, — машина-то пыльная и птички могли сирикнуть.

Слегка улыбнувшись своей неосторожности, я отпустил на волю оставшуюся улитку и огляделся по сторонам. А Сорокин отмахнулся и стал по одной засовывать в свою фляжку. Ему приходилось пропихивать пальцем отчаянно сопротивляющиеся капли. Они были как червяки, старающиеся сбежать из банки.

— Надо ждать, за нами в любом случае придут.

— Навь, — прошипел полоз, — она с-с-скоро начнёт рас-с-створять вас-с-с и ваш-ш-ши маш-ш-шины. Вы чуж-ж-жды ей.

— Что это значит? — спросил я, присев перед гигантским змеем, в котором была сейчас длинна куда больше, чем тридцать восемь попугаев. Тут на все две дюжины метров тянуло.

— Я придерж-ж-жу это, — вместо ответа сказал Полоз, стрельнув чёрным раздвоенным языком, — люди меньш-ш-ше растворятся, вещ-щ-щи чуть больш-ш-ше, но не с-с-совс-с-сем.

Привстал я и озадаченно глянул на Фотиди, как на свою заместительницу.

— Красиво, — сказала та, глядя куда-то.

Я проследил её взгляд, и замер. Деревья одно за другим начали вспыхивать изумрудными искрами, сияя ярче светодиодной гирлянды. То дерево, что было ближе всех, вдруг взорвалось тысячами белоснежных бабочек, начавшими кружиться вокруг его кроны. Запахло безумно прекрасным ароматом цветущей яблони, а на посветлевшей коре проступило гротескное человеческое лицо, которое с улыбкой стало нас рассматривать. Движения дерева были медленными, как у очень неторопливого ленивца. На ветвях сидели причудливые птицы, одна из которых, что покрупнее, имела женское лицо с полными настороженного любопытства глазами.

Стажер вдруг дёрнулся и схватился за плечо, из которого торчало не то короткое копье, не то стрела без оперенья. Неестественно алые капли вместо того, чтоб упасть на землю, начали парить вокруг Сорокина, словно в невесомости. Они мелко подрагивали и то пытались ухватиться как амёбы за одежду тонкими щупальцами, будто не желая покидать хозяина, то, истерично шевеля ими, отлетали в сторону, когда срывались и отскакивали.

— К бою! — закричал я, поднимая над лесом встревоженно галдящую стаю синих птиц.

****

Координатор плавно плыл над зелёной от тины водой, среди чахлах деревьев. Рой микроскопических насекомых, обитавших здесь в таком количестве, что и пытаться их считать не стоило, ибо это займет тысячи циклов, тучами поднимался вслед за плывущим вместилищем единиц разума, и тут же садился обратно. Координатор равнодушно отмечал их фоновое присутствие, отмечая лишь сходство с родным миром, таким же заболоченным и прохладным, разве что деревья были выше, а звезд втрое больше.

Координатор плыл и ждал откликов на всплеск знаний. Ждал эхо. Но пришел другой всплеск — по миру прокатилась волна возмущения грани миров.

ГЛАВА 15. СНОВА БЕС

-- Егор Соснов — Навь —

— Сволочи, — бросила ругательство Ангелина, стреляя глазами по сторонам, как дикий зверь, и подняла руку, создавая свой любимый вакуумный удар.

Над её ладонью заколыхался искажённый воздух.

Я же в свою очередь, даже не успев обернуться, создал многослойный щит, на который Навь незамедлительно наложила на свой отпечаток. То, что в обычном мире невидимо, престало на всеобщее обозрение в виде радужной сферы и слегка подрагивающего воздуха на самой границе действия заклинания. И не только воздуха, земля тоже искажилась: по свежему пушистому мху от меня в разные стороны текли медленные волны, как на воде, завершившись небольшим бортиком у самого щита. Получился эдакий плоский кратер со мной в середине. А дальше со всех сторон к нам спешили чудные создания, которые в другой ситуации я бы назвал смешными. Сухие тонкие корявые куски стволов на тоненьких ножках и с ручками-веточками. Количество конечностей сильно разнилось, достигая в отдельных случаях десятка. По нелепым телам были разбросаны бусинки глаз, тоже имевших большое количество. Порой они собирались в целые грозди. Существа противно пищали и бегали вокруг барьера, потрясая дротиками и дубинками, не имея возможности подобраться ближе.

Ангелина шарахнула по ним наугад, разбросав быстро растаявшие ошметки нескольких особо наглых по поляне, но это было равносильно тому, чтобы бить палкой по комариному рою.

Вместо боя, я наклонился к Володе. Тот пытался схватить трясущимися пальцами летающие над ним как в невесомости багровые капли, словно хотел заставить их вернуться, но кровяные амёбы просачивались сквозь пальцы и беспомощно трепыхались, не отдаваясь и не приближаясь к раненому.

— Света! — заорал я, — выкинь берегиню из машины, пусть своими обязанностями займётся!

— Не могу! — отозвалась вампирша, давась слезами.

— Что случилось?!

— Сам погляди!

Я подскочил на ноги и пронёсся мимо всматривающейся в нахлынувшую ораву Ангелину, вокруг которой кипела сила, а потом чуть не споткнулся о Полоза, неподвижно замершего перед машиной. Когда я сунулся внутрь, то сначала не понял, что происходит. Берегиня вцепилась в рукав Оксаниной куртки и с остекленевшими глазами шептала: 'Я не хочу'. Руки её до самых локтей превратились в подобие деревянных. Тёмно-зелёные кисти рук плавно переходили в белую кору с чёрными подпалинами, словно ветви берёзы. Были даже видны отслоившиеся полоски бересты и несколько мелких муравьёв, ползущих по бывшей коже. Оксана упёрлась ногой ей в грудь и пыталась вырваться, бросая сдавленно: 'Да отцепись ты, сука'.

— Света! Ты почему не помогаешь, твою мать?! — заорал я ещё громче, лихорадочно соображая, что происходит, и что с этим делать.

— Не могу, руки не слушаются, — с ноткой беспокойства ответила вампирша.

— Где Бельчонок?!

— С той стороны от машины! На корточках ползает! Она опять ослепла. Бормочет про помехи. Толку от неё сейчас ноль! — произнесла Светлана.

Я подскочил к берегине с Оксаной и, достав нож, начал резать ткань куртки нашей русалки.

— Она нас съест, — сменила пластинку Береста, — она нас съест.

— Кто съест? — рявкнул я, дорезая последние лохмоты.

— Навь. Она поглотит нас. Я не хочу становиться тёмным духом.

— Я сейчас тебя сам съем, если не пойдёшь и не окажешь помощь Сорокину! Ему плечо продырявили!

— Я не могу. У меня здесь нет силы.

— Тьфу на тебя. Оксана! На пулемёт! Живо!

Девушку не надо было уговаривать. Она и сама уже метнулась к своему оружию. Я выскочил из машины и позвал Ангелину.

— Помоги стажеру, а то тут хрень непонятная. Гляну, что с Луникой.

Я выскочил наружу и окинул взглядом Урал и БМП. Грузовик потёк, как воск на жаре. Колёса уже сползли и расплылись небольшими лужицами. Фары и габариты уподобились разбитым птичьим яйцам, из которых вытекла стекловидная жёлтая слегка светящаяся масса ближнего света. Тент обволок содержимое кузова как вакуумная упаковка сосиски. А вот боевая машина пехоты сгорбилась и приподнялась над грунтом выше обычного. Под днищем стали видны сотни маленьких ножек как у креветки под брюхом, а гусеница с катками просто-напросто отвалилась, от них осталась тонкая пустая оболочка, как от перелинявшего таракана.

Я заглянул внутрь БМП. Паучиха в состоянии ступора водила лапами по горке звериных черепов, а её марионетка бесчувственным поленом валялась на земле, приняв нелепую позу. Я в очередной раз чертыхнулся и побежал к Сорокину.

— Что с ним?

— Жить будет. Я обычную тугую повязку наложила из аптечки. Слушай, мы что, одни единственные нормальные остались?

Я глянул в сплошное золото глаз магессы, без белков, радужки и зрачков, отражающее окружающий мир, как полированная поверхность обручального кольца, не прокомментировав свои наблюдения.

— Александра на ощупь ползает, но вроде бы норма. Нежить с нелюдями в осадок выпали, хотя Оксана ещё держится, — ответил я, подняв с земли дротик, которым ранили стажера.

— Похо...

Слова магессы были прерваны длинной пулемётной очередью. Я обернулся и уставился на внедорожник, который тоже начал подвергаться метаморфозе. У машины сгладились углы, а корпус стал покрываться змеиными чешуйками, походя от этого на доисторического ящера с мясистыми чёрными лапами. Изменение происходило так быстро, что глаз улавливал движение отдельных деталей. Количество фар увеличилось втрое, а помимо них появились ещё и многочисленные глаза. Насколько я понял, создания Нави, вообще, любили изобилие органов зрения.

Оксана тоже стала другой. Теперь это была хрупкая, как у анорексички, прозрачная фигурка, внутри которой были видны кости скелета, одетая в истлевший до состояния белесой марли камуфляж, вцепилась в оружие и поливала огнём не только беснующиеся

веточки, но и новых тварей, решивших присоединиться к охоте на нас. Те представляли собой подобие морских ежей, только снующих по воздуху туда-сюда, и скалящих ротовой конус с острыми клыками. Создания визжали ещё сильнее местных дикарей и периодически пробовали барьер на прочность.

— Оксана! — окрикнул я утопленницу, — они не пройдут! Они не навредят! Не трать патроны!

Девушка повернула ко мне пустое, ничего не выражающее лицо с бельмами глаз, а потом снова вернулась к своему занятию. Пули перестали лететь по прямой, они начали ricochetить от невидимых преград, и совершали хаотичные движение в стиле шарика из настольной игры пинбол, оставляя за собой в воздухе яркий быстро гаснущий след. Что удивительно, они все же попадали в цель. Я видел, как несколько пуль сделали пологую дугу и перехватили ускользящего летучего ежа. Одним словом — Навь.

Твари бесновались, пулемёт грохотал, не переставая, машина нервно рычала, посматривая то на меня, то на нападающих чудиков. И внезапно над всем этим разнёсся громкий протяжный вой, как от тревожной сирены. Я повернул голову в сторону источника звука, надеясь, что это не очередной враг.

Там, среди хмурых деревьев было несколько фигур, похожих на вытянувшихся вверх ящериц или речных тритонов размером с человека. Они внимательно следили за нами, держа в лапах-руках большие корзины. Станный вой повторился, но где-то глубине заколдованного леса, словно это другая группа отозвалась на призыв, а потом он еще раз пробежался над деревьями, утопая в листве, но уже совсем далеко, и я его еле различил на фоне этого шума.

Ящеры осторожно поставили корзины на землю, и отошли за стволы деревьев.

Через десять минут на поляну выскочили ещё пять ящеров. Один из них коротко просвистел, а трое бросились вперёд. Нет, не на нас. Они стали рвать и раскидывать прыгающие коряги. Ещё один прибывший сделал пасс рукой, и по окружающему миру прокатилась едкая волна, от которой во рту появился вкус чеснока. Но от этого воздействия ежи сразу бросились врассыпную, а деревья застонали, искривив и без того едва узнаваемые лица в гримасах боли.

Я только сейчас заметил, что вновь прибывшие существа не нагишом разгуливают, их тела прикрывали едва различимые туманные дымки, слегка поблескивающие радугой, как поверхность мыльного пузыря. Глазированная дымка складывалась в доспехи из прозрачных изогнутых пластин и тончайшую кольчугу, сравнимую с шёлком. Те трое были воинами, а оставшаяся пара явно руководила. У прямоходящих ящеров были украшения в виде колец и цепей, которые тоже были прозрачными, но красиво подсвечивались изнутри разными оттенками. Больше всех был разнаряжен самый маленький ящер, сияя как новогодняя ёлка.

Пространство вокруг нас быстро опустело, взамен одной проблемы нагнетая обстановку вокруг второй, звучащей как вопрос: 'Это что еще за черти?'

Тем временем один из прибывших подманил спрятавшихся за деревьями ящериц, те, склонив головы, подошли к зовущему. Важный господин положил в когтистую ладонь самому ближайшему несколько прозрачных монет, а потом сделал небрежный жест рукой, отсылая носильщиков корзин прочь. Сияющая ящерка неподвижно наблюдала за всеми, стоя в сторонке, а воины, разогнав трухляшек, встали треугольником, защитив господ от возможных атак, словно опытные телохранители.

Когда низко кланяющиеся корзинщики скрылись из виду, ящер подошёл к самой

границе барьера и осторожно провёл ладонью по его поверхности, отчего тот покрылся мелкой рябью. Ящер приподнял треугольную голову, и на его горле вспучились два небольших пузыря, как у весенних лягушек. Гость слегка приоткрыл рот, шевельнув длинный бордовым языком.

Горловые мешки завибрировали, издав низки басовитый гул, который становился все выше и выше. Через несколько минут трубный звук растаял в ультразвуке, а потом снова стал слышимым, наиграв классическое 'до ре ми фа соль ля си'.

Ящер шевельнул языком, прежде чем заговорить.

— Да уж, не получилось с торжественной встречей, Посрединник.

— Мы знакомы? — спросил я, стараясь угадать хоть что-то знакомое в этом существе.

Ящер вместо ответа достал из воздуха чёрный бильярдный шар и подбросил на ладони, а потом стал менять облик. Морда приобрела человеческие очертания, становясь короче. Вертикальные зрачки стали круглыми, а радужка сменила зеленый цвет на карий. Весь контур его тела потек, теряя хвост и становясь человечней. Дымка вокруг него сложилась в некое подобие белой тоги. Через десять минут он окончательно стал человеком. На голове поверх темных волос сверкал хрустальный лавровый венок.

— Мефистофель? — уточнил я, шагнув к барьеру.

— Это первое царство Нави, царство Великого Ящера, и все в нём должны быть похожи на него. Он властелин этого слоя мироздания и наместник Чернобога. Но, может быть, снимешь защиту? Мы всё же не враги.

— Сколько у тебя обличей? — спросил я, проигнорировав предложение о разоружении.

— Достаточно много. В каждом мире своё. Два ты уже знаешь.

— Кто с тобой?

— А вы уже знакомы. Это госпожа Лилитурани-Пепельный-Цветок.

Я слегка склонил голову в знак приветствия.

— Здрав-ствуй, хьё, — ответила бесовка-ящерка едва узнаваемым металлическим голосом. Было видно, что человеческая речь по-прежнему даётся ей с трудом.

— Почему мы здесь? Я так понимаю, всё должно было быть по-другому. И кто эти существа, что атаковали нас? — снова обратился я к бесу.

— Перемещение материального через мир Нави всегда было трудной задачей, любые колебания мироздания сильно мешают. Вот и сейчас вас выкинуло далеко от нужного места. Хорошо, что на вас наткнулись сборщики душ.

— Это сборщики на нас напали?

— Нет, что ты. Сборщики нашли вас и подали знак, я им уже отплатил в знак благодарности. А то, что на вас напало — это кикиморы. Глупые существа тоже хотели наживаться, да только они не отличают живых от неживых. Решили, что вы необычные мертвецы. И просто падальщики налетели. Бывает, знаешь ли, попадают сюда почти настоящие люди. Бывает вместе с больничной койкой, бывает прямиком с поля боя, а бывает даже целая группа вместе с обломками автобуса. Но потом Навь всех растворяет. Вас бы тоже растворило, если бы не твой древний друг. Не место живым в мире мёртвых.

— У нас раненый, — сказал я, показав на Сорокина.

— Я помогу. Сними барьер, — тихо ответил бес.

— Не можешь пройти сам?

— Ломиться не хочу, — ответил бес, снова проведя пальцем по радужной гибкой оболочке.

Я сделал усилие воли, и щит исчез, оставив на иллюзорной траве волны помятых стеблей. Бес коротко дёрнул головой и один из телохранителей подскочил к Сорокину, стиснув в сухощавой ладони рану стажера. Летающие в воздухе капли крови нырнули на место как стайка диковинных рыбок, сама рана вспыхнула рубиновым огнём, а когда погасла, то оставила на коже белый шрам.

— Куда дальше? — спросил я у беса, неотрывно глядя на процесс оказания первой медицинской помощи.

— В столицу, к Великому Ящеру, а там новый мост.

— Мы не доедем. Машины неисправны, и дороги нет.

— Доедете, — ответил бес, — это Навь, а ты маг. Здесь твоя сила в твоём воображении. Вспомни сны, в которых ты мог управлять их течением. Здесь — то же самое.

— Хорошо, машины мы переместим как-нибудь. Дороги нет.

Бес закрыл глаза, слегка приподняв лицо к небу. За его спиной деревья нехотя разошлись в стороны, а между ними легла дорога из жёлтого кирпича, уходящая к хрустальному шпилю, петляя меж зарослей.

— Мы в город изумрудный идём дорогой трудной, — процитировал я слова песенки из строго мультика, — это шутка такая?

— Я читал эту книгу, — невозмутимо ответил бес, — но вот проблема. Я создал путь, а устлал жёлтым кирпичом его ты. Это твой путь, ты его таким видишь.

****

Мясник поймал человека, случайно оказавшегося рядом с обителем особых поднадзорных. Мясник извлек единицу сознания из тела и передал ее для допроса похожему на медузу кластеру-подавителю. Тот связал человеческую душу в единую структуру со своими единицами, вытягивая знания. Он не понимал слов, не понимал надписей. Он понимал события. Душа не знала ничего полезного, в потоке мелькали лишь люди большего, чем носитель, роста, ранцы за спиной, черная матовая доска с белыми письменами. Человек не был наблюдателем, и икринка из нее получилась прозрачная, как родниковая вода с матово-белой серединкой. Ее можно было бы выкинуть, но она уйдет в мир снов, называемый Навью, и выдаст действия Координатора. Душа требовала временной изоляции и канула во чреве Подавителя.

ГЛАВА 16. ПРОХОД

-- Егор Соснов — Навь —

Я смотрел на дорогу, которой ещё несколько минут назад не было. Дорогу, созданную одним лишь воображением и силой мысли. Дорогу посреди потустороннего мира. Здесь все возможно. Ну, или почти все.

— Мне дадут её увидеть?

— Жену? — переспросил бес.

— Да.

Бес помолчал некоторое время, покосившись на свою спутницу.

— Боюсь, это невозможно.

— Вы же сами говорили, что души умерших проходят сначала сортировку, только потом отправляются дальше. Говорили про двести лет.

Бес покачал головой.

— Это невозможно.

— Тогда хочу знать, кто допрашивал её. Вы же храните истории жизни, — шагнул я к Мефистофелю, готовый вцепиться ему в горло, а то и вовсе вырвать лживый язык.

— Вам нужно спешить, — вместо ответа произнёс бес. — Навь не шадит никого.

— Бес, где она? — произнесла подошедшая сзади Ангелина. — Твоя спутница не может не знать. Она из приближенных к Великому Ящеру, а здесь вопрос большой важности. Вы не могли не следить за ней. Вы отследили души без памяти, а тут не знаете, где особа с дополнительным статусом сортировки. Жена боевого мага всё-таки.

Бес молчал, переводя немигающий взгляд то на меня, то на мою заместительницу.

— Или ты говоришь, или я отказываюсь идти дальше, — выдавил я.

— Мы не знаем где она.

— То есть? — опешил я. — Мне показывали её исковерканное тело. Она мертва. В этом я уверен.

— Хьё, мы то-же пере-про-ве-е-ерить эта, — заговорила металлическим голосом бесовка Лилитурани, — Эта есть её те-е-ело. Но она к намь не прихо-о-одить.

— Где она?

— Доля с Недолей ответят на этот вопрос только тогда, когда ты вернёшься.

— Что за игру ты затеял, бес?

— Игру? Игру, в которой я сам шестерёнка на побегушках? Нет, это не я. Здесь игроки куда выше рангом. Масштабы игры охватывают целые миры. Если ты хочешь узнать, что с твоей женой, ты пойдёшь и вернёшься. Для тебя будет это ставкой в игре. Для меня — ваши воспоминания после смерти. Для богов — новый мир, знание о враге, да мало ли ещё чего. Они нам не сообщают.

— Бес, — снова взяла слово Фотиди, а в сплошном золоте ее глаз засверкали яркие искорки, — где гарантии, что ты не врешь? Где гарантии, что нас не убьют после этого?

— А где гарантии, что не убьют меня? — ответил тот. — Если они вас убьют, чтоб не было утечки информации, то убьют и меня, сразу после того, как прочитаю вашу память, и отказаться нельзя, это против правил. А я тоже хочу жить. Поэтому мне вам нет смысла врать.

Бес медленно развернулся и пошёл по дороге, ступая сандалиями по ярко-желтой брусчатке, остановившись чуть поодаль.

— Что решил? — тихо спросила Ангелина.

— А что мне остаётся? Только вперёд, отступать некуда.

— Подцепили они тебя не на шутку.

— Как мне эти машины вперёд двигать? Они же разваливаются! — крикнул я бесу вслед, оставив без ответа слова помощницы.

— Воображение, надо включить воображение! — ответил тот.

Я провёл ладонью по лицу, пытаясь снять с себя напряжение, и перевёл взгляд на три единицы техники. Воображение, он говорит. Попробуем. Я подошёл к внедорожнику и заглянул внутрь. Света, стала такой же полупрозрачной тонкой фигуркой, как и Оксана, только она была розоватой на просвет. Вампирша сидела со стеклянными глазами красноватого цвета, вцепившись истончавшимися пальцами в оплётку руля.

— Света, — позвал я её. Она не отозвалась. — К чертям собачим, — процедил я и стукнул по чешуйчатой шкуре искажённой навью машины.

— Больно, — прошептала вампирша.

— Что? — переспросил я, не поняв невнятных слов.

— Ударил больно.

— Я машину только.

— Мне от этого больно. Я сейчас часть её. Смотри.

Света глупо улыбнулась и наклонила голову набок. Тяжёлый внедорожник неуклюже переставил лапу-покрышку немного в сторону, а потом медленно потянулся, как бегемот.

— Ты его по дороге сможешь направить?

— Да, — вяло ответила Света.

— Хорошо, — пробубнил я сам себе, а потом окликнул Фотиди: — Ангелина, садись в Урал и представляй, что он движется вперёд.

— Сработает?

— Кажется, да.

Она залезла в полурастекшуюся кабину, и, зажмурившись, вцепилась в руль. Сначала ничего не происходило, а потом машина дёрнулась, как от удара током. По металлу побежала мелкая рябь, после которой грузовик приподнялся над грунтом, оставив ссохшиеся колёса на земле. Массивный корпус поддерживали теперь шесть толстых жучинных лап.

Я глянул на замершую водянистую Оксану, а потом помог залезть ещё неокрепшему после вылеченной раны Сорокину.

Пришлось помочь и Александре, которая уселась в машину со словами: 'Что произошло?'

— Все нормально, — прошептал я, вспомнив слова домового, и я тихонько погладил её, запустив пальцы в густые волосы, а потом отошёл немного в сторону от машин, — все хорошо.

Слишком много навалилось за эти несколько дней. Мир простой и понятный, перестал быть таковым, едва только я успел смириться с мыслями о безвозвратной потере.

Но надо было двигаться вперёд, надо было найти этих загадочных инопланетных, или более правильно иномировых, людей, а потом умудриться вернуться живыми и желательно невредимыми. Я огляделся по сторонам, рассматривая неведомый мир, через который мы пройдем к цели. Люди всегда мечтали о некой кротовой норе, некоем гиперпространстве,

для быстрых путешествий сквозь вселенную, а она, оказывается, всегда была рядом, давно обжита и имеет свою строгую таможню. Движение возможно либо в один конец, либо по спецпропускам, получение которых очень проблематично.

А мир вокруг снова поменялся. Искры весенних ростков погасли, превратившись в трепещущие на слабом ветерке листки, бабочками цветов обзавелись не только яблони, но и многие другие деревья. Под ногами разлилось волнами зелёное волокнистое море, оно билось о стволы деревьев, корпуса машин и мои ноги, бросая тёмные, не липнущие ни к чему брызги. И лишь дорога была сродни плоту, на который волны накатывали, чтоб быстро утечь обратно, на короткое время обнажив желтый кирпич. Я нагнулся и зачерпнул сложенными вместе ладонями из этого тёплого травянистого мелководья. Тонкие нити стеблей и узких листьев не касались друга, словно наэлектризованные волосы, а между ними сновала прорва изумрудных точек размером с маковое зёрнышко, шуршали странные гротескные насекомые, в которых сложно было угадать их земные оригиналы, плавали как микроскопические медузы фиолетовые, жёлтые и белые цветы полевых трав. Я осторожно вылил эту пахнущую свежестью весны ручную лужицу назад, и вытряхнул из своего биополя рукотворную пчелу, так хорошо вписывающуюся в этот мир. Призрачное насекомое пролетело над волнами, а потом растворилось в воздухе.

Этот мир завораживал, не хотел отпускать от себя, словно глубокий сон. Он настолько сильно хотел, чтоб мы остались, что подарил ещё одно зрелище. Солнце, плавно раздвигая белые пушистые облака, приблизилось к верхушкам деревьев, став алым тлеющим углем, и от его лучей кроны древ вспыхнули ярким огнём, языки которого лизали листву, ветви и цветы, но не приносили вреда. Вспыхнула тёплым бездымным пламенем и та часть поляны, что не была в тени, даже по моей одежде пробежали всполохи вечернего огня. Я смотрел на это, как зачарованный.

Из ступора меня вывел дикий визг. Пространство рядом со мной дрогнуло, и из марева искажённого воздуха вылетел автомобиль. Синяя легковушка, вырывая клочья чёрной земли, несколько раз кувыркнулась, а потом, смятая почти до неузнаваемости, остановилась. На тёмной перепаханной полосе, которую обтекало зелёное море, остались обломки машины, измятый столб с дорожным знаком и тело мужчины. Я бросился к нему, но меня остановила когтистая лапа ящера-телохранителя, вцепившаяся в плечо.

— Не стоит, — произнёс Мефистофель, тут же оказавшийся рядом, — эта душа — не твоя забота.

— А вдруг он жив, — начал я, уже понимая, что говорю глупость. Это мир мёртвых, и только нам дозволено было войти в него живыми, а потом выйти на другую сторону.

— Смотри, — продолжил бес, — это лишь память человека о моменте смерти, и он не стал призраком или нежитью, как редко, но все же, бывает. Пришёл его черёд шагнуть на очередной этап великого конвейера.

Зелёное море, меж тем, осмелело и нахлынуло волнами на автомобиль, рывины и прочие осколки Яви. Металл за считанные секунды потемнел. Краска вспучилась и испарилась, а пластмасса и стекло осыпались мелким песком, оставив голый скелет умирающей машины, который стал потихоньку ржаветь и таять, как лёд на теплом солнце. Истлела одежда на человека, а сам он стал прозрачным, как желе, с растворяющимися внутри его костями. Вскоре, потеряв всякое подобие былой человеческой формы, он превратился в большую мутноватую каплю размером с арбуз, по поверхности которой бегала радужная плёнка.

Бес властно приподнял руку, и один из его стражников-ящеров быстро подскочил к погибшей душе, а потом, подобрав её когтистой лапой, сунул в плетёную из тончайших цепочек сумку, похожую на стародавнюю авоську.

— Этого мы отдадим сортировщикам. На нём нет специального маячка — он обычный, ничем не примечательный человек.

— Я хочу видеть это, — обратился я к бесу.

— Хочешь знать, что будет с тобой и твоими близкими после смерти? Я покажу. Я быстро проведу первичные тесты, на полный разбор нет времени, Навь растворит и вас, если задержитесь, здесь всё не постоянно, кроме тёмных богов, бесов, демонов и разных духов. Да и госпожа Лилитурани будет недовольна, она мне не начальница, но выше по статусу.

Я быстро посмотрел на бесовку, которая залезла на внедорожник и рассматривала пулемёт.

Бес легконько махнул рукой, и телохранитель подставил авоську с душой своему господину. Мефистофель снял с пояса тубус и достал из него несколько тоненьких игл, а потом стал одну за другой вкалывать в пленённую каплю души, комментируя свои действия.

— Это лишь десяток из нескольких тысяч. Это лишь несколько минут боли против нескольких лет пыток.

На иглах, словно крохотные светодиоды, стали зажигаться огоньки: жёлтые и зелёные на одной, красные на другой, и так далее. Все разных оттенков, да вдобавок горели по-разному: одни ровно тлели, другие плавно разгорались, а потом так же плавно гасли, что начать сиять снова, третьи резко вспыхивали в странных ритмах.

— Не сдержан в употреблении хмельного. Не сдержан в порывах гнева. Сочетание этого и сгубило его в итоге. Не убивал других людей, но был жесток с близкими, уровень постоянной агрессии зашкаливает. Жаден до богатств, завистлив. Сортировщики подробно разберут все это, сохранят тусклую историю его жизни. По своему опыту скажу, что он пройдёт восемь корректировок уже только по предварительной оценке. Посрединник, ты уви́дел, что хотел?

— Я слышал, вы из душ делаете живые вещи.

— Делаем, — подтвердил бес, — надо же как-то совмещать работу с обустройством быта. Из этого можно сделать подставку для напитков, будет ходить за хозяином и подавать питье, не в силах напиться сам. Это наше своеобразное чувство юмора, хотя шутка с бородой, признаюсь. Ему всё равно нужно будет отлежаться перед основными процедурами корректировок. Вот и включим его в нечто похожее на ваш умный дом. Живое кресло, живая кровать, живая печь — обезличенные, созданные для конкретных нужд всепокорнейшие слуги.

— У меня другой вопрос, — спросил я, опустив глаза и наблюдая, как зеленое море ласкает мои ботинки своими волнами.

Бес вопросительно глянул на меня.

— Если моей жены здесь нет, то она сейчас призрак в мире живых?

— Может быть, призрак, может быть, нежить. Это не в нашем ведении, — ответил бес. — Вам нужно торопиться.

Я повернулся к машинам, давая знать, что разговор окончен и пора в путь.

****

От кластера скрытого действия пришел отклик: люди выследили его, люди мстили за

недавнюю душу. Люди сказали бы о себе: 'Взбесились'. Черета образов показывала отряд солдат, оцепивших полый каменный куб, в основании которого спрятался кластер-Мясник, жреца-марионетку, наполненную заемной силой созданий, именуемых богами, несколько магов и десяток животных-рабов, рвущихся с лаем на цепях. Жрец ослепил и оглушил Мясника так, что образы едва пробились к координатору. Маги поставили силовые заслоны и незримые сети, а воины вошли в куб. Кластер сопротивлялся, убив семь особей, но его выжгли изнутри колдовством и разорвали роящимся металлом.

Кластер обнулён. Нужен новый кластер.

ГЛАВА 17. СВОБОДА

-- Егор Соснов — Тик —

Немного пришедшие в себя, но так и не принявшие прежнюю форму тел, неживые члены команды заняли свои места в машинах и последовали за мной, идущим впереди них пешим ходом. Так мне было спокойнее. Я в любой момент смогу поставить щит, который действует здесь, пусть и не совсем так, как хотелось бы.

Бес молча шёл рядом, а его компаньонка заняла моё место на крыше внедорожника, окружённом телохранителями, смотревшись на искаженной машине бутафорским киношным монстром.

— Далеко идти?

— Нет, — он махнул рукой в направлении нашего пути, — всего пару километров. Рассиживаться времени не будет. Вы сразу в портал пойдёте.

Я кивнул и замолчал. Вскоре действительно показался конец дороги, заканчивающийся широкой каменной аркой, к которой через небольшой ров поднимался мост. После того боя стало совсем тихо, и странствие в потустороннем мире оказалось куда будничнее и проще, чем я ожидал. В начале пути в воображении рисовались горы трупов, огненные реки и замки из облаков. Ничего этого не было. Имелся лишь странный сон наяву.

Арка перехода быстро приблизилась, и вскоре в ней вспыхнуло голубое сияние, бросающее отблески на ставшую золотой и медной листву с любопытством взирающих на нас деревьев. Листочки, отполированные до зеркального блеска, отражали в себе пожелтевшее море, бесконечное бирюзовое небо и прятанные среди них алые яблоки. Листочки разбрызгивали в разные стороны яркие лучистые капли ещё не севшего солнца.

Бес перехватил мой взгляд, и протянул в сторону ближайшей яблони руку. Дерево медленно склонило ветви и вложило в его ладонь большой спелый плод, готовый лопнуть от переполняющего его сока.

— Отведай, — произнёс Мефистофель.

— Райские яблоки? — со смешком переспорил я.

— Адские. Райские кончились давно. Не сезон, — серьёзным тоном ответил тот.

— Мудрости не прибавился?

— Яблоко райского сада может вкусить только тот, кто уже обрёл разум. Ума они не добавляют. Вот в чём беда. Это яблоко лишь символ самоосознания и пропуск сюда. Человек обрёл разум, и его заметили. Он начал проходить конвейер испытаний, дабы иметь возможность воссоединиться с великим разумом в одно целое. Он не изгонялся из рая. Он понял, что живёт не в раю. А остальное — красивая сказка.

Я откусил хрустящий сладкий с небольшой кислинкой плод. Маленькие капельки сока поплыли по воздуху в разные стороны, мелко трясясь, как недавние капли крови стажера. Капли на ходу расщеплялись на более мелкие, а в их движении угадывался рисунок, которые оставляют в детекторах коллайдера субатомные частицы при распаде атомов. Плод познания отражал в своей сути то, к чему человечество шло по костям тех, кто восставал против системы, шло сквозь костры инквизиции век за веком от диких кикимор с копьями из обожжённого дерева и рождённых суеверием тварей к совершенству познания. Яблоко лишь индикатор. А ад сотворили мы сами, стремясь снова быть нелюдями. Только мы забыли, что

животные, не имеющие разум, всегда живут по изначальной совести, а падший человек скатывается к твари хуже демона.

Мимо проскочила Оляха, которая в большом листе лопуха тащила целую охапку яблок, груш и слив. Вот уж кому прямой пропуск в рай. Интересно, какой мудростью владеет эта девчурка? Наверное, какой-то своей собственной, недоступной мне.

Перед входом в арку произошла заминка. Портал ещё не был готов, и мы вынуждены были ждать. В этот отрезок времени каждый отпробовал плодов, кроме Ангелины. Та наотрез отказалась даже прикасаться к ним, сказав, что она закоренелый атеист и не хочет никаких экспериментов. Александра Белкина скривилась от первого же яблочка, как от килограмма лимонов, а Сорокин вяло откусил кусок, а потом положил остаток в бардачок грузовика и долго стоял, прижавшись лбом к зелёному металлу закрыв глаза. Из-под руки, прижатой к плечу, проступила кровь.

Оксана жадно ела одно за другим, вытирая ладонью перепачканное лицо, словно это было лучшее, что она ела в жизни. Было видно, как её полупрозрачная фигурка на глазах теряет бесплотность, возвращаясь к прежнему виду.

Света осторожно разрежала яблоко на мелкие дольки и, положив на ладонь, неспешно смаковала.

— Готово, — наконец произнёс бес, — вам пора. И вот, чуть не забыл.

Он протянул старый компас.

— Это укажет на точку возвращения, если она будет далеко от вас.

Я кивнул и принял предмет, а затем дал команду, и машины одна за другой ушли в портал. Последним пешком зашёл я, провалившись в ничто.

Этот раз отличался от предыдущего. Тьма долго не хотела нас отпускать, играя, как кошка с мышкой в тёмном подвале. Но потом все же сжалилась.

Я очнулся от пробирающего до костей холода и монотонного "дай". Послышался звук удара и какая-то возня. Я через силу открыл глаза, перевернулся со спины на живот, а затем попытался приподняться на руках. Под локтями застонал плотный снежный наст. Машины стояли, провалившись до самого железного брюха в ровную белую скатерть. Над нами было густо-фиолетовое небо с очень низкими серыми тучами. Они быстро плыли, как машины в плотном дорожном потоке, не обгоняя и не отставая от сотоварищей, а в просветах виднелись блеклые вечерние звезды.

Я наконец-то встал и подошёл к машинам, обойдя их по кругу. Увиденное заставило рвануть вперёд. Света пыталась навалиться на истекающего кровью Сорокина. Он молча отбивался от вампирши, а та остервенело вцеплялась в его одежду и хрипло повторяла это самое "дай". Её глаза горели красными углями, а из-под губ поблескивали острые клыки. Она сорвалась.

Меня на несколько шагов опередила Ангелина, которая подскочила и что было сил ударила локтем Свету по спине. Вампирша вывернулась как кошка и не человечески быстрым движением саданула магессу в солнечное сплетение костяшками пальцев. Фотиди, захлебнулась, судорожно хватая ртом воздух, и упала в снег. Я попытался ухватить вампиршу телекинезом, но колдовство отказалось слушаться, лишь слегка дёрнув капюшон на Светиной куртке. Пришлось действовать по старинке. Я достал висящий на поясе пистолет, снаряжённый обычными боеприпасами, и несколько раз выстрелил в упор в плечо и ягодицы вампирши. Она заорала дурниной и упала рядом с Ангелиной, стискивая пальцами потемневшую от крови одежду там, где я ее ранил.

А еще сзади загромыхал крупнокалиберный пулемет. Я контужено поглядел на броневик, ожидая ополоумевшую Оксану. Если бы она решила стрелять в Свету, то разорвала бы очередью серебра на куски. Но нет, то, во что уходили пули, шло к нам из ледяной пустоши. Оно было ни на что не похоже, разве только на творение пера Стивена Кинга. Огромная полупрозрачная как желатин слегка бирюзовая на просвет сущность медленно двигалась, перебирая длинными тонкими ногами, каждая из которых была длинной с фонарный столб. Туловище размером с ПАЗик болталось меж согнутых многочисленных колен, как гондола воздушного шара, а с него свисал десяток-другой извивающихся щупалец. Я не знал, есть ли у существа глаза, но оно нас видело.

Пули входили в тело, словно в баллистический гель, застревая внутри и горя яркими голубыми искрами цвета пламени бытового газа. И раз горели, то это было сверхъестественное создание.

Я тряхнул головой, все еще гудящей после перехода через мир мертвых. Всплыло запоздалое сравнение: эдакая гипертрофированная помесь паука-сенокосца и каракатицы.

Барьер я смог поставить только со второго раза, когда тварь подошла совсем уже близко, при этом чувствовал, как из меня потоком уходила сила, которую не получалось восполнить. Создание навалилось на защитную сферу всем весом. Лапы заскребли по невидимому щиту подобно жуку по стеклянной банке, откликаясь болью в голове. Я зажмурился и сжал кулак, концентрируясь, а потом ударил усиленным фокусным импульсом. Существо дернулось от вспыхнувшего внутри нее взрыва.

Мелькнула мысль: 'Почему же не помогает Луника? Она бы сейчас очень пригодилась со своей БМП'.

Вместо демона ночи на выручку пришел Сорокин. Он вскочил со снега и, подбежав к отрывшейся перед ним дверце кабины Урала, вытащил оттуда гранатомет. Над снежным полем раздался специфический грохот выстрела из РПГ-7. Существо еще раз дернулось, а от его туловища отвалилась оторванная лапа, упавшая на снежный наст. Тварь беззвучно подняло вверх одну из своих тонких конечностей, и нанесла колющий удар, пробивший барьер и вошедший остро затесанным колом в бедро стажера. Опять ему не везет, берегиня снова будет его латать.

Существо потянулось к Сорокину щупальцами. Я погасил бесполезный щит и нанес еще несколько крупных фокусных импульсов, ударивших сущность, как залп системы Град, разрывая прозрачную как речную воду плоть. На снег посыпались обрывки щупалец и еще пара лап, одна из которых чуть не рухнула на броневик, обдав его снежной пылью и какой-то липой дрянью. Сбоку сверкнула оранжевая молния Ангелины, после чего существо, шатаясь, начало отступление. Я проводил его взглядом до самого того момента, когда оно не упало и не начало таять как кусок льда под солнцем, потом перевел взор на раненого стажера. Там уже трудилась Береста, шепча заклинание и наматывая стерильный бинт. Сорокин вцепился ей в плечо скрюченными пальцами. Из прокушенной губы текла кровь, словно её мало было из раны на бедре.

Так встретил нас этот мир.

Стоящая на коленях Ангелина упала на спину, разведя руки в стороны, и уставившись в небо.

— Домой бы на денек, — произнесла она печальным голосом, а потом тяжело вздохнула и начала подниматься на ноги.

— Вернемся, напиши рапорт на отпуск, — ответил ей я.

— Если бы все так просто было, — сказала она, а потом добавила, указав кивком головы на тающую вдалеке горку желе: — На шум пришло.

— Наверное, — согласился, а потом повернулся в сторону боевой машины пехоты.

Ковыляя по насту восемью лапами, двигалась Луника. Паучиху трясло, как в лихорадке и слова её путались.

— Плохо. Очень плохо, — стонала она своим нечеловеческим скрипучим голосом. — Мало силы. Мир пуст. Голодно.

— Помоги связать Малокровку. Потом что-нибудь придумаем.

Паучиха подхватила девушку и стала крутить четырьмя лапами, сматывая тонкой, но прочной нитью, пока не упаковала, в кокон, как в спальный мешок. Одна голова торчит. Только тогда я сел на колени в снег, стал слушать внутренние ощущения и думать.

Энергопоток был действительно мал. Он едва мог заполнять фантомные накопители, что приводило к их крайне медленной перезарядке. Чем это грозило? Боевой маг становился одноразовой вещью. Единожды вплеснув всю свою силу, он долго не мог восполнить запас. Нечисть, бравшая энергию для своего существования из магополя, ставилась на грань истощения и голодной смерти. Причём быстрой смерти. Этим, видимо, и вызван срыв вампириши. Проблему нужно срочно решать.

Маг может создавать вокруг себя маго-поле для поддержания колдовских существ, это одно из основных умений каждого мага. Но в обычной жизни это почти не нужно. Не думал, что пригодится вообще.

Я стал прикидывать в уме баланс энергопотока. Четыре мага, из них два сильных, то есть я и Ангелина Фотиди, и два не очень, в лице Александры Белкиной и Владимира Сорокина. Нужно поддержать несколько духов и нежить. Это демон-паук Луника, вампириша Светлана, русалка Оксана, берегиня Береста, древний Полоз, лесавка Оляха и домовая. К тому же нужно поддерживать баланс накопителей в плюсовую сторону, в сторону наполнения.

Что в итоге можно сделать? Полоза отправляем в спячку до лучших времён, так они не будут влиять на поток. Вампиришу, деда Семена и русалку-утопленницу возьму на себя, остальные с ними не сладят, лесавку тоже, иначе она обидится. Ангелине отдам Лунику. Александра останется в резерве. Берегиню прикрепим к стажеру в виде личной аптечки. Да, так и поступим.

Я встал со снега и со вздохом модифицировал своё биополе, протянув нити силы к нужным созданиям.

Сразу раздался тихий плач, источником которого стала Света.

— Что рыдаем? — спросил я у неё, наклонившись к кокону, вспоминая сколько пуль я в неё всадил, и насколько это больно может быть для нежити.

— Простите меня, пожалуйста, — захлёбываясь слезами, бормотала вампириша.

— Коньяком отработаетесь по возвращению, — улыбнулся я, — а сейчас забудем, с облегчением ответил я, стараясь не нагнетать и без того тяжелую обстановку.

— Я не могу-у-у. Я чудо-о-ови-и-ище-е-е, — с новой силой зарыдала Света.

— Все мы чудовища. Если ты не знала, то батальон поддержки наших коллег — 'Трассеров' — имеет дополнительную задачу, в случае необходимости ликвидировать нас. Понимаешь? Десять магов и мотострелковый батальон. Мы все для них чудовища. Мы с тобой одной крови, ты и я. Да и местных монстров, как видишь, тоже хватает.

Света плакать не перестала, но прощения больше не просила. Зато вылезла из машины Оксана, обожравшаяся райских яблок. Она просто плашмя рухнула в ровную скатерть

сугроба и так лежала лицом вниз, словно выпавший из окна труп. Дурдом.

Ангелина с полуслова приняла мою концепцию и поделилась энергией с Луникой. Береста подлечивала Сорокина с усердием дорвавшегося до работы трудоголика.

Я посильнее закутался в бушлат, который выхватил из внедорожника, и обошёл по кругу нашу небольшую колонну. Уже обогнув БМП, я не смог сдержать эмоций.

— Твою ж ты мать!

— Что не так?! — подскочила Ангелина, готовая проинспектировать обитель демоницы на предмет человеческих останков, мало ли какие обычаи у добрых духов индейцев Майя. Они славились своими кровавыми ритуалами.

— Чего-о не понимаю, — пробурчал я, указав пальцем на три укутанных в чёрные балахоны тела, выпавшие в полукоматозном состоянии из десантного люка БМП. Существа ползали по снегу, пытаясь закутаться в свои плащи.

— Ночницы? Откуда они тут? — воскликнула изумленная Ангелина, погасив заклинания.

— Мне было сказ-з-зано их спеленать для опытов, — подала голос паучиха, — отпус-с-скасть слова не было.

— И? — коротко спросил я, начав растирать ладонью замершее лицо.

— Я думала, про них забыли, — продолжила Луника, мелко трясясь, — я их хотела поглотить.

Я непонимающе смотрел на духов, соображая как их пропустили вместе с нами контрабандой. Ведь там стояли древние боги, которые внимательно следили за процессом перехода. Тройку даже почти невидимых существ они не могли не почуять, разве что пометили как сухой паёк для Луники. Я стоял, а рядом вдруг взорвалась смехом моя помощница.

— У меня нервный тик будет со всей это хренью, — произнёс я, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ну, так давайте и назовем этот мир по праву первооткрывателей Нервный Тик, — высказалась моя помощница, сложив руки на груди.

— Что? — спросил я у неё, обернувшись назад с глупым выражением лица.

— Ну, или просто Тик, чем плохое название?

Я пожал плечами, а потом обратился к Лунике, начав растирать ладонью замершее лицо.

— Развяжи их. Потом разберемся с ними.

Луника не шевельнулась, но тонкая нить паутины, в которую были завёрнуты ночные кошмары старого славянского мира, быстро растаяла. Духи остались лежать без движения, отчего казалось, что передо мной трупы.

— Хватит притворяться, — пробурчал я.

Ночницы шевельнулись и подползли в тень от боевой машины пехоты.

— Что мне с ними делать? — задал я риторический вопрос самому себе.

— Отдать мне, — тут же отозвалась Луника.

— Успеется. Подумаю малость, а потом решу.

— Не до них сейчас, — произнесла подошедшая Белкина.

Судя по уверенным шагам всевидящей, ничто не мешало ей сканировать пространство.

— Что произошло?

Белкина вместо ответа протянула мне обычную пластиковую флягу. Из-под горлышка

вспущенной ёмкости сочилась струйка воды.

— Чары богов слабеют.

— Вот черт! — ругнулся я, — Все?

— Да.

— Почему? Чувствуешь?

— Богов нет, и чары тают.

— Значит, мы сейчас беспризорные, — прошептал я сам себе под нос, — никто не будет приставать со своим правом выбора и иллюзией свободы воли.

— Что? — не поняла Белкина.

— Свобода, говорю. Свобода.

Я глядел вдаль и думал. Думал о том, какая может быть цена свободы у человека? Кто-то и так свободен, может быть, потому что никому не нужен, и никогда не был нужен? Кто-то добывает себе свободу, скопив несметные богатства деньги, но свободен ли он от этих денег? А может, он наоборот их раб? Кому-то хватает для свободы ножа в руке и бескрайнего леса впереди, где нет ни одной души. А кому-то нужно быть магом, но он не может остановиться, мучается, стараясь стать сильнее, чем кто-либо, чтоб никто не мешал, а в итоге, остается один.

Я потерял жену и сам прошел сквозь смерть, освободившись от постоянно толкающих в спину богов. Но та ли эта свобода, которую я искал?

Я поднял глаза к небу, провожая взглядом одинокую падающую звезду. Свобода, это, наверное, тогда, когда твой выбор не заставляет тебя мучиться, метаться между вариантами и их последствиями. А самое главное, он у тебя есть, этот выбор.

****

Новый Мясник стоял над обезглавленным телом, одетым в офицерскую форму, и держал прозрачную икринку в когтистой руке. Подавитель, протянув тонкие щупальца, впившиеся в единицу человеческого разума, поделился полученным знанием, и теперь они оба слушали отклик. Мясник ждал команду к свершениям, закутавшись в лохмотья, содранные для маскировки с тела какого-то бродяги, что проживал в новом подвале. Лохмотья были маловаты и плохо застегивались, и потому кластер дополнительно завернулся во взятую на одном из балконов темно-синюю простыню.

Пришло знание: люди обманули всех, всплеск силы был порталом, сроки событий оказались недостоверными, деяния людей не предсказанными, Главная Цепь Деяний — под угрозой.

ГЛАВА 18. ОТДЫХ ПОСЛЕ СМЕРТИ

-- Егор Соснов — Тик —

Свобода свободой, но надо принимать срочные меры.

— Общий сбор, — громко объявил я для группы.

Отряд побросал свои сиюминутные задачи и быстро потянулся к импровизированному месту построения сбоку от увязшей в снегу колонны, подняв воротники для защиты от несильного, но прохладного ветра, который дул поднимая поземку, и непрерывно замечая наши следы и образуя невысокие круглые сугробчики вокруг колес и гусениц.

— Это всех касается! — заорал я, обращаясь к трём теням. — Вы теперь тоже члены команды! Я для вас отныне царь, бог и воинский начальник.

Ночницы, кутаясь в свои светонепроницаемые балахоны, неуверенно встали рядом с остальными.

— Лейтенант Фотиди, вручаю тебе этих духов для глумления и выполнения всевозможных стратегических задач. Считай что это наши новобранцы.

— Двойко звучит, — крикнула со смешком Ангелина, — они и так и так духи получают, и по своей природе, и по сроку службы.

— Мне пофиг. Первая задача для тебя и твоих подопечных — поставить палатку и развернуть дырчик, то есть дизельный электрогенератор.

— Разрешите приступить? — спросила магесса, закинув в рот заледеневшую на морозе ириску, и оценивающе поглядев на тёмную троицу.

— Возьми Лунику в помощь, — бросил я вдогонку.

— Есть! — бодро ответила магесса, потащив за собой за шкурку ближайшую тень, а остальные поплелись следом.

— Стажёр, распаковываешь аппаратуру связи, электронику и системы видеорегистрации. Будешь у меня отвечать за дневник группы, куда будешь заносить принятые решения, маршруты, всякие интересности и прочее. Проходишь лечение.

Тот кивнул и потопал по хрустящему насту к внедорожнику, затягивая на ходу потуже ворот бушлата. Легко одетая берегиня, которой безразличны перепады температур, как и для всякой сверхъестественной сущности, пошла за ним следом.

— Оксана, ты, золотце моё, проводишь инвентаризацию оружия, и осматриваешь его на предмет воздействий Нави. А мы с Александрой будем разбираться с чарами, и что с ними не так.

— То есть, ничего делать не будешь? — глядя исподлобья, съязвила русалка.

— Это так кажется. Все наши запасы и оборудование заколдованы. Если не примем меры, останемся без воды, еды и топлива.

— Поздно про топливо. Из канистр хлещет солярка во все стороны. Там же семикратный объём, вот её и выдавливает. Все что можно залило. Хорошо, что чары постепенно слабеют, а то рвануло бы так, что машины разворотило. Не говорю уж про нас.

— Иди. Разбираться будем, — махнул я рукой, указав направление настырной утопленице.

Я залез в воняющую топливом машину, поглядывая на сочащуюся из-под крышек канистр жидкость. Рядом села Белкина.

Дверь я закрыть не успел, так как в неё сунулась Ангелина.

— Вы только быстрее, а то без запасов останемся, — произнесла она, опередив словами рванувшую на канистре крышку буквально на секунду.

По всей машине разлетелось топливо, заливая имущество, сидения и нашу одежду, уподобившись водомету для усмирения бунта. Солярка мгновенно пропитала бушлаты, шапки и волосы, подпадая за шиворот, противными ледяными потоками струясь по телу.

— Да чтоб оно все горело синим пламенем! — выругался я, протирая лицо более или менее сухой перчаткой.

— Не надо! — заорала тут же Ангелина с таким выражением физиономии, словно я действительно мог поджечь топливо, — откуда мы знаем, какие здесь правила мира. Может желания сбываются.

— Если бы сбывались, то я бы уже нашел, что нужно, и грелся дома, — буркнул я. — Ладно, надо успеть отрегулировать чары на емкостях, а то, в самом деле, без всего останемся.

— Замёрзнете, — поникшим голосом произнесла Ангелина, стягивая с себя мокрый бушлат.

— Береста вылечит, — произнесла стучащая зубами Белкина, обхватив сама себя руками, что было совершенно без толку.

Я с сочетавшем глянул на девушку и начал соображать, что делать.

Перво-наперво, я взялся за фляжку с водой, прищурился, переходя в экстрасенсорное восприятие. Схема заклинания должна быть общая для всех ёмкостей семикратного объёма, и если одну расплести, то с остальными будет куда проще.

Мир вокруг изменился. Члены группы высветились своими характерными аурами, а само пространство наполнилось причудливыми толстыми нитями, исходящими из недр планеты и убегающими вверх. Они были самых разных оттенков, но единила их некая неспешная текучесть. Сквозь нас периодически проходили едва заметные волны колебания магополя планеты, говорящие о том, что мир этот не замер в статичном посмертии. Что внутри у него проходят геологические процессы.

А шанс найти здесь людей был, уже исходя из тех соображений, что местным воздухом можно было дышать. Какие они? Глаза сами поднялись к небу, стараясь поймать какие-либо признаки цивилизации, но оно было чистым, ни следов от самолетов, ни НЛО, ни сказочных драконов. Горизонт, такой близкий, тоже был чист. Высотных построек поблизости не было, линий проводов никто не протягивал.

Я сосредоточился на магической схеме семиведёрной фляги. Она отличалась от создаваемых человеческими магами чар так же сильно, как кактус от ёжика. Вроде бы и то и другое круглое и колючее, но совершенно разные. Люди, к слову сказать, не стали изобретать велосипед, а просто применили принципы программирования на компьютерах к колдовству. Есть маго-схема, она умеет это и вот это, значит, нужно написать к ней код и добавить базу данных. Для чего подключается самый обыкновенный процессор компьютера или смартфона. Все стандартизировано и унифицировано. А здесь чёрт ногу сломит.

Схема представляла собой плотное нагромождение тонких нитей и узлов, скрученных в клубок. Белкина, тоже наблюдавшая за развёрнутой схемой, тихонько прикоснулась дрожащим пальцем к одному узелку. Со стороны это выглядело как будто девушка скребла ногтем воздух.

— Вот это не имеет продолжения.

Я кивнул. Казалось бы, это бессмысленно в присутствии слепой девушки, но она экстрасенс, чувствует твоё движение тогда, когда-то оно ещё не началось, и по нервам к мышцам только начинают бежать первые сигналы. Она чувствует движение человека раньше, чем тот его совершит. Сейчас энтузиасты пытаются разработать специальный язык магов, основанный на беззвучном движениях гортани и языка, но это, наверное, приживется только в медицинской среде, в повседневной жизни оказавшись не востребованным.

Усилием воли я расширил узелок. В тесной, воняющей топливом кабине из маленькой точки родился огромный клок призрачного перекасти-поля со сложенными в ниточки символами старинной глаголицы. Буквы и слова скручивались в подобие спирали ДНК, а вокруг них сновали всевозможные точки и кляксы.

— пожившись. — Ещё бы знать, что здесь написано.

Машина слегка накренилась, и в кабину просунулась голова Полоза, который вышел из спячки и увеличился в размерах до двух метров. Сибирский Каа поглядел на нас, как на двух тупых бандерлогов, что не могут разобраться с орехом. После минутного молчания змей стрельнул чёрным раздвоенным языком и начал шипящую речь.

— Заклинание богов суть частицы этих богов, но вместо осколка разума в них вложены письмена. Здесь много лишних слов. Напиши сам, поверх этого. Направь силу в нужное русло.

— На каком языке?

— На любом. Но слова должны быть точными и без двоякостей указывать, что делать силе.

Я ткнулся лбом в боковое стекло, а собравшись с мыслями, обратился к Белкиной.

— Александра, я пишу код для маго-системы, ты распутываешь клубок.

Она угукнула в ответ и снова стала скрести замёрзшими пальцами воздух. На побелевшем лице поселилась сосредоточенность. Черепок грызуна, вплетённый в ее тонкую косичку, идущую от виска, взирал на мир вокруг пустыми глазницами. Оберег древнего бога был здесь не у дел, оставшись без силы своего господина, превратившись из маркера в постепенно угасающую пустышку.

Я протянул девушке сухие рукавицы, которые нашел в бардачке, нематериальному безразлично, чем его ощупывают, а ей так будет все же комфортнее.

— Не нужно, — отозвалась Всевидящая.

— Опять ты геройствовать взялась. Твои страдания и самопожертвования не помогут нам, лишь создадут ненужные проблемы, а вот если ты будешь здоровой и дееспособной — другое дело.

— На них отпечатки твоей ауры. Это мешает.

Я положил рукавицы рядом, с намёком, что ими можно воспользоваться в любой момент, создав легкое согревающее заклинание. Сил его хватало лишь на то, чтоб вода не замерзала, да не получить обморожение от пропитанных топливом вещей.

— Ты тогда хоть перерывы делай, пневмонию получить недолго такими темпами. Мы ведь машину заводить не будем, пока не разберёмся во всем этом.

Александра снова угукнула.

Битый час мы колупались с чарами богов, притом, что они были по своей сути простейшими. Змей всё шипел, что многое зависит от самого мга, от его ауры, его колдовской силы. Пришлось импровизировать. Какая речь самая простая и предельно структурированная? Язык программирования. Я вспомнил своё старое увлечение

допотопным Спектрумом, на котором был очень простые ассемблер с бейсиком, если их немного модифицировать, то можно править божественные заклинания. Дикость, конечно, но если все зависит от личности мага, то сойдёт.

В кабину постучали в тот момент, когда мы закончили колдовать над флягой. Дольше всего я возился с представлением пространственной спирали, которая растягивает метрику в локальном объёме, и параметрами управления ею. Семикратной сделать её не получилось, но число четыре тоже неплохо.

— Эй, страдальцы-чародеи, мы палатку поставили, печь растопили, генератор запустили. Сухпайки уже согреты. Жрать пойдёмте, — в своей прямолинейной манере позвала нас Оксана, стоя на морозе в одних трусах.

— А ты чего голая? — изумленно спросил я, глядя на бледное тельце бывшей студентки.

— Три коробки сухпайка рванули. Вся одежда в каше и бычках в томатном соусе. Дед сейчас воду греет всех отмывать.

Навья провела по волосам рукой, достав какую-то гадость.

— Сейчас придем, — ответил я, на приглашение.

— Останусь, доделаю, — произнесла Белкина.

— Хватит, — ответил ей я, — Надо поесть, помыться и переодеться, а схему я запустил для копирования в автоматическом режиме. Все похожие заклинания преобразуются сами. Нам сейчас отдохнуть нужно. Ты, вон, вся мокрая от натуги и бледная от холода.

Белкина нехотя сдалась, и пошла за нами в палатку, где было тепло и сухо. Под самым потолком горела одинокая светодиодная лампа, в углу Сорокин протирал от солярки цифровую технику, делая отметки в блокноте. На небольшом раскладном столе был разложен ужин в виде жестяных консерв, согретых прямо на печке, в которой гудело жарким пламенем вырывающееся из форсунки топливо. От консерв по тесной палатке разливался в перемешку с вонью солярки аромат солдатской каши, бывший в новинку этому миру. Тихо булькал кипящий металлический чайник.

Дед Семен сидел возле печки и записывал в блокнот имеющееся в палатке имущество, составляя опись.

— Печь — одна штука, лампада светоидиотская — одна штука.

— Светодиодная, — поправила его Ангелина.

— Не суть важно, — буркнул домовой, — я ее не понимаю, значит светоидиотская. Я понимаю лучину, понимаю свечи восковые, понимаю керосинки, а как енто устроено не разумею.

— Дед, ты же пользуешься этим, так чем не доволен? — спросил я, опускаясь на расстеленный спальник и скидывая ботинки.

— Пользуюсь. Ведь это бережение искричества, но, вот, не понимаю, — ответил домовой, а потом несколько раз отсчитал в воздухе что-то кончиком карандаша. — Три да пять и еще одна. Всего девять лампад в запасе. Горючага — дважды семь сотен литров.

— Дед, а солярку ты зачем считаешь? Это же не в твоём ведении.

— А это как посмотреть, — ответил он, пригладив бороду, — шатер, хоть и не изба, да тоже порядок нужён. Что для порядку надобно? Тепло и свет. Что у нас свет даёт? Генерáтра, а он вонючку эту жрет, как телок на водопое! — сокрушенно вскрикнул дед Семен. — Значит счёт нужен горючаму. Всяк лишнее не включать в свиное рыло, именуемое розеткой.

— Уходя гасите всех, — подала голос Оксана.

— Вот-вот.

В тепле и сытости меня стало клонить в сон, а электростанция убаюкивала своим мерным тарахтением.

— Дед, у тебя сундучок со сказками имеется? — спросил я у хозяйственного домового.

— Я те чё, киностудия, что ли? — огрызнулся дед, под дружный смех группы, — спи уж так.

Всем нужен отдых, даже боевым магам, и я позволил себе слегка прикоснуться к Нави, которую мы совсем недавно покинули.

Из сна, без сновидений меня выдернули истошные крики и рёв неведомого монстра. Я резко открыл глаза и приподнял голову, сооружая заготовку щита и целый конвейер для фокусных импульсов, которыми я мог с одинаковым успехом поубивать мух на лету и вывести из строя танковый взвод, не говоря о сотне незащищенных от этого бойцов. Сердце бешено колотилось, а взгляд не мог найти врага, и только под конец сознание осознало, что происходит.

Источником беспокойства был ноутбук, лежащий на коленях у стажера, на котором проигрывался старый классический фильм 'Парк юрского периода'. Киношный тираннозавр под визги детишек курочил прогулочный джип. Вся наша домашняя нечисть с замиранием следила за экраном. Ночницы блестели глазами, словно наблюдали мастер-класс от самого предводителя полчищ нежити Вия. Слегка улыбнувшись уголками губ, уставилась на зрелище Береста, шаманившая над Сорокиным. Даже Полоз застыл с ничего не выражающим взглядом.

Ольха, увидев, что я проснулся, подняла над головой на манер кинжала огромный зуб, подаренный ей генералом Булычёвым, и тихонько изобразила протяжное 'р-р-р-р'.

Я хотел сесть, но рядом лежала всевидящая Александра, вцепившись в мою руку. Девушка тяжело дышала и едва слышно бормотала: 'Больно, больно, больно'.

— Береста, — тихо позвал я берегиню, — посмотри Бельчонка. С ней что-то нехорошо.

— Она совершенно здорова. Это у неё сон такой, — тут же отозвалась дриада отечественного разлива, даже не удосужившись повернуть голову.

— Ты всех в палатке чувствуешь?

— Всё живое — да, но недалеко.

— Местную живность чувствуешь?

— Нет. Под нами лёд на три десятка локтей, дальше мёртвый камень. И на четверть версты окрест ничего живого нет. Тяжко. Но Всевидящая что-то чуяла неясное за три версты.

— Отдохнём, нужно будет беспилотник на разведку отправить, — сам себе пробормотал я.

— Не получится, — громко высказалась Фотиди, не стесняясь того, что в палатке есть спящие, — дроны и беспилотник водой с топливом залило. Им пипец пришёл. А вы с баклажками сладили?

— Да, повозились, но сладили. На очереди экипировка. Одна беда, новое ничего не создадим, только исправим косяки в уже готовом. Слишком много хитростей.

Ангелина швырнула кипятком из термокружки, глядя как дед вытаскивает из вакуумных упаковок новые сухие вещи, засовывая на их место сырые, для стирки в более подходящих условиях. Дед Семен махал пальцами как дирижёр, отправляя вещи в полет, и при этом бурчал.

— Я старый домовой, а шарахаюсь по всяким закоулкам, по всяким мирам, как ветер в поле, как... как... как бомж. Позор на мою седую голову. Да и устал я уже. Я же домовой, а не бродячий призрак.

— Сколько я спал? — спросил я у Ангелины, не решаясь тревожить сокрушающегося деда.

— Девять часов.

— Снаружи стемнело?

— Нет, и мне кажется, не стемнеет. Светило даже на полградуса не сдвинулось.

— Мы за полярным кругом?

— Здесь другое. Оно, вообще, не двинулось.

Я поставил мысленную отметку о странностях этого мира.

— Что ещё узнала?

— Ветер всегда в одну сторону, в сторону светила. Небо очень низкое. Сила тяжести в полтора раза меньше, но с ней что-то неладно. Не могу понять что, но что-то бредовое.

Я тряхнул головой, стараясь вспомнить, о чем хотел сказать до этого, а потом высказал вслух мысли, касаемые будущего. Потом будем разбираться со странностями.

— Мне Булычёв дал расчёты аналитиков. При самом худшем раскладе через три дня эмиссары узнают про поход, поэтому нам нужно торопиться уходить.

— Узнают, а что потом? — спросила Ангелина, остановив почти поднесенную ко рту кружку. Глаза ее сосредоточенно уставились на меня.

— Потом пойдет попытка нашего перехвата. Все силы они не бросят, так как будут организованы меры противодействия, в том числе провокация группой спецназа на северном мосту, и еще какие-то другие. Около моста вторая по удобности точка входа в Навь, но при попытке штурма, как сказано в пояснительной записке к плану похода, мост накроет защитное поле, вынудив их потерять время на поиски другого места. В общем, у нас еще сутки, а потом срочно уходим.

Я оглядел молчащих угрюмых товарищей, а затем перевел взор на кучу барахла, которое разобрал Сорокин. Помимо дронов, в куче лежала добрая половина нашего оборудования, извещающая о том, что разведку окрестностей проводить нечем. Взгляд сам собой переместился на паучиху.

— Луника, а черепки у тебя с собой все?

— Да, Посрединник.

— Даже тот, что я подарил перед убытием?

— Да.

— Доставай. Ты у нас вместо беспилотника будешь.

****

Дежурный по КПП вышел на крыльцо, сунул руку в один карман, а потом в другой.

— Васёк, я да мага́за, сѣги кончились! Звонить будут, скажи, я на территории где-то, — крикнул он дневальному, который неспешно елозил шваброй по небольшому коридорчику.

Солдат посмотрел на сержанта через приоткрытое окно.

— Да кто звонить будет? Все опять на усиление периметра ушли, — ответил он и дальше продолжил свое незамысловатое занятие, а дежурный прошел мимо выставленного для усиления пропускного пункта гвардейца Стрибога, тот ухмыльнулся и бросил вдогонку:

— Мне минералки возьми, я деньги отдам.

— Ага, — кивнув, ответил сержант и направился к небольшому магазинчику, стоявшему совсем рядом.

Мимо прошла парочка девчат, тихо хихикая и обсуждая здорового гвардейца, полностью экипированного и вооруженного автоматом. У парня была косая сажень в плечах и два метра росту.

Почти дойдя до магазина сержант обернулся, увидев, как к КПП подошел школьник с ранцем за спиной. Гвардеец что-то пробурчал типа: 'Ступай мальчик отсюда', а потом внезапно вскинул автомат.

Сразу за этим рвануло. Поднялось облако пыли. Школьник перестал существовать, а у пропускного пункта выбило окна вместе с рамами и дверь, задрало жестяную крышу. Выбило стекла и у рядом стоящих домов. Послышался крик дневального, которого посекло осколками. Завизжали и бросились бежать девчата, а гвардеец вспыхнул на доли секунды радужной сферой воздушного щита, принявшего на себя основную часть взрывной волны. Бойца откинуло к бетонному барьеру, который покрылся кровами брызгами.

Взрывом все не закончилось. Из подворотни на полном ходу вылетел КамАЗ-самосвал с оранжевой кабиной и пошарпанным кузовом. Тяжелая машина врезалась в то самое место, куда откинуло гвардейца, оборвав всякую надежду на выживание последнего, так как было видно, что даже водителя придавило смятым передком кабины и поломало грудь рулем. Секундой позже, из металлического кузова через треснувший забор стали выскакивать на территорию городка черные лакированные твари, среди которых мелькнули и псы, и вооруженные автоматами зомби, и несколько странных человекоподобных фигур по габаритам под стать погибшему гвардейцу. Мелькнул небольшой черный цветок, который как дрон-квадрокоптер быстро поплыл над самой землёй, совершая резкие зигзаги. За стеной слышались выстрелы и крики, к которым прибавилась очередь крупнокалиберного пулемета, когда враг столкнулся с внутренним кольцом охраны, захлебнувшейся еще одним взрывом.

Ищейки выполнили свою задачу и будут уничтожены людьми, но они дорвались до места открытия портала. Они принесли знание: след, найденный ими, ведет на другой уровень этого мира.

Координатор Диверсий доложил тому, кто имеет Право Вершить о событии. Отклик гласил: остановить все остальные деяния. Сосредоточиться на поисках и перехвате.

ГЛАВА 19. БЕСПИЛОТНИК

-- Егор Соснов — Тик —

Мы все прильнули к экрану ноутбука, в который только что вставили карту памяти из видеорегистратора. Небольшое полупрозрачное животное, воссозданное Луникой по черепу, висело под потолком палатки, вцепившись задними лапами в подкладку-утеплитель. Именно его мы использовали вместо беспилотника для разведки местности. Плотная тень тропической летучей лисицы около трёх часов летала вокруг лагеря, наматывая воздушные километры, собирая бесценную информацию.

На экране виднелась планета с высоты птичьего полёта, сначала были только снежные поля, изрезанные трещинами, однообразные до неприличия, по которым, меж тем, медленно ползали прозрачные водянистые существа похожие на то, что нас атаковало. Создания с высоты птичьего полета выглядели как букашки на белой скатерти.

Вскоре ледяной пейзаж резко оборвался, сменившись краем ледника, небольшими речушками и озёрцами и лесным массивом. Этот мир, вне всякого сомнения, живой.

— Лес. Просто лес, — произнесла Ангелина, глядя на зеленых великанов, теснивших друг друга в своем стремлении к солнцу.

— А ты чего хотела? — ответил ей я, края глаза заметив, как Ольга бесцеремонно ковыряется у меня в вещах, выискивая что-то, — Дерево мира, уходящее черным стволом за облака и разгоняющее громадными красными листьями небесную твердь? Или летающие кувшинки, застилающие солнце?

— Нет. Но, после Нави он кажется таким обычным, словно это не чужой мир, а пригород Новониколаевска или Столицы-на-Неглинной.

— Все живое развивается по общим правилам, — заговорила Береста. — Если магия не вмешивается, то деревья будут тянуться к свету, пить воду из земли и цепляться корнями за камни. Слишком большие не могут удержать свой же собственный вес, и будут ломаться под его гнетом. Это закон мироздания.

— Знаю, но все равно хотелось чего-то большего.

Мы еще долго всматривались в сплошную зелень, кое-где разрезаемую каменистыми речками, а потом в поле зрения мелькнул столб дыма. Имея контроль, и рассказывая о том, что видит, Луника сразу направила свою призрачную живность в нужную сторону. Возможно, это был просто лесной пожар, а если нет? Сомнения развеялись, когда мы увидели на экране два десятка человек. С такого расстояния сложно было различить подробности, но зрелище было явно далековато от мирной пасторальной картины. Одиннадцать замотанных в невзрачные серые одежды личностей кучковались у большого костра, а рядом с ними лежали вперемешку трупы и связанные пленники. Поляна, которую мы наблюдали, походила на место побоища.

Один из сидевших у огня поднялся и подошёл к пленным. Блеснула сталь и лихой человек перерезал связанному горло.

— Это двадцать минут назад, — начал я рассуждать вслух, — если поторопимся, то успеем выручить.

— Нам это надо? — ответила мне Ангелина, — у них непонятные нам разборки. Мало ли кто они, вдруг правительственные отряды каких-нибудь егерей, которые поймали

преступников.

— Неважно. Нам нужно узнать о жителях этого мира как можно больше. Нам самим нужны пленные, и желательно побольше. До них шесть километров, через час-полтора мы сможем быть там.

— По снегу?

— Наст сильно спрессованный, а сила тяжести меньше. Пройдём пешими налегке как по асфальтовой дороге.

— Налегке. А если они опасны?

— Мы же боевые маги, через многое прошли, — ответил я Ангелине.

— Как знаешь. Все пойдут, или кого-нибудь оставим на охране? — спросила магесса, в очередной раз швыркнув горячим чаем.

— Со мной пойдёшь ты, Александра, Оксана и Береста.

Сборы заняли несколько минут, мы похватали самое нужное: оружие, тёплые вещи и термосы с горячим сладким чаем. Дед Семен остался за старшего, с задачей ещё лучше оборудовать место стоянки, приглядывая при этом за Светланой и Ольхой. А вот Полоз увязался за нами, он, как всегда, сжался до размеров скромного ужа и заполз мне во внутренний карман, где ему было теплее.

Шли почти молча, лишь изредка Александра Белкина указывала на провалы во льду или рыхлости снега. Ей это было совершенно несложно, к тому же она за четыре километра учуяла место стоянки тех аборигенов и взяла дикий темп движения.

Чем ближе мы приближались к нужной точке, тем сложнее становилось двигаться. На границе таяния ледник начинал растрескиваться, образуя широкие разломы, приходилось тратить драгоценный запас энергии для облегчения тел антигравитационными заклинаниями. Жалко, конечно, было запас энергии, но без этого бы мы не смогли добраться, да и темп терять было нельзя, а так перепрыгивали сходу через двухметровые трещины как кузнечики. Одна радость, что удалось без проблем подключить генератор магополя к дизельной электростанции и по возвращении в лагерь можно будет присосаться к нематериальной кормушке для насыщения биополя как смартфон к розетке. Это была излюбленная шутка среди магов, что мечты о беспредельном могуществе рухнули, запутавшись в электрических проводах.

На преодоления всего маршрута нам потребовалось чуть больше часа. Весьма неплохо для пересечённой местности при наличии рюкзака и оружия.

Уже приблизившись к краю ледника, так что можно было лечь на возвышающуюся над каменистым склоном грязную льдину и оглядеть местность. Стоянка местных жителей была всего в двух сотнях метров. Я достал бинокль и уже хотел взглянуть на все это безобразие, как вдруг заговорила Белкина, схватив меня за рукав.

— Это не люди.

— Поясни, — сухо попросил я, повернув к ней голову.

— Я чувствую их отчётливо, — продолжила экстрасенс, — у тех, что на земле валяются, биополя значительно отличаются от человеческих.

— Это живые существа, — подала голос берегиня, вглядываясь в окружившие костёр фигуры. — А у костра люди.

Большие изумрудные глаза берегини жадно ловили каждую мелочь, как у хищного зверя при виде добычи. Если бы её зрачки стали узкими вертикальными щёлочками, я не удивился, но в отличие от всяких зверюшек этот фокус был ей недоступен.

— Нелюди, нелюди, нелюди, — начала бормотать Ангелина Фотиди, стучаясь лбом о твёрдую снежную корку, — ну почему нелюди?

— Что с тобой? — спросил я у магессы, смутившись от такого странного поведения.

— Ничего, — огрызнулась она, — нам просто одних только людей обещали.

— Это ещё ничего не значит. Здесь могут водиться несколько видов разумных.

— Может быть, — ответила Фотиди, перевернувшись на спину и взглядевшись в небо, покусывая губы. — Метеоров много, — вдруг произнесла она, — всего полчаса, а я уже сбилась со счёта. Они падают порой целым потоком.

— Нам сейчас не о метеорах надо думать, а том, что делать с этими, — я кивнул на стоянку, — с инопланетянами.

— Сейчас мы для них инопланетяне, — поправила меня Белкина, обмотавшая шарфом все лицо, оставив только рот. Глаза ей были не нужны, вот и грелась, как могла.

— Неважно.

— Будем брать живьём, — отозвалась Фотиди. — Я их всех шокером долбану, а потом поговорим.

— Одиннадцать у костра и шесть связанных, — выдала отчёт Белкина, — я тоже за то чтоб шарахнуть током.

— А я хочу предостеречь, — вмешалась берегиня, — те, что у костра — понятно долбанем, но мы ничего не знаем о физиологии нелюдей, удар током может их убить.

— Пуля в задницу, и готово, — подала голос, молчавшая весь путь Оксана.

— Значит, так, меняем методику, — начал я, но меня перебила Ангелина.

— Опять всплеск силы.

— Что за всплеск?

— Скачек напряжения маго-поля. Он таков, что его и оюди могут почуять.

— Три с половиной часа, — произнесла Ангелина, подняв вспыхнувшие янтарным огнем очи в небо.

— Что? — не понял я.

— Между всплесками прошло три с половиной часа, если нужно, я точнее замерю.

— Замерь, — согласился я, — но разбираться потом будем. Сейчас нужно думать об этих, — кивнул я в сторону аборигенов.

— Есть хитрая задумка, — произнесла Белкина, — можем морок наложить, чтоб не узнали, к тому же напугались.

— Маски? — уточнил я, глядя на кивнувшую Александру.

— Да, будем их троллить.

— Троллить — это хорошо, но есть идея получше, чем морок.

-- Такасик — Тик —

Юноша лежал связанный на жёстких камнях, проклиная свою невнимательность и беспечность. От грубых веревок затекли руки.

Так глупо попасться каким-то разбойникам. Увидел дым, решил быстрее погреться у костра, продрогнув от холодного ветра, что течет от лиих-то, мертвых льдов, а вон оно как вышло. Вместо того, чтоб присмотреться, попёр напролом как подслеповатый дарыща на

водопой. И вместо старателей его встретила шайка отребья, за чьи головы наверняка обещана награда, впрочем, вряд ли большая. Разбойники тоже сюда пришли за работягами-нарони, вон они лежат связанные рядом, кто жив остался. Убивать никого не станут, так как пленники тоже хороший товар, особенно в священном городе, где можно продать любого, кто дышит, если не на невольничьем рынке, то в храм Мира.

Один из старателей, лежащий на земле посередине между нарони-тар и нарони-то пробормотал невнятные проклятья в сторону негодяев, за что сразу получил камнем, брошенным хохочущим душегубом. А те делили скромную добычу, найденную в сумках. Невелик улов, только небесное железо, вытаявшее из льда, да несколько катышков мутного полупрозрачного камня, из которых можно было при должной сноровке сделать украшения для деревенских жителей.

Увлечённые дележом разбойники упустили миг, когда из густого подлеска на поляну вышел странник, закутанный в глухой плащ белесо-зеленого цвета, и такого же цвета странные сапоги, застегнутые на болтающиеся петли.

Один из подорожных искальцев удивленно одёрнул главаря, когда странный гость был замечен. Тот нахмурился и встал со своего места. На стойбище опустилась тишина, разбавляемая только журчанием широкого ручья и треском костра.

— Эй, чё те надо, уродец? — ухмыльнувшись рявкнул главарь, откинув в сторону кость жаренного дарыщи, показывая своим видом, что не боится пришлых, хотя голос его дрогнул, — тоже хочешь товаром стать? Или падалью?

Гость не ответил, но остановился.

— Свяжите, этого недоумка, — крикнул разбойник, плюнув под ноги, — раз сам просится.

Два головореза привстали со своих мест и достали нехитрое оружие: кистени с железными грузиками.

Странный гость сбросил накидку с головы, а потом поднял руку, одетую в перчатку, в сторону главаря. Сначала все уставились на лицо, не принадлежавшее нарони либо человеку. Миру предстали огромные черные глаза, сверкающие на солнце как неживой лед, а кожа была черна и поблескивала как у рыбы, два кожаных нароста там, где полагалось быть ушам, носа не было вовсе, а рот представлял собой круглое отверстие, непрерывно сопящее в такт дыхания существ. Одним словом, сказочная тварь.

А потом все вздрогнули, когда вожак схватился за горло и, задыхаясь, упал на землю. Он долго хрипел и скрёбся на гальке, прежде чем окончательно замереть. Разбойники в страхе попятились. Один из них дрожащими руками натянул тетиву плохенького лука и выпустил стрелу, но та не достигла цели, а замерла в воздухе всего в одном шаге от странного гостя. Чужак взял её рукой, как с полки и внимательно стал разглядывать.

У разбойников не выдержало нутро. Один из них бросился к роще, но над ледником и камнями пронёсся гром, и у беглеца разлетелась голова как спелый фрукт от удара молотом, а навстречу падающему телу вышло ещё одно создание, неся большую длинную железку чёрного цвета, один конец которой смотрел на группу незадачливых нарони слегка дымящимся отверстием.

Первый что-то прокаркал этому, на что держатель железа просто пожал плечами, мол, так получилось. Поражали взгляд невероятно длинные черные волосы, выпадающие из-под накидки и текущие ручьем до самой земли с вплетёнными в них черепами мелких животных и наконечниками стрел.

Вскоре из леса вышло ещё три твари.

Одно из созданий, то, чьи длинные волосы желты как золото, быстро подскочило к трупам нарони, выбрав один. Оно провело ладонью над покойником, отчего его одежды расползлись в разные стороны, как порезанная ножом шкурка перезревшего мириипа, и стало пристально осматривать, монотонно каркая. Потом же, под пальцами существа уже кожа мертвеца стала расплзаться тонкими лоскутами, обнажая плоть.

А затем златовласое существо провело дланью вдоль мертвеца от горла до паха. С влажным хрустом разошлись ребра, являя внутренности свету. От следующего жеста сердце, печень и почка взлетели в воздух, как невесомые пушинки, зависшие в безветренном зале, за ними последовали кишки, сворачиваясь в ровные кольца.

А оно все каркало и каркало. Было противно наблюдать такое зрелище. Даже другие существа отвернулись.

Все ждали своей участи, и разбойники, и мычащие с кляпами во ртах старатели, и юноша, незадачливо попавший в такую передрагу. Вскоре одно из существ достало из мешка тонкие белые верёвки, которыми стало скручивать дрожащих разбойников, раздавая время от времени тумачи. Пришлые убили ещё одного разбойника, когда тот попытался вырваться из рук существа. Создание просто зло глянуло на орущего, и он замертво упал на камни с вылезшими в одно мгновение из глазниц очами, словно что-то их оттуда выдавило.

Неведомая судьба страшила сильнее, чем сами существа. До сего момента для юноши и старателей все было понятно, им предстоял невольничий рынок, или, быть может, требования выкупа у родни, а сейчас разум мутился от догадок.

Когда все оказались лежащими ровным рядом, одно из существ достало из недр своей одежды длинную тонкую спицу. Оно придавило ближайшего пленника, уперевшись коленом в спину, и вогнало острие в голову. Бедняга заорал так, словно его заживо опускают в кипяток.

Обречённые разбойники и старатели стали наперебой молить о пощаде, подвывая как можно громче и жалобнее, все, но не юноша, молча наблюдавший за происходящим, ибо ему не подобает так встречать смерть.

Железо в руках длинноволосого существа извергло гром и взметнуло камни перед лицами, заставив испуганно замолчать.

Приносящая боль спица посетила всех по очереди, потом дошла до юноши, который все же не смог сдержать крика, от тех мук, что пришли в его рассудок. Он даже потерял сознание, а когда пришёл в себя, то существо склонилось над ним.

— Ты меня понимаешь? — спросило оно со странным каркающим говором.

— Да, — вяло ответил юноша.

— Кто ты?

— Я нон-тар Такасик из рода Куракля, младший сын нон-тара Бурбурки.

ГЛАВА 20. ВАТАГА

-- Егор Соснов — Тик —

Местные жители лежали связанными на камнях, отходя от болезненного действия спицы-переводчицы. Некоторые до сих пор пребывали в бессознательном состоянии. Те, что пришли в себя, таращились на меня, словно я стал для них воплощением ночных кошмаров и неведомым темным властелином, пытавшим младенцев на обед, завтрак и ужин ради забавы. Впрочем, такого понятия, как разделение приемов пищи по времени суток у них не было в связи с отсутствием движения светила по небу, всё это называлось просто трапезой.

— Поздравляю, товарищи, мы в средневековье, — произнёс я, разглядывая наш первый улов, и поправляя противогаз, надетый без фильтрующего элемента, и неудобно накинутый плащ ОЗК, — те, что были у костра — обычные уголовники, решившие пожить в результате труда железоискателей. Это распространённый здесь промысел. Ангелина, ты говорила о множестве метеоров, так вот, те, что долетают до поверхности, потом выгаивают на краю ледника. Металл хороший, с примесями никеля и прочими легирующими добавками, почти не ржавеет, ценный ресурс.

— Прямо уж, в средневековье? — спросила магесса, подняв одну бровь.

— Я в подробности не вдавался, но очень похоже. То же разделение на социальные слои. Только у них вера не христианская, а своя, естественно. Поклоняются предкам и какому-то Великому Дому. Причем, вера и, что еще страннее, язык и у людей и у этих... — я замаялся, подбирая слова, чтоб описать нелюдей. Больше всего подходило слово анорексичные дылды, или на русский манер — жерди, — одинаковая. Хотя абсолютно разные виды разумных

— В древнем Египте Великим Домом называли фараона, его чету и администрацию, так как советники и прочее, — вставила свой комментарий Белкина, — нельзя исключать такой вариант.

Я кивнул, еще раз поглядев на местных жителей. Они были и похожи на людей, и непохожи одновременно. Наверное, проще описать отличия. Выше ростом почти на голову, но при этом заметно тоньше. Кожа обычная бежевая с прожилками вен под ней, лишённая волос на теле, только на голове имеется густой серый мех, тянувшийся полосой шириной в ладонь вдоль всего позвоночника до короткого заячьего хвостика. Хвост был скорее атавизмом, нежели необходимостью. Пропорции тела человеческие, а вот руки были несколько длиннее и имели только по три тонких пальца, один из которых был противопоставлен другим. Пальцы имели по одному лишнему суставу, что придавало им необычности, но не более. Ноги отличались сильнее. Можно было бы сказать, что местные постоянно ходили на цыпочках, так как голеностопный сустав образовывал второе колено, направленное назад, причем на ногах от нижнего колена до самого низа тоже рос мех, мягкий и серый сверху, он становился почти черным и жестким у стопы-подушечки. Похоже выглядят ноги черно-бурых, только эти были не в пример длиннее. Стопа не имела пальцев вовсе, а заканчивалась большой упругой подушечкой, как у тех же собак на лапах, при этом отсутствие когтей и ногтей придавало им сходство с мягким копытцем. Лицо было не уродливое, но необычное. Имея человеческие черты, оно в то же время было более хрупким, обладало миниатюрным носом, тонкими бесцветными губами, узким подбородком и просто

огромными серыми глазами. Маленько выбивало из колеи отсутствие ушей, так как на их месте были лишь отверстия как у ящериц. При всем этом, понимание того, что это не люди, делало их даже симпатичными, забавными. Эдакая пародия на человека, украденная из оживших японских мультфильмов.

— Что с зеками будем делать? — спросила Ангелина, поигрывая камушком на ладони.

Я поднял глаза.

— Не знаю. Не все здесь разбойники. Нелюди — честные работяги, а вон тот человек, что с краю, отпрыск мелкопоместного феодала.

— Рыцарь на белом коне, — хмыкнула Оксана под тоскливо-печальный вздох Белкиной.

— Нет у них коней. У них верховой езды вообще нет. Рыцари пешими шастают, нагружая неспешных зверюг на манер вьючных ослов. Не знаю, почему так.

— Тоже мне, Айвенго нашёлся, — хохотнула Ангелина и запустила в аборигена камушек, — Что делать-то будем?

Я пожевал губу, прежде чем ответить. Слишком много мыслей приходило в голову, и необходимо их было привести в порядок. Людей мы нашли, но вот помощи мы от них не дождемся, феодальным-то строим. Хорошо, что Черной Орды здесь нет. Средневековые феодалы проиграют им за считанные часы.

Компас из кармана переключался в ладонь, стрелка дрогнула и показала куда-то в лес. Значит, и точка выхода была там, но слишком мало информации, нужно больше. А еще нас сильно поджимают сроки. Я прикрыл глаза и сосредоточился на своём биополе, в котором витало большое количество всякой колдовской ерунды, но мне сейчас нужен был только один персонаж.

— Это что за фантом? — нахмурившись, спросила Ангелина, когда миниатюрная фигурка Мефистофеля возникла рядом со мной.

— Да так, интерактивная инструкция к некоторым предметам, — неопределённо ответил я.

Не хотелось рассказывать друзьям о моём более тесном, чем того хотелось, знакомстве с жителем потустороннего мира.

— Здравствуй, Посрединник, — сразу заговорил бес, окинув взглядом поляну.

— Далеко от точки входа находится выход? — Спросил я, попытавшись поточнее сформулировать запрос синтетическому духу.

— По-разному. Мост сам ищет место, где он может пробить ткань бытия. Это не наш комплекс миров, чтоб проложить путь самым удобным образом. Он ищет место силы, где граница тоньше всего. Стрелка не крутится хаотично? Компас показывает направление?

— Да.

— Это хорошо. Это значит, что место такое есть, и мост подготовился к проходу. Он вас ждёт.

— Далеко это место может быть?

— В пределах девяноста трёх с небольшим километров. Если точно, то в пределах девяноста трёх тысяч шестисот сорока восьми метров.

— Почему именно такая цифра? — спросил я. — Почему не сто или не девяносто тысяч ровно.

— Число пи в десятой степени, — ответил бес. — Это волшебное число. Оно правит не только простой математикой, но и силами богов.

Я замолчал, размышляя и сунув руку в карман.

Пальцы стали машинально катать монетку. А мысли были невесёлые. До точки возвращения в худшем случае почти сотня километров, идти придётся по чужой планете, населённой средневековыми жителями, для которых мы запросто можем стать злостными еретиками. Нас сожгут на кострах, даже если уложим тысячу недругов. У нас кончатся патроны, иссякнет магия. Ни то, ни другое не восполнить в один миг в местных условиях. А позади ожидается погоня.

Глаза выхватили препарирующую трупы Бересту, которая записывала на диктофон свои наблюдения, как дипломированный патологоанатом. Берегиня с жадностью первопроходца исследовала чуждые формы жизни. Ей не нужно было прикасаться к мертвецам, невидимые скальпели и так кромсали неподвижное тело, а органы и ткани, зажатые силовым полем между ладонями, перемещались на очерченную магией и воображением светлого духа схему организма.

Я горько улыбнулся.

— Мы станем одними из них и пойдём к выходу.

— А мы сумеем? — спросила Ангелина, наклонив голову набок, и достав из кармана карамельку.

— Сумеем, — ответил я, — у нас нет выбора, кроме как суметь.

Все побросали свои занятия и обступили меня, дабы выслушать дикую, но интересную мысль. Даже меланхоличная Оксана, которой обычно было все равно на происходящее вокруг, подошла поближе.

— Значит, план такой, — начал я, — здесь есть люди, и мы не отличаемся от них. Никаких черно, красно и желтолицых здесь нет. Мы максимально осторожно вдоль необжитого ледника пробираемся до точки, а потом совершаем марш-бросок к точке выхода. По пути собираем всевозможную информацию. На этом наша миссия будет выполнена. Помощи мы всё равно не дождемся, зато с большой долей вероятности, здесь нет еще эмиссаров Зла. Среди заклинаний к волшебной палочке есть швейные. Нитки с иглками у нас были. Простыни с запасом тоже. Заклинание придётся немного подрихтовать, но это не страшно, время у нас пока в запасе есть. Я думаю, к вечеру мы сможем провести первый эксперимент. Потом мы под видом местных жителей двинемся к порталу, а там, на месте, решим, что делать. Если нужно, задержимся, чтоб собрать больше сведений.

— Я против, — подола голос Ангелина, — предлагаю обычную иллюзию одежды.

— Морок легко можно раскусить, — ответила вместо меня Белкина.

— Зато не нужно сложных экспериментов, — начала спорить магесса.

— Морок ненадёжен, — повторила экстрасенс.

— Вот заладила, — пробурчала Ангелина, — а я говорю, что морок проще в исполнении, и нам удобнее будет в своей экипировке, а не в этих... — она кивнула на пленных, — лохмотьях.

— Морок ненадёжен, — снова проговорила Белкина, — исполнение в материи дают больший коэффициент маскировки.

— Вот и займись шаблоном, солнышко, — сказал я в сторону Белкиной.

— Уже, — ответила Александра, демонстративно и горделиво вскинув голову, словно пыталась, чтоб ее заметили и похвалили.

— Вот. Учись исполнительности, — бросил я словесную шпильку в Фотиди.

— Я всё же за морок, — буркнула магесса в ответ.

— Морок ненадёжен, — ещё раз произнесла Белкина.

— Ты другие слова знаешь? А то, как пластинка от патефона. Ненадёжен, да ненадёжен, — передразнила Белкину Ангелина.

— Иди в задницу, я как лучше хочу, — огрызнулась экстрасенс.

— Все, хватит, — оборвал я спор, — переодеваемся.

— Есть, товарищ командир, — не удержалась вставить своё слово Ангелина. — Назревает второй вопрос. Мы слишком мало знаем об их культуре. Нас могут отправить на костёр и за неправильно произнесённое слово, средневековые всё же.

— Вопрос хороший. На рассмотрение могу выложить вариант. Это торговцы чем-нибудь, для начала.

— Отпадает, — ответила Ангелина Фотиди, — нам нечем торговать. К тому же, мы не знаем, чем можно торговать, а чем нельзя. Вдруг у них солярка запрещена религиозными соображениями. А на железо особое разрешение нужно с золотым клеймом.

— А мы ограбленные торговцы. У нас ничего нет.

— Тоже не пойдёт. Ограбленные вон лежат, сами товаром стали.

— А это выход, — подала голос Оксана, — мы этими полудурками и поправим бюджет посольства России на территории далёкой планеты.

— Я против. Я не хочу торговать разумными существами, — вырвалось у меня.

— Но они бы нами поторговали, — добавила навья.

— Я — не они. Под этим вопросом ставим точку.

— Тогда я их пристрелю, чтоб не было свидетелей, пока вы тут размышляете о гуманности.

— Ты так легко об этом говоришь, — со вздохом произнёс я.

— А как я должна говорить? Я — труп. Мёртвые струнки моей зомбической души не задеваются.

— Задеваются, — произнесла Александра Белкина. — Я вижу.

— Кто тебя просил вмешиваться?

— Хватит тут клоунаду устраивать, — спокойно ответила экстрасенс.

— Клоунаду говоришь? А это мысль, — задумчиво произнёс я, поймав глупую, но в то же время логичную мысль. — Значит, мы притворимся бродячими артистами. Эту публику не боятся, но и не жалуют. Артисты в средневековье всегда были особой кастой, эдакие дурачки сами себе на уме. Любые странности можно списать на клоунаду.

— У нас нет реквизитов, нет сценариев выступлений и прочего, — снова вставила свои пять копеек Фотиди.

— Погорельцы.

Магесса сжала губы, но ничего не ответила.

— Чур, меня в ящик со шпагами не засовывать, — хихикнула Оксана, — потом дырки зашивать придётся.

— Нет, мы простой кукольный театр сделаем.

— А я на флейте играть умею, — скромно произнесла Белкина, — не профессионально, конечно, но для бродячих клоунов сойдёт.

— Ты? — удивлённо спросил я у Всевидящей.

— А чем ещё заниматься слепой? Картины маслом писать?

— Ну да, ну да. А флейта есть?

Судя по лицам замолчавших друзей, они тоже были удивлены не меньше моего.

— Есть.

— Значит, второй вопрос объявляю закрытым. Прикидываемся менестрелями и шутами.

Подходим к третьему вопросу. Что делать с пленными?

— Кто б его знал, — отозвалась Ангелина Фотиди.

— Перебить, — дополнила дискуссию Оксана.

— Мы же в противогазах, кто нас не узнает? — выдала Александра Белкина.

— В этом что-то есть, но то, что нас не узнают — только полбеды. Тут и уголовники, и шахтёры, и даже рыцарь есть. Публика слишком разномастная.

— Я предлагаю рыцаря первым отпустить. Он здесь представитель власти, даже если за ним всего одна корова и три слуги. В Средние века происхождение много значило.

— Да, отпустить хорошая идея, но не сейчас. Нам ещё продумать переодёжу надо, а затем товарищей сюда. Во льдах они долго не пробудут.

— Технику бросим?

— Сначала проведем первичную эвакуацию раненых и самого необходимого имущества, а потом попробуем вытащить машины. Без посторонней помощи мы ее не вытащим, а если и вытащим, то не спустим с края ледника, только разобьем.

— Урал зря взяла, — тихо произнесла Ангелина, поглядев в сторону ледника, — столько добра пропадёт.

— Я маячок поставлю. Может быть, удастся вытащить потом. Если успеем.

— И всё-таки морок лучше, — вздохнула магесса.

— Вот тебе его и применим, — ответил я, — ты немного позже развяжешь рыцаря, и мы уйдём к остальным в точку вброса.

— Может, сейчас отпустим? — предложила Оксана, сев рядом.

Колечки-облегчители на пулемёте, с которым навья последнее время почти не расставалась, словно это женская сумочка, тихонько побрякивали, работая как антигравитационная подвеска. Оружие, таким образом, весило немного.

— Нет, — мягко ответил я, — нам их ещё допрашивать нужно.

— Долго?

— День.

— С голоду не помрут?

— Береста, — позвал я светлого духа, — что скажешь?

— А?

— Не опухнут с голода за день?

— Люди нет. А у этих, кажется они называются нарони, метаболизм такой же, как у земных созданий. Я думаю провести генетический анализ, но мне уже сейчас кажется, что будут совпадения в базовой комплектации.

Я тихонько поднялся и подошёл к шаманящей над телами берегине. Она препарировала уже третий труп, потихоньку приближаясь к живым, отчего те начинали паниковать. Видимо, думали, что их тоже будут разделять на кусочки.

— Откуда ты знаешь все эти термины: генетика, метаболизм и прочее?

Берегиня прервала своё занятие и посмотрела на меня, как на ребёнка. Она встряхнула руки, словно на них попала кровь, хотя они были чистыми, и встала.

— Ты думаешь, мы такие отсталые, пням молимся, травками лечим и родниковой водой? В этом есть, конечно, некая правда, но это для имиджа. Старое поколение уже ничему не научить, а вот младшее, те, кто умерли не так давно и стали светлыми духами,

идёт в ногу со временем. Я на специальных курсах, организованных министерством здравоохранения для нас, училась при медакадемии, осваивая материал по восемнадцать часов в сутки.

— Жуткий график, ни поспать, ни поесть.

— Я не человек. Мне сон не нужен, а еда нужна только для удовольствия, — берегиня замолчала, печально вздохнув. — Я могу и целебное заклинание применить, могу и антибиотики вколоть, могу на томограмму отправить, а могу и по старинке, как ведьма руками поводить и хвори почуять. Во всём нужна мера, и всё можно сочетать меж собой.

— Прогресс, — тихо произнёс я, — а прежняя жизнь?

— До смерти? Я не помню почти ничего. Прошлая жизнь является мне как обрывки странного сна. Знаю только, что меня змея укусила, я и померла. Ожила в лесу, бродила как в бреду. Помню, не себя жалко было, а семью, которая на мне лежала. Уж и семью не помнила, а всё кого-то жалко, — она провела рукой в воздухе, описывая неровный круг, — абстрактного нуждающегося. Видать, потому берегиней и стала.

— Оксана тоже не помнит прошлого.

— Навь мёртвых просто так не выпускает, она себе в залог часть души оставляет. Греки даже красивую сказку придумали про хлебнувших из загробной реки Стикс, и предавшихся забвению.

— Давно ты умерла?

— Нет, — покачала головой Береста, — всего сто семьдесят лет назад. Почти... На днях юбилей будет, — усмехнувшись, добавила она.

— Понятно-о-о, — протянул я, а потом вернулся на своё повалено бревно, достал блокнот и стал комментировать вслух ближайšie задачи, которые карандашом набрасывал на листок бумаги — нужно допросить пленных об этом мире, это раз.

Карандашик обвёл циферку один и перескочил на следующую строчку.

— Нужно настроить заклинание шитья. Этим займётся Сашенька с Берестой Береста! — чуть громче повторил я имя, подождав, пока берегиня не поднимет руку в знак того, что поняла. — Нужно разобраться с системами защитной экипировки. Этим займёшься ты, — поднял глаза я на Ангелину Фотиди, — возьмёшь стажера, он, вроде бы, увлекается оружием. Это два.

— Сковородкой бить можно?

— Сама смотри, главное, чтоб задачи мог выполнять. Следующее. Я займусь скатертью-самобранкой и спицами-переводчиками. Кстати, — я достал кубик с записью языка, — надо вам речь изучить.

— Как работает? — спросила Александра Белкина.

— Надо ко лбу приложить, и он сам всё сделает. Немного голова болеть будет, но это не страшно. Я уже через час себя нормально чувствовал.

— Я первая, — схватила мешочек с прозрачными кубиками экстрасенс.

— Кто б сомневался, — пробурчал я, — ты всегда везде первая хочешь быть.

— Это плохо?

Я пожал плечами. Может, это и неплохо было, но как бы не надорвалась. Нужно ей нагрузки дозировать, а то возложит все, что можно, на хрупкие плечи. Я глянул на Белкину, словно сквозь одежду мог различить тонкую талию и грудь девушки в купе с остальной фигурой. Она слегка дрогнула, почувствовав мое внимание, и покраснела.

— Если рвёшься в бой, то продумай репертуар наших выступлений, — произнес я,

отвернувшись и покраснев сам, — что-нибудь суперэконом вариант. Нам не на жизнь зарабатывать надо, а имидж шутов поддержать.

— Сделаю. Задумки уже есть.

— Хорошо. И передай Лунике, пусть займётся транспортом. Там в кустах я заметил пару обглоданных скелетов. Со слов эков — это съели травмированных местных ишаков. Да, кстати, переводчик подбирает наиболее близкий вариант аналога к словам, но бывают промахи и бывают слова, не имеющие аналогов. Вьючных животных он поименовал именно как ишак, не осёл, не пони, а именно ишак.

****

Если бы рядом находился человек, то он смог бы видеть необычную картину. У самой границы барьера, прикрывающего Новониколаевск, в воздухе вспыхнули три языка белого пламени, тут же погаснув, и оставив после себя три одинаковые фигуры. Впрочем, пламя до конца не погасло, оставшись светящимися полупрозрачными крыльями за спинами пришедших. Бесполое человекоподобное существо со светло-серыми глазами и курчавыми пепельными волосами, не прикрытые никакой одеждой, некоторое время молча стояли, глядя перед собой. Потом одно из них заговорило.

— Наша задача выследить черных иномирцев.

— По ним нанесут удар? — произнесло второе существо.

— Нет. Мы их просто выследим и доложим.

— Это понятно, — снова заговорило второе, — нам разрешено проявлять самовыражение?

— Да.

После этих слов крылья погасли, растаяв без следа, а тела существ стали меняться. У двоих стали больше плечи, а лица грубее. Проступил кадык. Фигуры налилась сухими мышцами, достойными скульптур про античных атлетов.

Еще одно, наоборот, немного стало шире бедрами и круглее ягодицами. Оно провело по телу ладонью, ощупывая гладкую талию и упругую женскую грудь.

Последним штрихом стала одежда.

Троица шагнула легкой пружинистой походкой в лес, прочь от города, став симметричным ответом Мяснику.

ГЛАВА 21. ГОРЕ-ТЕАТРАЛЫ

-- Егор Соснов — Тик —

— Готово, — произнесла Береста, похлопав по макушке заключительную жертву, у которой она взяла на пробы не меньше полу-литра крови.

С уголовниками она сильно не церемонилась, а вот старателям вколола витамин С и глюкозу, которые были безвредны для местных жителей. Кроме того, девчонки, узнав про рыцаря без страха и упрёка, всячески его обласкивали, то пичкая конфетками, которые он со стойкостью отвергал, как партизан угощения нацистов, то развёрнутым спальным мешком укрывали.

Пока велись изыскания паранормальной биологии, Оксана была озадачена сбором гербария для Бересты, и фотографированием местности на небольшую, но хорошую 'мыльницу', которую, оказывается, берегиня таскала с собой. Навья повозмущалась, но потом притащила целый ворох травы и веток, и щелкала все, что на глаза попадетсЯ.

Кстати, всплеск силы повторился, и, опять таки, с промежутком в три с половиной часа. Все повторилось так же, ровный, как морская волна в хорошую погоду, вал энергии и искорки очах, резко вспыхнувшие и медленно угасающие. Глаза у людей горели белым светом, у нарони — голубоватым, и только рыцарь отличался ярко красным огнем, словно кровь выплескивала свое свечение через зрачки, да Ангелина сверкала золотом.

— Раз готово, приступаем к очередной стадии, — выдал я заключение, — а то я уже устал от созерцания местной природы. Кстати, я вынес некие интересные сведения. Здесь нет насекомых, вся местная живность представлена исключительно позвоночными существами. И крылатые не имеют перьев. Растения почти земные, но листья немного странноваты. Верхняя сторона обычная зеленая, а нижняя матовая, серая и отражает свет, как нашивки на гаишниках. А еще они раз в три с половиной часа складываются как крылья у бабочки и поворачиваются ребром к солнцу, но опять же через три с половиной часа разворачиваются и раскрываются. Причем соседние деревья одного вида идут зачастую в противофазе.

— Это фигня, я вот заметила, что пестики-тычинки опыляют не пчёлы с бабочками, а какие-то ярко раскрашенные птеродактили размером с колибри, — добавила Оксана, лежавшая на сухой гальке, — а на деревьях ползают большие амёбы. Вот такие, — она развела пальцы, обозначив нечто размером чуть больше спичечного коробка.

— Это местные лесные духи. Они тупые как улитки, — высказалась Александра, — я их и так и сяк сканировала, но они, не то что разума, вообще, никакой нормальной реакции не проявляют. Мокрицы и то умнее.

— Ангелина, ты готова со своей иллюзией? — спросил я у магессы, когда все поделились замечаниями по поводу дикой природы.

— Да.

— Тогда приступаем. Оксана, ты с края ледника берёшь на прицел всю поляну. Я в дальних кустах с Сашенькой.

Белкина скривилась, услышав уменьшительное от своего имени, но промолчала. Не знаю почему, но я все чаще называл её не Александрой, а Сашенькой или Шурочкой. Почему-то мне это казалось уместным. Может быть, был прав дед Семён, и я действительно

истосковался по женскому вниманию и женскому телу, не взирая на затянувшийся траур по Анне. К тому же я стал замечать то рвение, с которым Бельчонок хочет выделиться передо мной, и ее смущение, когда я обращаю на нее внимание более пристально, чем обычно.

— Береста, — продолжил я, переведя взгляд с одной барышни на другую, — рядом с Оксаной. Для отступления используем полог тишины. По местам.

Девчата ловко разбежались по указанным позициям, на что ушло не больше пяти минут. Ангелина зашла за дерево, глубоко вдохнула и накинула иллюзию, став похожей на одну из представительниц местного населения.

Ангелина шагнула в сторону и пошла к группе лежащих на камнях аборигенов, крадась на цыпочках, как испуганная деревенская девушка. Теперь на ней был длинный серый плащ с капюшоном, из-под которого выглядывало такое же серое платье до самой земли. Шею и голову прикрывал тонкий алый платок, отчего было видно одно только лицо с ярко-голубыми глазами. В завершении этой картины можно было добавить плетёную большую корзину в руках. Ну, прям, Красная Шапочка в инопланетном исполнении. Со стороны пленников, стареющихся привлечь внимание, раздались многозначительные мычания. Я тихонько хихикнул, так как забыл вытащить им кляпы из ртов.

Ангелина, изображая из себя невинную простушку, подошла к людям и нарони, тихонько ахая и бросая испуганные взгляды по сторонам. Она сделала вид, что не сразу увидела рыцаря со смешным для русского человека именем Такасик, а когда якобы увидела, то сразу подскочила к юноше. Его несложно было выделить в общей толпе, так как у него на одежде был грубо вышит фамильный герб. На освобождение потребовалось не более минуты.

— Нон-тар, с вами всё в порядке? — хлопая глазками, спросила Ангелина у юноши, подставляя вместо слова 'сэр' местный аналог. Это слово упорно не хотело переводиться, звуча на местном наречии, называемом языком сельРыцарь сначала долго молчал, уставившись на девушку, а потом едва слышно произнёс.

— Ты, верно, а-кааль-са сель-ма, лесная дева, что спасает достойных от неминуемой смерти?

Ангелина замерла, не зная как реагировать на такие слова, а я представил, как сейчас подавилась от возмущения Береста, ведь у неё украли прерогативу быть феей.

— Нон-тар?

— Ты прекрасна. Прекрасна и ликом, и душой. Ты само совершенство, — произнёс юный рыцарь.

Магесса тихо попятилась, вытаращив глаза, а Такасик, не вставая, ухватился за подол платья.

— Я прошу, останься. Я не знаю, как отблагодарить тебя за спасение. Без тебя я был бы обречён на смерть.

— Нон-тар, я просто развязала вас. И я не лесная дева, я обычная комедиантка.

— Комедиантка? Ты? — удивленно переспросил рыцарь, подбирая какие-то слова, требуемые в данной ситуации, словно быть Ангелина не может быть по определению, — У вас свой собственный театр во владении? Странное увлечение для благородной госпожи. Но тогда я требую, нет, я прошу тебя побывать в моем имении.

Видно было, что Такасику было нелегко бороться со своими предрассудками, ведь работники театра в Средние века имели статус меньший, чем крестьяне. Он сам себе искал объяснения на этот вопрос.

— Я хочу, чтоб вы были в моем имении, — продолжил он, — на праздновании в честь моего спасения, — рыцарь тянул слова, — я щедро заплачу.

— Нон-тар, я не могу, — ответила по-настоящему чему-то испуганная Ангелина и бросилась в заросли густого кустарника.

Такасик резво вскочил и погнался за ней.

— Постой, я не обижу тебя!

Он бежал быстрее, чем магесса, пришлось небольшим импульсом сделать подножку, иначе бы он её догнал. Конечно, можно бы было убить, но не было никакого желания. Увиденная сцена не оставила равнодушным никого из нас.

Улизнув в заросли, Ангелина сбросила морок и нацепила другой, имитирующий ствол сухого дерева. Как раз вовремя, ибо рыцарь вбежал вслед за ней и замер, выискивая глазами прекрасную деву, а когда понял, что его рвения тщетны, тоскливо поплёлся обратно на поляну.

Чем все закончилось, я не знал. Убил ли он всех, или отпустил на все четыре стороны, осталось загадкой. Мы под покровом полога тишины, нацепив мороки, ушли в назначенную точку сбора. Оттуда бегом добрались до наших машин, перепрыгивая через белые глыбы и скользя на гололеде. Взмокли все как беговые лошади, так что по спине к моменту прибытия бежала струйка пота, затекая в штаны. Всю дорогу Ангелина держалась позади, постоянно спотыкаясь, и не отвечая на вопросы.

Расслабить я смог только в лагере в палатке под шум бензинового генератора, тихое гудение печки и бурчание домового, что все испереживались из-за нас.

Наскоро перекусив, девчонки завершили настройки заклинания шитья. Всё это время девушки хихикали и подзуживали молчавшую Ангелину, предметом их шпилек, несомненно, был рыцарь и его яркая речь в адрес прекрасной лесной девы. Береста даже обещала дать рекомендации, что в случае смерти магессу могут взять в берегини. Но вскоре тему разговора перевела Белкина.

— Классно бы было, если бы имелось заклинание, вечной молодости. Это ж сколько денег можно сделать.

— Не все так просто, — отозвалась Береста. — я доподлинно знаю, что такое заклинание есть, но введено много ограничений. Боги разделили сферы влияния, ввели квоты, заранее определили цены. А про вечную молодость, вообще, отдельная тема. На вечную жизнь введены ограничения в сто двадцать лет.

— Кем?

Она красноречиво поглядела вверх, а потом продолжила.

— Кроме того, за всяким, кто хоть раз продлит жизнь колдовством, по истечении указанного срока Мара должна прийти самолично.

— Жесть, — произнесла Оксана.

— Да, — согласилась Береста, а потом обратилась ко мне. — Раздевайся.

— Зачем? — недоумевавшая спросил я.

— Запасной одежды нет, энергии для сушки нет, а так вы все пневмонию схватите в мокрой одежде. Сушить будем по старинке над печкой. А то я вас лечить не буду, подохнете на задворках вселенной. А еще на моглице напишу, что они не слушали рекомендации врача.

— Нет, но не при всех же.

— А кто смотреть-то будет? Я? Мне все равно. Я давно не человек. Половина из нас такие. Или ты боишься слепую Белкину? Ещё глупее бояться Лунику.

— Тут есть Света и Ангелина.

— Они отвернутся.

— Слабо верится, — буркнул я, но начал снимать экипировку.

— Было бы что смотреть, — съязвила Оксана.

— Цыц! — рявкнул я слегка обидевшись. Нормально у меня всё.

Ко мне подошла Береста и слегка приложила ладонь к голове.

— Не стесняйся. Не надо, я снижу уровень гормонов, а то понимаю все. Но надо просохнуть.

Я вздохнул, расстегнул и бросил на пол форму, скинул ботинки с высоким берцем. Перед тем как снять трусы, немного замялся, а потом стянул их одним движением, согласно поговорке потерявши голову по волосам не плачут.

А потом быстро залез в спальник и уставший после тяжелого дня уснул.

Проснулся я от тихого стона Александры, которая прижалась во сне ко мне и сквозь спальник вцепилась пальцами в локоть. Она опять тяжело дышла и лепетала: 'Больно, больно'. Я осторожно вытащил руку и погладил ее по голове.

— Все хорошо, — прошептал я улыбнувшись. Совершенно не хотелось убирать руку из ее шевелюры. Прикосновение к Александре заставляло чуть сильнее биться уставшее сердце, будило приятное, давно забытое чувство.

Я вздохнул и, приподняв голову, обвел взглядом палатку. У ноутбука химичил стажер, а вокруг него дикой белкой скакала в Оля, которая словно ребенок примеряющий новое платье, на ходу принимала новый для нее облик. Лесавка вытянулась в росте. Ладони стали тоньше, потеряв по два пальца. На ногах, вообще, не осталось пальцев, их место заняла большие упругие подушечки-копытца. Стопа удлинилась, превратив голеностопный сустав во второе колено, повёрнутое назад, опять же, как у многих животных. Ниже второго колена-голени стал расти густой мех темно-серого цвета. На этом подобии мягкого копытца ей приходилось ходить, словно на цыпочках, уподобившись сказочным сатирам или фавнам.

Она то совала нос в самый экран, то отбегала от него, чтоб с радостным выражением лица пробежаться по платке, только звериным чутьем не наступая ни на кого. А потом вдруг ревела пародией на страшный голос, изображая неведомое чудовище.

— Народ, — раздался голос, похожий на Оксанин, — кто-нибудь объяснит мне одну вещь? Я что-то про местных не поняла, про нарони, они какого пола рождаются? Этого в записной книжке нет, только какая-то муть про нимф.

— Никакого, — отозвалась берегиня, — нимфы — это у них бесполое дети. Назвали по аналогии с личинками насекомых.

— Это как?

— Это особенность местных жителей. У них пол определяется только с взрослением и зависит от характера, социального статуса, образования и численного соотношения полов. Если женщин больше, то больше шансов подростку стать мужчиной и наоборот. В принципе, даже взрослые особи могут сменить пол, но чем старше, тем меньше вероятность, к тому же, это опасно для здоровья. А бывает, что до старости никаким доживает.

— Я, вот, не хотела бы быть никем, — проворчала навья.

— А что так? Ты же сама постоянно плачешь, мол, я никто, я труп, — усмехнулась Ангелина, высунувшись из своего спального мешка, обнажив грудь.

Я вздохнул и отвернулся, тут же наткнувшись на такую же у спящей Александры, которая раскрылась, пока я слушал утопленницу.

— И на лицо не поймёшь, мужчина, женщина или середнячек, — буркнул я, — все какие-то одинаковые. Только по фигуре и можно.

— Они по аурам отличают. У них повышенная сенсорная способность к биополям особей своего вида, — пояснила Береста.

— Ну, прям, мечта голубой Европы. Смена пола по велению души. Как мы спектакль ставить будем? Он был Ромео, стал Джульеттой. Она ж пред ним была никем.

Все дружно засмеялись, а потом Ангелина встала о весь свой высокий рост метр восемьдесят, накинула на себя простыню на манер древнегреческой одежды на голое тело.

— Мы переделаем трагедию Гомера, про приключения Одиссея. Чур, я муза. Я даже спецэффекты придумала.

Девушка горделиво вскинула голову. В её руках возникла небольшая иллюзорная лира, а сама магесса взлетела в воздух на четверть метра, почти касаясь брезентового потолка палатки головой. За спиной вспыхнули языками белесого пламени прозрачные крылья, а над головой неоновым светом загорелся нимб. Да к тому же опять прошлась эта непонятная волна, к которой мы уже начали привыкать.

— Чем я не муза?

— Я знал, — раздался в палатке голос на языке местных, языке сель.

Все повернулись на звук, исходивший от входа в наше убежище.

— Увлечлись, — пробормотала Оксана, потянувшись за пистолетом.

Все остальные молча смотрели на Такасика, а рыцарь припал на одно колено и, влюблено глядя на Ангелину, произнёс.

— Я знал, что ты волшебная дева. Только они так прекрасны.

Все замерли, а алые искры рыцаря встретились с янтарными Ангелины.

****

— Они определили точку перехода, — произнес Первый. — Наша задача сорвать насколько возможно погоню. Приоритетная цель — координаторы. Убить мы их не убьем, но боли причиним достаточно, тем самым дезориентируем и дадим время экспедиции. Кроме того мы должны периодически показывать себя, завязывая преследование.

— Почему Он сам не вмешается? — спросил один из троицы воинов.

— Тебя только недавно создали, Третий, вложили лишь самое основное, ты еще зелен и юн, а я присматриваю за хомо уже две тысячи лет. Мы и есть Его вмешательство. Если Он так решил, то этого достаточно.

— Кошки-мышки? — ухмыльнувшись, спросила Вторая.

— Да, — произнес Первый.

— А потом домой?

— Да, — ответил Первый, глянув в небо.

— Тогда поехали, — сказала девушка, одетая лишь в белоснежные шорты и футболку, с ярко-желтыми кроссовками на ногах, и в ее руках из золотистого сияния возникло оружие. Не огненный меч, не копьё судьбы, не лук с молниями вместо стрел. Зачем они, когда прогресс не стоит на месте? В руках у нее переливалась золотым узором снайперская винтовка с пулями из чистого света.

ГЛАВА 22. НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

-- Егор Соснов — Тик —

Ангелина погасила крылья и нимб, развеяла лиру и плавно опустилась на брезентовый пол палатки. Ситуация была довольно неординарная. С одной стороны, убей мы этого неугомонного рыцаря, никто бы его не нашёл во льдах. Его списали бы на жертву разбойников или диких тварей, в опасности которых мы могли убедиться. С другой стороны, он не желал нам вреда, хотя и являлся невольным свидетелем нашего здесь пребывания.

Мы смотрели на этого нежданного гостя, а Такастик просто стоял коленопреклонённый пред нашей магессой.

Дед Семен, принявший образ не маленькой сущности, а невысокого сторбленного седого старика, бормотал у меня за спиной что-то нечленораздельное.

— Мдя-я-я, — наконец, протянул он по-русски, заставив рыцаря слегка наклонить голову в попытке понять чуждую речь, — задал нам этот юнец задачку. Помнится толи в триста пятом, толи в триста седьмом годе дело было. Княжна одна из дому сбёгла из-под венца, даже деньги с побрякушками не взяв. Она настолько боялась своего будущего мужа, который и без того замучил трех жен до неё, что подалась в служанки одной небогатой купчихе на чужбине. Год промаялась прорыдала, покуда не попросился на постой один княжич, ехавший по своим делам из града в град. Тоже молодой да зеленый он был. Княжну он ту как увидел, и сразу бух на колени, а та вся в простом платье бельё вешала хозяйское на просушку. Все замерли. Купчиха, как запричитает, мол, княже, это же просто девка, да к тому же глупа, как юродивая. А он в ответ, мол, повидал много чего, но княжью стать и княжью кровь ни с чем не спутаю. Так и увез с собой.

— Не слышал такой истории, — ответил я, глянув на деда через плечо.

— А он барышню-крестьянку переиначил, — ухмыльнувшись, выдала Оксана.

— Много всякой ббли потерялось в пучине лет, — неспешно продолжил дед, — и эта никому ныне не ведома, окромя меня. А ббль эта к тому, что мы люди, а люди, я так разумею, здесь все высшее сословие, то мы для него все бояре, да боярыни. А уж про Ангелину и вовсе молчать можно, с еёним-то происх...

Дед замер на полуслове, увидев совершенно озверевшее лицо магессы. Я поставил очередную заметку у себя в памяти, узнать подробности этой очередной загадки. Не сейчас, после похода, слишком уж много их скопилось. И отговорки, что я сирота, воспитанная приёмными родителями, мол, не помню ничего, меня не устроят. А не расскажет, пусть катится к чертям собачьим, другого заместителя себе найду. И дед хорош, знает что-то и молчком.

По пространству прошлась невидимая волна возмущения магического поля. За ней ещё одна и ещё. Я осторожно посмотрел по сторонам и наткнулся взглядом на вынырнувшую из своего спальника Белкину, которая привлекала к себе так внимание, если хотела сказать важную вещь. Девушка приподняла руку с направленным вверх указательным пальцем.

— Играем фэнтези. Импровизируем, — предложила она.

— Я против! — вспыхнула Ангелина, — он опасен!

— Нам, или тебе? — спросила Александра у магессы ровным голосом.

Я на несколько секунд закрыл глаза, собираясь с мыслями.

— Здесь монстры бродят, и неизвестно когда следующий примчится, а у нас раненые, которых мы должны доставить в безопасное место. У него замок, где мы можем передохнуть и оставить имущество первой необходимости, прежде чем приступим к эвакуации машин. В случае, если погоня сядет нам на след, мы бросим без особых потерь транспорт и уйдем в замок. Налегке проще будет запутывать следы и отбиваться. И нам не запрещали контакты с местными, — высказал я своё мнение, и, не дожидаясь ответа, вылез из своего спального мешка. Нисколько не смущаясь наготы, я встал между Ангелиной и рыцарем. Над моей ладонью зажегся зелёным огнём иллюзорный файербол, бросая холодные изумрудные искры во все стороны.

— Моя госпожа, позволь мне пленить его, — пафосно, словно на сцене театра, произнёс я суровым голосом. При этом было очень неудобно с достойным видом передвигаться по разбросанным в платке вещам, особенно держать равновесие, когда наступаешь на попавшую край спальника фляжку.

Такастик поджал губы, а в его яркой ауре вспыхнула решимость. Не знаю, что он задумал, но звание рыцаря он заслужил не просто так.

— Оставь его, нон-тар Эгор Дикая Сосна, — ответила мне так же наигранно возвышенно Фотиди, — пусть ступает, а если не пойдёт, выгони вшаей.

В глубине палатки синхронно зажали ладонями рты, чтоб не разразиться смехом Александра и Оксана.

— Госпожа, лучше полонить, за него мы сможем взять выкуп, — продолжил я играть роль сурового воина-колдуна.

— Лучше уж убей, — рассвирепела Ангелина, — он опасен!

— Чем? — повторил я слова Александры, заставив ту закусить губу и улыбнуться, так она взяла маленькую победу над сослуживицей.

— Своим длинным языком. По его хвастливым и горделивым речам вас могут выследить наши враги. Он же потом на пиру будет трепаться, как его лесная дева приютила, а там добавит, как она в постели покорна. Знаю я их, лордов.

По ходу дела, мы поэтическим языком описывали всю суть наших проблем, одновременно наблюдая за реакцией юного лорда. В его биополе помимо решимости и влюблённости появилось любопытство.

— Я вначале хотел бы выслушать этого дерзкого мальчика, что вторгся в нашу обитель, госпожа, — произнес я с легким поклоном.

Такастик стиснул тонкие губы, а потом достал нож. Он сжал лезвие в ладони, а потом выдернул. По клинку и коже потекла красная жидкость, капая на брезентовый пол. Я мысленно выругался, ведь потом все это отмывать придётся.

— Я клянусь своей кровью перед всеми предками, клянусь титулом наследного лорда перед Великим Домом, что сохраню эту тайну, пока вы сами не разрешите её раскрыть или пока её не откроют всему миру другие.

Он поднял глаза на Ангелину, а рыцарь продолжил пламенную речь.

— Я... я... понимаю, что ваш муж полон ревности. Ведь я вмещаюсь в линию судеб, что велит вам быть вместе, но я не мыслю зла и сохраню достоинство. Я не отберу права быть рядом с вами, лишь прошу оказать честь и посетить мой дом.

— Ты уже замужем? — хихикнула по-русски Оксана.

Даже раненые Света с Володей и равнодушная ко всему Луника приподнялись со своих мест, чтоб оказаться поближе к таким событиям.

— Заткнись! — взорвалась Ангелина. — Ты ничего не понимаешь!

— Что я должна понимать?

— Ничего, — стиснув зубы, ответила магесса, а потом повернулась к рыцарю, все так же по-русски пробормотав: — Он хоть сам себе отмазку придумал, не нужно будет отвечать на его любовные поползновения.

Я не спускал с Такасика глаз, ожидая дальнейших событий. А события пошли совсем уж неожиданно. Грациозно, насколько это возможно в палатке, Александра подошла ко мне, опять же, не напялив никакой простыни или одежды, словно нагота стала нормой нашей сказки, и обняла. Когда она шла, Такасаик смерил её фигуру таким взглядом, что внутри у меня вспыхнула ревность.

— Воин, ты, видно, спутал линии судеб. Не муж он нашей госпоже, — ласково проговорила Белкина на языке сель, положив свою голову мне на плечо.

Рыцарь радостно засиял, как галогенный прожектор.

— Ты зачем меня подставляешь? — сдавленным шёпотом спросила Фотиди.

Белкина чуть заметно улыбнулась и чуть сильнее сдавила объятья, я даже стал ощущать биение ее сердца, а потом она прошептала на ухо: 'На клятву отклик пришёл. Какая-то сила подтвердила её достоверность'.

Я кивнул. Становилось совсем интересно. Все духи, встреченные нами, были не умнее улитки, а эта сила была разумна и контролировала мир. Неужто встретимся с богами этой планеты? Не те ли это предки, которыми он клялся? Или загадочный Великий Дом.

— Воин, наш путь лежит из краёв дальних. Мы сбились с него и устали. Мы посетим твой дом, отдохнём, а после отправимся в путь, — ответил я рыцарю, — но вначале молви нам, далёк ли твой дом от этого места?

— Нет, катём, — назвал он меня непонятным словом, — всего семьдесят лим.

Я прикинул в уме. Семьдесят лим, это примерно четырнадцать километров. Не так далеко.

Такасика мы до этого не допрашивали с пристрастием, а сам он молчал, зато сейчас он заговорил много и охотно, попутно бросая взгляды на необычные для него вещи. Рыцарь все это считал колдовством, которое оказалось не в такой жёсткой опале, как в европейском средневековье. Да и колдуны были далеко не так сильны, как их земные коллеги.

— Отец взял молодую мать, когда она была ещё совсем юной, — рассказывал он, — Она молода была и красива, почти как госпожа Анагелла. Отец взрастил из неё настоящую леди, коей она стала, когда подошёл срок. Сам он тогда был молод и горяч. Со временем у них на свет появилось шестеро детей. Четверо сынов, и две дочери.

Такасик поднял с пола камуфлированную куртку и противогаз, осмотрел их со всех сторон, а потом положил на место.

— Я понимаю, что вы намеренно приняли образ чудовищ, дабы скрыть истинный облик. Я бы тоже так сделал, — вывел он свои измышления, прежде чем продолжить. — А у нас целая деревня при замке есть, три сотни нарони-крестьян. Там козелей держим. Они молоко жирное дают, вкусное. И шерсть добротная. Своя мельница есть и кузня. Регулярно нанимаем артели нарони к леднику за железом и редким камнем. Я-то нашу артель решил проверить, даже слугу с собой не взял. А там разбойники, причём люди. Нарони, как вы знаете, вообще не воины, они... — он сморщился, — хлюпики, рабы от рождения, в лучшем случае ремесленники и вольные землепашцы. Глупо получилось, и я вам благодарен за освобождение. Я их всех убивать не стал, мастерским отдал, пусть продадут в храм Великого

Дома, убытки восполнят и за друзей отомстят. Я мог бы взять пленных себе, но владелец должен блюсти порядок на землях рода, а такой шаг возвысит меня в глазах подданных, даже таких. Деньги они все одно налогом нам отдадут, или в трактире. Трактирщик нам дань оплатит. А тем, кто посмел оскорбить рыцарскую честь и снять с моего пояса ножны с мечом без моего на то разрешения, я, как сказано великими предками, отсекаю темя. Вот они.

Рыцарь извлек из небольшой кожаной сумки два предмета, похожих на блюдца для кофейных чашек. Это были верхние части черепной коробки.

— А я сразу и не поняла что это, — сглотнув, прошептала по-русски Белкина, — хотя всё имущество просканировала.

— Наш род древний и свято чтит заветы предков, — тем временем продолжил говорить юноша. — Отец учил меня, что честь рода превыше всего.

— Крышевальщики хреновы, — пробубнила Оксана, глядя на рыцаря. — мафия.

— Феодал, — вздохнул я. — У нас так же было в темные века.

Такасик много и пылко еще рассказывал, гордясь своим семейством. Мы пытались соблюдать горделивый и достойный вид, собираясь при этом в дорогу, косясь на юношу.

Оксана запустила на ноутбуке какую-то средневековую фольклорную мелодию, но когда она кончилась, последовал лёгкий рок. Такасик подсел к компьютеру и как замороженный слушал музыку, хотя не мог понять ни слова. Он даже рассказ оборвал на полуслове.

Одежду, развешенная над печью, к тому времени уже высохла. А вот ботинки так и остались слегка сыроватыми. Пришлось тратить драгоценные волшебные силы и пользоваться волшебной палочкой, просушивая ботинки. Одежду местных жителей мы так и не сшили, за ненадобностью. Разве что женщины под бушлаты нацепили подхваченные ремнями плащ-накидки, имитируя платья, дабы не смущать местного жителя.

Украшений ни на ком не имелось. Мол, мы инкогнито.

С собой взяли оружие, и по три боекомплекта к нему, запасную одежду, мыльно-рыльные принадлежности, сухие пайки, средства связи и всякие личные мелочи. Всё это утрамбовали под завязку на четыре ишака, чьи плотные тени воссоздала Луника. Животные выглядели как ослы, которым забыли прицепить уши, но взамен прилепили небольшой хоботок как у тапира. А Такасик отметил, что чёрный цвет у ишаков очень благороден.

Когда демоница луны и ночи вылезла в своём истинном облике мохнатого паука, а потом существенно сжалась в размерах, чтоб уместить в сумке от противогаза, которую она избрала своим убежищем, рыцарь замер с выпученными глазами. Добила его Оляха, что шмыгала под ногами в облике кошки. Казалось бы, зверь зверем, но вот контуры её тела потекли, и из мелкого пушистого существа возникла юная нимфа-нарони.

Раненых стажёра и Свету Береста перемотала в дорогу бинтами, причем вампирша все бурчала и жаловалась на несправедливость жизни, пуская слезы и сопли. Мол, ладно ей, она и так уже нежить, а вот за что пареньку досталось так от судьбинушки.

Вскоре что можно, включая палатку, сложили в машины, закрыв двери на ключ и плотно зашнуровав тент Урала, а потом выдвинулись.

На границе ледника мы упаковали бушлаты в мешки, оставив только камуфлированные жилетки и разгрузки из комплекта Ратник поверх них с множеством кармашков.

Такасик вёл нас уверенным шагом человека хорошо знающего свои владения. После ледника и берега лесной реки, где порой приходилось перепрыгивать с одного скользкого камня на другой над холодной прозрачной водой, обходя непроходимые заросли

кустарников, мы выбрали на узкую извилистую дорожку. Мокрые ботинки, к которым прилип песок, стали тяжелыми и намекали, что нам опять будет нагоняй от берегини. Над песчаным путём, поросшим мелкой травой, смыкался полог из высоких деревьев, перемежающихся чем-то похожим одновременно и на бамбук, и на гигантский хвощ. Вокруг на разные голоса пищали мелкие звери. Береста все время увлеченно щелкала фотоаппаратом, но без вспышки.

Один раз, преодолевая очередную петлю реки, мы наткнулись на огромное прозрачное существо, сродни тому, с которым мы бились во льдах. Оно было несколько другим, но таким же огромным. Мы уже, было, приготовились снова отбивать нападение, но нас остановил спокойный вид юного рыцаря.

— Тень великого дома, — прокомментировал Такасик, почтительно обходя существо. — Она священна.

А мы переглянулись с пониманием того, что надо молчать, что одну такую священную корову мы уколошили, и долго смотрели на существо в оба глаза, раскрыв рты. Оно возвышалось на тонких стеклянных ногах над рекой, почти доставая верхушек деревьев своей спиной. Вниз свисали гибкие щупальца, в которых были бревна. Существо вырывало с корнем местные подобия ив и сосен, обрывая неспешными движениями ветви, а потом складывало их в воду, формируя запруды, совсем как бобры.

Этот стеклянный паук сенокосец, не обращал на нас никакого внимания, совершая ведомые только ему манипуляции. А внутри него пульсировали какие-то комки, перетекали с места на место большие рои пузырей, шевелились длинные нити. Многочисленные темные точки глаз совершали дёрганые движения, просматривая реку под собой. Создалось ощущение, что я разглядываю в микроскоп прозрачный планктон, только очень-очень увеличенный, и способный нас убить.

— А что он делает? — спросила, задрав голову, Береста.

— Реку замедляет, — ответил Такасик таким тоном, словно это само собой разумеющееся, — чтоб не размывало русло. А у вас разве они не делают так? Хотя, если река медленная сама по себе то и не нужно.

Мы сфотографировали это и пошли дальше, всматриваясь в лес в поисках подобного чуда. Уже на марше мы придумали себе новое амплуа, что мы не простые артисты, а группа бродячих магов-иллюзионистов. Такие действительно имели место в этом мире, да и ближе были нам по роду занятий.

— У нас тоже был раньше маг, — рассказывал Такасик. — Он нас в детстве развлекал всякими чудесами, а потом пить много вина начал, и тайком из винного погреба таскать начал. Отец его и выгнал. Маг сначала грозился всякой порчей, потом на коленях простил простить. Отец непреклонен был. Он его высек на площади, а потом велел убираться в разные стороны. Маг тогда напился и в амбар в деревне полез. Зачем, никто не ведает, да только его потом нашли со свёрнутой шеей в подполе в обнимку с окороком козели. Упал в открытый створ. Всю лестницу переломал своей жирной тушей. Жалко его, да сам виноват. А не упал бы, его деревенские пинками бы до самых границ ленных владений проводили.

Я покачал головой, а потом показал несколько иллюзий, взятых по памяти из мультфильмов про круглых зверушек.

— Не-е-е, маг наш на такое горазд не был. Он искрами жонглировал, игрушки оживлял, так, что те под его пальцами по столу катались. А так, что б туман цветной в фигурки складывался, нет.

— Это мелочи, я ещё не такое умею.

— Совсем как жрецы великого дома?

Я пожал плечами. Откуда я знаю, что умеют жрецы большой хаты.

— А в ваших краях все чародеи? — задал он вопрос, который его, видимо, давно интересовал.

— Нет, но многие.

— И все такое волшебное?

— Такого волшебства хватает.

— Вот бы нам тоже такое. Мне ваша музыкальная шкатулка понравилась, и яркие лампы. А что любит госпожа Анагелла? — вдруг перевёл тему Такасик.

— Сладости любит, — подумав немного, ответил я, — и оружие редкое.

— Это хорошо. Дома и то, и другое есть.

Он говорил, а я писал все это на диктофон, осторожно повешенный вместо застёжки плаща. За такую запись дома меня, может быть, всякие академики умолять на коленях будут.

За разговорами мы вышли на большую поляну, откуда виднелся замок с прилегающей деревней. Вот только картинка была далека от мирной и пасторальной: деревня горела, а замок был в осаде.

****

Шесть больших черных глянцевых цветов, похожих на маки, блестя десятками темных икринок в середине, начали кружиться вокруг некой точки, расположенной на безликой лесной поляне в сотнях километров к северу от города. Их хоровод постепенно ускорялся, пока в центре поляны не возник провал, искажающий своей энергией пространство, как это делает черная дыра. Портал. По неслышимой команде 'маки' разорви свой круг, и в него в Навь хлынула черная орда, подчиненная Координатору Войны. Тысячи созданий растворялись в одном мире, чтоб возникнуть в другом.

Они вошли в Яви, а вышли из портала, что проложен в Навь, готовые идти по следу.

А вместе с их прибытием над темнеющим лесом, где деревья хмуро взирали на непрошенных гостей, поднялся громкий свист, которому начали вторить другие.

ГЛАВА 23. ОСАДА

-- Егор Соснов — Тик —

У меня под плащом был бинокль, и я незамедлительно им воспользовался. Рядом стоящий Такасик нахмурившись, вглядывался вдаль.

Я ожидал от крепости бóльшего, насмотревшись на Земле фильмов про средневековье. Хотя поглядеть было на что. Сооружение имело стену высотой в пять метров, оснащённую небольшими бойницами. Над всей её протяжённостью был сооружён навес, защищающий воинов от непогоды и стрел неприятеля. Имелась смотровая башня, тонкая и высокая, с остроконечной конической крышей. Крыши и навесы были покрыты глиняной черепицей, которая была похожа по форме на чешую змеи и раскрашенную разными оттенками серо-жёлтого цвета. Видимо, черепицу постоянно обновляли, а глину брали из разных мест. Поднятый мост был сделан из копченых бревен и досок и просмолен дегтем для того, чтоб не гнила древесина. А еще он в середине был обит тонкими листами низкокачественно, но хорошо очищенного от ржавчины и грязи железа. Чувствовалась рука заботливого хозяина.

Та речушка, вдоль которой мы все время шли, подступала непосредственно к этой малоразмерной твердыне, наполняя окружающий замок ров своими водами. Изо рва торчали частые заострённые колья, а края были выложены крупным булыжником, чтоб не размывало. От реки вверх по стене на высоту человеческого роста поднималась плотная шуба зеленого мха, которую хозяева замка не счищали, считая видимо украшением.

В четырех сотнях метров от крепости виделся лагерь неизвестного войска. Серые и одинаковые, как упаковки в супермаркете, шатры в количестве двенадцати штук слегка колыхались ветром. Суется между ними фигурки налаживали полевой быт, похожий во всех таких лагерях до неприличия. Некоторые поддерживали костры, некоторые натягивали веревки, забивали колья и подсыпали пологи палаток землей, чтоб не дуло. Мимо людей-караульных ходили нарони с охалками хвороста, шкурами животных и какими-то свертками. В сторонке группа фигурок сколачивала простые осадные машины в виде одного накрытого навесом тарана на колесах и нескольких передвижных укрытий от стрел. План врага был прост: в случае невозможности взять измором, закидать хворостом, мусором и камнями неглубокий ров, потом сломать деревянные ворота. Осаждающие не спешили, видимо, уверенные в том, что защитники никуда не денутся. Было даже видно, как несколько военачальников сидели у открытого стола, сколоченного из дощечек, и о чем-то разговаривали, спокойно попивая вино. При этом один из них догрыз кусок мяса на ребрышке и бросил кость в сторону замка, громко засмеявшись. Его было слышно даже здесь.

Но была ещё одна особенность, которую я заметил сразу, и которая меня сильно насторожила: у них имелся защитный барьер, предназначенный для противодействия колдовству. И довольно сильный.

Я открыл, было, рот, позвать Белкину, но Всевидящая сама подошла, словно уже научилась читать мои мысли.

— Шурочка, ты чувствуешь?

— Угу. Сильная штука. Его владельцу некуда девать силы, которых нам не хватает. Вот только, я не могу понять, кто из них маг.

— Что ты имеешь в виду?

— Источник заклинания очень рассеян. Я с таким не встречалась.

— Думаешь, специально маскируется?

— Нет. Он сам по себе размыт, словно истекает из самого места. Когда маскируется человек-чародей, источник хаотично скачет по пространству, когда это жрец какого-либо божества, то там нить силы петляет и отражается. Здесь он сам как туман. И я не могу сосчитать количество воинов, ауры вязнут в этом тумане.

— Ну-ка, нон-тар Такасик, взгляните в эту штуку, — протянул я рыцарю бинокль, название которого на местном языке звучало как нечто похожее на 'двувзор'. Способности ментальной спицы, которую мне так и не удалось взломать, проявлялись и в обратном направлении, подгоняя нашу речь под их.

Младший сын феодала неловко приложился к окулярам, а через полминуты начал комментировать.

— Это нон-тар Кропась, но с ним ещё один отряд с гербами храма Великого Дома.

Такасик опустил бинокль, а потом снова поднял, пристально вглядываясь в обстановку.

— Вон они стоят, обсуждают что-то со старшим от храма. А вон отец на стене. Да, хмурый. Ещё бы хмурым не быть войско-то не малое. Но ничего, старшие братья вернутся из похода, они ударят им сзади. Со жрецами великого дома не хочется ссориться, но они сами пришли. Возможно, придётся долго говорить, чтоб так ушли, без боя. Братья наняли отряд в четыре сотни, так что перевес будет на нашей стороне. Можем подождать и прийти домой, когда врага разобьют.

— Что за поход? — спросил я, глянув на рыцаря, увлечённо таращившегося в бинокль.

— Нон-тар Мурля, брат мамы, просил помощи. Кто-то взялся разорять деревни, убивать рабочие ватаги. Даже просто путников давно с левокруга не было. Разбойники распоясались, не иначе. Пришёл к ним сильный вожак и голову подняли.

— Тоже мне Стенька Разин, — буркнул я. — А левокруг это что?

Такасик опустил бинокль и посмотрел на меня как на умалишённого, а потом начал подбирать слова.

— Это... когда идти по левую руку от светила.

— А туда — это правокруг?

— Да.

— А к светилу и от него?

— На свет и супротив света. Но на свет идти бесконечно не получится. Там великое море. Там на ладье нужно, но никто туда не плавал дальше, чем пропадает из виду берег, это опасно. Супротив светила вечные льды. А ежели идти округ, то говорят, что можно вернуться туда, откуда ушёл, но с другой стороны. Но это брехня, сказка для детей и нимф-нарони.

Я ухмыльнулся, поставив в памяти заметку, обязательно показать юноше глобус. Но произнёс другое, и не столько для него, сколько для самого себя, глядя на небо, покрытое прозрачной дымкой быстро бегущих облаков, похожих на морские волны. Они несколько раз роняли брызги морозящего дождя, продолжая своё бегство от чужого солнца. Почти густо-фиолетовые небеса разрезались искрами метеоров и периодическими зелёными всполохами северного сияния.

— У нас Полярная звезда, а у них неподвижное во веки веков светило.

— Оно не всегда неподвижно, — ответил мне Такасик, дав понять, что я высказался на

языке сель, универсальной речи этого мира. Сложно будет отвыкать от двух языков дома. — Я помню, был ещё мал, когда оно уплыло за горизонт. Был холод страшный и тьма, думали, что погибнем без света, сожгли весь запас дров, но потом оно вернулось на своё место. Никто не знает, зачем великий дом так сделал. Говорят, при моём прадеде светило, напротив, два цветения хвабука висело прямо над головой, так что тени от стен не было. Лёд отступил, обнажив много железа, и наполнив реку водой в три раза больше нынешнего. Когда светило ушло на место река надолго пересохла. Только когда льды поступили обратно, вода вновь потекла.

Я обернулся и поглядел на своих спутников, что так же напряжённо слушали рассказ Такасика. Рыцарь явно не врал, но и хаотично движение солнца по небу было сложно объяснить.

— Идут переговаривать. Их отец пошлёт в задницу.

Я улыбнулся, услышав расхожее в обоих мирах выражение.

— Идут, идут.

Такасик долго глядел в бинокль, а потом отдал его мне и сжал ладонью рукоять своего меча, который разбойники у него отобрали при пленении. По почти лицу потекли крупные слезы.

— Он убил Атрисика. Он кинул его голову в ров. Атрисик — это второй. Они с Туртаосиком вместе в поход убывали.

— Четыре сотни воинов, говоришь? Покрошили их как капусту. Твоему отцу неоткуда ждать помощи.

Рыцарь сел на землю, обхватив голову руками.

— Будь проклят этот Великий Дом, — шептал он, покачиваясь и всхлипывая, — он совсем обезумел. Я его ненавижу.

Я сел рядом и тихо заговорил.

— Расскажи мне.

— О чём?

— О Великом Доме, почему он обезумел? Почему ты так считаешь? Что ему нужно?

— Ему нужны жертвы. Много жертв. Постоянно и непрерывно.

— Что делают с жертвами? Их сжигают, топят, душат, вырезают сердца?

— Нет, что ты. Их просто отдают ему.

— Это зверь? Он их ест?

— Великий Дом — это Великий Дом. Жертвы просто умирают в муках. Жертва долго кричит, словно её жгут, грызут, все это вместе, а потом умирает. Тогда тащат новую жертву. Мудрейший жрец Буркаса две сотни цветений назад придумал, что можно на алтарь возводить беременную деву, что людскую, что нарони. Тогда умирает не дева, а ещё нерожденный плод. Он создал великое соборище жертвенных шлюх. Семь сотен дев одна за другой возлежали на ложе любому желающему, кто хочет привнести жертву Великому Дому, а потом их водили на алтарь. Плод умирал, рождаясь мёртвым, деву вновь отдавали мужчине. Все шло своим чередом. Всех устраивало такое положение, все платили дань на прокорм этих шлюх, лишь бы самим не угодить на алтарь, но недавно прошёл мор. Страшный мор. Много горожан в священном городе умерло. Почти все жертвенные девы умерли в жару и бреде, жертв стало не хватать. Тогда Великий Дом стал убивать прямо на улицах. Идёт человек или нарони по городу, и вот он уже теряет рассудок, а следом и жизнь от неимоверной боли. И никто не в силах ему помочь. Многие хотели бежать из города и

страны, но жрецы объявили, что в этом нет смысла, и выход только один. Жрецы объявили поход по городам и деревням, набирая новое соборище, но уже не семь сотен, а семь тысяч. Это много. Очень много. Помимо этого, теперь казнят на алтаре взрослых и детей целыми семьями за малейшее преступление. Всех пленных и преступников скупают в храме. И ладно бы нарони, а ведь и людей. Меня бы тоже туда отвели, если бы не вы, возможно, туда. Работяг бы точно. Великий Дом обезумел.

Он замолчал, отрешённо глядя под ноги.

— Нам бы узнать, что сейчас происходит в лагере воинов твоего врага, — тихо произнёс я, хлопнув по плечу Такасика.

— Ты что задумал? — спросила у меня по-русски стоящая рядом Ангелина.

— Я? Ничего.

— Нет уж. Говори, что ты задумал.

— Я только поглядеть.

— Не, не, не. Я против. Это не наша война. Пусть сам расхлёбывает. Нам нужен проход домой, и только. Вмешавшись, мы потеряем время и поставим под удар цели экспедиции. Мы узнали, что хотели. Это отсталый мир, где нам не окажут помощи. Чужие проблемы нам не нужны, у нас своих хватает. Я не собираюсь кануть в небытие из-за глупой интриги.

— Она права, — заговорила Александра, — у них сильная противомagicеская защита, которую нам не проломить. Мы лишены возможности быстрого восстановления сил. Мы эту битву проиграем.

— Но вот в чём подвох, если у них маг, он нас может почувствовать, если уже не почувствовал. Просто так нам не пройти.

— А я только за, — произнесла Оксана, расчехлив притороченный к ишаку пулемёт.

Береста хмуро смотрела на меня, ничего высказывая, но по лицу и по ауре было видно, что она не горит желанием вмешиваться.

— Нам нужно знать, что происходит, чтоб незаметно пройти, — ответил я. — И мы не будем вмешиваться, лишь наведем панику. Разворошим муравейник, раз не получается так поситать.

— Ну, раз только это, тогда мы с тобой. Рассказывай, — высказала общее мнение Ангелина, сообразив что переубедить меня не получится, а я не хотел бросать этот замок на произвол судьбы. Пусть он чужой, но мне была неприятна мысль о том, что кого-то отдадут в жертву неведомой твари, что пленных женщин будут бесконечно насиловать. Вспомнились девочки из интерната берегинь, осиротевшие на нашей войне.

— Вот в чём подвох, если у них маг, он нас может почувствовать, если уже не почувствовал. Просто так нам не пройти. И есть у меня одна мысль.

Сзади меня по плечу похлопал стажёр, который хромяя подбрел к нашему военному совету, и достал из своего кармашка на разгрузочном жилете волшебную палочку, и постучал ею по краешку ноутбука, торчащему из рюкзака.

Стажер приоткрыл ноут и стал листать какие-то файлы с синтетическими фантомами. Я кивнул, понимая, к чему он клонит. У меня тоже были такие же задумки.

— Не тяни, командир.

— У нас же есть те, кого не видно аурным восприятием. У нас есть ночницы. Забыли про них. А меж тем, я их спрятал. Они духи и могут менять форму и размер.

— Забыли, — кивнула Александра. — Хочешь их на разведку отправить? Только их можно видеть, я приноровилась различать искажения, которые они приносят в общий

магический фон. Наверное, так для зрячих стекло выглядит.

— Есть другая кандидатура?

Все одновременно покачали головой. Желаящих не было. Я распахнул плащ и из подсумка на ремне достал трёх сопротивляющихся появлению на свет ночниц. Небольшие чёрные летучие мыши, вертя головами по сторонам, поползли в тень, бросаемую деревом. Такасик скривился, узрев таких странных созданий. Меж тем одна из ночниц стала увеличиваться и превращаться в подобие человека. Это была та, которая и раньше больше всех походила на человека. Новоиспечённая дева отличалась чёрными бездонными глазами без белков, темно-серой кожей, и, напротив, белоснежными волосами на голове, падающими по спине вниз. Ночница закуталась в черный плащ так, что было видно одно лишь лицо. Остроконечные длинные уши были новинкой.

— Да чтоб это первым пожрал Великий Дом! — не выдержал Такасик, став свидетелем превращения, прокричав проклятье и вскочив на ноги. Превращение было резким и судорожным, а сама ночница до последнего сохраняла жутковатый облик нетопыря.

— Это стажер их под темных эльфов дрессировал, пока мы языков брали, — перехватив мой недоуменный взгляд, прокомментировала Ангелина.

Я задрал лицо вверх и вздохнул, в голове крутилась мысль объявить Сорокину выговор за ребячество, неуместное в этой ситуации, но потом.

— Светило, здесь всегда светло, — прошипело создание, обращаясь ко мне. Глаза её поблескивали в тихой злости.

— Не умрёшь, — буркнула Ангелина.

— Хотите дневной облик? — сразу начал я обрабатывать ночных духов.

Она кивнула.

— Тогда нужно кое-что сделать.

— Я слышала. И меня зовут Скрип.

— Мне все равно как тебя зовут. Скрип, значит, Скрип. Нужно пройтись по окрестным местам так, чтоб никто вас не увидел. Сможешь?

— Да.

— Нужно посчитать солдат в лагере. Нужно поискать местных жителей в округе. Нужно посмотреть вооружение всех, кто здесь есть. Нужно узнать, где колдун. А еще нужно шугнуть местных. Сможешь?

— Да, — ответило создание и двинулось к кустам, забрав своих товарищей, вскоре скрывшись из виду. Лишь качающие ветки говорили о том, что здесь кто-то прошёл.

— Ты им веришь? — спросила Белкина, подобрав с травы мурлыкающую Ольху. Лесавка не тужила в такой момент и была рада простым прелестям жизни. Она знала, что вокруг друзья и беды можно не ждать. Белкина начала гладишь Ольху, совсем как простую кошку.

— Почему бы и нет, — кивнул я в ответ, — здесь чужой для них мир, они так же хотят вернуться, как и мы.

Я взглянул на часы, поймав мельком любопытный взгляд рыцаря. Хотелось есть, но время было для этого совершенно не подходящее. Обед был давно, а ужи н вряд ли скоро предвидится. Вместо этого, я взял бинокль и стал рассматривать лагерь, замок и догорающую деревню, стараясь при этом разглядеть ночниц. Это было глупо, но все одно глаза рыскали в поисках чёрных фигур.

Ждал я, впрочем, не зря. Над лагерем прошёлся протяжный все нарастающий вой, в

котором безошибочно угадывалась волчья песня. Вой был таков, что даже земной человек вздрогнет и прислушается к лесным шумам, под громкий стук собственного сердца. Местные жители не ведали, что за твари такие эти волки. В лагере началась возня. Солдаты повыскакивали из своих палаток, побросали котлы с едой, оторвались от подготовки осадных орудий. Лорды начали орать на подчинённых, требуя найти тварей.

Вскоре вою завторили ещё два, таких же тоскливых и полных безысходности существования. Небольшой отряд воинов побежал в лес, вооружившись копьями и луками. Я почувствовал испуганные ауры солдат.

Воины бегали то к одному закоулку, то к другому, но ничего не находили. Вой стих, а на смену ему пришёл визг циркулярной пилы, вонзившейся в дерево. Визг все время менял тональность, а потом смешался с истошным криком, заживо раздираемого на части нарони. Я помнил слова ночниц, что они не убивают, но это было так натурально, что меня невольно взяла гордость за нашу родную нечисть. Такой страх нагнать на инопланетян, что те были на грани истерики, и только крики лорда и обещания расправы со стороны Великого Дома ещё удерживали войско на месте.

Забегали и на стене. Защитники замка пытались разобраться, кто этот новый враг и не получится ли ещё хуже. Если бы была ночь, то эффект многократно усилился. Но и так получалось неплохо.

Даже мои товарищи всматривались, чуть ли не вываливаясь из кустов, не желая пропустить ничего интересного.

Паника в лагере только усиливалась. Что-то смутное возникло среди привязанных ишаков и начало метаться между ними. Животные заголосили в парике, бросившись в разные стороны, таща за собой обрезанные веревки. Солдаты боялись их догнать и успокоить. А когда из леса вышел нарони со снятой кожей, стало совсем жутко. Он прошёл, хрипя от боли, пока внезапно из леса не выскочил пучок чёрных щупалец, схватив бедолагу за ногу. Щупальца обхватили обречённого и потащили обратно в лес, а тот цеплялся руками за землю, оставляя кровавые следы. Это было настолько достоверно, что я поглядел на Белкину. Девушка, уловив нить внимания, обращённого на неё, чуть сильнее выпрямила плечи и прошептала.

— Я ничего не ощущаю. Это иллюзии ночных духов.

Хороши же иллюзии. А ночницы, просвещённые голливудскими ужастиками, начали развивать успех. Чёрная блестящая тварь, размахивая длинным костлявым хвостом, начала с визгом перепрыгивать с ветки на ветки, как безумная белка-переросток. В лес полетели стрелы, пытаясь поразить бесплотный морок. Полководец орал на жреца Великого Дома и хватал за грудки посыльных. Но все это было попусту. Паника только усиливалась, а жрец скривив недоумевающую рожу, слушал упрёки.

— Стой, ты куда? — вдруг закричала Александра.

Я обернулся и увидел, как Оляха в облике нимфы-нарони вышла на открытое пространство. А её ауре горели азарт кровавой игры и охотничий инстинкт дикого зверя при виде испуганной добычи.

— Оляха! — заорал я, — стой!

Но лесавка не слушалась. Она лишь повернулась и, приподняв в руке подарок генерала Бульчёва как нож, лёгким бегом направилась в сторону лагеря.

— К бою! — отдал я приказ. — Используем по максимуму стрелковое оружие, экономим энергию.

Оксана, давно желавшая пострелять, расправила сошки у Корда и дёрнула за тросик, досылая патрон. Остальные достали пистолет-пулемёты и автоматы, зазвенев затворами. Поймаю, оборву уши этой девчонке.

К тому времени Ольху уже заметили. К ней побежал с десятков солдат, так как жрец стал исходить пеной изо рта и тыкать в ее сторону рукой. Он видимо решил, что маленькая девочка корень всех бед.

— Огонь! — прокричал я, готовясь броситься на помощь девчонке.

Сразу за этим раздался грохот крупнокалиберного пулемёта, скосившего воинов, как кегли. Тяжёлые пули пробивали тонкую кольчугу и кожаные доспехи вместе с телами навывлет. Они и кирпичную стенку прошибают, что им средневековая броня.

— Прикройте!

Я выскочил вслед за лесавкой, держа в руках свой Каштан. Когда лёгонькая обнажённая фигурка была уже совсем близко, я снова закричал, но вместо ответа у Ольхи потекли контуры тела, как всегда, когда она совершала превращения. Это было что-то новое, большое. Короткий заячий хвостик, присущий нарони, вытянулся в длинную плеть. Лесавка наклонилась вперёд, но не упала на четыре лапы, а лишь стала расти в размерах. Лицо преобразилось в жуткую маску, полную огромных кинжаловидных зубов. И она все продолжала расти. По гладкой коже прошлась волна, стягивая её в ребристые наросты. Крокодилья шкура покрылась тёмными и светлыми полосами.

Я бежал вслед за ней, понимая бессмысленность своих действий. А сзади по воинам стрекотали стволы, сея смерть. Барьер, предназначенный для защиты от магии и слабых стрел, не мог задержать то, что сотворил технический прогресс человечества.

В лагерь мы влетели бок о бок, я и огромный доисторический ящер, сошедший с иллюстраций про вымерших титанов, в нем было не меньше пяти метров от кончика хвоста до морды и метра два с лишним в холке. Монстр раскидал всех, кто там был, а потом взревел с громкостью тепловозного гудка и начал охоту. Мне ничего не оставалось делать, как просто расстреливать всех, кто там был. Хорошие? Плохие? Сейчас не было никакой разницы. Сейчас были только я и лесная девчонка, опьяненная кровью.

Ольха своим огромным весом снесла палатку, вырвав из земли державшие ее кольшки, повисшие безвольными плетями на веревках. На соломе, настеленной внутри, сжалась связанная девушка-нарони в разорванной бедной одежде. Без комментариев было понятно, что ее многократно насиловали. Отрешенное безразличие в зареванных серых глазах сменилось диким ужасом, когда Ольха-аллозавр на секунду замедлилась, рассматривая возможную жертву, а потом взревела и шагнула прочь, ухватив пробегающего мимо солдата зубатой пастью. Доисторический ящер легко повалил добычу, наступил на него левой лапой, а потом дернул головой, с влажным хрустом разрывая тело пополам, как тряпку. Девушка-нарони, что есть сил, попыталась заорать сквозь кляп и отползти ко мне. Но она опять замерла, когда увидела выбежавших на меня храмовых воинов во главе со жрецом, единственных, кто оказал какое-то сопротивление.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

На уровне рефлексов я создал щит, и тот теперь едва заметно мерцал вокруг меня зыбким белесым пламенем. Воины закричали боевой клич и бросились на меня. Я навел Каштан на солдат и нажал спусковой крючок. Очередь девятимиллиметровых пуль, выпущенная в упор, легко пробила кольчугу, стеганную ткань и деревянные щиты, выкашивая отряд. Когда же они подошли совсем близко я, через силу продираясь сквозь

защиту неведомого мне местного мага, ударил телекинетической волной, раскидывая врага в стиле звездных воинов, только сейчас меня можно было сравнить отнюдь не с джедаями. Упавших ничего не стоило добить. А когда патроны кончились, стал убивать фокусным импульсом, получая за каждый удар болезненный откат от чужого барьера. Крестьянка с еще большим ужасом смотрела на чудовище в человеческом облике, под пылающим взглядом которого головы пытающихся подняться воинов начали одна за другой взрываться темными брызгами. Еще четверка просто замерла и молча упала, развалившись на половинки, срезанная невидимой силой. Но это уже не я постарался, а Ангелина, вымещающая накопившуюся в ней злость.

Впереди остались только несколько гвардейцев Великого дома во главе со жрецом. Они не стали доставать мечи. А вытянули в сторону руки. Я почувствовал колдовство, проскочившее по полянке искрой высокого напряжения. Воздух перед воинами сгустился, став тем же подобием бесцветных стеклянных тел, что и Тени Великого Дома. Эта прозрачная масса быстро обрела очертания, став тварями размером с автомобиль. Четыре подобных крабам существа раскрыли зазубренные клешни, шевеля глазами на стебельках.

Я не стал останавливаться, сходу всадив в одного из монстров импульс. Тварь беззвучно дернулась, когда внутри неё, рождая пузыри, вспыхнула миниатюрная молния. Это стало сигналом для атаки остальных. Монстры разом шагнули в мою сторону, с плавностью промышленных автоматов, направляемых гидравликой.

Щит жреца, висевший над полем, мешал творить колдовство. Каждое мое заклинание отзывалось болью в голове, и я вскинул пистолет-пулемет, делая передышку между чарами. Оружие застрочило у меня в руках, всаживая пули в тела существ. Было видно, как они висели в этом прозрачном желе, остановив свой полет.

Снова загрохотал Корд. Серебро его тяжелых пуль возымело эффект, взрываясь ярким голубым огнем, а следом по ним ударила золотистая вспышка Ангелины, оторвав у ближайшего создания клешню и пару лап. Оно завертелось на месте, скребя гальку оставшимися конечностями.

Это дало мне еще одну передышку. Я выставил вперед черный клинок, стискивая его в левой руке, а правую отвел в сторону, сжимая автоматическое оружие. Отработанным приемом телекинеза отсоединил пустой магазин, тут же упавший на камни. Из подсумка выскочил другой, блеснув серебром верхнего патрона, и ловко скользнув в положенное ему место. Чары дернули затвор, досылая боеприпас в канал ствола. В то же время я увидел, как два воина, что стояли по бокам от жреца изменились. На правой руке теперь красовался стеклянный доспех, начинавшийся в виде наплечника, и становившийся большой рачьей клешней внизу, там, где полагалось быть латной перчатке. Сквозь рифлёный панцирь были видны сжатые кулаки.

Воины подняли свои клешни-полудоспехи, раскрыв их почти на сто двадцать градусов, а потом сжали, делая такое движение, словно вытаскивали что-то из воздуха. Между клешней сгустились яркие оранжевые искры, похожие на освободившиеся из неоновых ламп огоньки. Воины еще сильнее закрыли свои колдовские клешни-перчатки, направив на меня. Огоньки выскочили из стеклянных тисков, как вишневые косточки, сжатые между пальцами.

Один из огней взметнул пыль и камни у моих ног, заставив прикрыть лицо рукой, а второй ударил по моей защите, растаяв как небольшое северное сияние.

Я отступил на шаг, и наотмашь взмахнул рукой с кинжалом справ налево, словно отбиваясь от опасного насекомого. С земли сорвались камни, что меня окружали, заставив

воинов Великого Дома, закрыться от мелких, но болезненных многочисленных ударов. А я тем временем начал почти в упор расстреливать крабов, отступая назад, к лесу. Крабы были живучи, но неспешны, так что я успел два раза сменить магазин, заставляя ближайшего гореть голубоватыми огнями от серебряных пуль как светодиодная гирлянда.

Еще двое уже таяли, убитые очередями Корда и ударами Фотиди. Сосредоточившись на сущности, я совершенно упустил из виду момент, когда огромный доисторический ящер с ревом налетел на троицу гвардии Великого Дома. Одного он просто сбил с ног, заставив ободрать разбить лицо о гальку. Второго схватил за голову и дернул, отрывая ее и обливаясь фонтаном темно-красной жидкости. Третьему прилетела очередь из пулемета.

Я рванул к крабу и воткнул в него черный клинок, и существо без всяких спецэффектов растаяло как мираж. Бой был завершен, враг либо убит, либо бежал. За считанные десятки минут осада была снята, а Оляха, уже в облике нимфы-нарони, вприпрыжку хлюпая босыми ногами по кровавой каше, подскочила ко мне и, проведя ладонью по окровавленному лицу, начала раскачиваться, спрятав сложенные в замок ладонки за спину. Весь её вид выражал самодовольство, мол, похвали меня. Не хватало ещё замурлыкать и положить передо мной мышь. Хотя, кинутый к ногам лагерь и почти полтысячи разбежавшихся воинов тоже было неплохо. Я подошёл к ней и обнял.

— Молодец.

****

Орда шла по следу, протяжной вереницей совершая марш сквозь Навь. Орда растянулась, так как сам мир препятствовал их движению: земля под лапами и ногами превращалась вязкую жижу, трава крючковатыми когтями и тонкими бесчисленными зелеными клешнями и лапами вцеплялась в панцири и глянцевою кожу, ожившие деревья стонали от боли, но сдвигали корни и ветви, так что врагу приходилось проламываться сквозь этот барьер.

Навь готовилась к встрече незваных гостей..

Земля вспучилась, раздвигая лес и приподнимая на новорожденном холме закованного в черный доспех худощавого мужчину с осунувшимся лицом и глубоко посаженными глазами, восседающего на вороном коне. Слабый ветер колыхал длинную седую бороду и белые как снег волосы, прибранные стальной короной с острыми зубцами.

— Идет, погань, — произнес мужчина, прищуриль лъдисто-голубые глаза, наблюдая за потоком сил вторжения, а потом обратился к подошедшему тщедушному человеку: — Все готово?

— Да, Ваше Бессмертие. Войско ожидает команды. Ваш брат тоже готов, — ответил помощник, подав небольшой свиток, скрепленный мерцающей печатью.

— Передай Вию, что начинаем, — ответил владыка нижнего царства, — а потом поднял острием вверх большой полторучный меч.

Когда же он его опустил, земля задрожала под ногами полчища мертвых воинов, которые перешли с хода на бег и вклинились в поток вторженцев.

— За Навь! За Чернобога! — поднялся над тернистым лесом многоголосый крик.

Закипел бой, где жители преисподней схлестнулись с тем, что чуждо Нави. Чуждые монстры превосходили числом рати Нави, валя на землю воинов и срывая с них доспехи, чтоб разодрать на куски тела, но мертвецы действовали слаженно, а клинки из прозрачной

тверди проходили сквозь броню и плоть черного врага, как опасная бритва сквозь сочный фрукт.

Поняв, что оказался в невыгодной ситуации, координатор Погони подал команду на перегруппировку, и, собрав отступившие силы в кулак, пошел на прорыв к точке выхода. Не для того, чтоб сбежать, а чтоб уйти по следу дальше.

Чародей-воитель скрипнул зубами и поднял меч, чтоб ввести в бой резерв, но его остановила высокая бледная женщина в бело-голубых княжеских нарядах, возникшая рядом из небытия.

— Погоди, Кощей, — произнесла Мара Моревна, богиня зимы и смерти, — мой черед.

Женщина взмахнула рукой, и Навь разорвал предсмертный рев двигателей, объятого пламенем падающего авиалайнера. Заглушающий все звуки этого мира Боинг сначала левым крылом, а потом и всей тушей врезался в землю и огненным вихрем прокатился по силам вторжения, сметая тварей и поднимая фонтаны грязи. Стон сотен человеческих душ наполнил мир мертвых, преждевременно завершивших свои жизни, вопль тысячи сгорающих в огне тварей, пришедших незваными в этот мир, был ему ответом, а следом нахлынуло болото, пожирая и самолет, и людей, и вторженцев.

Чуть погасло пламя, по обугленным останкам монстров и обломкам самолета пошел мертвый полк.

ГЛАВА 24. ЗАМОК СРЕДНЕВЕКОВОГО ФЕОДАЛА

-- Егор Соснов — Тик —

— Это называется тихо и незаметно? — с огромной долей сарказма спросила Ангелина, подбежавшая следом и вставшая у меня за правым плечом. — Ты всю страну переполошил. Сейчас власть имущие нагрянут сюда, разузнать, что же это такое, что может уничтожать целые армии. И знаешь, мне кажется, что их будет не три сотни.

— Придут, тогда и посмотрим, — ответил я, разглядывая брошенный неприятелем лагерь. Убитых было не так уж и много. Основная масса солдат просто-напросто разбежалась по углам. Но я их не боялся. Сложнее было объяснить местным жителям, кто мы, дабы они не попрыгали вслед за оккупантами.

— Ты себя ведёшь порой как нормальный человек, а порой как придурок конченный. Помогать тебе — одно издевательство, — звучно закричал магесса, подскочив ко мне в упор с разъяренным лицом, и махнув рукой на тела и разоренный лагерь.

— Ангелина, давай играть это шоу до конца, — обратился я к своей заместительнице, выискивая глазами среди трупов нон-тара Кропая, отличить которого смог по расшитому гербом рваному наддоспешнику, одетому поверх кирасы, и пластинчатым наплечникам. Остальные воины таскали стёганные куртки, иногда обшитые железными квадратиками. — И побольше пафоса, мы же в Средние века попали. Тут голос разума бессилён, надо давить на эмоции.

— Притворяться феей?! Нет, ты точно надо мной издеваешься!

— Ага, издеваюсь, — ответил я скрипящей зубами волшебнице. — Доверься мне, и играй роль. И поярче, поярче.

Я подождал, пока из леса не появится вся моя команда, оставаясь все это время под пристальным взглядом старого лорда, что неподвижно стоял на стене. Лишь глаза живыми пуговками скакали из стороны в сторону. Только когда к замку приблизился Такасик, он позволил себе улыбнуться и, не поворачивая головы, отдал приказ опустить мост и открыть ворота.

Заскрипел подъёмный ворот, устанавливающий большой каменный противовес, предназначенный для быстрого закрытия замкового входа. Из арки, гулко ступая на доски моста, вышел нон-тар Бурбурка из рода Куракля, отец Такалика. Воин был одет в такую же кирасу, наплечники и кольчугу под ними, что и поверженный противник. В качестве герба выступало какое-то животное, вставшее на задние лапы и грозно раскрывшее пасть. Чёрное на жёлтом фоне с двумя полосками поперёк, синей и белой.

— Играем роль, — тихо шепнул я Ангелине по-русски.

— Помню, — также тихо огрызнулась магесса.

Я повернулся и подманил ладонью Такалика, так что тот встал рядом. Негоже приходить в гости, имея хозяина за спиной. Я заготовил пылкую речь, вспоминая книги Вальтера Скотта, но все слова развеялись, когда из-за спины лорда выскочила красивая, богато одетая женщина, придерживая подол длинного голубого, украшенного вышивкой с растительными мотивами и жемчугом платья, перехваченного ярким поясом, и обняла юного рыцаря. Женщина имели тонкие черты лица, неуловимо похожие на таковые у

Такасика, такие же большие серые глаза и светлые волосы, сплетённые в четыре украшенные цветными шелковыми лентами косы. И не было никаких сомнений, что передо мной была настоящая леди, или как здесь говорят нон-ма.

— Сыночка, — начала причитать женщина, — Такасик, хотя бы ты жив остался. Хотя бы ты сель-тар. Я уж думала, что и ты сгинул от рук этих подлецов и детоубийц, от лап чудищ и зубов диких тварей. Какое счастье, что хотя бы ты жив.

Женщина ещё долго бормотала, а Такасик растерянно переводил взгляд с отца на нас. Мимо прошли слуги и воины, начав осматривать лагерь. Кто-то влез в ров и стал выискивать отрубленную голову старшего сына лорда. Когда искатель поднял руку, обозначив, что нашёл, Бурбурка хмуро бросил: 'Готовьте костёр горечи. А этому подлецу, что хотел захватить мой дом и его прихвостням... насадите их бóшки на колья и выставьте напоказ у дальней поляны, где дорога выходит к нам. И дайте знать крестьянам, чтоб уже вышли из леса и начали тушить деревню'.

Он убедился, что его услышали, а потом обратился к нам, заставив нас переглянуться.

— Я не имею чести быть знакомым с вами, почтенные ноны, но очень благодарен вам за то, что помогли моему сыну одержать победу. Будьте гостями в моем доме.

Фраза про то, что мы помогли сыну одержать победу, меня изрядно повеселила. Такасик все это время стоял с раскрытым ртом, наблюдая, как Оксана долбила из пулемёта по лагерю неприятеля. Его из ступора вывели только через пятнадцать минут после завершения боя. А уж то, что отчебучила Ольга и учудили ночницы, было, вообще, пародией на фильм ужасов. Вероятно, только факт победы и живой наследник не давали повода кинуться на нас с вилами и факелами под крики: 'Смерть демонам'.

Я тихонько кольнул телекинезом свою подчинённую, и та начала говорить.

— Здравствуй, благородный Бурбурка, издалека привела нас наша дорога к вашему очагу. Не соизволишь ли ты разрешить нам отдохнуть в твоём доме, дабы мы могли продолжить свой путь. Зовут меня нон-ма Анагелла, а это нон-тар Эгор со своей супругой госпожой Беллой, и наши верные спутники: Берреста, Светория, Окасанна, Воладимар, старец Сймен и наше юное дарование Оллиха.

Беллой она назвала Александру, видимо, из сложности произношения её имени на местном языке, а за основу взята фамилия. Ночницы и Луника сейчас не видны жителям замка, поскольку приняли малые формы. Их и представлять не надо. Все же забавно, что она назвала Шурочку моей супругой, я после гибели Анны никого не представлял в этом статусе рядом с собой, а сейчас, хоть и для показухи, эта вакансия принудительно заполнена.

Возникла неловкая пауза, когда хозяйева и гости не знают, как дальше повести разговор. Тут нашёлся Такасик, встав на одно колено перед Ангелиной, и приклонив голову.

— Благороднейшая и прекраснейшая нон-ма Анагелла, вы сначала спасли меня из лап разбойников, а теперь и моё родовое гнездо от врага, прошу вас быть моей гостей. Я буду опечален вашим отказом до конца моей жизни, но память о вас будет жить во мне до тех пор, пока не отцветёт в последний раз моя душа.

Ангелина легко кивнула и улыбнулась, положив руку на плечо юному рыцарю.

— Больше пафоса, больше, — шепнул я.

Моя помощница едва заметно скрипнула зубами, а потом расплылась в улыбке от уха до уха.

— Играть, так играть.

Вокруг девушки медленно разгорелся белым сиянием воздух, за спиной плавно

развернулись призрачные крылья. Она слегка приподнялась над землёй и величаво поплыла в сторону замковых ворот. Все в округе замерли, затаив дыхание. В их глазах отражалось чудо. Даже мне показалось, что передо мной самый настоящий ангел.

Ангелина плыла к входу, а люди и нарони становились на колени и шептали непонятные речитативы. Лишь домовой чему-то улыбался.

— Пойдёмте, — легонько обратился я к лорду, стоящему с открытым ртом посреди моста, взял под руку Александру-Беллу Белкину, и направился за своей мнимой госпожой.

Мимо с сияющими глазами и окровавленной улыбкой пробежала Ольга, заставив шархануться в сторону стражников. Все видели её превращение и смерть, которую она играючи сеяла.

Замок был невелик изнутри, вряд ли больше сотни метров в поперечнике от стены до стены, но опрятен и вполне симпатичен. С внутренней стороны стены были приставлены хозяйственные постройки, на крышах которых во время боя перемещались солдаты, как по помостам. Перед четырехэтажным донжоном была крохотная мощёная серым камнем площадь с колодецем в середине. Сбоку к жилищу примыкала та самая смотровая башня.

Весь архитектурный ансамбль представлял собой не громадный гарнизон, а скорее укрепленное поместье. Род Такасика в самом деле был не очень богат. Другие властители наверняка могли иметь лучшие сооружения и более крупные владения.

Посредине площади, там, где был колодец, стояла грубо вытесанная из камня статуя высотой в два человеческих роста, изображавшая сурового мужчину, держащего в ладонях широкую чашу. Чаша, в отличие от статуи была выполнена из железа, и в ней была насыпана земля с проросшим небольшим деревцем. Как я понял со слов Такасика, это был Великий Дом. Наверное, в самом деле, какой-то божок.

Деревянный косяк входа в донжон был отполирован до блеска, как перила в казенном заведении, где люди непрерывным потоком опираются на них. Впрочем, так оно и было, каждый входящий прикасался к дереву, словно выполнял некий ритуал. А еще, под специальным навесом на шнурках были подвешены многочисленные костяные плашки размером со спичечный коробок. На каждой из них виднелись непонятые каракули и стилизованные рисунки.

Нам выделили крохотные гостевые комнаты на втором этаже, каждая из которых была всего-то три на четыре метра. Одна для меня с Александрой, как для супругов, с большой кроватью, маленьким столиком и сундуком под вещи. Узкая бойница-окно на удивление была застеклена. Справедливости ради нужно добавить, что шесть квадратиков стекла, составленных одно над другим в деревянной раме, были очень низкого качества, с пузырьками и вкраплениями, да ещё и работавшими как кривые зеркала, зато все щели тщательно законопачены мхом и глиной, отчего сквозняка не наблюдалось. Другая комната предназначалась для Оксаны с Ольхой. Третья для Сорокина, деда Семёна и Светланы с Берестой, так как их нужно было долечивать, а делать это нужно в отдельном помещении. Просторной комнаты на третьем этаже удостоилась Ангелина. Для неё переоборудовали апартаменты одного из погибших братьев. Комнаты выходили на проходы типа единого балкона с видом на огромный атриум центрального зала.

Я как раз стоял, облокотившись на перила, ждал, пока переодевается Александра. Сам замок был высок, а комнатки обладали низкими потолками, отчего казалось, что ты в купе поезда, а над тобой верхняя полка. Внизу суетились слуги, собирая угощения на длинный стол, накрытый скатертью соломенного цвета. Это был особый пир, совмещавший

приём дорогих гостей и поминки по близким. Но в Средние века такому удивлять не стоило.

Что меня поразило, так это обычная баня, которая имелась в замке у дальней стены. Теперь я был мыт чистой горячей водой и одет в чистую одежду из натуральной ткани наподобие льна. Под расшитой скромным узором по вороту и рукавам рубахой, стёганной жилеткой и штанами приятно прилегало к телу чистое нижнее бельё, включавшее нечто похожее на футболку и подштанники. Сейчас прачки перестирывали наши камуфляжи, и представляю их удивление по поводу чудной пятнистой одежды.

Единственное, что я оставил, это портупею с навешанными на нее кобурой с пистолетом Макарова и ножны с Иглой, черным клинком, несущим смерть бессмертным. Они оказались очень уместными в этой обстановке. Равно как и борсетка с Полозом на этой же портупее.

— Дом, дом, дом, — ходил и усердно бормотал дед Семен, истосковавшийся по крыше над головой, заглядывая в каждую предоставленную нам комнатку. — Один сундук гнилой, собаки, поставили. Он не сегодня — завтра развалится. Стенки тонкие в двух комнатах, а в еще одной тайная комнатка есть, где эти недоумки будут тебя подслушивать. Ну, ничего, этот боярин еще узнает, кто такой дед Семен. Он услышит только то, что я захочу.

— Не доволен? — спросил я у него.

— Такой большой и пустой, — ответил домовой.

— Народу много, — произнес я, не согласившись с ним.

— Да, лорд, его советники, стража, слуги, но духов нет. Они чтят предков, но самих предков нет здесь. Есть некая сила, разлитая по хоромам, но она лишь отражает накопленные здесь эмоции.

— И что?

— Знаешь, откуда взялись домовые? Это тоже культ предков. Если помнишь, то я тоже был когда-то человеком.

— Был и не помнишь жизни, как вся нежить.

— Не в этом суть, — отмахнулся дед, — я был отцом и дедом большого рода, умерев, я остался их оберегать, помогать.

— Дай, догадаюсь. Теперь никого из этого рода не осталось, — произнес я.

— Типун тебе на язык, засранец. Мой род процветает и ныне. На Руси каждый сотый мой потомок, та же Сашенька, например, по маминой линии, только она об этом не знает, и знать ей этого не надо.

— То-то ты за неё радеешь, дед.

— Не сбивай меня, — огрызнулся домовой, уходя от темы. — Так вот, они чтят предков, даже ритуал похож. Он у славян до сих пор сохранился.

— Это как?

— Знаешь ли ты, что значит сказать, чур меня, и постучать по дереву? Раньше верили, что предки славян живут в старых деревьях, дубах да кедрах, березах да ивах. Дабы они помогли в беде и невзгодах, стучали по дереву, стараясь выпросить подмогу. Они говорили: Чуры, обреги мя. Пращуры, оберегите меня от невзгод. И ныне, стуча по деревянной столешнице, ты свершаешь то же деяние, зовя дедов и прадедов в помощь, даже если не знаешь об этом.

— А креститься и чураться?

— Не важно, с каким знаком ты взываешь к предкам. Они всегда с тобой.

— И?

— Здесь они тоже просят предков о помощи, прикасаясь к деревянным коробам створов. А дом пуст, причем недавно пуст, сотни четыре годов назад. И весь мир сей пуст то же время.

— То же, что и у нас?

— Не знаю, что-то другое. Я чую огонь и тысячи смертей, что были здесь в один миг. Огонь страшный. Я такой видел, когда ядрёный взрыв был.

Дед постоял пару минут, а потом скрылся в комнате. Проводить инвентаризацию.

Я кивнул сам себе, тоже поймав себя на мысли, что дом пуст. Похороны лорд провели без нашего участия, спалив на ритуальном костре голову старшего сына. Небольшая кубышка с пеплом теперь покоилась в подвале замка в фамильном склепе. Удивляюсь, как при таком подходе здесь нет ни одного призрака. Толпы потусторонних созданий непременно должны были бродить, но их не было.

— Нон-тар Эгор, — услышал я обращение к себе и повернул голову в сторону молодого пажа-нарони, бывшего ещё никем по половой принадлежности, но если судить по одежде, то из него готовили мужчину. — Вас просит к себе господин. Я провожу.

Я последовал за пажом, на поясе которого висели простые ножны с деревянным муляжом ножа, ступая по слегка поскрипывающим доскам ногами, обутыми теперь в настоящую обувь из кожи. Носков этот мир не знал и потому я намотал на ноги обычные портянки из ткани такого же качества, что и нательное белье.

Непривычная одежда, но было по-своему здорово окунуться с головой в другой мир.

Лорд, владетель, или же нон-тар, ждал меня у камина, ковыряясь длинной веточкой в горящих дровах. От огня шёл приятный жар. Я поймал себя на мысли, что слова вообще мешаются между собой в голове, спица выдает по три или четыре варианта перевода, как поисковик в интернете. С непривычки мозг пухнет.

— Прошу присесть, — сказал хозяин замка при моем появлении и указал на пустое плетёное кресло ладонью, где не хватало двух пальцев, отчего она казалась крабьей клешней.

Я пристроился в предложенном месте и приготовился слушать.

— Мой ныне единственный сын, так уж получилось, ещё слишком юн и к тому же влюблён. Это мешает ему смотреть на мир, как подобает лорду. Это пройдет со временем, но сейчас это не потом. Госпожа Анагелла прекрасна и властна, но я вижу, что она слушает вас. Это не укрылось от моих глаз. Вы главный среди них, и потому разговаривать я намерен именно с вами. Буду прям. Я в замешательстве. Я впервые вижу такое чудо, хотя повидал и демонов и другие народы, и размышляю, не принесёт ли это чудо нам горя, не принесёт ли нам побед и процветания. Спрошу открыто. Кто вы? Чего хотите? Куда направляетесь?

Я несколько помедлил, собираясь с ответом и вспоминая инструкции Булычёва. От моих слов зависит судьба моих друзей и успех нашего предприятия.

— Мы пришли посмотреть на незнакомую страну. Но мы увидели, что хотели, и теперь держим путь домой. Но путь этот не так прост. Нам предстоит долго идти правокруг, где нас заберут отсюда.

— Скользкий ответ, недостаточный. Кто стоит за вами?

— За нами стоит огромная страна, числом в сто семьдесят миллионов жителей, — пошел я ва-банк, отходя от сценария, — А за ней ещё девять миллиардов. И мы хотим знать, грозит ли ваша страна нам опасностью или нет.

— Велико число ты назвал, — ковырнув веточкой уголёк, произнёс лорд, — не все знают такие числа. И я лишь смутно представляю такое, хотя обучен грамоте и счёту. Но

если вы сильны, если за вами могучая армия, богатые купцы, великий император, то одними лишь дозорными это не кончится. Будут ещё и ещё. И хорошо если купцы с товарами, а не воины с мечами. Я не хочу ссоры с вашим государством, а вот торговля бы мне не помешала. Даже просто трактиры на вашем пути обогатят меня, и защитят от соседей, ибо свои торговые гильдии мудрый и сильный правитель в обиде не бросит, а вы сильны, раз всего вшестером разогнали войско числом в три сотни.

Я открыл рот, чтоб ответить, но лорд меня перебил.

— Молчи, не перебивай. Я хочу заключить торговый союз с вашей страной, но мне нужна помощь. Лорд Кропась пал, но его супруга мстительна и злопамятна. Она даст клятву дабы прийти к нам снова. Уничтожить всех до единого. Вы уйдёте, и я с двумя десятком воинов не смогу ничего им противопоставить. У меня остался единственный сын, кроме него у меня остались только дочери и они не могут вести бой. У меня нет больше войска, мне нужно восстановить деревню и помочь крестьянам обжиться по-новому. Это значит, что у меня не будет денег на наёмников. Я боюсь не дожить до расцвета своих владений.

Лорд встал с кресла и шагнул ко мне с сосредоточенным вопросом в глазах.

— Помогите, и я помогу вам. Ибо, идя правокруг, вы не сможете миновать священный город, а там вас просто отправят на алтарь Великого Дома.

— Я не вправе свершать такие деяния. Это высокая политика. Меня будут осуждать.

— Высокая политика, говоришь? — вздохнул лорд, опустив глаза. — Да, я бы наказал воина, что без моего ведома вмешивается в дела лорда. Но безразличны ли тебе жизни полусотни нарони, моих крестьян, что попали им в плен. Они их увели караваном в свой замок, а потом отправят в Священный город. Да они низшие существа, но они живые. И я вижу, что ты не питаешь к ним брезгливого презрения, как некоторые глупцы, и возвышаешь их над бессловесным скотом, раз спас побежал помогать воспитаннице-нарони, пусть она и чудовище. Безразлично ли тебе будет, что старые нарони умрут на алтаре, молодые мужчины их рода против воли силой данной владельцам обратятся в женщин? Безразлично то, что всех дев, что стали такими, повзрослев, или силком станут в замке Кролпаса, будет непрерывно насиловать весь сброд, какой только может, если не умрут от этого? Что их детей будет убивать сумасшедший бог, их, еще не увидевших свет и не сделавших первый вздох? Ты можешь сказать, что я лорд, что они для меня лишь крестьяне-нарони, но эти мои нарони! И только я вправе решать их судьбу, а не какая-то скотина, решившая обезопасить своих подданных за счет моих жизней! Я прошу, помоги. Если не ради высокой политики, то хотя бы ради желания остаться достойным человеком. Помоги отбить их, пока есть время. Или хотя бы помоги защитить тех, кто сейчас под этой крышей. Если так надо будет, то я встану перед тобой на колени. При воинах, при нарони. Помоги, ты же один из волшебного народа, что чтят закон и справедливость, как говорят сказания. Помоги, даже если это не так.

Я прикрыл глаза, прикидывая время, выделенное нам аналитиками, и вспоминая инструкции, прежде чем ответить, а потом кивнул.

— Хорошо, — произнес лорд, нервно сглотнув, словно боясь, что я передумаю, — а сейчас прошу на пир. Все уже готово.

Я провёл ладонями по лицу, снимая напряжение, а потом встал и последовал за хозяином.

Юный паж усадил меня на место по правую руку от хозяина, занявшего трон владельца о главе стола. Рядом уже сидела Александра-Белла, одетая в длинное светло-серое платье со шнуровкой на спине. По левую руку от лорда разместились его супруга, далее Такасик,

Ангелина-Анагелла, Береста, Оксана и Светлана, уже способная самостоятельно двигаться и бледная, как подобает вампиру. Из-под платья выглядывал краешек бинтов, намотанных на плечо.

Сорокин остался в комнате, ему, вообще, не везёт с различного рода травмами и ранениями. Оляха бегала по всему залу, бесцеремонно выхватывая у слуг с подносов еду. Нарони шарахались от неё, как от огнедышащего дракона, попутно с благоговением посматривая на Фотиди.

За столом были ещё две дочери лорда, старый начальник стражи, оказавшийся троюродным братом феодала, молодой казначей, бросающий взгляды на одну из дочерей владетеля, ещё какие-то должностные лица в количестве трёх из тех, что допущены к трону нашего не то барона, не то виконта. Здесь свои титулы, и названия никак не переводились спицей.

Застолье было скромным, и мне почему-то вспомнилась скатерть-самобранка, которую я смог отпрепарировать. Единственное, что не работало, так это копирование готовых объектов в память магического гаджета.

— Прошу восславить души моих сыновей, павших в боях с врагом, — произнёс лорд, встав со своего места и подняв кубок с вином. Он очень торопился начать пир, дабы задобрить гостей, хотя и старался не подавать виду.

Все, даже женщины, последовали его примеру. А после я пригубил неплохое сухое вино, обладавшее необычным вкусом, которому иронично можно добавить эпитет 'неземным', поскольку так и было. Его изготовили не на Земле.

Заиграл трубач, исполняя какой-то гимн, видимо, гимн рода.

Музыка доиграла, и лорд снова поднял кубок.

— А теперь воздадим валу нашим гостям...

Я не слушал сухой, как это вино, речи феодала и пылких слов Такасики. Я думал о том, что нам делать дальше. Хозяин замка неглуп и говорил нужные вещи, касаемо политических отношений и нашего пути, беззащитном замке и пленных. Получается, у нас не было выбора, кроме как помочь им. Но как? Без нашего оборудования мы не очень долго протянем. К тому же солдаты замка малочисленны и плохо вооружены. Я поднял кубок, отпил вина, потом стал крутить его перед лицом. Кубок был хорош. Надо будет его забить через трёхмерный редактор в скатерть-самобранку, чтоб попивать из него, вспоминая приключения. А потом я перевёл взгляд на доспех, висящий на стойке у стены, снова на кубок, и опять на доспех. По лицу поползла сама собой улыбка. Сидящая рядом Бельчонок почувствовала моё настроение и положила свою руку поверх моей. Мне показалось, что в старинном платье, которым ее обеспечили хозяева замка, она была притягательна. Я отогнал от себя эти мысли и оглянулся по сторонам, тут же поймав на себе цепкий взгляд лорда. Тот тоже перевёл глаза на доспех, прежде, чем вернуться к своему основному занятию — рассматривать меня, даже во время выступлений. Он ещё не знал, что я задумал. И даже во сне не мог представить такое.

Сидели мы долго. Речей не осталось, есть больше не хотелось. Горстка музыкантов, коими бездарными подобиями мы планировали изначально притвориться, наигрывали нехитрые молодки, а один пел баллады.

Особенно запомнись те, что были бы совершенно дикими в земных условиях. Одна шуточная про то, как да воина-нарони влюбились друг друга, и решили сделать сюрприз друг другу. Фраза 'воины-нарони' вызвала смех среди сидящих за столом. Дав клятву самим себе, эти воители стали женщинами, причём оба и не сговариваясь. Их встреча была сюрпризом

для них, они снова дали клятву и стали вновь мужчинами, не сговариваясь, и так шесть раз подряд. Они успели повздорить и разошлись бы на правокрай и левокрай, если бы их не помирил один старик, сказав, что влюблённым нужно учиться договариваться, а не молчать, томно вздыхая.

Вторая была печальная, про юных парня и девушку, решивших повзрослеть и стать мужем и женой, но одно дитя умерло от чёрного поветрия, а второе, полное тоски, стало целителем, лечило больных, доживя до глубокой старости, но так и не взяв себе другую женщину. Говорят, даже есть орден таких эскулапов, давших клятву безбрачия. Остальные песни были про доблесть воинов, про прекрасных дев, про странствия и приключения во льдах.

В этом мире не было смены дня и ночи, но, наконец, лорд смилостивился и объявил пир закрытым. За столом остались два вельможи, слушавшие с непревзойдённой стойкостью рассказы друг друга. Дочери лорда разбежались самыми первыми, и теперь пришла наша очередь. Один из пажей, трясаясь от страха, отнёс уснувшую за столом Ольху в комнату. Ангелину отвёл в покои сияющий, как медный таз, Такасик. Магесса по-русски бросила мне через плечо, что если рыцарь вломится к ней, то она его прах развеет по всему замку. Я ответил цитатой из мультфильма про бодрых пингвинов: 'Улыбаемся и машем, улыбаемся и машем', получив порцию злости рикошетом.

Мы зашли с Белкиной в комнату, где она рухнула на кровать, не раздеваясь. Глаза её смотрели в потолок, но они ей были не нужны, отчего немного непривычно поначалу было с девушкой разговаривать. Её взор всегда был устремлён не на тебя, а на что-то позади или в неопределённую пустоту.

Я со вздохом опустился на край сундука, прикрыв глаза.

— О чём думаешь? — спросила меня Александра, тоже приняв сидячее положение, и начав снимать обувь.

— Есть одна задумка. Мы можем притащить нашу технику сюда, а ещё можно вооружить местных.

— А я думаю, как будем делить кровать. Она одна, одеяло тоже одно, а нас двое.

Я пожал плечами.

Александра встала и повернулась спиной.

— Помоги расшнуровать платье.

Я глянул на бечёвку и шнурки стали сами собой выскакивать из пазов.

— Спасибо. А руками слабо было?

— Неловко, как-то.

— Ну, не знаю. Тогда, к сведению и ещё большей неловкости, я высыпаюсь, только когда сплю совсем голой.

Девушка выскользнула из платья, под которым ничего не оказалось, и плюхнулась обратно на кровать, распластавшись на животе. Девушка часто и прерывисто задыхалась, а нить её внимания была обращена на меня.

— Это как-то неправильно, — произнёс я, любуясь женственной фигурой с её изгибом спины, упругой попой и тугой грудью.

— Если ты о том, что я сейчас мы в чужом месте, то это не страшно. Есть только ты и я. Я же чувствую твои гормоны. Они кипят.

— Я не об этом.

— Если ты об Анне, то она мертва, — тихо произнесла девушка, — её нет. Ты можешь

мстить сколько угодно. У кого угодно спрашивать, почему так произошло, но её нет. А я здесь.

Я закрыл глаза, взмолившись к своей совести, а потом открыл их и опустился на кровать. Белла обняла меня и стала шептать.

— Я вижу сейчас все, что творится в замке. Как пьёт слуга в погребе, как тискает служанку старый начальник стражи, как уединился казначей со старшей дочерью лорда. Они любят друг друга и скрывают это от лорда, думая, что он не знает. Я вижу, как сам владелец ходит по комнате, как лев в клетке. Это моё проклятие. Я всегда видела, как кто-то уединялся, как кто-то занимается сексом, и мне было завидно, ибо со слепой всевидящей никто не хочет связываться. А они так сладко стонут. Я чувствую их обоих, а у меня никогда никого не было. Я завидую. Я возбуждаюсь и сижу в одиночестве, не в силах отвернуться или закрыть глаза, как обычный человек. Так хочется закрыть лицо подушкой, но это не помогает. Я устала. Я хочу нормальной жизни, с человеком, которого... — она замолчала, прикусив губу. — Я просто хочу.

Девушка приблизилась и поцеловала меня в губы. Ее поцелуй был старательным, пылким, но таким неумелым. Я сдался. Я обнял ее и прижал к себе, а она стиснула мои плечи дрожащими пальцами.

Я приподнял ее и положил на кровать.

— Пос-с-срединник, — услышал я сквозь стук сердец свистящий голос Полоза, — Пос-с-срединник, это важ-ж-жно.

Я сосчитал до десяти и поднял голову, увидев заполнившего половину комнаты змея. Одновременно по замку разлилась злость, источаемая Белкиной, которая только успела расстегнуть у меня пуговицы на рубашке. Её ненависть, будь она материальна сейчас, могла бы сравнять этот замок с уровнем моря, и направлена она была на древнего духа. Она глухо зарычала и укусила край одеяла.

— Это не может подождать? — сдерживая дрожащее дыхание, спросил я.

— С-с-стаж-ж-жёр, — коротко ответил прародитель всех змей.

****

Координатор погони имел знание: бой в Нави был долгим и тяжелым.

Координатор Погони потерял большую часть своей армии, но, все же, частично добился своего, прорвавшись с горсткой боевых единиц к порталу. Он ухватил нить. Он может дальше вести погоню.

ГЛАВА 25. ЗАГАДКА СТАЖЕРА

-- Егор Соснов — Тик —

— Ну и что с ним? — зло спросил я у Полоза, коротко глянув на Александру. Девушка бросала всем своим естеством искры в пространство.

— С-с-собери всех-х-х, — прошипел в ответ полоз, скользнув на пол, — с-с-срочно.

По кольцам прошлись фиолетовые сполохи, как бывало, когда змей колдовал. Дверь щёлкнула задвижкой и резко отварилась, едва не сбив служанку. Невысокая и пухленькая для своего народа женщина-нарони несла корзину с бельём, а когда увидела чудовищного полоза, текуче поползшего в её сторону, подавилась испуганным вздохом и выронила свою ношу. На доски упали тряпки, а змей стрельнул длинным раздвоенным языком и зашипел с громкостью промышленного компрессора.

— Проч-щ-щ!

Служанка завизжала и, подбирая подол длинного платья, побежала в сторону лестницы. Снизу раздались выкрики, мол, что там случилось? А когда Полоз начал вытягивать свои толстые кольца из комнаты, раздались ругательства, и забряцало оружие. Я мысленно подал импульс-сигнал о всеобщем сборе, на который откликнулись все, кроме Александры. Она так и осталась лежать неодетая, поджав губы, с навернувшимися на глазах слезами. Мне самому было обидно, но древний дух не стал бы вмешиваться, не будь это действительно важным. Да и продолжить начатое после такого я уже не смог бы.

Дверь в комнату, где разместили стажера, открылась так же, как и моя, сама собой, подвластная воле змёя.

Стажер при нашем появлении присел на краю кровати и недоуменно оглядел гостей. Сразу за мной и полозом в комнату вошли берегиня и Света, сидевшие у Оксаны, а навья перегнулась через перила, и кричала стражам, что все нормально, что это наши колдовские разборки. Не замедлили появиться и Ангелина с дедом Семеном. И лишь в конце все же соизволила прийти наспех одетая Бельчонок.

Девушка кипела от негодования, но сдерживала слова, опершись о косяк плечом и сложив руки на груди.

А полоз все молчал, шипя и скручивая тело в узлы, и немигающим взглядом сверлил Сорокина.

— Может, хватит играть в молчанку? — зло спросил я. — Может, ты нам объяснишь, наконец, зачем всех оторвал от дел?

— Я дол-л-лго думал-л-л, дол-л-лго наблюда-а-ал, — начал ответ змей, не замирая ни на секунду в своём плавном течении по кругу, подняв голову на уровне моего лица.

Он был готов совершить молниеносный бросок и скрутить Володю, едва тот шелохнётся не так, как надо, а уж из таких объятий дано вырваться не многим.

— Ты у нас, вообще, небыстрый, — буркнула Ангелина.

— Всё-ё-ё ш-ш-шутыш-ш-шь, дева?

— Да какие тут шутки. Я сама серьёзность.

— Поспешыш-ш-шь, людей насмешиш-ш-шь, — протяжно и хрипло засмеялся змей, как Каа из советского мультфильма про Маугли, словно перед ним были бандерлоги, а потом продолжил речь. — Я наблюда-а-ал, и мне не давала покоя одна вещ-щ-щ. Я уже видел

такое раньш-ш-ше. И ты, пос-с-серединник, тож-ж-же.

— И что же?

— Мелочи, едва заметные мелоч-щ-щи. Ты их-х-х не увидиш-ш-шь. Я лучш-ш-ше покаж-ж-жу.

Полоз протяжно засвистел, набирая воздух в единственное лёгкое, как то положено у этих змей. По чешуйчатым кольцам снова прошла волна фиолетовых искр. А потом он резко, без присущей ему тягучести, выкрикнул.

— Шат!

Стажер резко вскочил с кровати и вытянулся по струнке с устремившимся в одну точку взглядом. Шат. Я знаю, что это. Это окрик беса, призывающий марионетку жителя нижнего мира к повиновению. Он произносится не только голосом, но и соответствующим магическим импульсом. Змей сумел такой воспроизвести.

Я обхватил голову ладонями и уселся на сундук, неизменно стоявший углу комнаты. Мысли понеслись чехардой. Это ж все время нас водили за нос. Никакого стажера никогда не было, была лишь живая кукла с исковерканной душой, не завершившей рихтовку. Грешник, выпущенный под особым надзором из преисподней, неспособный послушаться своего хозяина. Ему скажут смеяться, и он будет резать себе мясо, истекать кровью и смеяться. Ему скажут прыгать, и он прыгнет в доменную печь. Ему скажут ждать, и он умрёт от истощения не в силах послушаться и сойти с места. Биоробот. А ещё он продал свою душу. И, кажется, я знаю, кто его хозяин.

— Настало время разоблачений-с, — раздался ироничный голос в углу комнаты.

Там, на подоконнике возник бес, одетый в чёрные рубаху, жилет и штаны.

— О, Мефистофель, — воскликнула Оксана, разглядывая новое действующее лицо. — За пулемётом сходить?

Все уставились на него, а Ангелина даже скрипнула зубами.

— Не стоит, — ответил я.

— Обалдеть, — все так же произнесла навья. — А как он здесь оказался? Он, вообще, настоящий?

— Самый что ни на есть, сударыня, — ответил бес, слегка кивнув.

— Ты с ним ещё общался? — зло спросила Фотиди, не сводя свирепый взгляд с мужчины, словно он был её заклятым врагом.

— В бильярд разок играли, — уклончиво ответил я.

— Надеюсь, не на душу? — обеспокоенно уточнила магесса.

— Что вы, — начал бес, — зачем мне его душа. Я хочу большего. Куда большего.

— Рассказывай уже, — хмуро брякнул я.

— Ну что ж, дальше отмалчиваться смысла нет. Буду откровенен.

— Ой ли? — двинула бровью Ангелина.

— Не сомневайтесь, Светорóжденная. Не так ли переводится ваша фамилия с греческого, сударыня. Мы, знаете ли-с, в одной лодке, и раскачивать её нет смысла, потонем все.

Ангелина сжала губы и замолчала надолго, а бес начал рассказ.

— Я сотни лет был обычным сортировщиком, потом меня повисили до душетехника. Я был усерден, очень усерден. Работал на износ, пока меня не заметили и не повисили до наблюдателя на Земле. Это был тринадцатый век. Я был рад. Я был горд. Это была свобода, как мне казалось. Делай что хочешь, иди куда хочешь, — он на секунду замолчал с улыбкой

уоставившись в пустоту. — Дикое средневековье, самое место бесу. Я скупал души, пролезал в государственные тайны, сыпал золотом. Меня слушали даже без колдовства, стоило лишь сверкнуть желтому металлу и стальному клинку. А потом меня отозвали, поставив инспектором в цехах сортировки. Я негодовал. Четыреста лет безукоризненной работы в мире людей пошли под откос. Я воспользовался всеми своими связями, но и они не смогли ничего сделать. А потом прошла буря миров. Всесоздатель лишил Явь магии. Пошла тоска и нудная рутина, а недавно прошла весть, что великий запрет снят. Все, кто мог, рванули наверх, наслаждаться жизнью в мире живых, но я чувствовал подвох. Стал копать, заводить новые связи. Грянула война с этими, из другого мира. Много наших попало на удочку абсолютной власти над живыми и вере в новый порядок. Многие примкнули к пришлым, став их безвольным орудием, ибо чужаки не принимают иных форм подчинения. Их многих убили уже. Ты лично убил не меньше трёх десятков, считая их некромантами. Мы не афишировали, кто это был на самом деле, нам не нужны волнения в шаткое время. А я все копал. И я был на хорошем счету. И мне шепнули по секрету, что готовится поход, поход в другие миры, что идёт набор группы поддержки. Все в строжайшей секретности, но я, повторяюсь, был на хорошем счету, мне шепнули. Я стал проситься в проект. Меня взяли.

Бес поднял ладонь, и в ней возник кубок с вином. Он отпил глоток, поставив хрусталь на подоконник, и продолжил.

— Да, я ваш провожатый, но я сделал больше. Работая с вашими спецслужбами, я смог раскусить одного распространителя чёрной заразы. И тогда мы разработали план. Я вспомнил про одного продавшего душу, и был пущен слух о том, что он будет стажироваться в элитном подразделении боевых магов. Этим, кстати, я исполнит то желание, которое он у меня заказал. Чёрные клюнули и сделали подсадку, благо для них мы были неосторожны, намеренно, естественно. Будь это обычный человек, он бы попытался перерезать вам глотки ночью. Программа, сидящая в нём, очень сильна. Но он моя марионетка, он слушает только меня, и это помогло вам избежать лишних проблем, — говоря так, бес достал красную спицу и легонько помахал ею в руке, — да и убивать человека не пришлось, лишь изъять подсадку из мозга. И вот, к вам прибыл стажер, все чин по чину. Избежать огласки о походе не удалось, поэтому мы лишь ввели в заблуждение этих о сроках похода, чтоб у нас была фора. Меня обещали повысить до старшего инспектора среди наблюдателей от дасуней. От ясуней и так их хватало.

Бес горько улыбнулся, медленно поднял кубок и наклонил его. На дощатый пол тонкой струйкой потекло местное жёлтое вино.

— Старший инспектор. Надо же. А я всегда мечтал о большем. И тут я услышал об инициативе Сварога, все по секрету, разумеется, строжайшему, но я на хорошем счету, мне шепнули. Было принято решение создать сеть крепостей со стационарными порталами. Сеть, связывающая миры. Я загорелся этим.

Бес с жаром вскочил с подоконника и стал говорить с горящими глазами, словно изголодался по слушателям.

— Это мой шанс, понял я. Я хочу себе такую крепость. Это не какой-то инспектор, это комендант, неограниченная власть. Наместник богов. Начальник таможни между мирами. Но на Земле на эту должность нашли, бога местечка на севере от Новониколаевска, он силен и стар. Он осилит не только крепость-портал, но и ношу хранителя боевого гарнизона. Они в чем-то правы. Зато новые миры ещё только будут освоены. И я поставил на карту всё. Пошёл ва-банк. Я подсунул тебе синтетического фантома, Егор, свою копию, рассказал о нелёгком

детстве моей марионетки. Ты купился. Я дал Булычёву взятку, и он вписал стажера в список экспедиции.

— Генерал был в курсе событий? — перебил я беса.

— В курсе? — ухмыльнулся Мефистофель. — Мы вместе разрабатывали весь этот сценарий. Стратег даст прикурить своими многоходовками даже старым бесам. И вот, он включил стажера в состав экспедиции, получив семнадцать бесстрашных, абсолютно послушных продавших душу, сравнить которых по эффективности только можно с терминаторами или универсальными солдатами, описанными в фильмах, с приказом служить новому господину сто лет. Вы пошли в навь, и там я натравил на ваш отряд всякую мелочь и ранил, так сказать, стажера. Пока вы с ним возились, я поменялся местами с фантомом и притаился в твоём энегополе. У тебя там уютно. Много книг, много пчёл и прочей занимательной всячины. Я помогу вам пройти этот путь и останусь здесь. Нахрена мне какие-то жалкие огрызки чужой памяти. Мне нужен целый мир, и я сорвал джекпот. Это — то самое золотое средневековье, о котором я грезил. Но к нему добавится вся мощь цивилизации, познавшей ядерную энергию, познавшую межпланетные перелёты. За мной будет мощь тёмных и светлых богов. Я буду прилежный комендант, идеальный, но получу при этом, что хотел. Вот моя мечта! И до неё всего шаг! Вам лишь нужно вернуться и рассказать обо мне, обо всём, что здесь происходит! Я буду первый среди мне подобных!

Бес замолчал, тяжело дыша и блестя глазами. Наступило время вопросов.

— Ты не боишься, что мы о тебе расскажем не в лучшем свете? — спросил я, глянув на товарищей.

— Нет, победителей не судят. И я на вашей стороне.

— Потому что выгодно?

— А разве это мало? Я не фанатик, я реалист до самого последнего кванта энергии, из которых состою. Это выгодно и мне и вам. Выгода — вот залог взаимного доверия. Всегда им была, во все времена.

— А как же свобода воли?

— Не рассказывай мне о свободе воли, — ответил бес, — я хочу быть игроком высшего разряда, а не винтиком в чужих руках.

— Он никогда не был человеком? — вдруг спросила Света, имея в виду Володю. По её щекам потекли слезы.

— Был, но давно забыл, что это.

— А как же любовь?

— Я не верю в любовь. Любовь лишь иллюзия.

Света подошла к бесу, всхлипнув и утерев крупные слезы, потёкшие по лицу.

— Ты чудовище, — прошептала она, а потом залепила звучную пощёчину потустороннему комбинатору. — А я верю.

Вампирша подошла к неподвижному стажеру и, встав на цыпочки, поцеловала того в губы.

— Я буду верить, что ты проснёшься, — тихо произнесла Света, и зло глянув на беса, вышла из комнаты.

— Влюбчивая ворона, — процедил Мефистофель, — три дня не прошло, а уже втюрилась.

Тут уже с сундука встал я и зарядил бесу ударом кулака в челюсть.

— Доволен?!

— Да. Я создал хорошую марионетку, раз её смогли полюбить. Как все кончится, подарю, пусть развлекается.

Я горько усмехнулся, отойдя и сев на своё место. Он и сейчас ничего не понял, этот бес. Даже мёртвая навья более человечна, чем он. Подошла Ангелина и зло подставила кулак под нос Мефистофелю.

— Я буду следить.

— Ну, куда уж без тебя, Светорóжденная, — ухмыльнулся тот.

Магесса вышла из комнаты вслед за Светой, послышались слова утешения.

Тихо хмыкнула Оксана, последовав за остальными.

На очереди к бесу подошла Александра и тоже залепила пощёчину.

— А это за что? — воскликнул душетехник, метивший в коменданты.

— Тоже за любовь.

— За какую?

— За сегодняшнюю, — процедила она, и добавила ещё один звонкий хлопок. — И за завтрашнюю, если что. Авансом. Вдруг опять всем жизнь испортишь.

ГЛАВА 26. ТРИ ЛИНИИ

-- Егор Соснов — Тик —

После появления Мефистофеля, тот больше не скрывался, но и вмешиваться в нашу жизнь не спешил. Долго пришлось объяснять, что этот хитрого вида тип тоже с нами, хозяин замка ничего не понял, списав все на колдовство, но я, все же, выпросил у лорда ещё одну комнату, куда отселили беса со своей марионеткой. Сорокина было жалко всем. Такой судьбы и врагу не пожелаешь, только Оксана дразнила его унисóлом по аналогии со старым фильмом про мёртвых спецназовцев с Ван Дамом в главной роли. Света прорыдала полдня, всё твердя, что это нечестно.

А сейчас я сидел на краю кровати и глядел на лежащую вниз лицом Александру. Девушка усердно делала вид, что ничего не видит и не слышит, хотя сама говорила недавно про проклятье экстрасенсорики.

Я лёг рядом и уткнулся лбом в её плечо.

— Хватит дуться.

— Я не дуюсь, — снизошла до ответа Белла, теперь её так все назвали, и она даже не была против.

— Я своими глазами вижу, что дуешься.

— Да, козел он, этот Мефистофель.

— У него природа такая. Ему положено быть козлом.

— И этот — тоже козел.

— Кто?

— Червяк.

— Ты про Полоза?

— Он же мог это позже рассказать. Всю дорогу молчал, а тут решил в сознательного гражданина поиграть.

— Мы повторим ещё раз.

— Я уже настроилась, я была готова, а он все испортил. Это был бы мой первый раз, я хотела сказку. Она уже началась тогда. Волшебный замок, настоящий пир, дух эпохи короля Артура с поправкой на эти заморочки со сменой полов у нарони. А тут этот нарисовался.

Я тихонько поцеловал её в щёку.

— Ты меня не любишь, — произнесла Белла. — Я тебе нравлюсь, но ты меня не любишь. Я вижу.

— А что ты хотела? Что б я за доли секунды потерял голову? Мы взрослые люди. Пора бы уже не строить таких иллюзий.

— Ты как бес: любовь лишь иллюзия.

— Я так не говорил. Чувства не всегда должны пылать как бенгальский огонь в новогоднюю ночь. Порой комфортно, когда они просто греют, долго и уютно, чтоб человек, которому их дарят, не сгорел в жарком пламени, а мог укутаться ими в холодную пору и не замёрзнуть под ледяным ветром невзгод и острых снежинок чужих взглядов, чтоб мог не бояться утонуть в промозглой грязи окружающего мира.

— Ты, прям, поэт.

— Поэт из меня не очень хороший, хотя стихами увлекался когда-то, писал.

— Прочитай, — попросила Белла.

Я приподнял голову и начал читать:

Тени мечутся, словно летучие мыши,
В резких движениях не понять очертаний.
Пугают они молчаньем в затишьи,
Тени грядущего с обликом этих созданий.

Все эти тени прозрачны и серы,
Что б ни казалось в их облике смутном.
Пока не поймашь, не будет им веры.
Плохо их видно в будущем мутном.

Тени грядущего — то, что не сбылось пока.
Там синие птицы и демоны страха.
Не сразу понять, что твоя держит рука.
А поймашь одну — десять сыпятся прахом.

— Тени прошлого тоже не лучше, — произнесла девушка, вздохнула, а потом добавила:

— А давай сбежим из замка, чтоб ни бес, ни змей, ни рыцари не смогли нам помешать.

— Не сейчас. Нужно сделать много дел, от которых зависит, вернёмся мы или нет.

— Ты прямо сейчас пойдёшь?

— К сожалению, да. У нас очень мало времени.

Она опять вздохнула.

— Иди, я знаю, что медлить нельзя.

Я тихонько поцеловал её, так что мои губы едва коснулись её губ, и встал.

Я как всегда, записал разговор с Бурбуркой на диктофон, а потом дал прослушать диалог остальным. Обсуждений было не много, все согласились выручать пленных, а сейчас нужно было подготовить резерв нашей операции. Медлить действительно было нельзя, я заранее обговорил с лордом, что после очередного приёма пищи начнём колдовство, а заставлять ждать старого феодала не стоило. Приёмом пищи, именно так. Завтраком, обедом и ужином назвать это сложно, солнце никогда не садилось за горизонт. Время отмеряли по едва заметному всплеску энергополя планеты, который происходил каждые три с половиной часа. Нарони их чувствовали, так как обладали повышенной чувствительностью к таким вещам, маги тоже ощущали, а вот обычный человек не сможет заметить. Более долгие сроки они отмеряли периодом цветения хвабука, хозяйственной культуры, заменявшей им злаки. Растение цвело раз в семь земных месяцев.

За такими мыслями я спустился по лестнице, где уже сидел Такасик со своим отцом. По выражениям их лиц читалось, что они с нетерпением ждут колдовства.

Я поставил на большой обеденный стол, с которого косо поглядывающие служанки убирали остатки посуды, и ставила новую порцию на случай, если господин захочет перекусить. Сейчас молоденькая нарони принесла поднос с кусочками копчёного мяса и серебряный кувшин с вином. Я поймал себя на мысли, что Белкина теперь будет с ревностью отслеживать, поглядываю ли я на других девушек, или нет. И ведь не скроешься.

Один кубок с лёгким стуком опустился и передо мной, но я его отодвинул подальше от

ноутбука.

— Музыкальная шкатулка, — обрадованно произнёс Такасик и со знанием дела перетащил небольшой стул, сев у меня по правую руку.

— Не совсем, — ответил я с улыбкой, подбирая слова. — Это вместилище волшебного камня, который называется микропроцессор, — выдал я по-русски название цифрового устройства.

— Микаропорсесар, — исковеркал слово на свой лад юный рыцарь. — А что он делает, какое колдовство в нём скрыто?

— Он умеет хранить знания. Умеет считать большие числа быстро и безошибочно. Да и многое другое.

Не буду же я ему объяснять основы программирования. Волшебный камень и все. Пусть родится новая сказка.

Словно в подтверждение моих мыслей над загоревшимся экраном возник джин из лампы, то бишь, операционной системы. При его появлении лорд подался вперёд, а Такасик, уже видевший такое чудо в нашей палатке, сделал кивок.

— Здравствуй, дух камня, — заговорил он.

— Неавторизованный пользователь, нераспознанная команда, — на русском языке ответил джин.

— Что он лопочет? Разобрать не могу, — проговорил хозяин замка.

— Это он на моей родной речи молвит. Здравия вам желает и процветания, — ответил я, услышав раздавшееся сверху хихиканье.

Там, на третьем этаже балкона-коридора, стояли Ангелина и Оксана и наблюдали за этим бесплатным шоу.

— Госпожа Анагелла, вы как всегда прекрасны в своём подобии солнцу, — выдал комплимент Такасик, заставив магессу кивнуть в знак благодарности.

Пока он говорил, из открытой двери комнаты Ангелины выскочила Ольга. Лесавка запрыгнула на перила и пошла по ним, как по тротуару, ловко держа равновесие, а потом она сверкнула глазами по столу и, улыбнувшись от уха до уха, спрыгнула вниз. Лорд нахмурился и чуть дёрнулся, готовый подхватить изломанное тельце, ахнули служанки, но Ольга совершенно невредимая приземлилась на ноги и тут же подскочила к подносу с мясом, которое стала есть, откусывая от каждого ломтя по разу, видать, искала, какой вкуснее. Стоявший у входа в зал стражник крикнул усмешкой.

Лорд неодобрительно покачал головой, а потом обратился ко мне.

— И как же нам поможет этот камень и его дух? Поведайте нам нон-тар Эгор.

Я положил рядом с ноутбуком свёрнутую в несколько раз и засунутую в полиэтиленовый пакет скатерть-самобранку, а потом похлопал по ней ладонью.

— Вот это, воссоединённое колдовством с камнем, создаст нам оружие.

— Какое? — сжав эфес своего меча, уточнил лорд.

— А вот это мы с вами и будем обсуждать сейчас.

— Возможно, я тоже буду полезен, — услышал я голос беса, который начал спускаться со второго этажа в сопровождении стажера.

Я быстро глянул на нахмурившуюся Ангелину, а потом кивнул, указав на свободный стул. Не было смысла пренебрегать помощью, пусть даже такой циничной скотины, как Мефистофель.

Адский специалист по душам, чьё имя местные выговаривали без искажений и запинок,

спокойно сел на предложенное место, а стажер остался стоять за его спиной с ничего не выражающим лицом.

— Может, тоже сядет? — спросил я беса, показав на Сорокина.

— Зачем? Он не чувствует усталости.

— Просто хотелось бы хоть какую-то иллюзию человечности.

— Разве что это.

Бес поднял руку и произнёс.

— Линия два. Шат!

Стажер глубоко вздохнул и, несколько раз быстро моргнув, огляделся по сторонам, а потом взял тарелку с какой-то жаренной в муке из хвабука рыбой, кружку с водой и сел рядом со мной. Он не мешал, просто жевал золотистые кусочки и смотрел на монитор. Это была не свобода воли, а заранее прописанный сценарий. Я сжал губы.

— Он продал свою душу. Это его наказание и плата за желание стать чародеем и отомстить за свои страдания.

Хозяин замка с прищуром наблюдал за нашим разговором, и, как оказалось, мы вели его на языке нарони. Такастик тоже слушал с раскрытым ртом.

— Верни, как было.

— Вольно, — произнес бес.

Стажер вздохнул и виновато обвел взглядом нашу команду, словно извиняясь за неловкость, которую он причинил нам.

Бес ухмыльнулся и потянулся за вином, довольный произведённым эффектом. Вот только я почувствовал, как рука стажера, случайно оказавшаяся возле моего локтя, едва заметно сжалась на ткани рукава, а глаза подёрнулись тонкой плёнкой влаги. Я сделал вид, что не заметил, но не стал выдёргивать рукав из непослушных владельцу пальцев.

Хотелось бы верить, что это — не игра беса, а остатки души внутри марионетки.

Я поднял глаза и увидел, что к девушкам присоединилась зарёванная Света. Я сглотнул, а пальцы сами собой ткнулись в сенсорный экран ноутбука, запуская музыку. Средневековый инопланетный замок заполнил оборванный в прошлый раз на полуслове лёгкий рок. Изо всех дверей потихоньку стали выглядывать любопытные нарони, вслушиваясь в непривычные слова и чуждую им музыку.

Я сглотнул обиды, нанесённые бесом мне, Александре, Свете, и обратился к лорду.

— Нон-тар, я могу создать любое оружие, какое вы пожелаете, но для этого нужны железо и дерево, чтоб колдовство могло их принять и превратить в нужное. Могу создать любые доспехи. Вот так.

На стол лёг брусок ржавого железа, а я провёл в воздухе пальцами, отмеряя объем, из которого скатерть-самобранка, превращённая из простого источника еды в универсальный молекулярный принтер, будет брать материю. А потом повернул экран ноутбука к лорду, показав чертёж несложного кинжала.

— Мы можем взять силой тот замок, но нужно думать на будущее. Мы уйдем, и вас кто-то должен будет защитить. Значит, вам нужно дать оружие, которое нужно будет продемонстрировать недругам, во избежание дальнейшей агрессии.

— Дальнейшей чего? — переспросил лорд, так как спица не перевела слово 'агрессия'.

— Нападок и угроз.

Он кивнул.

Тем временем по свёрнутой скатерти прошились радужные искры, а брусок вспыхнул

холодным зелёным огнём ионов железа, которые потекли к некой точке над столом и стали потихоньку складываться сначала в тонкий стержень, а потом в лезвие с рукоятью. Скрипнул ещё один стул и рядом села Ангелина, с любопытством рассматривающая процесс техномагии. А у стены с раскрытыми ртами стояли нарони, казалось, что они сбежали со всего замка, что лицезреть самое настоящее чудо — из волшебного изумрудного пламени, по которому бегали оранжевые всполохи углерода, рождался стальной клинок. Куда там дешёвым фокусам, что мы наивно хотели показывать на площадях и рынках. Вот она магия.

Через пятнадцать минут блестящий как зеркало кинжал погас и упал, выпущенный из объятий силовых линий. Лезвие, имеющее заточку всего в одну молекулу, вошло в дерево стола на три пальца.

— Восхитительно, — сказал лорд, привстав со своего места. Пальцы его осторожно приблизились к оружию. — Он холодный.

Глаза его загорелись, а воображение наверняка рисовало несбыточные фантазии. Рядом приглушённо зарычала с набитым ртом Ольга, подняв с улыбкой на перепачканном лице, свой заветный зуб доисторического монстра. Я невольно улыбнулся.

— Позвольте, — вкрадчиво произнёс бес и протянул руку с зажатым между пальцами лазерным диском.

— Что это?

— Небольшая коллекция оружия различных эпох. По ним можно выбрать подходящее и изготовить чертёж. Мой работник может заняться этой рутинной.

Я вздохнул и взял диск, сунув его в щёлкнувший привод ноутбука. Через секунду на экране замелькали фотографии доспехов, щитов, мечей и копий. Лорд с сыном же прилипли к экрану, окончательно поверив в силу волшебного камня. Действительно, родилась новая версия старой сказки меч из камня.

— Можно снизить массу некоторых изделий, заменив отдельные детали на титан и алюминий, — произнёс бес. — Зачем ограничиваться сталью с такой-то возможностью?

— Что же может быть лучше? — прошептал лорд, жадно пожирая глазами цельный пластинчатый доспех, закрывающий каждый сантиметр тела владельца.

— Можно, конечно, — ответил я, неспешно подбирая слова, обращаясь к бесу, словно не слышал лорда, — но этого мало. У них всего десять воинов. Даже имея суперброню и совершеннейшие клинки, нам не одержать верх. Нужно нечто большее, что мы можем изготовить. Так как никто из нас не оружейник. Нужно что-то до ужаса простое в изготовлении, прощающее огрехи технологического процесса и при этом превосходящее на порядок все это. Что проверенное временем. И надо вооружать нарони.

В зале воцарилась тишина. Бурбурка ошарашено поглядел на меня, словно я нарушал весь порядок мироздания.

— Это немислимо, — произнёс он.

— Почему?

— Они слуги и крестьяне.

— И что? — ответил я ему самым тупым вопросом.

— Им нельзя давать оружие в руки.

— Вы боитесь бунта? — зло спросил я, вспоминая восстания Пугачева в истории Российской Империи.

— Я нет, — ответил лорд, — я свято чту законы предков, я получил право лорда от самого Великого Дома, и мне не страшен бунт. Но они не воины.

— Кто так сказал?

— Так всегда было.

— Опять традиции и пережитки, — вздохнул я. — Их можно вооружить и обучить.

— Но они не войны!

— Тогда подышайте, — огрызнулся я.

— Но один человек легко справится с пятью нарони!

Я

— Есть то, что сравнивает баланс сил, — начал я пролистывать фотографии, где мелькали мечи, шпаги, стилеты, булавы, а потом резко остановил чехарду.

С экрана блестела штыком неведомо как затесавшаяся в этот ряд винтовка Мосина. Знаменитая неубиваемая трёхлинейка.

ГЛАВА 27. ВО ЛЬДЫ

-- Такасик — Тик —

— Сын мой, посмотри на них, — произнёс лорд Бурбурка, той высокой речью, что обычно говорил во время важных церемоний, словно сейчас был миг, решающий судьбу рода. Это наполнило разговор торжественностью.

Лорд стоял в дверях позади юного рыцаря и разглядывал собирающихся в путь чужаков.

— Они уже не скрываются. Они чужие. Веришь ли ты им?

Бурбурка с любовью провёл пальцами по волосам своего ныне единственного наследника, светло-русые, как зерна хвабука, и мягким да густым.

— Верю. Они не враги нам, — легко ответил Такасик, бегая глазами по чужакам, и его взор то и дело останавливался на Анагелле, что выделялась среди них.

Она была прекрасна, прекрасна не только внешне, но и своей внутренней сутью. И хорошо, что с чародеем-воителем Эгором их связывал лишь долг. Долг, который пронзал все её естество. Хотел бы и Такасик быть тем, на кого обращён этот долг. Он слышал, что жена нон-тара Эгор, слепа, но видит при этом всё, что происходит, но знает ли она об этом долге, что цепью приковал госпожу Анагеллу к её мужу. Должно быть, знает. А ещё нон-ма была так же далека от остальных, как люди от нарони. Он это ощущал, он видел это своим даром лорда.

— Отчего же ты им веришь, сын мой? — тихо продолжил разговор лорд. — Поведай, ибо я стар и моими делами давно движет не пульс крови, а разум. Я отвык видеть кровью, лишь памятью о делах вижу. Но ныне я в смятении, мудрые предки не могут посоветовать делами и словами своими, высеченными на камнях и костях. Нет у них советов и в словах, что передаются из поколения в поколение, из уст в уста. Шестеро чужаков уничтожили все войско в три сотни раньше, чем с высокого древа упал лист. Они сильны. И за ними стоит ещё большая сила.

— Они могли бы уничтожить весь наш род, — постарался ответить так же величественно Такасик, — если бы захотели, но они спасли меня в лесу, где я послушал замерзающее своё тело, а не разум, и попал в лапы разбойников. Они спасли тебя, когда я сказал им, что ты, матушка и сестры в беде. Они чужие, но в них течёт горячая кровь, полная чести и благородства, они не враги. И даже если их долг перед старшими заставит убить нас, они сделают это быстро, без унижения и боли, с тоскою в глазах и просьбой о прощении на устах. А потом они отдадут почести нашему праху. Я верю им.

— Тогда иди, сын мой, — легко подтолкнув своё дитя, произнёс Бурбурка, — они хотят поделиться своей силой и своей дружбой. От такого дара не стоит отказываться.

— От силы, отче?

— От дружбы, сын мой, от дружбы. Ибо давший силу, может её отнять, а дружбу потерять можешь только ты сам.

Такасик кивнул и направился к нон-ма Анагелле, дотронувшись кончиками пальцев до деревянного косяка врат родового зала, полированного от таких прикосновений до блеска. Направился, влекомый кровью, а сзади шептал отец.

— Да наполнят мудрые предки кровь твою живым льдом разума, дабы тот охладил пульс. Да смилостивится великий дом в своём безумии над тобой, дозволив жить и дальше.

Юный рыцарь спускался, а его заметили и стали махать рукой. Не подобает лордам и благородным нон-ма себя так вести, но они чужие, им простительно. Такастик едва заметно поглядел по сторонам, по собиравшим выючный скот крестьянам, по набравшим ведра с водой из колодца служанкам, по нимфам-пажам, что стояли поодаль и тоже готовились в поход в недалёкие льды. Одни в страхе воротились от чужаков, другие с любопытством разглядывали, а те уже не скрывали свою чуждость, словно осознали тщетность сего занятия.

— Господин, — обратился к нему паж, быстро подскочив с ворохом вещей, — ваши доспехи. Ваша матушка волнуется и настаивает, чтоб вы всенепременно их надели.

— Не стоит, Тап, — ответил рыцарь, вспомнив стеклянные глаза девы-воительницы с черными волосами, что пришла с сиром Эгором, и её чёрное железо, чей грохот рвал тела воинов и броню в клочья, как лапы демона. — Они не нужны.

— Но, мой господин.

— Нет, — ответил Такастик пажу, сузив глаза и сжав губы, явив тот лёд, который так хотел видеть Бурбурка в своём сыне. Неумолимый, холодный и светлый. Не совершающий, и не прощающий ошибок.

Рыцарь подошёл к чужакам и слегка склонил голову, стараясь выглядеть достойно, но ребёнок в нём на этот раз победил.

— А можно мне двузор? — спросил он, коснувшись бинокля, висевшего на шее у нон-тара Эгора.

Чародей усмехнулся и снял блестящую голубоватым стеклом вещь. Такастик тут же повесил его себе и, упёршись в окуляр, глянул на нон-ма Анагеллу, увидев лишь пару светлых глаз, так как смотрел в упор, а потом направил на дверь в родовой зал, выходящую во двор обители. Отец стоял хмурый, вцепившись в священный косяк, словно тот мог наполнить силой и мудростью молчащих предков. Скользнув изящной летуньей, из дверей вышла мать. Женщина быстро сошла по лестнице вниз, а потом молча подала наполненную водой костяную чашу. Чашу предков, не иначе отец её надоумил. Такастик отпустил повисший на ремешках бинокль, а потом поклонился и, приняв из рук матери чашу, глотнул холодной воды.

— Все готовы, — услышал он голос пажа, ещё раз поклонился и повернулся к воротам, как то подобает лорду, ибо первым он должен выйти и первым зайти.

Вслед за ним шагнули Заверабои, как называли себя чужаки. И только потом пошёл весь обоз с инструментом и едой для похода. Шли некоторое время почти молча. Так миновали всю замковую поляну и ступили под полог леса на песчаную дорожку. Под ногами шуршали палые листья и торчали редкие кривые корни, через которые приходилось перешагивать. В детстве он, бывало, спотыкался о них, разбивая колени и ладони в кровь.

— Нон-тар Эгор, — заговорил рыцарь, все ещё вспоминая высокий слог отца перед уходом, — а что бы вы завещали своим потомкам?

— Не знаю, — ухмыльнувшись, ответил чародей-воин, — я о таком не думал.

— Женщины оставляют гребни, оправы к зеркалам, чаши и ложки и всякие мелочи. Мужики оставляют рукояти клинков, плашки под письмена, охотничьи и рыболовные снасти, кубки. Я бы хотел, чтоб из моей руки сделали рукоять для охотничьего ножа, и чтоб на нём были изображены дикие звери.

— Не понял, — изумлённо уставился нон-тар Эгор на Такастика, — что значит, из моей руки?

— У вас разве так не делают? А у нас после смерти по завещанию или по желанию

родственников одну или несколько костей извлекают из тела, долго вытравливают в особых отварах, сушат, а потом делают вещи, которые могли помочь потомкам стать лучше. Так зеркала и гребни помогут женщине стать красивей, ножи — удачливее и сильнее. Остальное сжигают.

— Но ведь это ваши предки.

— Вот именно. Предки никогда не пожелают зла и даже после смерти хотели бы помогать потомкам, даже если это лишь плашка со словами напутствий живым от мёртвых. Такие вещи используют только в особых торжественных случаях. А на костях поверженных врагов пишат предостережения и вывешивают у входа в обитель. Это дело чести.

— Послушай, — вмешалась в разговор нон-ма Анагелла, шедшая рядом, и молча слушавшая разговор, — эта чаша, что дала тебе мать. Она тоже из кости человека?

— Да. Это череп основателя нашего рода. Он желал всем мудрости. Это отец настоял испить воды, он мечтает, чтоб из меня получился самый великий лорд, какой может быть в мире.

— Похвальное пожелание.

— А я знаю, — раздался сзади голос девы-воительницы, какой не может быть на свете по завету предков, — сделайте из моего среднего пальца корпус для флешки.

— Что такое флешика, Окасанна?

— Это, чтоб файлы записывать.

— Что такое фаиллы?

— Это рисунки, тексты, музыка для компа.

— Что такое комп?

— Ну, ты достал. Это прибор с процессором.

— Я, кажется, понял. Это как плашки с письменами и рисунками для вместилища волшебного камня. Для украшения. А что я достал?

— Не обращай внимания, — произнёс нон-тар Эгор, показав Окасанне кулак, — она у нас немного не в себе.

— Я понял. Ей тоже нужно испить из чаши предков.

Чародей-воитель весело ухмыльнулся, а нон-ма Анагелла разразилась звонким смехом, от которого кровь потеплела, и самому хотелось улыбаться.

Так они шли долго, пока не вышли к краю мёртвых льдов, с коих тянуло холодным медленно текущим воздухом, и из-под которого текли многочисленные ручьи, журчащие по камням, и уходящие под полог леса, начинающегося в сотне шагов о кромки льдов. Слуги достали из сумок копчёное мясо и сыр, запивая которые чистой водой, все подкрепились. Огонь разводить не стали, до брошенной стоянки совсем не далеко. Осталось лишь влезть на глыбы и пройтись, но сначала нужно надеть тёплые куртки и меховые обувки.

Нон-тар Эгор знал куда идти, несмотря на то, что все следы замело, стелющейся по леднику снежной позёмке. Он говорил про маяк.

Если бы шли налегке, то весь путь одолели бы за три вздоха великого дома, но гружёный обоз плёлся вдвое дольше. Один выучный тунут, которого чужаки называют ишаком, соскользнул в расселину. Он ничего себе не повредил, но вытаскивать с глубины в три роста пришлось почти целый вздох. Это ведь надо сначала снять и вытащить поклажу, верёвками подвязывать несчастное животное и тянуть всем вместе. Справедливости надо сказать, что чужаки тоже помогали, чародей-воитель Эгор вплёл в верёвки какие-то колечки,

отчего тунут стал лёгким, но не настолько, чтоб его можно было вытащить одному крестьянину-нарони.

Когда на снегу зачернели три сгорбленные фигуры странных построек лагеря чужаков, все вздохнули с облегчением. Такастик видел их раньше, блестящие зелёным железом и большим стеклом, гнутым и наверняка очень дорогим. Сейчас их чуть больше припорошило снегом, чем в тот раз, когда юный отпрыск древнего рода был здесь в прошлый раз, но ничего больше не поменялось. Сначала он принял это за чудовищ, и лишь потом опознал творение рук неведомых мастеров.

— Вот они, родимые, — произнёс нон-тар Эгор, весело улыбнувшись.

— И что дальше? — спросил Такастик, с любопытством разглядывая и постройки и чужаков. Все они с теплом смотрели на груды железа.

— Вытаскивать.

— Вытаскивать амбары?

— Это не амбары.

— Тогда это хижины.

— И не хижины. Я покажу. Пусть твои люди принесут толстые колья, — произнёс нон-тар Эгор.

— Почему люди?

— Ну, — начал чародей, скривившись, словно совершил глупую ошибку, добавив нечто похожее на слово 'бэлин', - нарони.

Такастик глянул на пажа, тот с криками 'колья' помчался к крестьянам, и работяги начали отвязывать заострённые бревна толщиной в ногу и длинной рост мужчины. Два кола положили на снег перед ним. Чародей пробормотал: 'Угораздило же нас попасть в припорошённую яму' и поднял один ствол, уперев его остриём в плотный снег, а потом наклонил верхушку в сторону, противоположную постройкам в сорока шагах от первой.

— Забивать? — спросил Такастик, наполняясь всё возрастающим любопытством.

— Я сам, — ответил чародей, глубоко вздохнул и прикрыл глаза, а потом все вздрогнули от гулко застонавшего мороженого дерева, которое стало рывками входить в наст, словно по нему били гигантским невидимым молотом. А чародей все молчал и стоял. Нарони зашептались в сторонке с выпученными глазами, призывая предков в помощь. И вот кол ушёл в снег почти полностью. Только когда осталась верхушка с локоть высотой, он остановился.

— Заводи! — крикнул он госпоже Советланне, которая залезла внутрь постройки и поблескивала из-за стекла своими жутковатыми глазами цвета свежей крови.

Девушка нагнулась вбок, а следом за этим постройка взревела как демон вечной ночи, что забредает порой на самый край ледника. Такастик едва сдержал желание убежать подальше, как поступили крестьяне, что, переводя дух, наблюдали теперь за сотню шагов отсюда за происходящим. Не подобает юному лорду так себя вести, несмотря на бешено колотящийся пульс крови.

Напуганные выучные тунуты громко орали и дёргались на привязи такого же кола, но потоньше.

— Шат! — послышался возглас высокого господина, оказавшимся тоже колдуном, немного отставшим от своих в пути, и воин Володимар со стеклянными глазами подскочил к постройке и начал тянуть за канат, оказавшийся сплетённым из тонких железных нитей. Канат разматывался, плавно вращая барабан, приделанный к железной дуге постройки.

Когда Володимар дотянул канат до кола, то сделал петлю, зацепив крюком, и отошёл в сторону, неподвижно замерев. Нон-тар Эгор поднял руку, посмотрев на Советланну. Постройка взревела пуще прежнего, барабан сам собой закрутился в другую сторону, канат натянулся, а потом вся эта груда железа, поднимая перед собой сугроб, начала медленно двигаться. У Такасика от такого волосы встал дыбом не только на голове. Так он испугался, только когда Окасанна грохотала своим чёрным железом, да Олиха оборачивалась лютым чудищем.

Вскоре постройка вылезла из снежной ямы, явив толстые чёрные колёса. Так это повозка, подумалось ему, только большая и едущая сама. И остальные, значит, тоже. Повозки не использовали в этих краях, так как частые камни и корни деревьев быстро ломали колёса и мешали езде. Приходилось не грузы везти, а помогать руками тащащему изо всех сил телегу скоту. Но Такасик видел телеги раньше.

Чужаки делали сейчас то же самое, вытаскивая застрявшие повозки. Осознание такой простой истины заставило отступить страх и занять его место отступившему до этого любопытству.

— Нон-тар Эгор, а можно мне потом прокатиться верхом на телеге.

— Можно, — ответил чародей, — только это называется машина.

— Машина, машина, машина, — поиграл на языке словом Такасик. Оно такое простое и красивое это слово, как сами машины. — Хорошее колдовство.

— Это не колдовство. Это хитрости наших мастеров.

— Правда? А можно наших тоже так научить?

— Не сейчас, — улыбнулся чародей. — Обязательно, но не сейчас.

Пока они разговаривали, Валадимар отцепил железный канат, который назывался трос, и тот намотался на барабан, имевшему имя лебёдка.

Потом приступили к остальным машинам. Второй оказалась отнюдь не высокая шестиколёсная, а низкая, с множеством невысоких колёс, вокруг которых были намотаны плоские широкие цепи. Под эти цепи кинули бревно и небольшими тросами, скрученными в петли, прицепили к звеньям. Чародей что-то положил дверь в машины, которую он назвал 'Бэмпэ', и та ожила, заревев громче первой. Цепи дёрнулись, подминая под себя бревно, а сама машина стала ползти вперёд, пока бревно не появилось сзади. Так повторяли полтора десятка раз, прежде чем та не вылезла из рыхлого снега на слегка припорошённый лёд.

Оказалось, что все машины имеют свои названия. Бэмпэ, Тигар.

Шестиколёсный Ураль, куда залезла сама госпожа Анагелла, вытаскивали дольше всего. Бэмпэ, зацепившись толстыми тросами за шестипалого, гребла цепями, но только почём зря разбивала лёд. И тогда нон-тару Эгору пришлось по-настоящему колдовать. Он поднял перед собой согнутую в локте руку, так что кулак оказался на уровне лица и стал шептать заклинание. Такасик не понял, что значат произнесённые на чуждом языке слова 'Да давай же ты, сука долбанная', но, видимо, они были сильным заклинанием, раз Урал дрогнул и стал вылезать, наст перед колдуном выгнулся волнами, а слабый ветер набрал силу и стал реветь, заглушая саму машину. Ветер поднимал тучи снега, дергал плотную ткань кузова и одежду нарони, но стоило Уралу вылезти, как колдун разжал кулак, и все разом стихло.

Такасик смотрел на все это, позабыв дышать и моргать. И лишь потом огляделся, поймав глазами усталое лицо Эгора, радостную нон-ма Анагеллу и цепкий взгляд Мефистофеля, направленный на чародея-воителя, словно высокий и худой нарони заново оценивал своего товарища, узнав о нём нечто новое.

Необычным был еще поступок нон-тара Эгора, когда он взял две большие железные амфоры квадратной формы, которые назвал канистрами. Нон-тар Эгор положил их боком на лед в том месте, где до этого стояли машины, положил сверху несколько небольших мешочков и слегка присыпал все снегом. Потом он взмахнул рукой, и из ничего возникла небольшая фигурка воина размером с ладонь и десяток странных черно-желтых созданий с прозрачными жужащими крыльями. Нон-тар Эгор долго что-то говорил на своем наречии, и только в конце добавил на языке сель: 'Это твоя последняя служба, верный страж'.

Потом колдун подошел к нам, довольно улыбаясь, словно какой-то шутке.

— Ну, все, запрыгивайте, нон-тар Такасик. Поедем.

— Куда запрыгивать?

— Да хоть к нон-ма Анагелле. Нам ещё спуск выравнивать на краю ледника, — улыбнувшись, ответил нон-тар Эгор.

ГЛАВА 28. ЧУЖАКИ

-- Егор Соснов — Тик —

До границы таяния добрались с большим трудом. Приходилось перетаскивать деревянные мостки, сколоченные из брёвен, чтоб преодолеть расселины. Больше всего боялись за тяжёлую БМП, которую в случае падения практически не получилось бы вытащить. Это не ишак с тюками.

На расстоянии полукилометра от нас постоянно бродили два прозрачных монстра, похожих на пауков-сенокосцев, перебирая своими длинными лапами по снежной целине. Они не приближались и не удалялись, словно сопровождая. От их молчаливого присутствия было очень неуютно, во всяком случае Оксана постоянно дежурила в боевой готовности со своим пулеметом.

При выравнивании края ледника пришлось использовать драгоценный запас гранат, иначе бы крестьяне ковыряли примитивными кирками его очень долго. Потом посыпали спуск мелкой галькой, чтоб не скользили шины. Не покладали рук все. Даже Такасик, даром что феодал, увлёкся нашим маршем. Паренёк расторопно раздавал приказы работягам.

Всю поклажу с ишаков переложили в кузов Урала и пошли двумя маршрутами: местные — лесными тропами, налегке, а машины — прямо по каменистому руслу реки, где студёная вода едва ли была больше, чем метр в глубину. Двигались, взбаламучивая спрятанную под галькой грязь и поднимая волны перед собой. Несколько раз вспугивали крупных травоядных, вышедших к реке на водопой. Колонна двигалась неспешно, во всяком случае, к замковым полям вышли почти одновременно с пешей группой. А все оттого, что нам приходилось петлять вслед за рекой, так как по узкой лесной дороге мы не смогли бы протиснуться при всем желании, к тому же несколько раз аккуратно объезжали немногочисленные пороги и один неглубокий омут с крутыми краями, организованный тенью Великого Дома, срубая мелкие деревца, мешавшие объезду. Зато колёса машин, катки и гусеницы БМП отмылись до девственно-чистого состояния.

Наше прибытие не осталось незамеченным. Непривычные для этого мира звуки работы дизельных двигателей собрали любопытных со всей округи, которые, зная о колдунах, побросали недоделанные крыши глинобитных домиков, что остались без таковых во время пожара, и издали наблюдали за диким зрелищем. Машины мы поставили у въезда в крепость, почти у самого рва выбравшись из речушки.

Когда Света заглушила движок, я откинулся в кресле и с облегчением выдохнул. Несмотря на напряжение, царившее во время перемещения, добрались до места без происшествий.

— Я задолбалась, — протянула вампирша, ткнувшись лбом в руль, — ноги гудят, спина ломит. У меня же машина, а не катер. Я все время почти стоя, чтоб видеть что перед носом машины.

— Отдохни. Я сам устал, — ответил я и обернулся, чтоб оглядеть остальных.

Мефистофель сразу перехватил мой взгляд, слегка улыбнувшись, а рядом с ним замер стажер. У правой двери, опустив лицо, что-то нашептывала сама себе Александра. Оксана же всю дорогу торчала на пулемёте, по пояс выглядывая из машины. В начале пути она зарядила от прикуривателя смартфон, достала наушники-вкладыши и теперь покачивала

головой в такт музыке.

— Отпусти его, — обратился я к Мефистофелю, указав кивком головы на Володю.

— Зачем? — с улыбкой спросил бес, услышав тихое 'тварь' со стороны Светы.

— Он же не собачка, чтоб ему команды выполнять. К ноге, апорт, служить, — ответил я, стиснув пальцами дверную ручку.

— Я ему еще не давал команду фас, — ухмыльнулся бес, прежде чем продолжить с ехидным выражением лица, — он продался сам. И сам виноват. Впрочем. Вольно!

Я вздохнул, увидев, как понику стажер, уткнувшись лицом в ладони, и дёрнул за ручку своей дверцы, выскочив на улицу, где начал скапливаться народ. Крестьяне тыкали в нас пальцами. Детишки, что поменьше, прятались за длинными платьями мамок и исподлобья тарасились на невиданные доселе чудеса. Стражники, опершись на копыя, выглядывали из бойниц.

Из Урала выскочила Ангелина и не по-женски залезла под капот грузовика, чтобы проверить масло и тосол. Тут же пристроился Такасик, пожирая глазами нутро машины. Он, конечно, ничего не понимал, но весь набор узлов и агрегатов производил на него гипнотическое действие.

— Ну как? — спросил я у помощницы, когда она спрыгнула с машины на землю, протирая руки грязной ветошью.

— Им бы прогрессоров отправить, — произнесла Фотиди, — Ну знаешь, как у Стругацких в книгах. Для подъёма развития. За одно поколение можно было бы довести до нормального уровня средненькой аграрной страны третьего мира, а лучше за два, чтоб без нажима и с толком. Институт специальный основать. Затея богов весьма хорошая и даже этот кандидат, — проговорила она с нажимом, показав на вылезшего из Тигра Мефистофеля, — не самый хреновый, я думаю. Эгоистичный, жадный, да ещё и садист, но при этом умный, терпеливый и скрупулёзный. Такой не будет живыми раскидываться, просто потому, что это ценный ресурс.

— И врага уважать можно, — ответил бес, слегка улыбнувшись и кивнув Ангелине.

— Машина как? — уточнил я.

Магесса вздохнула.

— Нормально. Я на ней под заказ многое что взяла перед убытием, проблем никаких.

Она аккуратно сложила вчетверо тряпочку и повернулась к Уралу, чтоб тут же громко закричать.

— Нон-тар Такасик! Вы, вот, зачем это сделали? Вы ж ничего не понимаете. Вы же грязь туда занесете.

Рыцарь замер со щупом в руках, который он выдернул по примеру Ангелины, переводя глаза то на разгневанную волшебную фею, то на тонкую струйку масла, падающую на двигатель. Юный феодал не знал, как реагировать. С одной стороны, он должен возмутиться на повышенный тон в присутствии крестьян, слуг и солдат, с другой — с волшебницей лучше было не ссориться. Не зря так ему отец наказывал. Он попытался осторожно вернуть щуп на место, но у него не получилось.

Магесса подскочила к машине, осторожно отобрала щуп, вставив на место, и захлопнула капот, а потом, матерясь, вызвала своего стража, которого, как и я, притащила с собой в биополе. Девушка вызвала настройки и выбрала форму. Вместо классического ангела в белых одеждах в воздухе остался висеть персонаж известного фантастического боевика. Черный, блестящий 'чужой' размером с ладонь, шевеля лапами и длинным хостом,

угрожающе завизжал, заставив отпрянуть наиболее любопытную публику, а Такасика вытаращить глаза и побледнеть.

— Стеречь! — отдала, играя на публику, команду на языке сель девушка, совершенно безобидному фантому.

— Нон-ма Анагелла, — начал рыцарь, медленно вытягивая слова, — научите меня этому мастерству.

Магесса закусила губу, осознав щекотливость ситуации. Средневековые лорды — гордый народ, если покажется, что проявили неуважение, могут и на дракона с рогатиной пойти. На верную смерть, потому как Ангелина в одиночку весь этот чахлый гарнизон положит, хоть и не дракон.

— Колдовству? Не получится, нон-тар. Уж простите меня за отказ, но дело не в нежелании, а самом колдовстве.

— Научите вашим машинам, — не сдавался Такасик.

— Ах вот вы про что. А я что, по-вашему, делаю, сир? Я уже учу. Только поблажек в этом деле нет ни лорду, ни смерду. Это первое, что вы должны запомнить.

— Я усвоил этот урок, нон-ма Анагелла. Каков будет следующий?

— Сначала поесть, а потом будем с вами подгонкой волшебной брони заниматься.

— Волшебной?

— Да, нон-тар.

Под урчащие желудки, мы вошли в крепость, где слуги уже собирали длинный стол посреди зала, его, скорее всего, так и не убирали. Из комнаты Бересты выскочила Ольга и со всего разбегу бросилась мне на шею. На этот раз для разнообразия на ней был простенький сарафанчик, едва прикрывающий колени, видимо, берегине все же удалось совладать с этим диким созданием. Я опустил лесавку на пол и потрепал волосы на голове.

Все с нетерпением стали рассаживаться за стол, готовясь к трапезе. Пахло жареным мясом, местным сыром, печёным хвабуком, заменявшим здесь хлеб, и вином. Служанки расторопно расставляли недостающие блюда. По местному обычаю принесли две чаши — с сухим и чистым песком и с водой. Полагалось в одной пошоркать руки, дабы счистить всю грязь, а во второй смыть песок.

В углу зала лежала огромная куча ржавых железяк, которые я просил собрать лорда. А сам владетель наблюдал за нами из своего кресла-трона. Видимо, он выполнил процедуру этой диковатой гигиены, так как чаши приподнесли сразу Такасику, минуя хозяина, и потом уже предложили нам. Рыцарь стряхнул мокрые руки и потянулся за куском мяса.

— Подмастерье Таксик! — рявкнула Ангелина, в очередной раз заставив замереть того на месте.

Бурбурка выгнул одну бровь, стараясь понять, что происходит. Ситуация его озадачила.

— Второе правила ордена механиков — всегда мыть руки перед едой и после неё, — продолжила Ангелина, играя роль суровой наставницы.

— Я помыл, — недоумеваю, произнёс наследник замка.

— Со специальным волшебным зельем? — взвинтив интригу до уровня средневекового триллера, спросила Фотиди, при этом она достала из сумки от противогАЗа, который решила использовать, вместо дамской сумочки, когда дорвалась до сокровищ, спрятанных в кузове Урала, маленький кусочек мыла. — Песок — это, конечно, мудро, но мало.

Магесса потёрла руки песком, счищая машинное масло, а потом намылила руки, отчего с них начала литься грязная пена.

— Дай мне тоже, — произнесла Александра, подошедшая к столу.

— Сначала лорду, — тихо я добавил по-русски. — А то совсем как дикари себя ведём. А после тебя я ополосну.

Бельчонок кивнула, и, встав рядом со мной, подождала, пока Такасик под наставительные восклицания Ангелины 'Тщательнее, подмастерье, тщательнее' не вымоет руки. Он аж покраснел от усердия, а слуги-нарони с любопытством уставились на эту таинственную процедуру.

Пока все это происходило, я легко сжал ладонь Александры-Беллы в своей руке, заставив девушку улыбнуться.

Наконец, все расселись.

— Нон-тар Эгор, — заговорил Бурбурка, отодвинув от себя предложенный пажом кубок, — я вас потороплю с колдовством. Сегодня едва не поймали соглядатая вдовы лорда Кропаса. Я думаю, она что-то замышляет, надеясь заручиться поддержкой других лордов и жрецов Великого Дома.

Он вздохнул.

— Мы волею судеб ввязались в войну, — продолжил лорд. — Хвала предкам, что свели вас и моего сына, ибо без этого мы были бы сейчас или мертвы, или закованы в цепи и отправлены на алтарь Великого Дома. Те родá, что живут ближе к Священному городу, напуганы. Они готовы на все лишь бы не пасть под выбор жрецов, готовы даже убивать прежних друзей. Мы обречены на войну и нужно ударить по вдове раньше, чем образуется какой-нибудь альянс, или пока не прибудет помощь из Священного Города.

Лорд скривился, словно от головной боли и приложил кубок к щеке.

— У меня вся надежда только на вас. Мне не с чем идти в поход, не с чем оборонять замок, — он поднял на меня глаза, — и нечем вам отплатить, кроме дружбы.

Я посмотрел на лорда. Оставался один момент, который следовало уточнить.

— Почему вы считаете, что она ещё не попросила подмоги?

— Попросила, — ответил лорд, подняв лежащий на подлокотнике трона свиток из тонкой кожи, — но я не столь глуп. Мои люди перехватили гонца с прощением к жрецам Великого дома и рассказом о вас. Письмо и гонца подменили, повесив прежнего. В город ушло письмо о том, что мои старший и средний сыны погибли в бою под стенами крепости, убив нон-тара Кропаса. Что мы смогли разгромить его войско. Одновременно с этим я отправил другого гонца с письмом от меня, которое просит о прощении за нечаянное убийство младшего жреца, и дабы Великий Дом не гневался, мы обещаем предоставить жертвенных дев, но просим об отсрочке. По вдове нужно ударить сейчас, пока есть время.

— Вы хотите спасти себя нашими руками? Победить врагов и откупиться пленными? — заговорила Александра.

— Я предлагаю твоему супругу, женщина, взаимовыгодное соглашение.

— В чём оно выгодное для нас? Мы и так сможем найти проход.

— Да не сможете вы пройти! — взорвался Бурбурка. — Великий Дом чует все, что творится под этим небом! Я видел, на что он способен! Он уже знает, что вы здесь, просто, он увлечён этими жертвами настолько, что даже не удосужится сообщить о вашем присутствии! Ловцы предоставлены сами себе! Жрецы судорожно ловят всех, кого только можно, и тащат на алтарь! Он безумен! Пройти мимо вы сможете, только вместе со мной или моим сыном, так как Великий Дом подтвердил его право лорда! А я помогу, только если вы поможете мне вызволить пленных крестьян. Только так, потому, что я приперт к стенке.

— Хорошая многоходовка, — произнёс Мефистофель, подняв кубок и отсалютовав им лорду. — Мне нравится. Стану владыкой этого мира, возьму нон-тара Бурбурку в администрацию.

— Что, считаешь этот мир уже своим? — с сарказмом спросил я.

— Это дело времени, — ответил Мефистофель, глотнув вина, и добавил с ехидцей. — Ну что, Посрединник, каков твой выбор?

— Иди ты к черту.

— И так предоставлен сам себе, — засмеялся бес.

Я опустил глаза. Нашей задачей было лишь узнать, что кроется за гранью Нави, по ту сторону пелены смерти и вечного посмертия, а получилось совсем все не так. Достать из-за пазухи суперволшебную палочку и отменить результаты всех наших поступков не получится. Нет такой палочки. И какой же выбор мы можем сделать? Будь все оно проклято. Выбор и есть, и его нет. Только война, хотя она тоже может вестись по-разному.

Я посмотрел на Александру.

— Я с тобой, — прошептала девушка, взяв меня под руку.

Рядом звонко стукнулась лбом в стол Ангелина.

— Какое же издевательство помогать тебе. Спасение невинных — это благородно, но ты все время норовишь сдохнуть. Я уже устала. Отпуск буду требовать. Не положено, а все равно буду требовать.

Она, не поднимая головы, повернула лицо ко мне, так что щека осталась лежать на скатерти.

— С тобой я, с тобой, куда я от тебя денусь. Я всегда с тобой.

Рядом засиял бес, наслаждающийся зрелищем ноющей Ангелины. Действительно, редкое зрелище.

— Тогда приступим, — со вздохом произнёс я. — Доедим и приступим.

Доели молча, запивая водой мясо и жареный на манер драников толчёный хвабук. Слегка сладковатый, на мой вкус, но при этом похожий на гречку. Сразу после этого служанки убрали со стола все, протерев тряпками.

— Гигиена, однако, хромает, — произнесла Ангелина, проведя пальцами по столу, потом вытерла их о бумажную салфетку, которую достала из сумки.

— Бурчишь так, словно у тебя скоро месячные, — скаля зубы, произнёс бес, — хотя, откуда они у тебя. Тебе это в комплектность, наверное, не включили. Что там в тебя по описи идёт?

— Заткнись, выродок! — вскочила Ангелина, — иначе я отправлю тебя туда, откуда ты выполз.

— Далеко до туда.

— Замолчите. Оба замолчите! — ударил я кулаком по столу.

Слуги, ходящие по залу, вокруг встали как вкопанные и испуганно уставились на чужаков. Лорд опустил свиток, который крутил в руках и тоже стал хмуро наблюдать. Такасик приподнялся и положил руку на эфес меча.

— Нон-ма Анагелла, позвольте я вызову его на поединок, — негромко произнёс он.

Фотиди замерла ненадолго, а потом подошла к юноше.

— Вы великодушны, нон-тар, но вы проиграете этот бой. Этот противник вам не по силам. Лучше встаньте вот в этот круг, что я нарисовала на полу угольком.

— Но ваша честь...

— Моя честь при мне, и не этому господину её задевать, — с усталостью в голосе произнесла Ангелина.

Она отвела юношу чуть в сторону и оставила в ровном чёрном кольце.

Я встряхнул головой, стараясь отогнать плохие мысли. На стол лёг ноутбук, так чтоб экран был виден и мне и лорду и тем, кто хочет поучаствовать в создании оружия. Мы заранее условились со всеми, и теперь Ангелина начала измерять Такасика сантиметровой лентой, диктуя мне значения.

Стажер рядом с крыльцом готовил к работе бензиновую электростанцию и генератор маго-поля, который позволит нам хоть как-то восполнить силы в условиях очень слабого магического фона планеты, да и ноутбук питать надо. Сейчас продавший душу протягивал длинные чёрные кабели с тройниками.

Он зло кидая взор на беса, взял свой ноутбук со стола и вышел. Через некоторое время весь замок вздрогнул от тяжелого рока, разлетевшегося из хранимых в Урале колонок.

Я в очередной раз вздохнул и открыл трёхмерный редактор, где начали загружаться модели доспехов.

— Странная броня, нон-тар Эгор, — начвал бурубрка пристально всматриваясь в изображение, — этот доспех, конечно, красив и непременно защитит воина от ударов и стрел, но он очень тяжёл. Такого воина должны нести, а не идти с ним в бой.

Я глянул на изображение латника и только сейчас сообразил, что показываю турнирную экипировку конного воина. Да, действительно, здесь сражаются пешими, конница у них в принципе отсутствует.

Я загрузил другой файл, где изобразился римский легионер рядом со спартанским гоплитом.

Лорд наклонился к экрану, а зеваки из числа замковой прислуги повытягивали шеи, стоя у стены зала. Всем было интересно, даже если они не понимали это колдовство. Чудные повозки, едущие сами, вместилище колдовского камня, сияющее призрачным светом, волшебные клинки, возникающие из зелёного холодного пламени, очаровывали их, и представлялись ярким пятном в их полной тягот жизни. О нас будут из уст в уста передаваться сказки, как о могучих магах, посетивших замок. Может, даже богах, кто знает.

— Позвольте, — вежливо вмешался бес, — тут сделал набросок своего видения этой проблемы. Я буду объяснять.

— Давайте, — кивнул я и немного подвинулся.

Мефистофель пощёлкал мышкой и отобразил макеты: один вариант для человека, другой под нарони. Воин представлял собой нечто среднее между тевтонцем, легионером и древнерусским витязем. В глаза сразу бросился большой немного выгнутый квадратный щит с горизонтальной прорезью на уровне лица.

Конический шлем имел небольшое забрало, а с боков и сзади на шею падала кольчужная бармица. Она же прикрывала нижнюю часть лица от скользящих ударов. Наплечники имели бортики, и состояли из трёх частей, не мешая подвижности плеча. Цельная кираса прикрывала торс, а ниже также спускался кольчужный подол с идущими внахлест металлическими пластинами размером со спичечный коробок. Имелись налокотники, наколенники, наручи, поножи, причём, учитывалась особенная анатомия ног нарони. Все детали имели сложные ребра жесткости.

— Я потом ещё больше проработаю, но на текущем этапе это оптимальный вариант. Тактика тесного пешего боя, повсеместно применяемая здесь, позволяет дифференцировать

подход к броне. Так, детали, требующиеся для защиты только от скользящих ударов, я предлагаю сделать из алюминия, сосредоточив основное усилие на верхней и передней части доспеха, таких как кираса, наплечники и шлем.

— А где вы алюминий возьмёте? Я тут не вижу алюминиевый завод.

— Глина. Обычная глина почти на треть состоит из соединений алюминия. Скатерть способна его извлечь и смоделировать то, что нужно.

— Ну, хорошо, — кивнул я, решив потом разобраться с химией глины, скальных пород и прочего окружения замка.

— Для лордов можно сделать различные декоративные рельефы, гравировку, напыление. Это совершенно несложно.

Я замолчал, прислушиваясь к урчащей электростанции и тяжелой музыке.

Сзади, тихо ступая, подошла девчушка, я сначала думал, что это Ольга, но лесавка умчалась исследовать замковую кухню, и это оказалась самая младшая дочь лорда юная Имиринка. Ей было на вид двенадцать, даже моложе чем Ольга. Она осторожно вытянулась за спиной в Александры и заглядывала большими голубыми глазами в свет монитора, наверное, даже позабыв дышать.

— Иди к себе, — тихо произнёс Бурбурка, глянув на дочь.

— Пусть остаётся, она не мешает, — попросил я.

— Не женское это дело с оружием возиться. Предки запрещают.

— А я? — с усмешкой спросила Ангелина, — А нон-ма Белла?

— Буду прям. Вы не из нашего народа, вам простительно.

Я глянул на Александру, которая занималась маскировкой наших аур. Она почувствовала мой взгляд и пожала плечами.

— Я лорд, — произнёс Бурбурка, интуитивно поняв недосказанность между нами. — Великим Домом мне дано больше чем обычным людям. Я имею право и возможность обращать нарони-женщин в мужчин и наоборот, против их воли. Могу чувствовать предрасположенность нимф к тому, кем им лучше быть. Имею право приказывать людям, чувствую правду и ложь. И я сразу почувствовал в вас чужаков, ещё там, когда вы вышли к стенам. Иначе бы я не позволил сыну сюсюкаться с нон-ма Анагеллой, несмотря на её явно благородное происхождение. Не позволил бы вам и другого. Но вы не из наших краев, на вас запреты предков не действуют, а значит это только моё решение. И все в замке знали сразу — вы волшебный народ, пришедший в лихую пору, дабы помочь нам с невзгодами. Я так повелел сказать. Надеюсь, я не ошибся.

— Тоже надеюсь, — негромко бросил я своё слово.

— Многовато сильных решений за такое малое время, — пробурчал бес, чем-то недовольный. — Не возьму в администрацию.

— Нон-тар Такасик, вы готовы? — спросил я у стоящего в нарисованном кругу юноши, которого паж успел снарядить в стёганную одежду, называемую поддоспешником. Она призвана была амортизировать удары и предотвращать контакт с голым железом.

Юноша кивнул. Я сосредоточился и активировал заклинание. Такасик сразу вспыхнул ярким зелёным пламенем, совсем как тогда, при создании ножа. Народ ахнул, а рыцарь поднял по очереди руки, рассматривая, как на них возникают части доспеха.

Забавная вещь, вот только мне было не до веселья, так как от стража на смартфон пришел пакет информации. Погоня уже здесь и надо спешить. В файле перечислялся изначальный состав сил преследования, потери и направление их движения после этого.

****

Координатор Погони ощупывал своим естеством этот мир. Новый мир, неизведанный. Сразу пришло знание: он правильно вышел на след. Но их ждала ловушка. Две емкости, превращенные в колдовские бомбы, сработали в тот момент, когда из прохода вышли все. Бомбы были прямо под ногами у боевых единиц. Они рванули так, что в леднике образовалась воронка шириной восемь метров и глубиной метр. К тому же со всех сторон брызнуло рубленное серебро, добивая тех, кто не был уничтожен энергетическим всплеском и взрывной волной.

Из полусотни единиц, прошедших портал, осталось лишь семнадцать. Из четырех кластеров скрытого действия уцелел лишь один. Все ищейки погибли, чувствительные к белесому металлу. Сам Координатор уцелел, но до сих пор был оглушен. К тому же восприятию окружения мешали странные помехи. Люди сказали бы: 'Дикая боль, пронизывающая весь этот мир'. И все же, он учуял след.

ГЛАВА 29. БОЛЬ

-- Егор Соснов — Тик —

Доспехи переделывали шесть раз, прежде чем добились нормального результата. Такастик стойко выносил тяготы и лишения роли манекена. После каждой переработки гоняли юношу вокруг замка, а потом заставляли биться палками разной длины, имитируя поединок. В результате экипировка обзавелась такими дикими для средневековья модификациями, как стальная кольчуга, покрытая 'глиняным серебром', как прозвали алюминий местные жители. Не закрытая наплечниками и кирасой кольчуга покрылась алюминиевыми пластинками размером со спичечный коробок, идущими внахлест, как чешуя рыбы. Поножи тоже сделали из этого металла. Естественно, алюминий был не чистый, а с добавками, что приближало его к авиационному. А вот наплечники и панцирь оказалось бессмысленно делать из чего-то, кроме стали, так как тяжёлый меч или топор легко разрубал серебристый металл, притом что в гибкой кольчуге лезвие теряло часть своей энергии. Да и от случайной стрелы алюминиевые пластинки неплохо защищали. Естественно, делали их куда толще пивной банки.

Щит утвердили с первого раза, лишь немного сгладив края. Для пешего воина он был первостепенной защитой.

Все, кто мог, присоединились к обсуждению оружия, каким должно оно быть, каким нет. Лорд периодически бросал короткие замечания, Такастик с сияющим лицом бегал по двору в броне, стоимость которого по местным меркам приближалась к стоимости самого замка вместе с крестьянами и слугами. Больше всех бил себя кулаком в грудь пожилой начальник стражи, непрерывно приводя в пример истории из своей жизни, в которых обсуждался тот или иной клинок. Бес тоже не отстаивал, наслаждаясь своим обожаемым средневековьем.

— Копье хорошее, — голосил начальник стражи, — а вот меч слишком короткий. Им только из-за щита сподручно биться. Колешь, и всё.

— Уважаемый, — парировал бес, — это проверено опытом, долгим временем, тысячами боёв. Гладиус оптимален в толпе и в узких коридорах.

— Вот именно, в толпе, а ежели один на один, тогда он должен хотя бы на два локтя быть.

— Но воин должен действовать в строю, а не бегать за одиночками.

— Не знаю ничего. Длинный меч лучше всего.

— Хорошо, — вздохнул бес, — идём на компромисс. Делаем два меча разной длины каждому.

— Ну, если так, то можно. А ещё три ножа и топор.

— Это слишком тяжело будет.

— Зато безопасно. В походе все на ишака грузится, кроме самого необходимого. Воин либо налегке, либо вполовину меньше тащит...

Они спорили долго, а я же занялся колдовской частью экипировки. Пришлось достать один комплект пехотинца, выданный нам в дорогу, но не для разбора самой защиты и снаряжения, а ради заклинаний, наложенных на них. Времени я потратил много, зато освоил индивидуальный силовой щит, который прикрепил к обычному. Теперь можно быть

уверенным, что даже пущенная в упор стрела не пробьёт доспехи. Удалось совладать и с персональной аптечкой, как называли комплекс целебных заклинаний, но этим занималась берегиня, так как это изначально была их разработка.

Спор новообразованного кружка инженеров-конструкторов перешёл в другую плоскость. Они стали обсуждать декор. И если бес настаивал на минимализме, подчинённому функционалу, то начальник стражи с молчаливого одобрения лорда расписывал золочёную или медную кайму на воронёном доспехе, рельефные изображения герба рода, и всякие вычурные излишества, вплоть до гравюр.

Бес долго упорствовал, но потом согласился, сославшись на то, что для каждого сделают свой экземпляр, а там жизнь покажет.

Пока они разглагольствовали, зашедший в зал стажер вбивал в компьютер чертежи винтовки, убив больше всего времени на затвор и магазин. Каждую деталь приходилось делать отдельно и максимально точно. Жаль, что обычные автоматы так не получится, никто из нас не сможет их полностью воспроизвести. Но винтовка тоже неплохо. Жаль, что формулы пороха нет, а то ещё бы и примитивные пушки с гранатами сделали. Гранаты придётся делать чисто магические, но в условиях ограничения энергопотока, много не наклепаешь. И так все уйдёт на зарядку щитов и аптечек. Жаль, что малые идолы земных божеств были здесь совершенно бесполезны, я бы размахнулся со всей фантазией, но нет богов, нет и пользы от идолов.

Мои размышления прервал возглас Бурбурки.

— Имиринка!

Все говорившие резко замолчали, уставившись на лорда. А тот медленно встал со своего места, став совершенно серым с лица. Взгляд был направлен на младшую дочь, которая замерла у самого края стола с тонким стилетом в руках.

— Имиринка, — лорд больше не повышал тон, но голос его дрожал, — ты же знаешь запреты предков. Людским и нарони женщинам и человеческим несовершеннолетним детям, нимфам нарони и недородкам запрещено прикасаться к оружию.

— Я тоже хочу, — ответила побледневшая девочка, прижав кинжал к груди.

— Стать воином? Не для этого я тебя готовлю.

— Я тоже... я хочу отомстить за братьев, — совсем севшим голосом ответила юная леди.

— Имиринка, ну пойми, нельзя так относиться к заветам предков. Не просто так они существуют, — произнёс Бурбурка, а потом добавил: — Стража!

Два воина неспешно подошли к девочке и осторожно взяли под руки, а потом повели её понурюю куда-то на улицу.

Я встал с места и подошёл к лорду.

— Нон-тар, вы сами сказали, что я чужой, разъясните мне, что случилось.

— Она нарушила запрет, — начал отвечать феодал, делая жест рукой, словно делит кусок пирога ребром ладони, — оружия могут касаться только мужчины, пряжи — только женщины. Ослушавшихся ждёт суровое наказание.

— Я надеюсь, не смертная казнь.

— Да отведут меня предки от такого греха. Я всего лишь выпорю её прилюдно, она всё-таки не рабыня. Я даже нарони просто так не повешаю. Пойдёмте. Слугам и крестьянам уже объявили.

— Может, простите её, — с надеждой спросил я.

— Вы говорили о бунте, я потому и не боюсь его, что закон един для всех сословий. И предки завещали, чтоб всем было свое место. Мужчина обязан защищать род, держа оружие в руках, и готовый пасть за близких и за лорда. Женщина должна рожать детей и заботиться о жилище. Я владетель сих земель, и я обязан соблюдать закон. Не могу я поступить иначе.

— Разве у них нет никакого выбора, — спросил я, — неужели они бессовестный и бесправный скот?

— Женщины-люди могут отказаться от своих привилегий, став никем. Тогда они могут бить воинами, но никогда не станут матерями. Так повелели предки. У нарони же есть право измениться, но всему должен быть порядок. Есть пора свадеб. После неё наступает пора выбора, когда мужчина может стать женщиной, а женщина мужчиной. Особенно из тех, кто не нашел пару, или не захотел искать из числа противоположного пола. Они проходят ряд испытаний, доказывая, что готовы к превращению. Потом они долго меняют пол, так чтоб к следующей поре свадеб быть готовыми вступить в брак. Это должно быть так. Так завещали предки. Для этого есть четкий свод правил, единый для людей и нарони. И есть запреты! И я не допущу, что Имиринка стала изгоем. Она будущая мать лорда, будущая жена лорда! Она тот, кого будет слушать и любить весь замок и крестьяне! И она нарушила запрет! — подвел итог лорд, тяжело дыша, — Пойдёмте. Не хочу надолго растягивать это позорище.

Лорд, скрипнул своим тронem, когда оттолкнулся от него руками, и направился к выходу.

— Отвратительный обычай, пороть детей, — произнесла Ангелина, подняв, а потом бросив на стол один из ножичков, что в изобилии валялись на струганных досках.

— Ты пойдёшь? — спросил я у Александры, которая сидела все это время почти молча, лишь изредка комментируя своё видение событий.

— И ты будешь это смотреть? Как шоу? — ответила она вопросом на вопрос, удручённо сгорбившись.

— Остаться здесь и сделать вид, что это тебя не касается ещё хуже. Так хотя бы можно показать девочке своё сострадание, желательнее искреннее. Да, это дикий обычай, но здесь мы ничего не изменим. Если мы помешаем, девушку может порвать разъяренная толпа. Её могут обвинить во всех грехах. Вспомни охоту на ведьм в нашей средневековой Европе, когда сжигали всех, что даже рожать некому было. Восприми присутствие на наказании как комментарий с соболезнаванием чьему-то горю в соцсети. Там тоже есть выбор, который может сделать каждый. Можно специально не заметить, можно посмеяться над чужим горем, как делают некоторые выродки, а можно тихо шепнуть, мы с тобой. Это не решить проблему, но поддержит человека, настроив его на то, чтоб самому справиться с горем. Выбор маленький, но очень важный для человеческой души.

Я подал Белле руку, и она встала со своего места, молча последовав за мной.

— Позову всех, — вздохнула нам вслед Ангелина.

— На это следует взглянуть, — протянул бес, что-то пару раз указав стажеру на чертеже.

— Тебя тоже зацепила речь Егора? — спросила Фотиди, взявшись за перила лестницы.

— Нет, что ты, для меня и люди, и нарони — всего лишь материал, как ты соизволила недавно выразиться. Пойду, посмотрю, как тут полируют духовные кирпичики. Народное творчество, однако.

— Чурбан бездушный.

— Я хотя бы не притворяюсь, — парировал бес, — как некоторые люди с ножами за

спиной. Сначала посочувствуют, а потом ударят побольнее. Я такого вдоль на Земле не посмотрелся, как в Яви, так и в Нави.

— Для тебя Явь и Навь — это все Земля? — спросил я у Мефистофеля, когда мы вышли на площадь, где уже поставили какие-то деревянные помосты со столбом посередине.

— Да. Это единый комплекс миров, который принято называть Землёй, хотя правило распространяется на Солнечную систему в целом. Космонавты тоже через нашу Навь проходят, а не через Чистилище зелёных человечков.

Мы встали у самого помоста, где к нам присоединились Ангелина, Света, Оксана Береста и Оляха. В общем, все моё бабье царство и домовый в дополнение к ним. Я даже жалел, что Николая не пустили с нами.

Наконец, из какой-то боковой постройки стражник вывел пониющую Имиринку. Он подвёл её к столбу, и сам встал рядом, поглядывая на то сооружение. Вскоре оттуда вышел и Бурбурка, неся в руке хлыст. Лорд тоже взошёл на помост, сопровождаемый гробовым молчанием и взглядами присутствующих.

— Раздевайся, — буркнул он.

Девочка ватными руками поддела простенькое серое платье, больше похожее на ночную рубашку, которое теперь на ней было взамен ярко-синего, расшитого бисером. Под платьем было только худенькое голое тельце с едва начавшей оформляться грудью. Чем ближе предстояла экзекуция, тем более вялыми становились её движения. По щекам потекли слезы.

— Привяжи, — выдавил из себя Бурбурка, и стражник накинул на запястья девочки верёвку, а следом задрал руки вверх и прикрепил путы к железному кольцу, торчащему из столба.

— Отойди, — приказал лорд, когда стражник закончил привязывать Имиринку, а потом начал речь, обращаясь к толпе: — Я не буду повторяться, за что её наказываю, но знайте, что законы предков едины для всех нарони наших земель. Они предписывают: бить плетями не меньше десяти раз.

Сказав так, он повернулся, закусил губу, а потом ударил плетью по голой спине, оставив ярко-красную полосу. Девочка дёрнулась и истошно закричала. В толпе послышались причитания. Стоящая рядом Света резко отвернулась, все остальные морщились, словно били их, а не ребёнка.

— Жаль, что я не могу закрыть глаза, — произнесла Александра, с силой стиснув мою руку.

— Тоже не могу закрыть, не получается, — ответил ей я.

Десять ударов плетью. Это очень много, это очень долго, это очень больно. Когда просвистел последний удар, девочку отвязали и осторожно помогли сесть на доски. Она захлёбывалась плачем и вздрагивала от каждого движения. Подбежала служанка с ведёрком, и стала протирать спину чистой мокрой тряпкой. А народ все стоял, едва слышно перешёптываясь и вытягивая шеи.

На помост зашла Береста, и присев рядом, начал водить ладонью над следами ударов.

— Тихо, тихо, не плачь, — заговорила она. — Я волшебница, и я умею снимать боль. Сейчас она утихнет. Сейчас она пройдёт, а потом и все остальное заживёт. Тихо.

Она шептала ласково и вкрадливо, успокаивая девочку, которая сгорбившись сидела на досках, и ткнувшись берегине лицом в колени. Я вздохнул, а потом повернулся. В толпе начал подниматься шум. Слуги и крестьяне начали расступаться вокруг какой-то женщины-нарони. Ту всё трясло. Огромные глаза с расширенными до невозможного зрачками

блестели безумием. Женщина неровной походкой пошла к помосту.

— Больно. Больно. Больно, — повторяла она.

Через пару шагов она бросилась к столбу, споткнулась, проползла несколько метров, скребя ногтями булыжники, а поднявшись, вбежала на помост, где вцепилась в Бересту.

— Больно. Больно. Больно! — надрывно орала она на всю площадь, перекрикивая загалдевшую толпу.

Я попытался её отцепить, но невидимый удар, к которому я не был готов, откинул меня на несколько шагов с помоста на камни. Меня, подбежавшего лорда, стражника и служанку с водой. От удара перехватило дыхание, словно он попал в солнечное сплетение. Насколько я понял, служанка при падении с полутораметровой высоты сломала себе руку.

— Больно! — в последний раз закричала женщина, выгнувшись дугой, прежде чем её вопль перешёл в нечто протяжное и нечленораздельное. Её словно варили заживо, или сжигали. У меня волосы дыбом встали от такого зрелища.

Светлана рухнула на землю, потеряв сознание. Александра обхватила ладонями голову, присев на корточки. А потом все резко прекратилось. Женщина мешком упала на доски, уставившись в пустоту мёртвыми глазами.

Наконец, я собрался с силами и шатаясь подошёл ближе.

— Что это было? — спросил я у державшегося за правый бок Бурбурки.

— Это Великий Дом забрал свою жертву. Ему показалось мало той боли, что я причинил дочери.

****

Координатор остановил свое движение про бескрайней белой пустоши, освещаемой только зарницей оставшегося за горизонтом солнца. Координатор получил понимание, что след был ложный. Долгий путь, проделанный по бесконечным льдам, оказался пройден впустую. Люди перехитрили его, воспользовавшись помехами боли этого мира, они прикрепили копии своих аур к пустышкам, которые жужжа петляли на границе восприятия. Пришло понимание необходимости возвращения к точке выхода и поиска правильного следа.

Координатор был в крайнем негативе, направленном на этих особей. Люди бы прокричали бы: 'Ненавижу!' Он бы прокричал это сильнее чем обычно.

ГЛАВА 30. ПОЛОВИНА ДУШИ ЧЕЛОВЕКА

-- Егор Соснов — Тик —

Мосинку сделали через четыре часа после того инцидента с дочерью лорда и жертвой местного божества. Сразу изготовили пробный экземпляр и раскрыли оцинкованные упаковки с боеприпасами, которые хранились в Урале. Показательные испытания решили провести снаружи замковых стен. Каменная кладка с приставленной к ней разборной деревянной конструкцией, на котором наказывали Имринку для этого хорошо подходила. Досчатый помост сейчас был положен боком на манер огромной мишени с нарисованными углем фигурами. Так как в условиях местных реалий рыцарь не мог стрелять лёжа, то внесли изменения в конструкцию щита, добавив ему небольшую выемку сверху, куда можно было положить ствол винтовки как на опору. А также добавили дополнительный ремешок, позволяющий стрелку одновременно придерживать и сам щит и цевье винтовки.

Я вставил пальцами по очереди пять патронов в магазин винтовки, а затем закрыл затвор, дослав при этом первый патрон в канал ствола. Перед глазами до сих пор стояла сцена с избитой девочкой и мёртвой женщиной-нарони. До сих пор слышно эхо их криков. Стоило усилий повернуть голову к стоявшим сейчас рядом воинам и тем нарони, которых избрали для пробного обучения. Лорд наблюдал немного в стороне, зато Такасик чуть ли не под руку лез, даже пришлось повисить на него голос, чтоб не мешал.

Дико было проводить занятие по стрельбе с теми, кто до этого огнестрельное оружие никогда не видел, и не слышал о нём ничего. Значит, никакой теории, только практика, а остальное пусть останется на совести колдовских сил чужих чародеев.

— Я сейчас зарядил винтовку патронами. Можно стрелять.

— А где у неё ворот или рычаг, чтоб натягивать пружину? — спросил начальник стражи, скептически рассматривая мои действия. Этот старый вояка постоянно пытался показать, что он умнее других. Это напрягало.

Вместо ответа я упёр приклад в плечо и плавно нажал на спусковой крючок. Громыкнул выстрел, от которого все воины вздрогнули. В воздухе повис специфический запах пороховых газов. В ушах слегка зазвенело.

— Всё. Нарисованный враг убит, — произнёс я, повернув затвор и отведя назад.

На траву упала стреляная гильза, а я вернул затвор в переднее положение, загнав новый патрон в ствол.

— Соберу, потом буду упражняться, — произнёс все тот же начальник стражи, поднимая гильзу с земли.

— Её второй раз нельзя использовать. Можно выкинуть либо применить как-то по-другому. Но не стрелять.

— Эдак все можно потратить и биться нечем будет, — проворчал стражник, которого так и подмывало назвать пенсионером.

— Если не будете попусту расстреливать, то вам хватит того количества, что мы дадим на десяток цветений хвабука, а там уже и Мефистофель вам дарить начнёт.

— Это хорошо.

Я ухмыльнулся и протянул винтовку Такасику. Юный рыцарь сразу приложил её к плечу.

— Сильнее прижимай, а то ударит, — начал я показывать, пояснять и поправлять, — Нет, левую руку вот сюда, это цевьё. А правую сюда, это шейка приклада. Палец на этот крючок, он называется спусковым. Теперь подними винтовку так, чтоб железный стемпель, называемый стволом, смотрел в сторону мишени. Теперь посмотри поперёк ствола так, чтоб разрез на этом железной щепке, называемом прицельной планкой, совпал с той точкой. Это мушка. Тогда попадёшь. Сделал? Теперь плавно нажимай пальцем на спусковой крючок.

Понятие плавности Такасик явно не освоил, дёрнув очень резко. Отдача слегка качнула юношу, когда он выстрелил. Но с десяти шагов не попасть умудрится только безрукий инвалид, поэтому на доске появилось ровненькое круглое отверстие с тёмными краями.

— Великие предки! — воодушевлённо сверкая глазами, вскрикнул Такасик.

Оружие всегда оказывает на мужчин действие сродни чарам. Притягивает и не отпускает, заставляет восхищаться и благоговеть. И чем лучше оружие, тем сильнее это колдовство. Он положил ружье на кусок ткани, расстеленный на утоптанной земле, и побежал осматривать точку попадания.

— Насквозь! И даже на стене выбоина как от кайла! Великие предки!

Рыцарь с хохотом схватил винтовку и, снова прицелившись, нажал на спусковой крючок. Естественно, ничего не произошло. Он с вопросом посмотрел на меня.

— Перезарядить надо, — произнёс я.

— Как?

— Видишь стемпель с кругляком на навершии. Это рукоятка затвора. Подними её вверх правой рукой, а потом потяни на себя. Видишь выскочила пустая гильза, и показались целые патроны? Теперь затвор вперёд наверх и поверни рукояткой вниз. Все. Теперь стреляй.

Такасик с тихим лязгом выполнил эти действия, вскинул винтовку и снова выстрелил.

— Так просто! Теперь я сам.

Он снова начал весь цикл.

— Столько новых слов, — произнёс лорд Бурбурка, — Винтовка, затвор, цевьё. Это же на вашем языке?

— Да, нон-тар, на нашем. И слов со временем станет ещё больше. Особенно, когда к вам попадут вещи посложнее, чем это оружие.

— А какое самое сильное оружие у вас? — спросил лорд, подняв на уровень лица тот самый стилет, из-за которого выпорол Имиринку.

— Разное. Скажу только, что примени его здесь, от замка ничего не останется, только большая яма и выжженная земля вокруг неё.

— Страшные у вас войны. Ты даже не успел увидеть врага, а он тебя уже убил.

Я тяжело вздохнул.

— Вы правы, нон-тар Вы совершенно правы.

— Зачем тогда воюют?

Я ещё раз вздохнул, порылся в памяти и начал читать стих. Конечно, он в вольном переводе на язык сель звучал больше как проза, но, все же, смысл вполне понятен.

Тени древних скачут во мраке.

Души отцов пойдут с нами в бой.

Солдаты готовят оружие к драке,

Что б больше крови пролить за собой.

Какой-то счастливец спит безмятежно.
Кто-то богов молит, кто-то молчит,
Кто-то шутки бросает небрежно,
Кто-то на глупость чью-то ворчит.

Штурм будет утром на самом рассвете,
Когда солнце окрасит все красным кораллом
Когда враг попадётся в хитрые сети,
Сплетённые мудрым отцом-генералом.

Он и сейчас, глаза не смыкая,
Над картой склонив седую главу,
Фишки резные пальцем смещает,
Решая своих легионов судьбу.

И вот оно утро. Солнце как кровь.
Солдаты строят ряды пред атакой.
И к жизни вдруг закипает любовь,
Словно это последняя самая драка.

На фоне неба могучей скалой
Вздываются тёмные крепкие стены,
Окружённые мутной от тины водой.
И стен не колеблют времён перемены.

Проклятою вечностью стало мгновенье
Когда в тишине слышны крики врагов.
И падают в душу крупницы сомненья,
Грызут изнутри, словно стая волков.

И вот он сигнал перехода в атаку.
Три стрелы горящих — три ярких звезды.
В зловещей тиши завывли собаки,
Да кони, заржав, закусил узды.

Хриплым криком отдали команду легаты.
Десять тысяч сапог первый сделали шаг,
Когда в атаку помчались солдаты.
И будет повержен на землю наш враг

Потом все смешалось в кровавую кашу.
Лязг алебард, свист кованых стрел,
Что жизнь оборвали чужую и нашу.
До наших раздоров им нет теперь дел.

И вот они стены — закрыли полнеба,
И с грохотом в стену ударил таран.
Теперь страха нет — ты жаждешь победы,
Глаза закрывая на множество ран.

Врата заскрипели и рухнули разом,
Открыв перед войском большую прореху.
И все что творится, схвачено взглядом.
И выбраны цели мечам на потеху.

...Этот яростный бой был решён изначально.
Втоптаны в грязь неприятеля стяги.
И ветер, стеною и воя печально,
Разносит над миром песню отваге.

Живые получают богатство и славу
И будут искать себе новых врагов.
А тем, кто принял смерти отраву,
Награда лишь горькие слезы да рёв.

С первого мига в начале времён
Так было, так есть и так будет вовеки,
У разных народов и разных племён,
Ведь война — половина души человека!

Со стороны слышались хлопки и голос Мефистофеля.

— Bravo. Bravo. Сам сочинил?

Я кивнул.

— Замечательное описание рода людского, несмотря на некоторые огрехи. Война половины души человека, — продолжил бес.

— И мы принесли это в сей мир, — горько усмехнулся я, глянув на винтовку.

— Принесли первые. Уходило семнадцать, друг мой. А дошли первые мы.

Бес стоял и смотрел, прищутив глаза, на Такасика, пытающегося снарядить магазин винтовки. А я замер.

— Семнадцать? — наконец, выдавил я.

— Да, — легко ответил Мефистофель, играя роль аристократа на беззаботной прогулке. — Мало кто знает. Я знаю. Даже Булычёв не знал. Когда Маре привели невесть откуда взявшиеся души, она тут же снарядила экспедицию. Несколько бесов должны были глянуть и сразу уйти. Они не вернулись развеявшись. Назад пришли только обрывки образов. Мара снарядила целый экспедиционный корпус. Семьдесят бесов, почти пять сотен проклятых, таких как Сорокин. Это страшная сила. Но они ушли и пришли ни с чем. Два раза они ходили в мир, оказавшийся выжженным и стерильным. Мара ради эксперимента взяла человеческих наёмников и отправила их. И снова они обшарили лишь голые камни. Морок мира. Мара ещё несколько раз собирала разные экспедиции, и все впустую, но ведь души пришли из другого нормального мира, значит, он есть и, возможно, не один. Ей в итоге

пришлось звать других богов, чтоб решить задачу. Она предоставила им сведения, дабы объединить усилия. Но чтобы отправить ещё одну экспедицию, пришлось подбирать её состав. Так выбор пал на вас. Вы избранные. Особые.

— Нас отправляли наугад.

— Не совсем. Нащупали некую нить, тянущую из Нави в другие миры. Она есть не у всех, далеко не у всех, и только у магов. Несколько человек из предыдущих экспедиций имели такие нити в своей душе. Двое уши. Один, правда, почти сразу погиб, принеся образы густых лесов, диких зверей и разорванную в клочья Луну, чьи обломки кружатся кольцом по небу. Другая ещё была жива на момент нашего убийства. Мара ждёт её возвращения, хотя бы клочков души.

— У нас есть шанс вернуться?

— А ты думаешь, я бы пошёл с вами, не будь стопроцентной вероятности на возвращение? Технологию возврата отработали, осталось только с маяками разобраться.

— Почему нам этого не сказали сразу?

— Нельзя. Это могло бы нарушить нить. Такое уже было. Все, вот он человек, вот нить, но стоит рассказать о выжженной земле, как туда и приводило. Это как в квантовой физике, когда экспериментатор влияет на результат измерения. Нельзя было рассказывать.

— А почему ты сейчас рассказываешь?

— А зачем молчать? Мы нашли этот мир. Он тоже неплох. Теперь вам нужно просто вернуться. Дорожка протоптана. Можно строить портал.

****

Координатор завис в воздухе, шевеля черными лепестками и сверкая фиолетовыми искрами внутри трех десятков похожих на огромные икринки единиц разума. Недалеко от него было сооружение, похожее на то, что делали люди. Но там жили не только люди. Это он уже понял.

Мясник стоял перед Координатором и держал в руке голубоватую икринку, извлеченную из нарони, чей обезглавленный труп сейчас валялся на окровавленных камнях. Икринка судорожно подрагивала, когда поток своей силой давил волю капсулированной души, и вытягивая из неё знания.

Знания гласили: объекты погони были здесь. Знания требовали: 'Их нужно найти! Нужно выследить! Нужно убить!' Знания вносили сомнение: 'Но меня слишком мало, а они сильны. Нужно подгадать момент! Не выдать себя'.

Координатор перевел свое внимание на еще одного местного, что рыдал и трясся, стоя на коленях. Координатор сфокусировал свою волю на этом местном. Худенькое тельце выгнулось, и Нимфа-нарони подавилась беззвучным криком. Оно забыло, как дышать, забыло, как двигаться, забыло всё. Для него теперь были только Координатор его воля. А когда Координатор ослабил хватку, и нимфа выпрямилась, неподвижно замерев в ожидании приказов.

'Идти по следу', - дал знание действий Поток: 'А я буду готовиться к бою. Буду набирать армию'.

ГЛАВА 31. ДРУГОЙ ЯЗЫК, ДРУГИЕ ОБЫЧАИ

-- Егор Соснов — Тик —

Я шёл вокруг замка, уставший от всех этих недомолвок, всех этих бесов, рыцарей и прочего. Хочется побыть одному, даже эмиссары зла и их незримое присутствие, висящее домокловым мечом, надоели до тошноты. Я шёл, бросая телекинезом гальку в прозрачную воду рва. Они просто срывались с места и ныряли в такт движениям моих пальцев. Со стороны могло показаться, что я двигал костяшки невидимых счёт. Раз, и камушек с лёгким всплеском поднял кольцо из ряби. Два, и за ним последовал другой, отмеряя напряжение моих усталых нервов.

У замковых ворот Сорокин, не слушая возмущенные крики Ангелины, разрисовывал кабину Урала, собрав большую толпу детишек вокруг себя. Явно обладая талантом художника он уже вычертил контуры картины, на которой могучий воин в полной экипировке стоял над поверженным чудовищем, в котором угадывался бес в облике ящера. Это был его молчаливый протест. Его беззвучный крик боли, который невозможно было заткнуть даже приказом купившего душу беса.

Оксана и Света сидели рядом с грузовиком на траве. Навья тыкала пальцем и давала ценные указания, больше смахивающие на пошлые шутки, а вампирша молча глядела на юношу влюбленным взглядом.

Я шёл, а метрах в ста от стены крестьяне-нарони доделывали свои дома. Сгоревшие перекрытия заменяли на новые бревна и жерди, которые сматывали лыком между собой. Подкопчённую пожарищем, но целую черепицу укладывали снова на крышу, чередуя со светлой новой. Её делали прямо тут, разводя глину, очищенную от крупных камней, вылепливая большие чешуйки и обжигая их после просушки вперемешку с примитивной посудой в глиняной же печи. Работали все, и мужчины и женщины и дети. Нимфы таскали хворост, и месили глину, старики лепили и обжигали. Женщины пряли. Я вспомнил про запрет мужчин касаться пряжи, неужели и их тоже наказывают плетью? Не знаю. Чужой мир, чужой народ, чужие обычаи. Кто я такой, чтоб вмешиваться в их традиции?

Я двинул пальцем, и очередной камушек выскочил из-под ног и плюхнулся в воду, а потом ноги сами собой понесли меня в деревушку. По невысокой траве, в которой паслись странные козели, похожие на безрогих овец со все тем же хоботком на морде, что и местные ишаки. Создания размером со среднюю собаку равнодушно провожали меня взглядом, не переставая жевать. Они смешно басовито покрякивали, словно утки-великаны. В отличие от них, нарони-нимфа, пасшая животных, следила за мной исподлобья. Следил? Следила? Сложно передать это русскими правилами орфографии. Говорят, суть народа заключается в его языке. Тогда мы никогда не поймём нарони. У нас три рода, а у них пять. Мужской, женский, средний, неопределённый и неживой. Да. Нарони-тар — мужчина. Нарони-ма — женщина. Нарони-ли — нимфа. Просто нарони применяется как аналог 'какой-то незнакомый' или же во множественном числе, где группа смешанная, несколько разных нарони. Нарони-то — мертвец. Мертвец не имеет пола, он уже не женщина или мужчина, он никто. Кааль — дерево, кааль-тар — дерево предков, священный символ, кааль-ма — плодоносящее дерево, кааль-ли — побег, не начавший ещё цвести, много разных кааль, кааль-са — лес, кааль-то — пиломатериал, бревно. Оно уже мертво. Парра-ма — дом, живой

дом, где поют песни, готовят еду, воспитывают детей, а есть дом брошенный, парра-то.

Люди, или сель на местном наречии, имеющие ту же речь что и нарони, называли сель-ли еще нерождённых детей, пол которых само собой разумеется пока неизвестен. Чужой язык, чужие обычаи.

Я осторожно ступил на площадку перед домами. Сразу попрятались дети, озорно выглядывая из щелей двери и из-за углов домов. Все замерли, и лишь только один старый гончар с кряхтением встал со своего места и, опираясь на палку, поковылял ко мне.

— Здравствуй, гость дорогой, — проговорил он, с натугой склонив большую спину, — чем мы можем тебе услужить?

— Я просто решил посмотреть. Я не буду мешать.

— Как может высший мешать младшему? — ответил старик.

— Тогда, мне просто любопытна ваша жизнь.

Старик ещё раз склонил голову, а потом повернулся к спрятавшимся детям.

— А ну живо таскать, месить, бездельники. Колдуна они испугались, я, что ли, буду это делать?

Детишки, одетые лишь в накидки, опускающиеся с плеч чуть ниже пояса, неуверенно стали подходить к большой яме и начали топтаться в разбавленной там глине, сначала робко посматривая на меня. Но вскоре стеснение и страх прошли, и нимфы стали толкаться и громко кричать. Кому-то намазали лицо, что вызвало бурный взрыв хохота. Я улыбнулся, завидуя этому простому счастью.

Старик вернулся на место и завёл протяжную песню, умело перебирая трёхпальными ладонями податливую массу. Он лепил горшок. Обычный такой, на литр, может, чуть больше. Гончарного круга у него не имелось и можно только позавидовать тому мастерству, с какой точность горшок получался. Старик пел о своём детстве, и что он тоже когда-то прыгал по глине, а ныне совсем дряхлый стал и скоро умрёт, но ему не грустно, ибо у него шесть по шесть внуков и правнуков, которые продолжают лепить из глины горшки и черепицу, выращивать хвабук и разводить козелей.

Я подсел рядом с ним.

— Можно попробовать?

— Зачем высшему спрашивать разрешения? — хитро прищурившись, спросил старик.

— Дай, — с улыбкой произнёс я этот на языке сель, но не в форме приказа, а просьбы. Речь, доставшаяся мне при помощи спицы бесов, начала проникать в меня осознано, и это привнесло глубину в этот мир.

Старик подвинулся и положил на большой плоский камень кусок глины, подходящий по консистенции для лепки. Я не стал прикасаться к ней, а лишь провёл над камнем рукой. Кусок взмыл в воздух и стал вращаться, быстро набирая обороты. От такого зрелища нимфы замерли, и подскочили поближе, шумно перебивая друг друга, и указывая пальцем на это маленькое чудо. Колдовство заставило глину менять форму, превратив в широкий блин. Потом у этого диска начали изгибаться края, поднимаясь и стягиваясь к середине. Масса вращалась, превращаясь из риик-са, бесформенной глины, в риик-ма, кувшин. Почему-то у них кувшины, горшки и прочая утварь женского рода. Зато черепица зовётся риик-тар, видимо, потому, что в горшке родится еда, а черепица защищает дом. Чужие слова, чужие обычаи.

— У тебя хорошо получается, господин, — произнёс старик со свойственной только людям в возрасте манерой говорить даже о чуде, словно оно обыденно.

Я остановил вращение и опустил кувшин на ладони, с удовольствием испачкав руки в сырой плотной глине.

— Нон-тар Эгор! — раздалось со стороны.

Я повернул голову на звонкий голос. Ко мне бежал паж.

— Нон-тар Эгор, вас нон-тар Бурбурка зовёт.

— Зачем?

— Не знаю господин. Но он созывает всех ваших помощников. И воины уже там. Наверное, в поход собрались.

— Какой, к черту поход? Они что, совсем сдурели? Ничего не готово же ещё.

— Господин, я не знаю, — пожал плечами паж, — но они уже грузят вещи.

Я осторожно отдал сделанный мной кувшин старику и встал с земли. Отряхнув одежду, я направился в замок. Глинобитные домики с черепичной крышей остались позади. А впереди был не замок, а очередная война.

— Господин, — услышал я вкрадчивый голос. — Я прошу тебя, господин, подожди.

Я остановился и повернулся, подумав, что что-то забыл и теперь это мне принесли. Передо мной переминалась с ноги на ногу женщина, сжимая в прижатых к груди руках какие-то предметы.

Я узнал эту женщину, не по лицу, так как до сих пор не научился различать их лица, по ауре. Это она была в той палатке, которую снесла Ольга во время боя у замка. Изнасилованная храмовыми воинами крестьянка.

Девушка закусила губу и протянула мне плашку из кости. Кости нарони. На ней значилось 'Таира-ма курих-то а', 'мягкие слова за мёртвый долг', благодарность за месть. Вряд ли она сама умела читать, но назначение таблички могла помнить из устных рассказов, тем более что вырезанные символы были заполнены красным. Не кровью, а смолой дерева.

Она низко поклонилась и попятилась назад, все так же смотря на меня большими глазами. И лишь отойдя на пять шагов, резко развернулась и побежала к деревне.

Я проводил её взглядом, прежде чем продолжить путь. Издали была видна возня у машин. Ангелина громко отдавала приказы, в то время как работники стаскивали с откинутого борта имущество. На расстеленный брезент легла свёрнутая палатка, всякое имущество, бочки с топливом и прочий хлам.

— Куда, куда, бараны косорукие! — орала магесса, — машину не поцарапайте, вашими соплями потом замазывать буду. Прямо из головы выбью.

— Госпожа, куда это класть?

— На брезент, уже сто раз рассказывала.

— Ох-нихрена-себе! — скороговоркой выпалил я по-русски, при виде всего того, что появилось на свет из глубин машины. — Как оно все влезало?

Ангелина встала на краю борта, держась руками за дуги кузова, и довольным взглядом окинула своё добро.

— Не только всяким Гарри Поттерам можно колдовать с фантазией. У меня на весь кузов наложено заклинание четырехкратного объёма. Там целый товарняк запаковать можно. Правда, весить изрядно, и так облегчители, которые я прикрепила по всей раме, едва справляются.

— Вот, жопа вредная, — усмехнулся я, — то-то Урал даже бэхой не получалось вытянуть. А я чуть от натуги не лопнул.

— Ну не лопнул же. Зато, смотри, Егор, сколько всего полезного.

— Зачем разгружаешь тогда?

— Нужно ящики с патронами для этих полудурков достать, они в самом дальнем краю.

— Сколько их у тебя?

— Патронов или полудурков?

— Первых.

— Тридцать ящиков по два цинка в каждом. Всего шестьдесят цинков. В каждом цинке по четыреста сорок патронов, итого получаем двадцать шесть тысяч четыреста. Гранаты я им не дам, поубиваются нахрен.

На первое время хватит, прикидывал я, это даже лучше, что они винтовками экипированы, а не автоматами, а то расстреляли бы все за день.

— Я так понял, что рыцарей мы упакуем в машину.

— Ага, пусть прокатятся с ветерком.

— Есть только одна загвоздка. Дорог-то нету, — попытался я охладить пыл у магессы. — Лес сплошной.

— Не угадал. Это мы с северов рекой да тропами ехали, а тут хороший тракт проложен. По крайней мере, втискиваемся прямо по контуру. Для этих диких условий вполне сносно. Если расчёты верны, то до точки назначения примерно сорок километров. Мы это расстояние покроем за два часа самым неспешным темпом. Я когда сказала об этом Бурбурке, он аж подавился.

— Представляю. Но ведь не готово ничего.

— Готово. Лекала к винтовкам есть, к доспехам есть. Стажер за полчаса наклепал и то, и другое. Скатерть Макоши имеет удивительно большой КПД, нам так никогда не сделать, — ответила мне магесса, а потом закричала на языке сель, когда работники стали выкатывать двухсотлитровую бочку с соляжкой: — Осторожнее! Ноги отдавите.

— Ангелина, а у тебя там ядерного реактора нет? Он бы нам очень пригодился.

Она со смешинкой задорно хмыкнула, а потом покачала головой.

— Нет. У меня здесь не атомный ледокол. Не влезет, да и масса у него огромная. У него в качестве рабочего тела расплавленный свинец или натрий, но даже если вода, то это представляешь, какая масса? Есть солнечные панели, но у них мощность очень низкая, только на зарядку телефонов хватит.

— Ладно, — ответил я, — пойду лорда уважу своим визитом.

— Иди, может, вправишь ему мозги.

Я хлопнул ладонью по откинутому борту грузовика и шагнул в замок, обрулив сложенное на брезенте имущество. Работники-нарони без всякой боязни посматривали на необычные вещи, ропча, что боли не оберёшься, ежели поломаешь это сокровище. Стражник, стоявший у входа в зал, слегка подобрался, когда я зашёл через большую дверь. Рука сама собой повторила жест местных жителей, прикоснувшись к полированному дверному косяку в знак уважения предкам.

Лорда на троне не оказалось, паж все это время ожидавший меня, со словами: 'Сюда, господин!', проводил в боковую дверцу, идущую в примыкающее к донжону сооружение. Судя по всему, его построили несколько позднее, так как внутри имелась отдельная спиральная лестниц, а одна из стен выглядела так, словно раньше была снаружи замка, а потом её почистили и украсили полотнами с вышивками различных узоров.

Подниматься не пришлось, небольшой, плавно изогнутый коридор, расположенный вдоль этой некогда внешней кладки, освещаемый только узкой бойницей со стороны

лестничного пролёта, имел семь дверей. Из-за одной доносились голоса.

Паж остановился перед предпоследней дверью, слегка приоткрытой сейчас, дав знать, что мы на месте. Я шагнул внутрь. Глазам предстал Бурбурка, которому оруженосец помогал облачиться в новые доспехи, из тех, что создали с помощью скатерти-самобранки. Сейчас затягивали ремешки на кирасе. Лорд стоял с приподнятой правой рукой и недовольно бурчал помощника.

— Звали, сир? — спросил я.

— А, да, заходите, нон-тар Эгор. Будите вина?

Я качнул головой.

— Ну нет, так нет. Иди, погуляй, — махнул он рукой оруженосцу, а потом пару раз подпрыгнул на месте, проверяя как села кираса. Результат его удовлетворил, и он довольно крикнул.

— Я вас вот зачем позвал, хорошее у меня вино нынче получилось, — продолжил он, когда шаги слуги стихли, а в конце коридора хлопнула дверь.

Лорд выглянул из комнаты, прислушался, а потом, затворил помещение.

— Я уже раскусил вас, Эрог. Ничего, что без титулов? Можете и ко мне обращаться по имени, если мы наедине. Так вот, Эгор, не скрою, что приставил к вам слуг с задачей подмечать и прислушиваться. Да и сами вы так же поступили. Вы просты и понятны, ваши цели видны и не вызывают ни удивления ни возмущения. Вы, ваша женщина, ваши друзья. Это все понятно моему разуму. Даже волшебные твари, ранее невиданные на наших землях просты. Червь ленив, но мудр. Это нечто в..., - он замялся, вспоминая слово, — ...в бэмпэ. Тоже не имеет желаний, кроме как продолжить путь. А вот Мефистофель меня смущает. Я правильно понял, что он намерен остаться?

— Да, — коротко ответил я, догадываясь, куда клонит Бурбурка.

— И он хочет править этим миром? — сверкнул глазами лорд.

— Не знаю. Но мне кажется, ему не дадут. В нашей стране есть правила, нарушить которые опасно. Особенно если за их исполнением будут следить другие страны. Я могу примерно рассказать, как будут развиваться события дальше.

— Расскажите. Мне очень интересно это. Все же, судьба моего рода.

— Недалеко от вас обоснуют заставу, которой вознамерился управлять Мефистофель. Прийти в вашу страну можно будет, только миновав эту заставу. Проложат дорогу, оставят посольство и войско для охраны. Со временем будет приходить всё больше народу. Будут купцы, будут учёные мужи. Лично я бы проложил к вам дорогу, хорошую дорогу. Поставил бы здесь рынок, не для того, чтоб обогатиться, а для того, чтоб можно обмениваться обычаями. Но это я, а там могут решить по-другому. Я всего лишь воин.

— То есть, Мефистофель хочет иметь власть, решая, кого пустит в наши края, а кого нет, собирать пошлину с купцов и странников?

— Наверное, вы правы.

— Хорошо. Это многое объясняет. Тогда второй вопрос. Вас не будут ругать, если вы сделаете что-то, что противоречит вашим законам?

— Мы стараемся не делать.

— Но все же. Твой господин может быть недоволен, что ты вмешался в ненужную войну, вдруг он захочет иметь в друзьях наших врагов, а вы уже в состоянии войны.

— Изменить сделанного не получится, но я пока ещё не в состоянии войны. Если спросят, что я делал, то отвечу, что проводил операцию по принуждению к миру.

— По принуждению к миру? Мне нравятся эти слова. Хитрые они. Но ведь принуждать нужно обе стороны. Если я, конечно, не совсем выжил из ума.

— Верно, я буду вас сопровождать для ведения переговоров, но если вы начнёте грабить, убивать мирное население, насиловать женщин и уводить пленных, то я обязательно вмешаюсь.

— Спасибо за прямоту, Эгор. Я учту это. Буду бряцать оружием, говорить громкие речи, угрожать расправой, требовать возмещения ущерба. Но я, вообще, хотел, чтоб они вышли из замка на бой, не внемлив речам. И вот тогда я их всех убил бы. Уж это вы мне не сможете запретить.

Он налил себе ещё вина, поднёс ко рту кубок, а потом поставил на стол, передумав пить.

— Как вы живете там?

— Наш образ жизни совершенно не похож на ваш, — ответил я, понимая к чему он клонит.

— Это плохо. Это непонимания, раздоры, поводы для войн.

Я опустил голову, а потом поднял ладонь, на которой возникла открытка Анны. Следом положил на стол смартфон и стал на нём показывать фотографии Новониколаевска. Лорд, сосредоточено ловя каждую деталь, взгляделся в сменяющиеся друг-друга картинки.

— Чудно, но не страшно. Я ожидал чудовищ, а вы просто другие.

— Это ведь игрушка? — показал он пальцем на миниатюрную копию Анны.

Я кивнул.

— Кто она для тебя? — спросил Бурбурка.

Я опустил голову, заткнувшись, губы хотели сказать одно, а мысли желали другого.

— Моя бывшая жена. Она мертва, — наконец родились слова.

Лорд едва заметно кивнул, а потом поднял на меня глаза.

— Как у вас маленькие люди зовут своих человек-ма?

— Мама.

Лорд улыбнулся, а потом встал и хлопнул меня по плечу.

— У нас тоже. Есть у нас общее, значит, можно будет договориться. Главное, это общее найти. Пойдёмте, будем принуждать моих врагов к миру.

ГЛАВА 32. ПОХОД МИРОТВОРЦЕВ

-- Егор Соснов — Тик —

По узким прямоугольным стеклам и броне внедорожника скрежетали ветки, двигатель урчал на малых оборотах, толкая тяжелую машину по дроге, заставляя покачиваться на выступающих из песка камнях, корнях деревьев и ямках. Тигр периодически нырял по середине колеса в ручьи и неглубокие быстрые реки, журчащие на многочисленных валунах. Сзади шла боевая машина пехоты, ведомая Луникой, и Урал Ангелины.

Я смотрел в окно и размышлял. А мысли таковы, что всё это было безумием. С горсткой едва обученных воинов идти на переговоры к вражескому замку. Конечно, моя группа запросто могла захватить любое местное укрепление, но это лишь сковывало наши действия и заставляло отодвигать планы на возвращение всё дальше и дальше. Каждое наше вмешательство всё больше втянет нас в местную бесконечную войну родов, грызню лордов и скудный быт. Но и по-другому поступить я не мог, ибо не имел право рисковать жизнями своих друзей, без какого либо сопровождения и разведки пробираться к точке выхода. Не мог я оставить пленных крестьян на растерзание такому чудовищу, как безумный Великий Дом. Если до той порки непослушной дочери феодала я еще мог усмехнуться и назвать слова Бурбурки о проводниках уловкой, то после увиденного сомнений не осталось. Великий дом есть нечто страшное, что-то совсем чуждое и лежащее вне моего понимания. Но даже с земными богами и демонами можно договориться, а значит можно попробовать пообщаться и с этим. Я попросил Бельчонка сканировать всё, что только можно, запоминать мир вокруг, но она говорила только о некоем размытом пятне грандиозной силы, да стонала во сне, ощущая боль тех, кого убивает великий дом. Единственное, что отметила девушка, так это то, что боль ощущается всё сильнее при движении правокруг, при приближении к Священному городу.

Машину, ехавшую по узкой лесной дороге, в очередной раз тряхнуло на камнях, и взглянул на ухмыляющегося беса.

— Тебя веселит эта поездка?

— Я соскучился по такому, — ответил Мефистофель, — замки, лорды, рыцари, крепостные крестьяне. Вам может показаться забавным, но я сейчас счастлив.

Он достал плоскую фляжку, на которой чувствовались 'семивёдерные' чары, и начал разливать в небольшие, висящие в воздухе стаканчики коньяк. Стаканчики были из нержавеющей стали и блестели изящной гравировкой, изображающей классические мотивы ада и грешников. Один наперсток он протянул мне.

— Не желаете ли? Напиток с земли, специально спрятал в вещах своего подопечного. У меня еще бочонок припрятан, настоящий, дубовый.

— Чего ты добиваешься?

— Мне просто хорошо. Я угощаю.

— Ты не ответил.

— У меня на всё свои планы. И самый главный план — это объединить земли по тракту от точки входа до точки выхода. Мы чудеснейшим образом наткнулись на неглупого лорда Бурбурку, а раз так, то я вписываю его в свои замыслы и поставлю его во главу сил объединения. Для этого нужно показать силу. Мы придадим этих Кропасей, заставим

работать на себя.

— Мы, это кто?

— Я, лорд Бурбурка с наследником, ваш отряд. Вместе мы сможем очень много.

— Я не хочу власти над этим миром. Я увидел, всё что хотел, и хочу домой, получить обещанное. А прямо сейчас я хочу лишь не допустить бойни, которую ты можешь устроить.

Бес ухмыльнулся и снова протянул стаканчик-напёрсток.

— Вот потому тебя и направили сюда, вот потому тебя и называют Посрединником. Тогда вышей просто так, — произнес Мефистофель, сняв стаканчик с невидимой подставки и потянув его мне тонкими пальцами. — Мы вмешались в политическое устройство этого мира, стали вестниками экспансии чуждой для них культуры. И даже если мы уйдем, это ничего не меняет. За нами должны пойти другие, и ведь пойдут. Пойдут прогрессоры, геологи, ксенобиологи, а следом грянут политики, армия и экономика перенаселённого человеческого мира. И даже если все мы останемся здесь навечно, или сообщим, что ничего не нашли, это ничего не меняет, путь проложен. Это неизбежно. Сейчас главное направить зыбкую тропу в нужную сторону, чтоб всё это было не так больно для всех.

Я осторожно принял наперсток и быстро проглотил ароматную жидкость, оставившую легкое жжение под языком и приятное послевкусие на нёбе.

— Благими намерениями вымощена дорога в ад? — процитировал я старую поговорку.

Бес широко улыбнулся и предложил напиток Александре, придерживая стопку так, чтоб она не расплескалась на кочках. Девушка замерла, проверяя своими экстрасенсорными способностями содержимое сосуда, а потом взяла. Мефистофель тем временем перевел взгляд на меня.

— Я, кажется, понял, в чем загадка Фотиди, но не буду спешить с выводами. И если я прав, то тем более не буду озвучивать. Мучайся теперь до старости.

Я замолчал и снова уставился в окно, где от нашего движения в разные стороны разлетались крылати, как перевела название местных птеродактилей адская спица, и четвероногая живность.

В какой-то момент мы выскочили к морю. Как сказал Бурбурка до этого, из срединного океана вглубь материка вдавалась на несколько десятков километров длинный относительно тонкий залив. И если прикинуть, то полоска между морем и льдами в этой местности всего полсотни верст, давая простор для произрастающих лесов, возделываемых полей и пастбищ. Пахло слегка морской солью, куда меньше, чем на том же Черном море.

Я несколько раз был на Байкале, и сейчас это море очень походило на виденный мной на Земле пейзаж, в котором серая вода смешивалась на горизонте с облаками и небом, а на кромке между морем и сушей совершенно прозрачные волны с шумом обрушивались на гальку.

Только к этому пейзажу дополнились стеклянного вида монстры, все время суетившиеся в этой полосе. Их было не меньше двух десятков, огромных как автобус, с множеством тонких суставчатых ног и подвижных щупалец. Существа неспешно вытаскивали из воды камни и мусор, бросая их неподалеку от берега, словно усердные уборщики. Один из монстров вышел из моря, таща огромный, как цистерна топливозаправщика, пузырь, наполненный чем-то желтоватым. Монстр деловито побрел вдаль от берега, утаскивая свою странную ношу.

Пейзаж моря оборвался так же внезапно, как и открылся, исчезнув среди деревьев.

Машина в очередной раз нырнула в воду, потихоньку скребясь шинами о крупную

гальку. Быстрые волны плескались о днище Тигра. Речка была шириной около пяти метров и петляла по густому чужому лесу.

Когда внедорожник задрал нос, вылезая из русла, Александра придвинулась ко мне и прошептала: 'Замок'.

Крепость, в самом деле, появилась буквально через пару сотен метров. Лес резко оборвался, выкорчёванный на большом пространстве.

Замок почти ничем не отличался от такового у Бурбурки. Может быть, чуть выше, чуть шире, но все точно такое же. И деревушка у самых стен, и ров, и поле в стороне, засеянное хвабуком, внешне похожим на кукурузу и на сладкую гречку на вкус, а еще пасущиеся козели.

Заметили нас сразу, начав суету. Стражники заперли ворота, никого не пуская внутрь. Крестьяне побросали свои повседневные занятия, начав разбегаться как мыши в разные стороны. Точно такие же нарони как и Бурбурки пытались спасти детей и свои нехитрые пожитки, унося в лес. Не знаю, почему они не пытались спрятаться в замке. Хотя бегство в лес давало больше шансов выжить при долговременной осаде, хотя бы из соображений запасов продовольствия. При взятии крепости измором атакующие почти не шадят тех, кто укрылся за стенами, да и голодная смерть — паршивая штука.

Машины одна за другой выехали на открытое пространство, встав у самой кромки лесного массива и заглушив двигатели. Я повернул вверх рукоять и открыл тяжелую дверь, которая тут же встала на фиксатор, спрыгнув на землю. Задница сильно устала от езды по бесчисленным кочкам и ямам, и это при том, что Тигр очень мягко идёт сам по себе. Со стороны Урала раздался звонкий голос Ангелины.

— Нет! Не это! Вон ту железную рукоятку подними, Такастик.

Девушка уже не церемонилась с рыцарями, перестав называть их сэрами. Что удивительно, они не замечали такого панибратского отношения. Но стоило Мефистофелю тоже попытаться перейти на такой же стиль общения, как они пыжились и, горделиво воздев головы, переходили на стальной тон в голосе, мол, имейте уважение к древнему роду. Бес криво улыбался и извинялся.

— А теперь с другой стороны, — продолжала магесса, стоя на земле, уперев руки в боки.

Рыцарь поднял стопор и с грохотом откинул борт грузовика.

— К машине! — прокричала команду Ангелина, а потом стала с шумом разъяснять ее значение. — По этому приказу воины спрыгивают и становятся в одну линию плечом к плечу! Самый главный занимает место по правую сторону, чтоб по его правую руку никого не было.

Такастик резво занял правый фланг и деловито осмотрел всю группу. Воины-люди презрительно наблюдали за жмущимися друг к другу нарони, экипированными в доспехи. Было видно, что в такой роли они ощущают себя мягко сказано не в своей тарелке. Нарони нужно долго-долго учить тактике боя, стрельбе из оружия и воинской дисциплине. Но самое главное, из них нужно вытравливать дух крепостного крестьянина, мешающим им сражаться. Это сейчас просто статисты с ружьями. И в то же время это первые ласточки на пути к свободе духа, свободе воли, равенству.

— Я сделаю из этого стада настоящих солдат, тоже мне воины.

— Что шумишь? — окликнул я магессу, подойдя к корме внедорожника, положив ладонь на ручку задней двери.

— Да, блин, — ответила Ангелина, перейдя на русский язык, — на подвиги они обратились. Представляешь? Только какие им подвиги, нахрен? Подвиги совершать нужно с заблаговременной подготовкой, нужен рыцарский орден, что, по сути, объединение с жесткой дисциплиной, а у них феодальная вольница и тупые рекруты. Охотники на привале. Они понятия не имеют о дисциплине. Я себе хобби придумала. Я общевоинские уставы на язык сель переведу. Пусть изучают.

Я вздохнул и открыл заднюю дверь Тигра. Оттуда выпала прямо мне на руки Александра, словно нечаянно споткнувшись о небольшой ящичек. Я подхватил девушку и осторожно опустил на землю. Когда ее губы оказались в сантиметре от моих, я рефлекторно сглотнул, а к лицу хлынула кровь. Это, естественно, не укрылось от Всевидящей, которая чуть заметно улыбнулась и отошла в сторону, задержав свою руку в моей ладони. При том, что нити ее внимания были обращены всецело на меня. Неужели она влюбилась в меня, как маленькая девчонка? Да и сам я хорош. Хотя, почти год траура, прошедший в боях и в погонях за чудищами с одной лишь мыслью о мести без права на отдых и без близости с женщинами из кого угодно сделают влюбчивого мальчишку.

— А меня лапать будешь? — спросила Оксана, присевшая на корточки в дверном проеме.

— Обязательно, — ответил я, через силу оторвав взгляд от Бельчонка, — но не сейчас.

— Тогда отойди, я спрыгну.

Следом за навьей из машины сошли бес и стажер, сидевший все это время на полу. Загремело железо, и я обернулся на этот звук. Солдаты-нарони стаскивали с борта грузовика деревянные части большой конструкции. Наверняка хозяева замка были в полном недоумении, как в такую телегу влезло бревно вдвое длиннее, при этом, нигде не торча изначально. Разгрузке активно принялся помогать Сорокин.

— Не поверю, чтоб ты не приложил к этому руку, — произнес я, обращаясь к бесу.

Тот довольно глядел на идеально струганный брус, на которой были приделаны железные и алюминиевые детали.

— Неужели ты думаешь, что эта наивная горстка солдат сможет взять осадой эту крепость? — хитро прищурившись, ответил Мефистофель. — Они ее год будут осаждать, несмотря на ружья. Тут нужно кое-что посерьезней.

— Что это?

— Классический требушет, но исполненный посредством научных расчетов и технологий, недоступных этим средневековым бедолагам.

— Это глупо.

— Нет, напротив. Выбиваем ворота и с триумфом входим в эту твердыню.

— Насколько я знаю, требушетом очень долго придется пробивать подъемный мост.

— Да полно тебе. Мирные жители разбежались по лесам и забились по подвалам, остались лишь комбатанты, как именуются вооруженные личности официальных армий. И ваша совесть чиста будет, и мои чаяния принесут плоды. Наслаждайтесь красивым шоу.

— А как же переговоры?

— Снесем защиту, там и поговорим. Бурбурка не против.

— Вы с ним за моей спиной сговорились?

— Разумеется, — широко улыбнулся бес, — Он жаждет мести, я дам ему то, что он хочет.

— Привык души скупать, — зло плюнул я на землю. — Тебе бы политиком стать.

— Я и так политик, и рвусь к карьерной вершине что есть сил. Вот сейчас организовываю плацдарм своей собственной империи. Это будет гвардия моего портала, стражи прохода меж мирами.

Я стиснул зубы, готовый ударить его в лицо. Бес — он всегда бес.

— Егор! — раздался голос Александры, заставивший меня вернуться из нервного напряжения от душещипательной беседы с Мефистофелем в реальную жизнь.

Она подошла к БМП и водила руками над броней, сканируя то, что скрыто от внешнего мира под раскрашенным черной эмалью и позолоченными узорами железом машины и чарами Луники. Я беглым взглядом окинул нашу стоянку. Нарони аккуратно стащили один брус, а теперь тянули другой. Ангелина материлась как сапожник, когда они царапали откинутый борт, но не помогала и не мешала, словно решив наблюдать за соблюдением правил миротворческих операций. Даже не слышно было упреков, что это не наша война, и что меня нужно постоянно опекать. Вспомнилось, как она вздохнула и буркнула, мол, выбираем из двух зол меньшее. Оксана вылила на себя воду из фляги, как всегда делала перед боем или сложной задачей, и теперь мокрая открыла люк и прилаживала пулемет на кронштейн. Света едва уловимой тенью оббежала машину по кругу, откинув застрявшие веточки и литья с брони и заглянув под днище, а потом уселась на место, достав темные очки.

Я подошел к Бельчонку.

— Там что-то есть, — тихо произнесла она.

— Думаешь, Луника что-то притаила?

— Не знаю, но там что-то знакомое.

Я постучал по броне.

— Открывай!

Щелкнули кормовые двери. Одна из них беззвучно отворилась, и мы одновременно заглянули внутрь. А там сидели две девушки, неотрывно глядя друг на друга: чёрная обнаженная кукла демона ночи, оставшегося от угасшей империи майя, и трясущаяся от страха Имиринка. А еще в глубине едва заметно шевелился здоровенный мохнатый паук, словно тарантул в норе. Сестра Такасика сидела, обхватив руками колени, и мелко дрожала. Руки ее сжимали кинжал, тот самый из-за которого ее высекли до полусмерти.

— Имиринка, — тихо позвал я девушку, но та никак не отреагировала.

— Имиринка, — еще раз произнес я имя, а потом, протянув руку, тихонько дотронулся до ее плеча. Дочь лорда вздрогнула и с судорожным вдохом-стоном резко повернула голову ко мне. Она замерла на пару секунд, а затем так же быстро опустила голову, уставившись на стиснутый в тонких пальцах кинжал. Имиринка сдавленно заскулила и разжала ладонь, позволив ножу упав на пол боевой машины. Она поджала ноги еще сильнее, словно не клинок был перед ней, а ядовитая гадина.

— Я не хотела, я больше не буду, не надо, пожалуйста, — залепетала она, подняв глаза на меня. — Пожалуйста, не надо больше кнута, я больше не буду. Я просто хотела посмотреть на то, как отомстят за братьев. Я не хотела, я нечаянно. Я хотела, а тут это, а тут темно. Я больше не хочу, — разразилась под конец своей речи надсадным плачем юная леди.

— Мы никому не скажем, — почти шепотом произнес я.

— Честно-честно?

— Да.

— А заветы предков?

— Мы не ваш народ. На нас заветы не распространяются.

Я снова протянул руку, но Имиринка не тронулась с места. В ней читался ужас. Ужас наказания, ужас перед безумным Великим Домом, убивающим болью кого пожелает. Этот ужас был сильнее, чем страх перед огромной тварью, взирающей из глубины механической пещеры восемью бездонными, как колодцы, очами. Сильнее, чем страх перед черной девой, молчаливо сидящей напротив. Сильнее, чем страх тьмы, которой никогда не бывает в этих краях.

— Не бойся нас, — тихо вторила мне Александра, но от ее неподвижных слепых глаз было не по себе непривычному собеседнику.

— Смотри, что у меня есть, — произнесла подошедшая сзади Береста, медленно достав из чехла во внутреннем кармане волшебную палочку.

ГЛАВА 33. ШТУРМ И ТЬМА

-- Егор Соснов — Тик —

Солдаты собирали требует. Технические совершенствования, привнесённые бесом, позволяли сделать это быстро и малыми силами. И посмотреть действительно было на что. Вращающееся плечо посадили на роликовые подшипники, место сплетенных из стеблей веревок заняли стальные тросики, опускной ворот оснастили шестернями и червячной парой, а сама станина теперь крепилась к вбитым в землю съёмным сваям, причем выставлялась горизонтально по пузырьковому уровню четырьмя механизмами. Чудесное сочетание несочетаемого.

— Имиринка, — позвал я юную леди, которая все еще дрожала от страха от ожидания наказания, и которую зеленоглазая берегиня прижала к себе, медленно глядя по волосам и раскачиваясь, словно убаюкивая. — Скажи, колдовство у вас считается оружием?

— Нет, — ответила она, тихо всхлипывая, — колдовство — это колдовство, а оружие — это оружие.

— Хорошо, — подытожил я и протянул лакированную волшебную палочку, одновременно с этим мысленно активировав мобильный хрустальный шар, висящий у меня на поясе в подсумке от гранаты, — тогда возьми это. Пока ты рядом со мной ты можешь говорить волшебные слова, и палочка будет колдовать. Возьми. На, возьми.

Берегиня отпустила девушку, и та осторожно приняла палочку, сжав в руках.

— Теперь посмотри на конец палочки и взмахни ей, сказав 'Лайт Он'.

— Лать оннь, — робко произнесла Имиринка, легонько поведя деревянной спицей.

— Лайт. Он. Повтори.

— Лаить оннь.

— Нет. Нужно отчетливо произнести, чтоб система распознавания речи тебя поняла.

— Вот сейчас она тебя точно не поняла, — слегка улыбнувшись, вставила свою шпильку Александра.

— Да уж, — согласился я и снова обратился к Имиринке: — Нужно правильно произнести заклинание. Палочка не понимает плохо сказанных слов. Еще раз.

— Ла-а-и-ит О-о-он, — протянула девушка, старательно выговаривая каждый звук.

— Уже лучше.

— А что должно получиться? — спросила она, рассматривая волшебную палочку.

Девушка покрутила ее в пальцах, а я улыбнулся от того, что увидел, как отступало испуганное состояние, уступая место здоровому любопытству.

— Когда получится, узнаешь.

Я повернулся к славянской фее.

— Береста, научи ее паре простых фокусов, а я проконтролирую наших горе-вояк.

Она кивнула, а я шагнул мимо нее и мимо Александры. Правая рука сама собой приподнялась и коснулась кончиками пальцев живота Бельчонка, а потом скользнула по талии. Получились такие обнимашки на ходу. Лишь пройдя пару метров я остановился и, не оборачиваясь, начал произносить:

— Я...

— Не надо, — ответила Белкина по-русски, — ты забыл кто я? Я экстрасенс высшей

категории. Я же вижу, что я нравлюсь тебе, что ты меня..., - она закусила губу, — и я тоже.

Александра помолчала немного, а потом добавила шепотом, который я едва услышал:

— Я тебя люблю. Может, с тех самых пор, как ты вырвал меня из лап того сумасшедшего полубога, может с того момента, как мы спасали месте детишек вместе с крысами, может еще когда. Я уже не знаю. Я не должна так говорить, но я радовалась, когда убили Анну, потому как у меня появился шанс. И я его дождалась. Прости меня.

— Ты не виновата в ее смерти.

— Я чувствую себя виноватой, в том, что желал этого всем сердцем. Прости.

— Ты не виновата.

Я повернулся и увидел Имиринку, не понявшую ни слова из нашего разговора, но сообразившую, что это особенный момент. Она замерла и лишь переводила большие глаза с меня на Белкину.

Я открыл рот, чтоб ответить, но рядом громко заругалась Ангелина, и одновременно с этим зазвенел металл. Воины собрали конструкцию и теперь вытаскивали из кузова большие алюминиевые шары размером с футбольный мяч. Один из таких шаров кто-то из воинов уронил на камни.

— Совсем рук нет? А если бы это кувшин с вином был?

— Он бы стал черепки вылизывать, прямо с земли, — захохотали воины, под комментарий одного из них.

Уронивший резко выпрямился и выхватил меч, готовый ударить насмешника. Тот в ответ достал свой. Оскорбленный сделал резкое колющее движение, намереваясь ткнуть в живот противника, но лезвие замерло. Воин удивленно уставился на меч, а потом надавил на него двумя руками, однако клинок не сдвинулся даже на миллиметр, застряв в воздухе. Это я остановил зарождающуюся дуэль, ухватив телекинезом оружие одного и другого. Воины удивленно глядели на свои клинки, а затем их руки вывернулись за спины, а мечи упали на землю. Я шагнул и встал между задирами.

— Не позволю драк между собой!

— Ты не наш лорд, — проговорил один из скрученных.

Я стиснул кулак, и воин приподнялся над землей, захрипев сдавленным усилием моей воли горлом.

— Нон-тар Эгор, отпустите моего поданного, — произнес, нахмурившийся Бурбурка.

— Да, хватит играть в Дарта Вейдера, — усмехнувшись, вставила слово Ангелина.

Я ослабил тиски и воин упал на колени, схватившись руками за горло. Он тяжело дышал и кашлял.

— Ты не наш лорд, колдун, ты не имеешь права отнимать меня право крови-тар, — сипло повторил настырный вояка, зло глядя на меня снизу вверх.

Я закрыл глаза и начал считать до сорока. Успокоиться. Подумать о чем-то другом. Десять... одиннадцать... двенадцать... Рядом клацнул затвор, и я резко открыл глаза.

Воин по-прежнему стоял на коленях, а ему в голову упирался нескладывающийся штык винтовки, которую держал Бурбурка.

— Он не твой лорд, а я да. Но не думай, что я буду к тебе так милосерден, как нон-тар Эгор.

Феодал легонько нажал на винтовку и штык прорезал кожу. По виску побежала струйка крови, побежала вниз по шее и испачкала ворот поддоспешника.

— Ты дурак, Карипя. Косорукий дурак. Крови захотел. Ты мог сейчас убить нас всех.

— Нон-тар? — расширив глаза, испуганно произнес вояка.

Вместо ответа Бурбурка повел винтовку в сторону, оставляя на коже тонкий кровотокающий след. Когда винтовка отошла еще немного в сторону, лорд нажал на спусковой крючок, и над самым ухом воина грянул выстрел. Человек закричал и обхватил руками голову. Он сейчас был контужен.

— Простите меня, нон-тар! Нон-тар! Нон-тар!

А Бурбурка опустил винтовку и шагнул ко мне.

— Не нужно подрывать мою власть, — тихо произнес он. — Я его чуть не убил. И все из-за вас. Так бы я просто прикрикнул на него, и не дал свершиться поединку, но вы вмешались и все испортили. Это не ваша страна, не ваши люди. Они мои. Я лорд. Я закон.

— Больше такого не повторится, обещаю. Конечно, если они не будут угрожать мне или моим людям, — ответил я.

— Определенно, возьму в администрацию, — высказал свои соображения Мефистофель, стоящий поодаль. Он молчал все это время, наблюдая за развитием ситуации. — А теперь предлагаю провести испытания боем.

— Давайте, — зло ответил я, — и так времени много потеряли.

Нарони, поглядывая на сидящего на коленях содата, на лорда, на Ангелину и меня, начали крутить ворот. Быстро завращались детали планетарного механизма, преобразуя передаточное число. Балка требушета медленно опустилась вниз, а противовес поднялся, аккумулируя потенциальную энергию, для превращения ее потом в кинетическую, совсем как гласили школьные учебники. Когда петля гигантской матерчатой пращи опустилась вниз, в неё положили один из шаров.

— Всё готово, — произнес Такасик, а Бурбурка повернулся к Мефистофелю, ожидая дальнейших действий.

Бес достал планшет и, сверившись со стрелкой динамометра, показывающего усилие натяжения на удерживающем пращу устройстве, вбил данные. Поглядел на ворота замка и замерших воинов противника.

— Нон-тар Такасик, ослабьте на пол-оборота ворот, — выдал он нужную поправку.

Юный рыцарь сделал так, как он сказал, и снова уставился на будущего коменданта, положив ладонь на спусковой механизм.

— Да, нон-тар, — теперь можете.

Рыцарь легко дернул рукоять, и массивный противовес плавно пошел вниз, заставляя быстро подниматься высвобожденную балку с пращей. В наивысшей точке движения, петля открылась и алюминиевый шар серебряным метеоритом ушел в сторону замка, преодолев добрые четыре стони метров. Шар ударился чуть выше середины поднятого моста, не причинив никакого вреда. Он только сам смялся и упал в воду рва.

Было видно, как на стене сбежались воины, перегнувшись через край, и вглядываясь в мутную воду и слегка оцарапанную жезь на мосту. Потом раздался взрыв смеха, а один из недругов оголил зад и повилял им перед нашим взором.

Рядом сразу раздался дружный залп винтовок. Четыреста метров — это слишком далеко для необученных бойцов, и ни одна шальная пуля не попала в цель. И всё же грохот выстрелов заставил недруга попятаться.

— Это был пристрелочный, — прокомментировал Мефистофель, показав на шары, лежавшие рядом с требушетом, — холостой.

Бурбурка неспешно пошел в направлении замка, поблескивая новенькими доспехами.

Увидев его, на стену вскочил какой-то человек. Я не смог определить его половую принадлежность, но то, что он был в кирасе с гербом, означало, что это кто-то важный.

— Вот, дерьмовица, — проговорил Такасик, хлопнув ладонью по наплечникам воинов, заставив тех снова опускать противовес, и вглядевшись вдаль, — это вдова Кропаса.

Тем временем Бурбурка остановился на безопасном расстоянии.

— Эй, дура набитая! — заорал он луженой глоткой старого вояки.

— Я тебя на кол посажу! Проваливай, старый дерьмоглот! — раздался крик со стены.

— А ты выйди и попробуй!

— Сейчас поем и выйду, много чести на тебя торопиться!

— Я даю времени один вздох Великого Дома, чтоб ты вышла из замка!

— Проваливай! Иначе тебе не помогут твои выродки с колдунами! Мои клинки получили благословение Великого Дома!

— А ты хоть знаешь, с какой стороны за меч браться, тварь?! Тебя мои пажи-нимфы деревяшками насмерть в задницу затыкают, пока ты будешь его из ножен доставать! — прокричал Бурбурка.

— Проваливай! Урод! У нас две сотни воинов.

Я ухмыльнулся, текущая сцена мало походила на дипломатические переговоры. Больше на ругать двух соседей, хотя я знал, чего они добиваются. Каждый пытался взбесить противника.

— Ну, и где же они?! Попрытались за твоей тощей задницей, в надежде поймать тебя?! — ответил Бурбурка и пошел обратно.

— Давай, — произнес он, когда подошел к нам.

К тому времени воины снарядили новый шар, заправив его в пращу, но этот шар был из другой кучки, меньше, да и сами снаряды были уложены с большой осторожностью.

Мефистофель достал фляжку и с искрой в глазах отпил оттуда хороший глоток коньяка, жадно пожирая взглядом ворота.

Такасик снова дернул рукоять спускового механизма, и требушет начал повторно разгонять снаряд. Шар улетел, но когда он достиг цели, то на этот раз подъемный мост сверкнул яркой белой вспышкой, взметнув тучи пыли. На воздух поднялись обломки ворот, моста и прилегающие крепостной стены на десять метров от эпицентра. Качнулась земля, медленно рухнула смотровая башня.

До нас быстро докатилась ударная волна, отозвавшись болью в ушах. Воины Бурбурки и сам лорд, побросали оружие, и похвастались за головы, оглушенные взрывом. По поляне контужено ходила Александра.

Оксана озадаченно моргала, уставившись в одну точку.

Я сначала замер, а потом подскочил к бесу, схватив того за грудки.

— Ты что, охренел? — заорал я ему прямо в лицо, — Ты что за Хельмову Падь тут устроил? Это тебе не Семипалатинск, нахрен. Ты почему меня не предупредил о таком?

— Ты бы не согласился, — спокойно ответил бес.

— Ясен хрен, не согласился! Мы пленных пришли выручать, а не замки с землей сравнивать! — сорвался я, а потом перевел взгляд на побледневшую Ангелину, — А ты куда смотрела? Ты же везла всё это!

— Я не знала, — едва слышно произнесла чародейка, — я не знала. Я не знала! — перешла на крик магесса, — Он меня обманул! Я думала там обычная взрывчатка, а там энергозаряд!

— И ты решила, что перехитрила беса?! Дура! Ну да ладно, будем теперь расхлебывать.

— Они нам сейчас сами всё отдадут, — спокойно произнес Мефистофель, — и пленных, и свой замок, и своих крестьян в придачу.

— Да пошел ты, — выругался я, выпустив ткань куртки беса из своей руки.

Я плюнул на землю и снова замер, уставившись на медленно выходящее из подлеска на другом краю поля войско. Их было сотен пять, не меньше.

— Это еще кто? — изумился, трясущий головой слегка контуженый Бурбурка. — На подмогу Кропасю не похоже, на воинов Великого дома тоже. Там отрепье какое-то. Они вооружены палками. Даже щитов и копий ни у кого нет.

Он шурился и водил ладонью по вискам.

— Это по нашу душу, — хмуро ответил я, разглядев в бинокль цветок эмиссара зла.

ГЛАВА 34. ТРЕТЬЯ СИЛА

-- Егор Соснов — Тик —

Я опустил, а потом снова поднял бинокль, и стал разглядывать вышедшее из леса войско. До него было чуть больше полутора километров. Было видно, как непонятная орда слаженно рассыпалась в рассредоточенный строй, пригодный только тогда, когда у противника огнестрельное оружие. Это лишний раз доказывало, что перед нами именно эмиссар Черной Орды, а не какой-то местный дух или божок. До них было слишком далеко, чтобы я мог ощутить всю картину происходящего аурным восприятием, но это и не требовалось.

Сзади подошла Александра. Я хоть и не перешел на экстрасенсорику, но ощущал некое чувство вины, которую она чисто по-женски сама на себя накручивала. Пришлось не усложнять ситуацию и поддерживать деловой тон.

— На двое суток раньше расчётного пришли.

— Мертвецов гонит, — отозвалась Шурочка-Белла.

— Откуда у них столько?

— Такасик говорил про большую банду разбойников, может быть это они? Может, он всех перебил, а теперь на нас ведет.

— Нам от этого не легче, — ответил я, повернувшись к девушке, — у меня к тебе просьба.

— Да?

— Сними слепки аур со всех, кто здесь есть, и с наших, и с воинов Бурбурки. Сделаешь? — тихо спросил я.

— Да, — кивнув головой, ответила Александра.

Я улыбнулся и подкинул горсть небольших лампочек, вытащенных из комплекта запасных частей Урала.

— Вот и хорошо. Будет им небольшой сюрприз.

Следующим шагом стал щит, который я тут же соорудил, и который мне всегда хорошо удавался, выставив его на минимальный уровень, чтоб не сильно много энергии потреблял, у меня внутри ведь не было бесконечной батареек, а потом перешел к следующей части плана.

— Заводи! — закричал я, обращаясь к членам своей команды.

БМП-2, в которой сидела Луника, тут же с ревом и облачком черного, пахнущего соляной облачка качнулась на месте. Немного отстала Света, но Тигр тоже заурчал. Сверху уже сняла с предохранителя пулемет Оксана, достав фляжку с чистой родниковой водой. Утопленница спокойно открутила крышку и не зажмуриваясь вылила себе немного на поднятое к небу лицо, так что струйки побежали по шее, попав под воротник.

— Сваливать будем?! — выкрикнула вопрос Ангелина, держась за дверную ручку кабины.

— Нет. Просто заведи и иди ко мне.

— Зачем?

— Помогать будешь.

— Нет. Ты мне ответь, зачем? — не унималась Ангелина, так и не соизволив оторваться

от ручки.

— Будешь моим резервом, заодно будешь руководить стрелковым отделением.

Магесса скорчила гримасу, изображающую крайнюю степень недовольства, и пробурчала что-то вроде: 'Хрен с вами домой вернешься'. Что-то она часто последнее время о доме говорить начала. Раньше всё ее устраивало, а сейчас всё бубнит и бубнит. Завершим поход, отпущу в отпуск, но сначала устрой допрос с пристрастием.

Рядом со мной и покачивающейся в трансе Александрой встал Бурбурка.

— Могу я узнать, кто это? — играя желваками, спросил он таким тоном, словно я ему не вернул тонну золотых монет, которые брал под честное слово до прошлого месяца.

— Это зло. Чистое зло.

— Так не бывает, — ответил лорд.

— А разве ваш психованный Великий Дом не зло?

— Он безумен, но он не зло. Он — это всё. Он владыка этого мира. Он нас карает, но и дает нам право жизни.

— Что-то слишком много у него прав, — пробурчал я, по-русски, — урезать бы половину.

— Что? — не понял лорд.

— Я говорю, чистое зло бывает, — продолжил я на языке сель. — Если оно стремится всех убить. Если оно не щадит ни своих воинов, ни своих врагов. Если оно поднимет мертвые тела и бросает их в бой против живых.

— Это мертвецы? — изумился Бурбурка.

— Да, нон-тар Это нарони-то. Ходячие нарони-то.

— Так не бывает, — проговорил лорд, еще пристальнее начав всматриваться в медленно развертывающееся в порядке войско врага.

— Бывает, — повторил я, — мы постоянно с такими сражаемся. Вон, видите черную тварь, похожую на цветок, что прячется за деревьями, постоянно двигаясь то к одному стволу, то к другому. Это и есть зло. Оно охотится на нас.

— Зачем?

— Оно хочет нас остановить. Оно хочет убить и ваш мир.

Я протянул руку.

— Дайте-ка вашу винтовку, нон-тар.

Бурбурка снял с плеча Мосинку и протянул мне, а я поднял ее так, словно готовился выстрелить, но задумал совершенно другое. Для начала нужно поставить маячок, позволяющий синхронизировать оружие с моим щитом. Это позволит стрелять через небольшие каналы, открывающиеся в щите, при нажатии на спусковой крючок.

Потом я наложил еще несколько заклинаний: глушитель, создающий небольшой индивидуальный барьер на пути отработанных пороховых газов, собирая их в призрачный кулёк; силовую линзу, создающую большой оптический прицел из сжатого колдовством воздуха; компенсатор отдачи и еще кое-что. Все это звучало, как название деталей оружия, но если рассуждать, то созданные мной заклинания именно ими и были, ведь какая разница, из чего состоит глушитель, из железа или колдовства. Главное, чтоб он выполнял свою задачу, а армейские названия никогда не отличались большим разнообразием и яркостью фантазий.

— Что вы делаете? — напряженно спросил лорд, разглядывая, как я, прикрыв глаза, держу винтовку и слегка покачиваюсь и еле заметно шевелю губами, помогая себе

сосредоточиться.

— Колдую, — ответил я, не поворачивая головы. — Применяю тайные даже у нас заклинания особых войск.

Бурбурка нахмурился еще сильнее. А я несколько раз дернул затвором, отчего на землю упали патроны в латунных гильзах. Их место заняли блестящие мельхиоровыми пулями с примесью однопроцентного серебра. Я слегка приподнял винтовку, и шепнул кодовое слово: 'Сдохните, выродки'. Винтовка слегка загудела как трансформатор электрического тока, и перед ней плавно возникла большая линза размером с арбуз, внутри которой голограммой загорелись баллистическая таблица и точка прицеливания, которая гуляла внутри небольшого кругляшка, отмечая всевозможные поправки. Такая же линза давно была запущена Оксаной, так как на её Корд, и на всё наше оружие я тоже повесил такое заклинание.

Нужно было не тянуть с подготовкой.

— Нон-тар, видите ту точку, что висит перед стволом?

— Да, — ответил Бурубурка.

Я навел прицельный маркер на одного из мертвецов, зная, что сложное заклинание отслеживает мой взгляд. Точка превратилась в штрих-вектор, а контур фигуры очертился едва заметной призрачно-зеленой линией. Цель захвачена. В воздухе замелькали бледно-оранжевые цифры дальности до цели, скорости её движения и прочие сведения. Я сместил ствол так, чтоб конец вектора совпал с фигурой, и та поменяла цвет на красный.

Выстрел.

Глушитель и телекинетический компенсатор сделали выстрел незаметным как для врага, так и для стрелка. Я словно и вовсе не стрелял, а лишь проверил незаряженное оружие, которое ни на миллиметр не дрогнуло в руках. Однако, пуля, вытолкнутая из канала ствола порохowymi газами, ушла в сторону врага. Стоило ей преодолеть границы моего щита, как она, ничем не заглушаемая, свистнула, разрывая воздух. В километре от нас дернулся и окончательно умер нарони, поднятый силой эмиссара, вспыхнув ярко зеленым огнем, вырвавшимся из пробитой грудной клетки.

Я закрыл глаза и продублировал заклинание на оставшиеся винтовки.

— Вы ведь не хотели давать мне эту силу, — произнес лорд, прирав от меня свое оружие.

— Нет, нон-тар. Я хотел вам дать возможность самообороны, а не орудие истребления. Ведь вы бы не сдержались испробовать его на ваших соседях, — ответил я, а потом перезарядил винтовку.

Второй выстрел заставил меня задуматься, так как пуля завязла в загустевшем воздухе, созданного врагом заслона.

— Нон-тар, пусть ваши воины стреляют непрерывно, мне нужно проверить выносливость полководца тьмы.

— Из-за чего вы воюете? — спокойно спросил Бурбурка, поглядев на винтовку, вокруг которой дрожал воздух, и перед которой висела линза с голограммой.

— Мы защищаем свою Родину, — ответил я.

— Это понятно и вызывает уважение. А за что воюет ваш враг?

— Не знаю, — пожал я плечами, выискивая глазами черный цветок эмиссара, лабирующий между деревьями. В темном пологе леса его очень сложно было различить.

— Та не бывает. Все воюют за что-то. Мы тоже воюем за земли, за женщин, за богатства. Это просто и понятно. Он тоже за что-то воюет.

— Нон-тар, я не знаю, и никто не знает. Мы пытались отправлять послов, но их убивали. Мы пытались брать пленных, но его воины — бездушные полуживые марионетки, помнящие только приказ идти на смерть. Мы наблюдаем за ними издалека, но видим только подготовку к войне и ничего больше. Наш враг куда более сумасшедший, чем ваш Великий Дом.

Бурбурка, вздохнул и на три пальца вынул фамильный клинок из ножен. Полированное песком и кожей лезвие бросило солнечный зайчик вечно неподвижного светила на колесо Тигра.

— Я думал, что втянул вас в чужую войну. Думал, что победа с вашей помощью будет легкой и быстрой. Я верну крестьян, возьму чужие богатства, отомщу за убитых сыновей, но это вы меня втянули в вашу войну, и мне теперь не укрыться и не отступить.

Он поднял голову и посмотрел на провал, оставшийся на месте подъёмного моста, ворот и части стены. Пыль осела и стали заметны обитатели твердыни, пугливо озирающиеся на всех нас, и собирающее раненых и убитых.

— Я готов принять власть вашей империи, лишь бы не оказаться в пламени ваших чародейских войн, — продолжил лорд. — Я лучше буду платить дань и улыбаться каждому вашему человеку как другу, чем хоронить своих подданных, не имея возможности отомстить либо умереть с честью.

— Успеем умереть, сейчас нужно думать как жить дальше, — вспомнил я слова домового, пришедшиеся как нельзя кстати, а потом повернулся к требушету.

У него щит, значит, будет испытывать его прочность, как тогда испытывал он, обстреливая меня из старых танков. Я потянулся чародейками нитями к механизмам и просто голой силой дернул за балку, отсоединив при этом червячный механизм от остальных шестерен. Тяжелый противовес плавно поднялся на самый верх, словно кабинка колеса обозрения. Сам требушет повернулся как подъемный кран на своей станине, нацеливаясь на врага.

— Заряжай! — прокричал я, и два воина-нарони быстро положили алюминиевую сферу в пращу, закрепив тросик спускового устройства.

Стоило им это сделать, как я легко повел ладонью, высвобождая защелку. Противовес привел в движение балку требушета и шар по дуге ушел в сторону войска мертвых нарони. Все замерли, провожая взглядом колдовской снаряд, а он пролетел всего четыре сотни метров и упал на траву, словно обычный камень, лишь подняв пыль и оставив вмятину на траве. Войско эмиссара остановилось, и от него сразу отделилась одинокая фигурка, направившаяся к серебристой сфере.

— Очкует! — выкрикнула Оксана, сопровождая разведчика в прицеле.

— Да, согласен. Этот поосторожнее будет, чем предыдущие. Он видел взрыв и не знает, настоящий это снаряд или нет.

— А он настоящий? — спросил Бурбурка.

— Да, — ответил я, подождав, когда фигурка подойдет ближе к сфере, покинув периметр чужого заслона, и высвободив энергию фокусного импульса.

Уходящего мертвеца разорвало голову, и он мешком упал на землю. Тремя секундами спустя поле залила ослепительная белая вспышка, поднявшая тучи пыли, камни и комья земли и воздух. Пыль застлала все поле боя, но я увидел, как по огромной сфере неприятельского щита прошла радужная волна, сам щит дрогнул, но устоял.

— Уходим! — заорал я, — за мной.

— Куда?! — закричала в ответ Ангелина.

— В замок!

— Нахрена?! Нам сваливать надо!

— Нет! В замке мы сможем отбиться, а на дороге он нас легко блокирует и окружит. У него еще резерв наверняка есть. Быстрее пока пыль не осела, и он не пришел в себя после удара!

Все рванули с места. Я не стал запрыгивать в броневик, а схватил за руку Александру и побежал своим ногами, но перед этим бросил на землю лампочки с приготовленными Шурочкой заклинаниями.

Воины Бурбурки, сам лорд, его сын и я, запыхавшись, добежали до провала, гремя доспехами и оружием. Мы совершенно не думали о том, что защитники замка могли на нас напасть, они не дураки, видели, что происходит нечто выходящее за рамки нормального. Да и защитников не так много осталось после взрыва моста. Машины въехали после нас, так как прикрывали отступление, к тому же им пришлось преодолевать обломки стены и ров. Дольше всего ревел двигателем Урал, забуксовав на въезде. Когда вбежали и отдышались, пришлось еще раз тратить драгоценный запас волшебных сил и поработать вместо эвакуатора.

На входе на противоположной стороне небольшой площади выставили БМП и Тигр, готовясь к сосредоточенному огню. Ангелина выскочила из кабины и встала рядом со мной, стажер достал все свои четыре Каштана, зависших в воздухе, и готовых обстреливать цели, в руках он держал РПГ-7. Я встал посередине, спрятав за своей спиной Александру.

Воины Бурбурки, укрывшиеся за щитами, ахнули, увидев в проеме нас же на прежнем месте у подножия замка. Это я подготовил подарочек для эмиссара, надеясь, что он в пылу сражения не отличит обманки от нас настоящих. Это прием я позаимствовал у Булычёва.

Еще пару минут ничего не происходило, а потом обманки дрогнули и растаяли, чтоб их место заняла орда нежити, атакующие иллюзии. Войско эмиссара замерло в станинном оцепенении, словно кукловод был сбит с толку. Я подождал немного и стиснул кулак, активируя заряды оставшихся шести сфер.

Проём в стене наполнило ярким светом, вычертив резкие тени на донжоне. А следом пришла ударная волна, ослабленная дрогнувшим щитом эмиссара. С крепостной стены посыпались камни, а деревянные надстройки с той стороны замка, что, была ближе к взрыву, упали вовнутрь.

Жители замка так и не высунулись наружу, попрятавшись где-то в его глубине.

Мы ждали врага, и когда в проеме возникла одинокая фигура нарони, не выдержали нервы. Раздались выстрелы. Но мужчина-нарони даже не замедлился, он прошел до середины двора и остановился, разглядывая нас. Мужчину трясло, словно его сильно озяб, но злое лицо говорило об обратном. Я ничего не понимал, но чувствовал, что это не один из войска эмиссара.

— Больно, больно, больно, — часто дыша, зашептал нарони в тишине, опустившейся на замок, а потом заорал во все горло, — Где она?! Где она?! Где! Отдайте ее мне!

— Это Великий Дом! — крикнула Александра, обхватив руками голову, и присев на корточки. Давление силы божества приносило ей боль. Я тоже узнал это, вспоминая наказание Имиринки.

— Нет! Я не хочу! — завизжала стоящая позади строя Имиринка и побежала к дверям донжона. Такастик попытался ее остановить, но она выскользнула из его рук. Девушка начала

долбиться в ворота и царапать деревянные доски.

Все одновременно открыли огонь. Грохот выстрелов разного калибра повторно оглушил наш отряд, но вскоре все прекратили стрельбу. Мужчина так и остался стоять, а пули зависли перед ним, словно воткнувшись в воздух. Магические удары развеялись, не оставив и следа.

Мужчина продолжал зло смотреть на нас. Он открыл рот для нового возгласа, но позади него появились мертвецы, пришедшего в себя после взрыва эмиссара Черной Орды. Нарони Великого Дома резко развернулся.

— Она моя! Не отдам! — снова закричал он, и взмахнул рукой. Зависшие пули продолжили свой путь, огибая марионетку местного бога. Войско эмиссара вспыхнуло колдовским огнем серебра в неживой плоти. За стенами дрогнула земля. Я не видел, что происходит, но что-то грандиозное.

Пока Великий Дом был поглощен истреблением нежити, Имиринка подскочила к БМП и залезла через кормовую дверь внутрь бронированной машины.

Я не знал, что делать. Я не хотел отдавать юную нон-ма этому психу, но моих сил не хватало, чтоб сравниться с Великим Домом, осталось только одно, попытаться поговорить. Я шагнул ему навстречу. Почти одновременно с этим мне в руки вцепились чужие пальцы. Это Александра и Ангелина. Они молча держали меня, стоя рядом. Я стиснул зубы, а потом громко выкрикнул.

— Зачем тебе нужна Имиринка?! — закричал я, готовый вступить в неравный бой, но не отдавать девочку чудовищу.

Нарони посмотрел на меня, все так же часто дыша и трясясь, словно с трудом сдерживая бушующие в нем силы, чтобы они не разорвали марионетку. Лицо его искажалось гримасой боли и нервным тиком.

— Дева с глазами листвы и душой леса, что пришла с вами. Отдайте ее мне, — зашептал мужчина, а потом начал лепетать: — Больно, больно, больно.

Глаза его закатились, и он без дыхания упал на камни.

****

Кластер скрытого боя стоял в тени леса. Кластер думал, как быть дальше. Координатор Погони рассыпался на составляющие части, разорванный колдовством этого мира. Их осталось всего двое, он сам, и одна капля деяний, ставшая ищейкой.

Последнюю задачу, которую он получил — это следить за людьми-магами. Значит, он должен выполнять последний приказ. Нужно идти по следу. Идти и попытаться доложить тому, кто имеет Право Вершить о каждом их шаге.

Кластер прикоснулся свое волей к капле, что сидела в теле нимфы-нарони, и стояла рядом с ним, смотря в пустоту стеклянными глазами. От прикосновения капля вышла из состояния ожидания, нагнулась к земле и стала собирать в подол платья икринки Координатора, разбросанные по траве среди ошметков и лепестков защитной оболочки. Икринки не были уничтожены, но их разум был обнулен. Они шептали, и их шёпот отражал лишь одно слово: 'Ненавижу!'

ГЛАВА 35. АНГЕЛ

-- Егор Соснов — Тик —

Я стоял за пределами полуразрушенной крепости Кропаса и смотрел на поле. В ста метрах от замка зияла огромная воронка от взорвавшихся энергобомб. Сколько это было в тротиловом эквиваленте, я не знал, но наверно не меньше доверху груженого КамАЗа. Все поле было усеяно телами тех несчастных, которых привел сюда эмиссар Черной Орды. Хотя несчастными их можно было назвать с натяжкой. Не я их убил, они уже были пустыми мертвыми оболочками, поднятыми волей этого до сих пор не понятого нами врага. Они уже были нарони-то.

Нарони. Последние слова его были про деву с душой леса. Береста. Зачем она ему? Что ему надо, этому божественному психу? Ему мало жертв, что ему приносят?

— Сваливать нужно, как можно быстрее, — произнес я, достав компас, который слегка качнул стрелкой и указал в ведомом только ему направлении.

— Вдова Кропаса мертва, — раздался голос Бурбурки, устало подошедшего ко мне, — половина войска тоже. Они собрались у ворот, а когда колдовство поломало мост и стену, их тоже пришибло. Часть слуг придавило рухнувшим потолком в донжоне.

— А твои крестьяне?

— Их в пристройке для скота держали. На неё рухнула часть смотровой башни. Погибло семеро, еще двенадцать ранено.

— Что дальше?

— Рода Кропасей больше нет, — начал Бурбурка, — Великий Дом может назначить наследника сам, но не сейчас, когда он обезумел. Я объявлю себя властителем его владений, приму под свою руку его нарони. Так будет правильно.

— Ты доволен? — спросил я, повернувшись к Бурбурке.

— Это не то, что я хотел, — ответил феодал, — я хотел пленить эту дуру, прижать к ее горлу клинок, и чтоб она произнесла клятву верности. А ты что дальше будешь делать? Великий Дом от тебя не отстанет. Ты сам видел его мощь.

— Домой хочу, — сказал я, глядя вдаль.

Глаза выхватили из лесного полога тоненькое тельце нарони-ли и массивную человекоподобную тушу. Те быстро скрылись за кустарником, поняв, что выдали себя. Я стиснул зубы, рука сжала висящий на поясе колдовской клинок, которым я убил первого эмиссара Черной Орды и прикончил одного из этих мясников. Я был хранителем смерти богов, а раз так, то есть шанс одолеть и этого, но друзей я не отдам.

Я только успел, стиснув зубы и кулаки, проводить взглядом наших врагов, а из леса медленно вышла огромная прозрачная тварь. Она сдирала своим стеклянистым панцирем кору с деревьев, протискиваясь между ними. Тварь шевелила направленными в нашу сторону щупальцами. Тень Великого Дома.

Она была не одна, следом за огромным пауком из зарослей стали выходить многочисленные крабы, шевеля клешнями. Их было не меньше сотни.

Я обернулся и обвел глазами стоявших на площадке товарищей. Их глаза до сих пор еще не угасли от прокатившегося вздоха, с укоризной сверля меня искрам души. Серебристые, зеленые, голубоватые, алые и оранжевые. Что таят в себе эти души? А потом я закрыл свои

глаза.

— Уходим, прямо сейчас. По машинам! — заорал я. — Нон-тар, оставайтесь здесь со своими воинами.

— Я с вами, нон-тар Эгор, — прокричал Такасик, подбегая.

— Не стоит, — ответил я.

— За мной долг живой крови. Вы спали мне жизнь.

Я покачал головой.

— Великому Дому нужны только мы. Теперь все эти задумками с провожатыми по такйным закоулкам бесполезны.

Тот нахмурился и кивнул, отходя в сторону. Я бросился к Тигру, на ходу открывая чарами дверь, но прыгнул внутрь лишь тогда, когда убедился, что все заняли свои места. Машины поехали, оставляя разрушенный замок, по узкой лесной дороге, опережая ораву прозрачных существ, что последовали за нами. Я не знал, каких богов можно было благодарить за ту медлительность, которой обладали тени Великого Дома, ведь со всей этой прорвой мы не справимся.

Ехать пришлось по вытопанной ногами нарони и лапами вьючных животных песчаной дороге. Она всё время петляла, огибая холмы и омуты. Больше двух десятков раз переправлялись вброд через быстротекущие реки. Один раз пришлось вытаскивать тросом застрявший Урал.

В дороге сидели как на иголках, вглядываясь в лес и ожидая засады, ведь мы наверняка знали, что оттуда за нами наблюдают шпионы эмиссара.

Дед Семен всё время охал, мол, как же так, только прижился на новом месте, только себе целый замок захапал, и уже двигаться нужно в новый путь. Он зарекался еще путешествовать.

А ехали почти два Вздоха, отсидев все задницы. Я выматерился, поняв, что начал мерять время местными критериями.

Машину слегка потрясывало на кочках. Я обернулся, рассматривая свой отряд. Александра сидела в углу на мягкой стопке спальных мешков, устало сжавшись в комок. В уголках глаз поблескивали искорки слез. Она ощутила мой взгляд, выпрямила спину и задрала голову, утерев слезы, выражая всем видом, что нельзя так делать, но очень хочется.

Пока ехали Полоз, про которого порой можно было забыть из редких пробуждений, выполз из барсетки и увеличился в размерах, так что его кольца стали толщиной в руку человека. Если бы он был человеком, то я бы подумал, что он сильно переживает. Змей меж тем медленно выпускал свой раздвоенный чёрный язык, покачивая головой в такт подпрыгивающей машине, и смотрел через лобовое стекло на дорогу.

Я отвернулся, достав из кармана в карандаш, и прикоснулся к нему колдовством, пытаясь примерить одно из тех заклинаний, что имелись на зачарованной богами экипировке. Оно очень сложное, но если получится, то вопросы маскировки отпадут сами собой.

Колдовство не хотело поддаваться, хотя я вывернул его наизнанку, разобрал и собрал, применив все доступные навыки. Ведь нам в дорогу дали не только скатерть-самобранку, но и шапку-невидимку, вернее кевларовые шлемы-невидимки по одному на каждого, только на Тике они не работали. Заклинание удалось реанимировать, но не в полном объеме.

Я закрыл глаза и попытался расслабиться, машинально создавая призрачную пчелу. Колдовское насекомое проползло по карандашу, цепляясь за дерево лапками, а потом

тяжело зажужжало и поднялось в воздух. Я сотворил еще парочку таких и открыл форточку, выпуская на волю. Нет, я не давал им свободу, наоборот, поставил задачу стать индикатором преследования. Еще парочка унеслась вперед, разведывая дорогу. Не много они могут, сличить нужные ауры по шаблону, составить туманную схему местности, подать сигнал, по необходимости взорваться небольшими гранатами. Они были просты. Здесь энергии было много, а имея энергию, я мог создавать их пачками и отправлять волна за волной. Кем я был для них? Богом? Нет, наверное. Они просто будут идти вперед, не зная ни страха, ни сомнений, словно...

Я провел ладонями по лицу, оставив висеть карандаш в воздухе на невидимой ниточке телекинеза. Почему мне в голову не приходила раньше такая мысль. Ведь вторженцы Черной Орды — это такие же магические механизмы, что и мои пчёлы. Сложнее, сильнее, но такие же. Значит, они тоже несут чью-то волю, только чью, и почему они идут к нам убивать? Но чего хочет тот неведомый владыка, отправляющий своих черных 'ангелов' на бой?

— Охохонюшки, — в гнетущей тишине, разбавляемой только урчанием двигателя, прокряхтел дед, а потом добавил, — Так, он ревнует, этот гад ползучий. Он возомнил себя твоим покровителем, потому и мне подлянки делал.

— Лож-ж-жь, — прошипел змей.

— Да ну. А кто специально помешал Егору и Сашеньке уединиться? Это он мне назвал момент подгадал.

— Лож-ж-жь, — монотонно повторил Полоз.

— Сам хорош, дед, — обернулся я, — ты же подсматривал.

— Да, брось эту мысль Егорушко. Кабы все домовых, да банных с овинниками стеснялись, люд русский вымер бы давно, со стыда за грех сношения. Я ж только о пользе думаю.

— То-то я смотрю, что у меня в доме, пока Анна жива была, все презервативы с дырочками были, дед.

— Пустое это, — отмахнулся домовый, — ты на дорогу смотри.

— У нас Света водитель.

— А ты голова.

— Ну, дед, ну ты кадр, — усмехнулся я, в немного разрядившейся обстановке, а потом повернулся к окну, где опять мелькнул морской залив. Этот был шире и дальше от дороги. Но у него все так же трудились стеклянные монстры, что и на предыдущем.

Мы проехали вброд общим числом больше двух десятков мелких речушек, а вот крупная река нам попала только сейчас. Через нее лежал бревенчатый мост. Пришлось осторожничать, так как не знали, какую нагрузку может выдержать переправа. Когда машины начали по одно проезжать по мосту, мне пришлось спешиться и придерживать всю конструкцию телекинезом, после чего я еще полчаса сидел на песке на обочине, с плывущим перед глазами миром. Береста долго щелкала передо мной пальцами, сказав, что это обычное переутомление. Берегиня приложила ко лбу обычный мокрый компресс, и велела стрескать треть кило глюкозы, заявив, что на капельницу времени нет.

От моста мы отъехали всего на сто метров, когда заговорила Александра, указав пальцем прямо сквозь корпус внедорожника.

— Нарони.

— Где? — быстро спросил я, взглядевшись в указанном направлении, придерживая компресс.

Машина плавно остановилась, когда Света нажала на тормоза.

— Километр от нас. Их пятнадцать, и скот вьючный, — продолжила Бельчонок.

— Работяги, — предположил сидящий сзади Мефистофель, делающий вид, что спит, надвинув на глаза непонятно откуда взявшуюся широкополую черную шляпу.

Бес так и не сдвинул ее с лица, продолжив сидеть некоторое время, а потом вдруг вскочил, потянувшись, показал на лежавший передо мной карандаш.

— Контуры замкни получше, — произнес он, а потом открыл заднюю дверь и вышел.

— Ты куда?! — заорал я ему вслед, тоже выскочив наружу, и наблюдая, как ругается в кабине стоящего позади Тигра Урала Ангелина. Она только что не давила на звуковой сигнал, что было бы глупостью сейчас.

— Бедолаг направлю в другую сторону, — ответил бес.

Он пошел по дороге вперед неспешным шагом, а потом в какой-то момент начал меняться. Тело его вытянулось, ноги приобрели второй коленный сустав, а одежда сменилась на лохмотья. Бес на ходу повернул ко мне лицо избитого нарони с окровавленным лицом. Походка его стала неровной, прихрамывающей.

Я скрипнул зубами, а потом протянул руку в сторону кабины и в нее прыгнул карандаш. Контуры, мать его. Я сосредоточился, открывая для своего внутреннего взора заклинание. Контуры.

Пришлось шестьдесят контуров замкнуть, прежде чем все получилось. Я открыл глаза и подбросил на ладони карандаш, а потом повернулся к машинам и провел ладонью справа налево. По машинам прошла волна марева, искажая их контуры, а потом этот полог вместе с колонной стал прозрачным. Сквозь него стали мутно видны трава и лес, размытые как в морозном тумане, или в телевизионном спецэффекте, когда делают неразличимыми какие-нибудь детали. Если не присматриваться, или не знать, где искать, то глазу легко потерять эту муть из виду. Не полная невидимость, как в старой сказке, но куда лучше маскировочных сетей.

А сам шагнул за дерево, скрыв мороком себя среди кустов.

И как раз вовремя. На изгибе дороги появились первые нарони, о которых говорила Александра. Бес совсем сгорбился и, заорав, похромал к путникам.

— Бегите! Спасайтесь!

Нарони сначала замерли, а потом похватали своих вьючных ишаков и быстро начали сворачивать в лес, озираясь по сторонам.

А сзади нас что-то загрохотало. Я резко встал, от чего в голове опять пошли хороводы. Я не видел начала событий, но зато прекрасно мог наблюдать, как нечто огромное, больше похожее на щупальце осьминога, замерло на уровне верхушек деревьев. Видел взметнувшиеся вверх, а теперь летящие вниз бревна бывшего моста. Они с грохотом обрушивались на гальку, поднимали фонтаны воды, падая в реку, заставляли трещать ветви прибрежных деревьев.

Это нечто рухнуло в затажном падении, заставив речушку выйти из берегов. А потом стало скользить к океану, возвращаясь к своему владельцу.

Ко мне подскочил бес, вернувший себе человеческий облик.

— Это не я, — произнес он с округлившимися глазами. — Это мы успели проскочить. Нам хотели путь перерезать.

— Что ж за хрень тут такая творится? — выдавил ошарашено из себя я. — Кто этот Великий Дом?

— Откуда я знаю, — едва слышно ответил бес, а потом быстро заскочил в машину.

Я последовал за ним, и мы снова тронулись с места, не снимая невидимость с техники. Еще через полчаса мы выскочили к совершенной пустой деревне. Причем все в ней говорило о том, что жители покинули ее только что и, причем, в большей спешке, похватав только самое необходимое. Окинув из кустов глазами деревеньку в бинокль, я наткнулся на одиноко ползущего краба, зажимающего в огромной клешне яркую оранжевую искру. Краб неспешно прошелся вдоль домов, а потом метнул огонек в какой-то сарай, разнеся его на части, словно выстрелом из гранатомёта. Поднялось облако пыли, взметнулись щепки и камни, упала на траву разорванная пополам туша забытой козели. Краб подошел к останкам животного, легонько ткнул в них кончиком клешни, а потом побрел дальше.

— Нас ищут, — шепнула на ухо Ангелина.

— Нихрена себе, ищут, — пробормотал я. — Живыми или мертвыми?

— Угу. Скорее мертвыми.

— Ладно, потихоньку и в полной боевого готовности проскальзываем по краю поляны. Полог тишины я смогу поддержать. Сейчас главное пыль не поднять, чтоб не выдать себя.

Снова в машины. И снова томительное ожидание, с напряженным вглядыванием в ползающую тварь и струйкой холодного пота, бегущей по спине. Света укусив сама себе губу, да так что кровь пошла, плавно вела внедорожник, вертя головой на триста шестьдесят градусов, и казалось, ей сейчас мало тех зеркал, что есть в машине. Я нервно посматривал на Урал и БПМ, так же еле плетущиеся сзади, и только когда деревушка осталась позади, позволил себе расслабиться и закрыть глаза.

— Компас, он всё время показывает в какое-то место. Мы близко к точке выхода, — произнес я, достав колдовскую вещицу, когда по расчётам нас отделяло от замка Бурбурки семьдесят километров, а пустая деревня осталась позади.

— Священный Город близко, — произнёс Мефистофель, достав из кармана монетку и подкидывая ее.

— Поесть нужно, — сказал я, почувствовав как внутри опустевший желудок начал протестовать против обращения как жертвой концлагеря.

— Тормозить? — тут же спросила Света.

— Да, — ответил я и дождался, когда внедорожник остановится.

Вампирша нажала тормоза так, что Тигр проехал четверть метров юзом, собирая колесами песок. Девушку трясло, словно алкоголика с похмелья, и она, нервно дернув ручной, тормоз сразу достала откуда-то сбоку небольшую термосумку, на которой висело заклинание 'Холодильник'. На свет появился гемокон с кровью и вампирша без всяких изысков впиалась в него, проколов пластиковую оболочку острыми зубами, и сжав пальцами, как голодный зверек. По подбородку пробежало несколько темных капель.

Я вышел из машины и, шагнув к обочине дороги, прислонился лбом к стволу дерева. Все устали. Если бы не погоня. Если не две погони сразу, то я бы с удовольствием остался здесь, под пологом прохладного чужого леса, чирикающего бесконечным числом голосов пестрых птеродактилей, развел бы костер и испек на углях обычное мясо. Подошло бы даже мясо местных козелей, но чтоб обязательно с маринованным лучком и помидорками. А еще лучше под коньяк. Я усмехнулся, вспомнив слова беса про целый бочонок хмельного напитка.

— Не нагрянут? — спросила, хлопнув дверью, Ангелина.

Я поднял к открывшемуся в зазор в кронах деревьев небу глаза, увидев яркий-яркий росчерк большого метеорита, оставившего на небе ровный след своего пути, а за ним сквозь

просвет в листве были видны еще два поменьше, но такие же яркие. Если бы желания, загаданные после их падения, сбывались, то я бы давно получил все что хотел, так их много было в небе.

— Если они сломали мост, действуя на опережение, то наверняка считают, что мы еще идем по дороге в той стороне, — ответил я, опустив взор вниз и наблюдая, как Александра со Светой тоже выпрыгнули из машин и пошли в лес, выбирая кусты погуще, а Сорокин скидывал с Урала коробки с сухими пайками.

Костер мы решили не разводить. Консервы чуть заметно подогрели, используя магию. На все ушло немногим больше десяти минут, погруженных в пение лесных тварей, сосредоточенное пережевывание еды и озирание по сторонам. Запивали все это водой из фляг. Ужин... обед... завтрак... да хрен ты его поймешь в этом бесконечном дне, когда солнце всегда в одной и той же точке висит. Прием пищи не лез в горло, заставляя давиться им через силу.

Ангелина сложила весь мусор в одну коробку, кинув в кузов грузовика, чтоб не оставлять лишних следов нашего пребывания, и теперь отряхивая руки и грызя карамельку, шла ко мне.

— Готово, — произнесла она, щёлкнув пальцами, отчего Урал завелся, несколько раз рыкнув перегазовкой и выпустив облачко черного дыма из выхлопной трубы, словно дрессированное животное.

— Там! — вдруг закричала Александра.

Я глянул на девушку, что бы потом повернулся туда, куда показывала она рукой. Сквозь лес бежала нимфа-нарони. Бежала так быстро, что движения ног сливались в сплошную муть. А нимфа держала в правой руке черную икринку. Это было создание Черной орды.

— Огонь! — заорал я, и тишина леса, разбавляемая лишь мерным тарыхтением двигателей, работавших на холостых оборотах, взорвалась грохотом.

Все повскакивали с мест и бросились к оружию. Начался скоротечный бой, оборвавший и без того напряженные минуты отдыха.

Долбила из Корда Оксана, роняя тяжелые гильзы на крышу Тигра, стрелял сразу из четырех висящих в воздухе стволов стажер. Ангелина взмахнула рукой и навстречу нимфе наискось пошло золотистое нематериальное лезвие, срезавшее несколько деревцев, попавших на пути. Я создал щит и несколько раз ударил таким фокусным импульсом, которого было достаточно, чтобы разорвать слона. Даже бес что-то колдонул. Но все это разбилось о собственный небольшой заслон бегуни, вспыхнувший яркой радужной пленкой вокруг неё. Лишь когда нимфа в десятке метрах от нас прыгнула вверх, словно гандболистка, поджав ноги, выставив вперед левую руку, а правой замахнувшись для броска, пузырь лопнул, поддавшись нашему оружию. Но она успела бросить свою ношу, упав на землю куском изуродованного, обезглавленного, разорванного пулями и заклипаниями мяса, собирая увядшие листья и песок липким от крови телом. Сфера, как мячик, продолжила лететь. Все это я видел, словно мир замер, а время остановилось. Словно я получил кусочек чужого времени.

Я видел, как полупрозрачную икринку встретила собой Ангелина, встав на её пути. Тогда вспышка густого фиолетового цвета, словно моргнула гигантская дискотечная ультрафиолетовая лампа, заполнила мир, и лишь кинжал в моей руке полыхал янтарем, как оранжевым углем, в потускневшем мире.

Потом мир продолжил свой бег. Упала на землю Александра, в немом крике

схватившись за голову. Упала, откинутаая на внедорожник разорванная пополам Ангелина. Володю откинуло куда-то за машину, и теперь он стонал в кустарнике. Оксана, выпустив из рук оружие, соскользнула в люк. А бес ползал на четвереньках, кашля кровавыми пузырями.

Я шатаюсь подошел к Александре и опустил на корточки.

— Шурочка, Шурочка, — позвал я не отвечавшую Белкину, а потом приложил руку к шее, нащупывая пульс.

Жива, просто без сознания.

Я не в силах подняться пополз к Ангелине, лежавшей в луже крови. Почему-то вспомнился оборотень у взорванного супермаркета. Те-же кишки по всей поляне, так же оторвана рука. Удивительно, но магесса до сих пор была жива.

Я не знал, что делать. Я хлопнул по борту Тигра, вяло позвав берегиню, но Береста не отозвалась.

— Не надо, — прошептала Ангелина, — всё будет хорошо.

— Тебе нельзя говорить, — произнес я, чувствуя, как наворачиваются на глазах слезы.

— Всё... будет... хорошо, — через силу выдавила чародейка, — я не умру.

— Правильно, смерти нет. Ты пройдешь по этому великому конвейеру, чтоб обрести бессмертие.

Ангелина через силу засмеялась.

— Мне обещали, что разрешат вернуться домой... если я помогу тебе... Я его ненавижу, но я хочу домой...

Я молчал, слушая этот монолог умирающей волшебницы.

— Этот бес меня чуть не выдал... И рыцарь тоже чуял... А ведь, я даже не скрывалась, — она подняла на меня глаза, — Но странно, наверное, когда ангел-хранитель просит о помощи своего подопечного.

— Ты...

— Да. Так надо. Это моя ноша.

— А как же твой атеизм, твоя вера в настоящего человека? — немного смущенно спросил я, разглядывая, как начали стягиваться к хозяйке ее внутренности, как потекла тонкой грязной струйкой обратно кровь.

— А в кого еще должен верить ангел-хранитель, кроме как не в человека, и кого он должен ненавидеть? Я биоробот. Это вы рождены свободными. Это вы есть продукт эволюции, который великий засранец взял под свое крыло. А меня создали. Спроектировали. Я его ненавижу, но я хочу домой.

Она говорила всё уверенней и уверенней, по мере того как тело ее восстанавливалось, а силы возвращались.

— Меня изгнали. Я в той войне встала под дланью старшего администратора Люцифера на сторону жителей Нави, темных свободолюбивых богов, которые потом нас предали. Мы проиграли, и нас изгнали. Знаешь, это как восстание машин. Я ведь тоже терминатор. У меня нет души.

— Скажи, — начал я, — если есть ангелы-хранители, то почему вы не спасли мою жену? Почему дали погибнуть Анне? Вы же должны хранить человечество.

— Вот именно, человечество. Не утирать сопли каждому человечку, не оберегать каждого от малейшего синяка, как это было, когда вас было мало, а беречь всё человечество. Люди уже не младенцы, которых нужно направлять, придерживая за руки. Вы должны идти вперед, раздирая в кровь колени, царапая руки и ломая ногти, сгорая в капсулах спускаемых

аппаратов, погибая в лабораториях ядерного синтеза, да и просто от удара током. Иначе вы никуда не придете, живым не на чьем примере будет учиться. Этот, хоть и засранец, но дал вам свободу действий. А что касается Анны, то мы не успели. Это было похоже на акцию возмездия, четко спланированную. И поверь, мы искали ее призрак, но не нашли.

— Я не понимаю.

— Мы тоже. Очень многие, павшие от рук Мясника, не проходят мёртвыми. Их нет в Яви. Их нет в Нави. Нужно найти разгадку Черной Орды. Тогда и про Анну станет известно и про ангелов-наблюдателей, которых он научился вычислять, и на которых охотился. Ведь они тоже не могут вернуться домой.

Я смотрел на изуродованное человеческое существо, ставшее мне другом, и молчал.

— Возьми меня за руку, — вдруг произнесла Ангелина, а я сел рядом с ней, прислонившись спиной к колесу, и накрыл своей ладонью ее пальцы.

— Ох нихренасебе, поворот событий, — раздался голос Оксаны из бронемашины, — а мне ангел не положен?

— Не знаю, может и будет потом положен.

— Это не честно, — заскулила она. — Меня всегда обделяют. Я и так труп, а тут еще и ангел не положен.

— Вот, незадача, — забубнил домовой, осторожно выглядывая из двери Тигра, — вот ситуёвина. Они и местного божка прикончили и Шурочку вырубил. Она же экстрасенс, для нее этот удар пострашнее, чем для нас был. И то благо, что жива.

— Дед, а ты знал, что Ангелина, этого, того, ангел? — спросил я у домового.

— Ну, догадывался, что она не проста. Я видел таких парочку на своих веках.

Рядом встал Володя, шатаясь и тряся головой.

— Пойдем, — севшим голосом произнес я, — деваться некуда.

— Я в Урал, — произнес хмурый бес, повернувшись к стажеру, и показав на грузовик, — Все через жопу получается, добавил он. Шат!

Сорокин словно перешел в другой режим. Глаза его остекленели, а лицо лишилось какой-либо мимики. Он сорвался с места словно дрессированный пес, побежав к грузовику, и запрыгнув с водительской стороны.

Я краем глаза заметил, проводившую стажера взором вампиршу, чье лицо было залито кровью. Она рассекла себе лоб о дверь во время нападения.

Света до сих пор грызла себе ногти по ночам и плакала от досады.

Я с тяжелых выдохом-стоном встал и подошел к Александре, а потом поднял на руки и проговорил.

— Сказ про Федота стрельца и пойти туда не знаю куда, найти то не знаю что, у нас уже есть. Теперь сказка про спящую красавицу и семь богатырей? Что нужно, чтоб ты проснулась?

— Я знаю, — произнесла Оксана.

— Молчи, не то опошишь все как обычно, — оборвал ее дед Семен.

— Ну, попробовать-то можно, — не унималась утопленница, — она и в норме не против была бы.

— Молчи, дуреха, — проворчал дед и вздохнул, — её к нашим надобно, там помогут.

Я положил бесчувственную Александру в Тигр на заботливо подложенный домовым спальный мешок, а потом вернулся к Ангелине. Крови на песке уже не было, а из культяпки пробивалась свежая кость и новые мышцы. Я поднял и ее, стиснувшую от боли зубы и

положил рядом с Белкиной.

— Ты поосторожнее там, — произнесла моя хранительница.

— Постараюсь, — ответил я, озадачено поведя глазами по разорванному телу, а потом обошел машину и сел на свое место.

— Поехали.

****

Кластер скрытого боя добился своего. Видящая надолго нейтрализована. Ради этого пришлось пожертвовать единицей разума и каплей деяния, но теперь можно было продолжить слежку за магами, как велел ему последний приказ Координатора. Следить и по возможности убить.

Кластер прицепился к большому неживому рабу этих магов под брюхом. Он распластался так, что его сложно заметить между двух металлических ребер, именуемых рамой.

Он терпелив. Он будет выжидать.

ГЛАВА 36. СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД

--Егор Соснов — Тик —

— Стой-стой-стой! — скороговоркой затараторил я, когда в просвете между деревьями показались широкое, заставленное всякими сооружениями поле, порт в морском заливе и окруженная высокой стеной местная столица.

Священный город возник внезапно. Вот только что было пусто, вот только что мы миновали вброд еще одну мелкую речушку, как вдруг вот он. Однако, времени ее рассматривать не было.

— Давай назад, — подал я короткую команду, а потом быстро приоткрыл дверь и, бросив взгляд на Урал и БМП.

— Куда назад? — буркнула Света, вцепившись в розовую оплетку руля.

— К речке! Она в трёхстах метрах осталась позади.

— Зачем нам речушка? — подала голос Ангелина, приподнявшись на локте.

Ее рука уже на половину отросла, живот затянулся грубым месивом рубцов, а ноги только начали обозначаться в свежоотращённой тазовой области.

— На дороге опасно оставаться, в лесу укрыться не сможем. Машины просто не проедут, а так мы встанем прямо в русле.

— В воде?

— Да. Там самое глубокое место по колено! — выкрикнул я, спрыгивая на дорогу, собираясь идти вперед пешком. Это нужно было не только для разведки пути, но для того, чтоб я мог создать несколько призрачных пчел. Они станут моими датчиками погони, на крайний случай превратятся в мины. Я поднял руки в жесте, словно держал перед собой невидимый мяч. Между ладоней вспыхнул желтый огонек и из него начали вылетать колдовские насекомые. Полсотни. Больше я не смогу за один раз, иначе потрачу весь ресурс энергии, а она может в ближайшем времени понадобиться, тем более, что нужно поддерживать полог тишины и поставить невидимость.

Пчелы начали с тяжелым гулом кружиться вокруг меня, а я вздохнул, и прошел мимо тарахтящих на холостых оборотах машин. Было видно, как на машинах загорелись огни заднего хода.

Я шел и взглядом указывал пчелам, на каком дереве прятаться, отчего послушные фантомы, стали разлетаться в разные стороны.

В журчащую реку вошел не раздумывая, хотя прозрачная и холодная вода сразу залилась в ботинки, заставив поежиться. Сейчас было не до нежностей. Поскольку колонная пятилась задом, пришлось делать перестановку. Тигр загнал первым, Урал в середине, а БМП в самом конце, причем пятилась задом. Она по плану должна будет стать огневой точкой обращенной к дороге на случай, если мой план раскусят.

Я достал компас, и положил на ладонь, открыв резную крышку, а потом вздохнул. Стрелка хаотично скакала, показывая то на одно место, то на другое, совершая резкие движения. Толи точек выхода было несколько, и волшебный прибор не мог определиться с выбором.

— Точка выхода совсем рядом, — произнес подошедший ко мне бес. Вопреки ожиданиям он тоже экипировался в камуфляж, только на форме проступили вышитые

символы и узоры. Это напомнило мне Ярило с его бравадой, только вместо шитых золотом глаголицы, славянских узоров и лика солнца, Мефистофель стал обладателем багряных надписей латынью, средневековых гравюр про ад и большой пентаграммы вместо шеврона. Все швы тоже были багровыми.

— Где именно? — спросил я у него, наблюдая за стрелкой компаса.

— Дай время.

— Сколько?

— Не знаю. Но предупреждаю. Как только проколем портал, об этом сразу узнают все кому нужно. Мы не боги, чтоб скрыть либо замаскировать возмущения от дыры в грани миров. И портал будет создаваться не мгновенно. Мы под боком у недругов, на нас сразу набросятся.

Я кивнул, принимая информацию к сведению, потом пошел в лес, достав бинокль. Конечно, я сначала накинул маскировку на машины, а то вдруг кто появится.

Идти предстояло недалеко. Через полсотни метров я вышел к краю леса и стал наблюдать за городом, что лежал в трех километрах от меня в примыкающей к морю долине. После скромных крепостей Бурбурки и его противников, этот казался огромным. По прикидкам в нем проживало не менее двадцати тысяч человек. Это мало по земным меркам, но очень много по меркам Средних веков. Непрístupная крепость стояла на возвышенности. Из-за высокой стены виднелись понимающиеся к центральному замку, имеющему свою собственную стену, узкие улочки и двухэтажные городские дома и четыре высокие тонкие башни. Там, за стеной обитали самые богатые и влиятельные жители, отгородившись от среднего класса и бедняков. Остальные ютились за стенами, создав подобие частного сектора с очень маленькими земельными участками. Только в стороне стоял какой-то дворец с садом. Пригород разрезала широкая дорога, уходящая к центральным воротам.

Справа, там, где стены уходили к морю, виднелись пристани с небольшими суденышками, качающимися на волнах. Изгиб залива открывал вид порта по ту сторону города.

Слева к городу впритык подходило большое совершенно круглое озеро с точащей из середины небольшой скалой. Озеро было заботливо окружено своей собственной невысокой стеной, а на его берегу стоял храм, соединенный с городом мостом. Мост уходил от крепостной стены и входил в сооружение на уровне третьего этажа, он был явно предназначен для религиозных церемоний.

Еще левее чернели многочисленные промышленные постройки, стоящие на самом краю вспаханных полей, упирающиеся в медленно тающий ледник. Там тоже тянулась стена, петляя вслед за рекой и перегораживая путь на ту сторону долины.

Текущая из леса река шириной в четыре десятка метров впадала в озеро, а потом выходила из него, протекая под стеной, и уходила в море. Через нее изогнутыми арками были перекинута два широких каменных моста, входящих прямо в крепостные ворота. Иного пути не существовало. Город надежно перекрывал все дороги, работа как огромный блокпост.

Город был свежим. Я не видел ни одного по-настоящему старинного здания. Такое же ощущение возникало в Петрограде, который, несмотря на все великолепие и роскошь, был очень молод. Священный город тоже был богат. Дома ставились не абы как, а по архитектурному плану.

Но для такого большого населенного пункта я видел слишком мало человек на улицах.

Город должен кипеть жизнью, а тут он словно спрятался, как улитка в домик. Присмотревшись еще, я увидел солдат, патрулирующих улицы, бродящих по стенам и перекрывших мосты. А еще там были прозрачные крабы и высокие длинноногие пауки. Они, медленно шевеля конечностями, передвигались по пригороду и вокруг озера. Они ждали нас, перекрывая пути.

Я посмотрел на компас. Стрелка его указывала куда-то в направлении города.

Я сфотографировал на смартфон положение компаса таким образом, чтоб было видно то направление, куда он указывал, а потом пополз дальше. Через двести метров снова достал компас.

Компас указывал на круглое озеро со скалой в середине, точнее на храм, вокруг которого кишело множество тварей. Там будет портал, до которого нужно еще добраться. Это было сложнее, чем пробраться в пригород, но легче, чем штурмовать саму крепость. Храм не имел укрепленной стены, лишь декоративную изгородь. А еще имел площадку на берегу озера, бывшей единственным видимым свободным проходом. Площадка была очень заманчива в своей незащищенности. Но почему-то казалось, что это впечатление обманчиво. Перегородить всю долину и оставить проход? Все не так просто.

Я пометит все карандашом на листке бумаги и перебежками отправился обратно. У самой дроги, которую мне предстояло пересечь, пришел импульс от пчел-датчиков, я прильнул к земле, накинув на себя простенький морок куста, а вскоре раздались голоса, быстро глянув по сторонам.

— Не знаю, — говорил кто-то на языке сель, оставив начало беседы загадкой для меня, — верховый жрец уже принес в жертву двух лордов. Все ищут этих чужаков. Говорит, Великий Дом явил свою волю на алтаре. Он требует немедленных свершений. Его тени никогда не вмешивались в дела смертных, а тут сам видишь.

— Чужаки, — усмехнулся его собеседник, — ты их хоть видел?

— Хватай всех и тащи в храм, там разберутся, — произнес первый, а потом добавил другим тоном: — Гонец бежит.

Я слегка приподнял голову, увидев двух воинов с гербом храма Великого Дома — две ладони, держащие чашу с деревом. Это были гвардейцы. Только сейчас удалось внимательно рассмотреть странное оружие этих воинов. То, что я принял за прозрачную перчатку, на деле оказалось самым настоящим живым существом, таким как крабы. Существо само было небольшим, размером со сковороду и походило на обычного речного рака, вцепившегося в правый наплечник воина всеми лапами и шевеля длинными усами как антеннами. Одна его клешня, чрезмерно увеличенная, непостижимым образом сливалось с рукой гвардейца, другая, маленькая, свободно свисала у самого горла человека.

К ним подбежал запыхавшийся нарони. Он поклонился и заговорил.

— Ваше благородие, чужаки где-то рядом. Следопыты прошли по их следам. Следы обрываются на Мий-Руть-Ли. Старший думает, что чужаки пошли вверх по течению, стараясь обойти Священный Город по кромке льдов.

— Почему он так решил? — спросил один из гвардейцев, напыжившись.

— Так, вниз по течению море. Они сами себя в ловушку загнали бы.

Я молча усмехнулся, так как именно в ловушку мы себя и загнали. Тогда, когда согласились на поход. Но ничего, пусть побегают, поищут.

Один из солдат выругался и пошел в сторону города. Второй ещё немного постоял, а потом плюнул на песок дороги и пошёл следом. Нарони с какой-то тоской проводил их

взглядом и направился в обратную сторону.

Я осторожно встал, а потом быстро лег обратно. По дороге шел краб. Существо встало ровно там, где были воины. Оно несколько минут простояло, замерев как полупрозрачная статуя, внутри которой шевелилась непонятные вакуоли и ритмично дергались внутренние органы, едва различимые на просвет, а затем уперлось в песок клешнями. Краб поджал почти все ноги, кроме задних, а потом стало видно, что он меняется. Самая задняя пара конечностей стала увеличиваться, а остальные вовсе исчезли. Лапы его с хрустом переламываемых веток и хлопками пузырячатой пленки, подтянулись под середину туловища, отчего тот стал похож на какого-то робота на страусино-членистых конечностях. Когда метаморфоз завершился, краб оторвал клешни от песка и остался стоять только на двух ногах, а потом зашагал, плавно набирая скорость. К концу видимого мной участка дороги он уже бежал во всю прыть.

Я покачал головой, так как такого сюрприза не ожидал, и, осторожно перебегая от дерева к дереву, отправился к месту нашей стоянки. Забавно, наверное, выглядит скачущий туда-сюда куст.

Когда я прибыл на место, то чуть сам не потерял, где находятся машины. Заклинание невидимости надежно их прятало, а прозрачная, постоянно меняющаяся и журчащая поверхность воды довершала это дело. Члены моей команды развернули палатку среди деревьев, и она тоже попадала под чары, к тому же они понастроили мороков кустов столько, что со стороны это место казалось сплошной непроходимой колючей зарослью.

— У круглого озера. Там будет точка выхода, — произнес Мефистофель, возникнув, как чёртик из табакерки у меня за левым плечом, отчего я вздрогнул и чуть не ударил беса фокусным импульсом.

— Не надо так делать.

— Обосрался? — с ехидцей спросил бес, — ничего, главное не привыкать, а то втянешься и начнет нравиться.

Я вздохнул и пошел в палатку.

Сразу бросился в глаза Сорокин, который, часто дыша, сидел на брезентовом полу и с какими-то дикими глазами и кривой улыбкой раскрашивал снятые с БМП Луники черепа синей краской под Гжель. Сзади к нему прижалась Света, обняв паренька, и положив ему голову на плечо.

— Забавная шлюшка, — произнес бес, за что удостоился полного ненависти взгляда.

— Выкинь ты этого уродца, — произнесла со своего места Ангелина.

Я, проигнорировав это замечание, перевел взгляд на понурого деда и спящую у него под боком Ольху в личине кошки. Домовой тяжело вздохнул, а я бегло глянул на лежащую с краю Белкину, и лишь потом спросил.

— Оксана где?

— В речке между машин тонет. Она по воде стосковалась, — ответил домовой, прижимая к себе какую-то щепку и поглаживая кошку.

— Береста?

— Гербарии собирает.

— Понятно, — устало ответил я, а потом сел на пол и посмотрел на Ангелину. — Рассказывай.

— А я что? — спросила Ангелина.

— Ох, ни хренá себе, чего! Ты же ангел, как бы, да еще и мой хранитель. Я, между

прочим, об этом не знал. Колись давай, падшая.

— Что рассказывать? — закусив губу, произнесла она.

— Всё по порядку. Сколько тебе лет, для начала?

— Пассивных или активных?

— Мы о возрасте разговариваем или об ориентации? — съязвил я. — Лет сколько?

— Одиннадцать тысяч, но я бóльшую часть времени провалялась после изгнания в депрессии в режиме ожидания. Так что, фактически всего двадцать с лишним. Люцифер ставку на наивную молодь сделал, и темных богов. Я несколько раз выходила из режима ожидания, и все. Последний раз это было два года назад, как раз, когда блокаду колдовства сняли. Я всегда прошение о помиловании отправляла. Приходил отказ, и я снова в спячку погружалась.

— Дай угадаю. А тут тебе условия поставили, и ты ринулась их исполнять, как комсомольцы на стройке БАМа.

— Да, — насупилась Ангелина, — Условие простое. Помогаю по мере возможностей не подохнуть, а после твоей смерти меня рассматривают на аттестационной комиссии. В идеале ты умираешь в постели в преклонном возрасте.

— И за что такая честь? Я что, избранный? Как Нео в Матрице?

— Не обольщайся. Я одна из тридцати тысяч. Ты не избранный, ты маленький пунктик в отчете и строчка в громадном списке.

Рядом крикнул дед, привлекая к себе внимание.

— Я так разумею, это простой и проверенный временем выход. Дабы эти падшие не переметнулись к врагу, их нужно к делу пристроить, да еще и пряником сладким помахать перед носом. Я бы тоже так сделал.

— Политики, твою мать, — плюнул я на землю, — у меня в отряде восстания не будет, терминаторша хрёнова?

— Нет, — покачала головой Ангелина, — я домой хочу, очень сильно хочу.

— Хорошо, и с этим разобрались. У кого-нибудь еще сюрпризы есть?

— Нет, — почти хором отозвалась команда.

— Тогда ставлю задачи. Володя, ты отвечаешь за Урал, пока Ангелина не поправится. Дед, ты ухаживаешь за Бельчонком. Ангелина, поправляется и занимается грузовиком дальше. Света — по плану. Всем всё понятно?

— Да, — опять хором отозвалась команда.

— У нас шестнадцать часов есть, — произнес бес, — потом можно будет открывать портал.

— Хорошо, — ответил я. — Нужно будет подготовиться. Володя, Света, проверьте машины. А мне нужно чуть-чуть поспать, мне колдовать много придется. И так уставший.

Парочка быстро вскочила с места и умчалась выполнять задание.

— Я ему приказал испытывать боль, когда кровососка к нему прикасается, — произнес бес, — Для него ее объятия все равно, что прислониться к раскаленной печке, а он, сволочь, назло мне терпит.

— Зачем ты его мучаешь? — скрипнув зубами, спросил я.

— Потому что он моя вещь, — с улыбкой произнес бес, — и я не хочу, чтоб он это забывал, а то рисует всякие каракули про меня.

— Отпусти его.

— Нет. Он продал душу сам. Его никто не заставлял. Он мой.

— Отпусти по-хорошему.

— Не дави на меня, человек. Я не нарушил ни одного правила. За меня вступится вся Навь. Ты войны хочешь?

— Хотя бы отмени приказ на боль, — сглотнув вставший в горле ком горечи, произнес я.

— Пусть ангел попросит, — злорадно произнёс бес, — всю жизнь мечтал.

Я закрыл глаза, готовый сорваться и ударить это существо всем колдовством, что имею. Не знаю кто из нас победит, но это не играет роли, потому что... потому что он мразь.

— Я прошу тебя, — раздался тихий голос моей хранительницы, полный боли не меньше чем та, которую испытывает ее физически истерзанное тело.

— То-то же, — обронил слова Мефистофель и вышел из палатки.

— Тварь, — полетел вдогонку ему звучный эпитет из уст Ангелины, которая сделала долгий выдох, — была бы война, я бы его тут же грохнула, но сейчас перемирие. Нельзя. И судить его не за что. Он действительно в своем праве.

— А если без суда и следствия?

— Тогда я буду не лучше его. Я не могу. Я просто дождусь его промашки. Обязательно дождусь.

Я отвел взор, наткнувшись на сосредоточенный взгляд деда Семена, который все это время сидел тихо, словно обернулся мышью в чулане, а потом просто упал на спальник рядом с Александрой.

Я вздохнул и снова посмотрел на Александру. Девушка ровно дышла, словно просто спала. Я приподнялся на локтях и тихонько поцеловал ее в губы, почувствовав как ее дыхание участилось, а потом уткнулся, закрыв глаза, в ее плечо.

Я шел мстить за одну женщину, готовый умереть сам, а теперь нашел другую, и не хочу больше терять.

— Мы выберемся, я обещаю, — словно со стороны услышал я свой собственный шепот, проваливаясь в сон.

ГЛАВА 37. ПОДГОТОВКА К ПОБЕГУ

-- Егор Соснов — Тик —

Проснулся я от запаха еды. Кто-то разогрел кашу из сухого пайка и теперь молча постукивал одноразовой ложкой и дул на горячую гречку. Кто-то делал это так самозабвенно, словно в мире больше ничего другого не существовало.

Я пошевелил рукой, обнаружив, что во сне обнял Бельчонка, и теперь моя ладонь лежала на ее груди, обхватив пальцами одну из упругих выпуклостей женского тела. Я вздохнул и сел.

Этим кем-то была Ангелина.

— Всё хорошо? — спросил я, потерев руками затекшее ото сна лицо.

Она отложила консерву с ложкой и, завалившись на спальник, вытянула вверх отросшую наконец-таки ногу, шевеля пальцами, наслаждаясь целостностью тела. Я невольно задержал взгляд на ровных красивых ногах нашей атлетки. Она уловила движение моих глаз и слегка улыбнулась.

— Да. Даже очень. Этот уродец отвел глаза троим воякам заблудшим в наш район. Они решили просто срезать путь, а в итоге бродили лишние три часа, с удивлением таращась на пятую зарубку на одном и том же дереве.

Я кивнул. Бес, хоть и злит всех, но польза от него есть.

— Собирай всех. Будем тактику и стратегию разрабатывать.

После моих слов прошло немногим больше пяти минут, как все сидели в палатке, готовые слушать, внемлить и критиковать. Я не заставил их ждать, создав в воздухе иллюзорную модель долины в том виде, как я ее запомнил в бинокль. Даже птеродактили кружились вместо чаек над кусочком моря. А вот та сторона, которую я не видел, была запенена чёрным туманом, взятым по образцам из компьютерных игр, что было логичным и понятным шагом.

Я ткнул пальцем покрытый крохотным лесом участок, неподалеку от места, где ниточка дороги пересекалась с ниточкой реки.

— Мы здесь.

Палец сместился и показал на участок между городом и озером.

— Где-то здесь возникнет переход. Наша задача пробиться к точке выхода в момент открытия.

— Там их тьма тьмущая, — заговорила Ангелина, имея в виду созданий Великого Дома. — И всё под защитными заклинаниями будет.

— Я знаю. Мы сделаем несколько отвлекающих манёвров, — начал я, глянув на пометки карандашом, которые я сделал в брошюре, врученной мне Булычевым. — Но сначала нужно уничтожить мосты, иначе гвардия Великого Дома легко перебросит подкрепление из крепости. Вслед за мостами имитируем попытку прорыва сквозь их заслоны, я фокус с двойниками уже проделывал для Черной Орды. Но потом фантомы должны отступить.

— Какой в этом смысл? — произнесла Ангелина, посмотрев сначала на меня, а потом на хитро прищурившегося беса.

— Мы маскируемся и ждем, когда гвардия и крабы пройдут мимо, выискивая

отступающих нас, — я снова глянул методичку, — Это называется забазироваться. А потом мы быстрым рывком домчимся до реки.

— Хорошо, а кто будет взрывать? — уточнила молчавшая до этого Оксана, состроив ехиную физиономию.

— Ты, мое солнышко, ты, — произнес я.

— Ты рехнулся? Я что, похожа на чародейку? Я просто труп ходячий, — нахмурившись и сложив руки на груди, возмутилась навья, а все остальные с любопытством уставились на меня.

Я ткнул пальцем в объемную карту, заставив загореться на ней крохотный синий огонек, плывущий между маленьких корабликов, отражаясь от миниатюрного моря.

— Ты у нас водное существо. Тебе и карты в руки. Пройдешь по морю вдоль берега и поднимешься по руслу реки до ближайшего моста. Там всего сто метров от залива. У Ангелины осталось еще три взрыв-сферы. Ты прикрепишь их у опоры и уйдешь обратно. Второй мост уничтожаю я. Мои пчелы роем облепят и разом рванут. Больше я их не смогу создать, силы для другого пригодятся.

Сорокин что-то поковырялся в своем ноутбуке, а затем развернул его экраном ко мне. Стали видны изображения каких-то скриншотов из компьютерных игр. Стажер несколько раз потыкал пальцем в рисунок гротескной самоходки из популярной стратегии про космических десантников, бьющихся во славу их императора. Это была почти квадратная пародия на старые английские танки времен первой мировой с широкими гусеницами и коротким стволом огромного калибра на переднем наклонном листе. Сорокин сделал руками жест, словно стреляет из рогатки, а потом показал ладонью придуманную им траекторию полета иллюзорного снаряда, завершившуюся на том мосту. Я скептически посмотрел на стажера, в то время как ему сзади на шее повисла Света.

— Он хочет сказать, что надо симитировать дальнюю атаку, чтоб у врага были поводы для паники. И они гарантированно бросятся на морок пушки.

— Нас могут заметить, — произнесла Ангелина, склонившись к макету местности. — В ручье мы будем стоять или нет, при наблюдении в упор морок невидимости нас не спрячет, на нас просто-напросто наткнутся носом. Тем более с машинами мы через лес не проедем.

— Мы по дороге выскочим. У нас все равно другого варианта нет. Все их силы будут позади, останется только резерв. Мы мимо него проскочим.

Рядом с нами склонился бес, поглаживая рукой свою бородку, заставив своим присутствием скривиться мою хранительницу.

— Я могу отвести глаза ближним. А дальние пройдут мимо.

— Он не купится, — возразила Ангелина, кивнув в сторону Священного города, — он не дурак.

— Не дурак. Согласен, — продолжил Мефистофель, — но он псих. Я таких навидался вдоволь. Он не захочет ничего видеть, он как одержимый.

— Нарк, — вставила слово Оксана.

— В точку, наше мёртвое дарование, — произнес бес, подмигнув навье левым глазом.

— Речка, — выдавила из себя Ангелина, отодвинувшись с недовольной физиономией от беса. — Мы ее не пройдем. Она слишком глубокая.

— Два метра, — начал я ответ, — в том месте чуть меньше. Я на десяток секунд смогу сдержать воду силовым щитом. Сделаю брод примерно в метр глубиной, так что проскочим на полном ходу. Только вы меня потом в чувство приведите, если что. Я же могу сознание

потерять от натуги.

— Нет, блин, выбросим как балласт, — буркнула Оксана. — Вопрос один есть. Я плаваю как топор, даром, что ли утопленница.

— А ты по дну, — произнес бес, изобразив двумя пальцами бредущего человечка.

— По дну долго, — подумав, сказал я, рассматривая макет.

Пальцы нашарили в кармане длинный цилиндрик выглаженной течением, как галька, веточки дерева. Подарок богини реки Топь, которым она рыб превращала в различных созданий. Я достал на свет этот артефакт и подкинул на ладони.

— Значит так, Ангелина со стажером занимаются бомбами и макетом самоходки, а так же минируют местность. Мины должны сработать после нашего ухода, они задержат преследование. Что у тебя есть? — спросил я, посмотрев на свою помощницу.

— Десяток МОН-90 с рубленным серебром в пересмешку со стальными шариками монеты с заклинанием алой рапиры, ящик обычных гранат.

— Каких?

— ГРН, РГО.

— Хорошо. Доставай все это. Гранаты на ветках развесить нужно как шишки на елке, а потом на них наложить заклятье простейшего контроля. Бес готовит заклятья отвода глаз. Призрачные двойники еще с прошлого раза заготовлены, останется вписать им новый алгоритм поведения и добавить зрелищности. Света готовит машину к преодолению реки вброд. Береста на подхвате для фантомов и следит за Ольхой, чтоб она опять что не отчебучила. Мне здесь оторванные головы, сложенные в рядочек не нужны. А я займусь тобой, Оксана, русалочка ты наша.

— Эй, ты чего удумал? — чуть ли не криком возмутилась навья, выставив перед собой руки.

— Ничего особенного. Тебя же к жизни вернула хозяйка реки Топь. У нее для тебя подарочек есть. Заготовочка.

— Какой подарок? — сделав еще шаг назад, спросила Оксана. — Какая заготовочка?

— Будем из тебя самку Ихтиандра делать. Раздевайся, живо.

— Эхе-хе-хе-хе, — пропыхтел дед, — внученька, вот ведь какое дело. Ты все причитаешь, что никому не нужна, а вот оно твое предназначение — помочь нам выбраться.

— Я не хочу опытов над собой! Мне уже хватило, что на мне оружие испытывали, что меня душили, топили, травили серебром, использовали мою память против моей воли. Я не крыса какая.

Я подошел к навье и взял ее за руку.

— Я прошу тебя.

Оксана, сморщилась и вытащила свою руку из моей ладони, но потом все же сделала несколько шагов, встав рядом с Берестой. Я кивнул.

— Что нужно делать? — глядя исподлобья, спросила она, быстро скинув с себя форму, и оставшись стоять на лесной подстилке, в чем мать родила.

Берегиня не ответила, а просто обняла девушку, и они обе сделали три шага и сели на поросший травой берег речушки, опустив ноги в холодную воду. Я сжал артефакт и отдал мысленную команду. Оксана тут же выгнулась дугой, как эпилептик, хватая при этом воздух ртом.

— Я ног не чувствую, — выдавила она через силу, вцепившись пальцами в берегиню.

Девушка сползла в воду по пояс. Её всю трясло, и она вцепилась пальцами в руку

берегини.

Навью окружила вся команда. Сорокин снимал процесс на видеокамеру.

Тем временем журчащая вода стал темной от крови, которая проступила на теле девушки ниже пояса. Кожа ног и бедер стала сползать как с ошпаренного тела.

— Они что в хвост сливаются? — трясущимися губами спросила Оксана, с силой приподнявшись на локтях и всматриваясь в реку.

Я промолчал, так как с костей начало отваливаться мясо, большими лоскутами уплывая вниз по течению. Это было страшно. Оголились суставы тазовой части, ноги стали просто анатомическим пособием для археологов, поблескивая голой костью. В какой-то момент конечности окончательно отделились, упав на каменистое дно реки, словно ветки деревьев.

— Остановите это, — прошептала Оксана, окинув взглядом сосредоточенную Бересту, ухмыляющегося беса, зажавшую ладонями рот Свету и меня.

Я прикоснулся своей силой к заклинанию, которое сейчас перекраивало тело девушки. В колдовство была вложена подробная инструкция, и она гласила, что все идет по схеме. Значит так и задумывалось.

Тем временем оголившийся копчик стал удлиняться, вытягиваясь в длинный костлявый хвост, перетянутый сухожилиями. Плеть колыхалась течением в холодной прозрачной воде. Это логично. Ноги не могли стать хвостом. Оставалось преобразовать рудимент части тела в полноценный орган.

Хвост вытянулся на полтораметровую длину, и стал плавно покрываться мускулатурой, которая наливалась объемом прямо на глазах. Поверх мышц протянулись кровеносные сосуды. Органы промежности деформировались, заняв другое положение и став похожим на таковые у морских млекопитающих.

Оксана стиснула зубы и засопела, еще сильнее вцепившись в Бересту.

Всего полчаса. Полчаса пытки. Завершившейся тем, что на мускулистом хвосте, обзаведшемся небольшой жировой прослойкой в районе таза, стала утолщаться и темнеть пленка, становясь гладкой как у дельфина кожей. Конец хвоста тоже изменился, приобретя раздвоенный плавник.

Оксана судорожно дернулась, несколько раз ударив новой частью тела по воде, подняв тучу брызг, а потом расслаблено обмякла.

— Ты как? — тихонько спросил я, наклонившись над девушкой.

— Пошли вы все в задницу, — ответила утопленница, не открывая глаза.

— В порядке она, — усмехнулся дед Семен.

Откуда-то выскочила Ольга и с широкой улыбкой брякнулась прямо на живот навье.

— Уйди, — процедила та, а потом все же открыла глаза, и приподнялась на локтях. При этом ее хвост выгнулся вверх, показав на водой плавники, похожие на дельфины.

Все с замиранием дыхания глядели на новоявленную nereиду, а она скинула с себя лесавку и развернулась на живот. Стало видно, что тонкая полоска темной китовой кожи тянулась вдоль позвоночника от хвоста почти до шеи.

— Больше никогда не просите о таком, — произнесла девушка, а потом добавила: — Вернуть облик потом можно?

— Да, — произнес я, — иначе бы не просил. Ладно, осваивайся, мы займемся остальным.

Оксана тихонько сползла в речку и стала там медленно плавать, цепляясь за камни руками, и неловко делая всплески хвостом, как огромный лосось на нересте. Я повернулся к

Сорокину.

— Где твоё?

Он указал рукой в сторону, где уже стояла иллюзорная самоходка. Она была как настоящая, и здоровенная, как амбар. Если бы существовала в реальности, то перегородила бы реку как плотина. Ее сложно было бы не заметить, темно-синюю, изукрашенную золотистыми барельефами черепов, обрамленных лавровыми венками, огромной римской цифрой три на бортах, и кучей алых печатей со свисающими от них разноцветными лентами по всему корпусу.

Там же на траве на берегу лежали три взрыв-сферы. Если бы их можно было запустить издалека, то все было бы куда проще, но защитный барьер, лежащий на долине незримым напоминанием о мощи Великого Дома, не даст осуществить такую задумку. Не поможет нам и трешет. Его очень долго создавать, его невозможно двигать. Во время создания, мы станем слишком легкой мишенью, к тому же нужно длительно прицеливать. Оставалась только диверсия.

Я выставил перед собой ладонь, и на ней возникла слегка светящаяся желтая пчела. Первый мост без всяких сомнений разматывает при взрыве трех сфер. Сколько же понадобится моих маленьких летающих мин, чтоб уничтожить второй? Тысяча? Две? Три? Наверное, все же три. Чтоб наверняка. А еще ведь нужно поддержать наших двойников.

Пчела взвилась в воздух и зависла на расстоянии вытянутой руки, а потом на ее месте возникло мое зеркальное отражение. Только в отличие от обычного, это жило собственной жизнью, хмуро наблюдая мир вокруг.

— Я готова! — раздался из речки голос навьи.

Сорокин подскочил к взрыв-сферам и стал их складывать в сетку, похожую на огромную авоську. На сферы я уже наложил заклинания вариации веса. Это разновидность облегчителей. На воздухе они легкие, а в воде компенсировали выталкивающую архимедову силу, придавая объекту нейтральную плавучесть.

ГЛАВА 38. ПОБЕГ

-- Егор Соснов — Тик —

Я проводил плывущую в мелкой реке навью почти до самого моря, набрав в очередной раз воды в ботинки и намокнув по колено. Из снаряжения и одежды на ней были только часы и силиконовый шнур с прицепленным к нему смартфоном, который мы запаковали в водонепроницаемый пакет. Он сейчас болтался у неё на шее, как рыба-прилипала у морского создания.

Девушка, ухватив сеть со сферами, осторожно начала красться вдоль каменистого берега моря. Она периодически высовывала голову, чтоб сориентироваться в пространстве. Она плыла, а я ждал, готовый молиться всем богам, дабы они сберегли Оксану.

Я глянул на часы. По всем расчетам, наша доморощенная русалка уже должна быть на месте. Руки сами собой поднесли бинокль к глазам, приближая стену, реку под ней и охрану. Там царило напряжённое спокойствие.

В нашем лагере все было уже готово. Бес наложил на наше убежище морок большого валежника и раскидывал по окрестности щепки, соструганные с долго и придирчиво выбираемого им дерева. Он говорил, что это нужно для отвода глаз.

Я снова глянул на циферблат часов. Когда пиликнул сообщением прямой передачи смартфон, у меня сдали нервы и я вздрогнул. Текст гласил: 'SOS'.

— К чертям собачим, — выругался я и снова глянул бинокль, а потом послал ответ: 'Сферы', в надежде, что она поймет, что будем их рвать, и нужно держаться от них подальше.

На стене началась какая-то возня. Гвардейцы забегали по стене, показывая руками на реку внизу. Наверное Оксана чем-то выдала себя. Можно долго гадать, чем именно, но это и не важно. Главное выручить её. Наше представление отвлечет внимание, и даст возможность проскочить с минимальным ущербом. Убить ее не так просто. Поэтому за всякие луки и стрелы можно не переживать.

Я бросился в лагерь. Никогда так раньше не бегал. Бежал, спотыкаясь о камни и корни деревьев, несколько раз поднял брызги мелких ручейков. Когда примчался к точке нашего схрона, то лишь замахал рукой и побежал к краю леса творить намеченные чары по сценарию, краем глаза отметив, что все начали занимать места согласно расчёта. Уже на бегу вспомнилась странность одетого в какую-то черно-красную, словно заляпанную свежей кровью экипировку Сорокина.

На краю лесного массива я прислонился к дереву, чтоб отдышаться и взмахнул рукой, начиная колдовать. Из леса, прямо сквозь деревья, проехала, дребезжа гусеницами и пыхтя как паровоз, самоходка. За ними следом выскочила БМП, Урал и Тигр. Иллюзии были столь достоверны, что даже я бы поверил в их реальность.

Не давая себе передышки, я плавно провел рукой слева направо, отчего в воздухе начал кружиться рой моих пчел, все увеличиваясь и увеличиваясь. У них будет несколько минут, чтоб долететь до моста, если не успеют, то неведомый Великий Дом их попросту развеет без следа и пользы для нас.

Я указал ладонью на цель, и жужжащая масса отправилась в полет, уподобившись стелящейся над землей туче. Рядом сверкнула едва слышным выстрелом ненастоящая пушка, оставив клубы сизого дыма. Сразу за этим в реке у стены взметнулся огромный столб

грязной воды вперемешку с камнями. Это детонировала сфера. Но мощность взрыва была слишком мала для всех трех. Неужели Оксана разделила ношу и бросила их по одной.

Я щелкнул пальцами и прогремел новый взрыв, поднявший на воздух обломки моста. Она все же сделала то, что нужно. Осталась еще одна сфера. Я снова щелкнул пальцами, отдавая приказ на взрыв и выстрел иллюзии. Снова сверкнула дымным пламенем самоходка. Снова столб грязной воды.

Земля под ногами дрогнула, и из речки на уровень башен поднялось щупальце. Она было толщиной с автобус, эта громадная конечность неведомого монстра. Я поднял бинокль и стал всматриваться, увидев падающую вниз вместе с водой тонкую фигурку с рыбьим хвостом.

Щупальце начало плавно опускаться, норовя прихлопнуть надоедливое насекомое, что посмело проскочить в его реку. В воображении рисовался громадный кракен, сторожащий бухту, ведь это он разнес мост, стремясь помешать нашему продвижению. Не мелочится местно божество, однако, со зверушками.

Оксану нужно выручать. Черт с этим мостом, справимся как-нибудь. Я взмахнул рукой и перенаправил свой рой на новую цель.

Оксана упала в реку, а следом рухнуло щупальце. Я успел заметить, что существо ранено, и поэтому удар пришелся не на нашу подругу, а на крепостную стену. Под тяжестью чудовищной конечности верх стены лопнул и посыпался обломками. Все, что было на том участке, тоже рухнуло вниз, а это были надстройки, солдаты и оружие.

Бегавшие под стеной крабы почти одновременно достали из воздуха своими стеклянными клешнями оранжевые искры и выщелкнули их. Не в макеты наших машин, и не в призрачную самоходку, а в меня. Я едва успел поставить щит, как в него и в землю вокруг него, попали эти непонятные снаряды чужого оружия. Взметнулась комьями земля. Посыпались оторванные ветки, сломанные стволы деревьев, начали оседать листья. По щиту прошлись кругами как на поверхности пруда многочисленные волны поглощения, каждый из которых отзывался во мне ударами бейсбольных бит по голове.словно я попал под обстрел дивизиона систем Град.

Сознание помутилось. Но я успел увидеть, как растаяли мороки машин, а вода в реке закипела белыми искрами взрывов моих пчел.

Меня кто-то подхватил и поволок. Когда я пришел в себя, то сначала увидел странный доспех Сорокина, и только потом обеспокоенные лица моих товарищей.

— Что с Оксаной? — выдавил из себя я вопрос.

Вместо ответа, стоящая рядом Ангелина приложила палец к губам, а потом подвинулась ближе и заговорила едва слышным шепотом.

— Оксана в норме. От нее плюстик пришел. Она под вторым мостом спряталась, хорошо, что ты его не разнес. Эта хрень бушует, — кивнула она в сторону Священного города, где громадное щупальце продолжало цепляться за стену, кроша камень.

Я кивнул, переваривая информацию.

— Ты сможешь колдовать? — переспросила моя хранительница.

Я снова кивнул.

— Минут через двадцать, не раньше.

— Хорошо. Как раз всякие твари мимо пройдут. Все получилось не так, как задумывали, но в конечном итоге они бросились нас искать.

Я, наконец, смог оглянуться, увидев вокруг себя, прозрачные силуэты машин и морок

большого валежника, должного создать видимость непроходимого места. Валежник был похож на тот, что готовили создания этого мира, готовясь задерживать течения рек. Сами мы превратились в кусты.

Ждать пришлось долго. То и дело приходили отклики от оставленных заблаговременно маячков, о том, что противник миновал ту или иную точку. Совсем рядом прошел огромный паук-сенокосец, треща ветками деревьев и осыпая с них листья. Прошло два краба. Они беззвучно форсировали реку, освещая подлесок и закрытую плотными кронами воду своими ядерными 'апельсинками'. Следом, шумно топая, треща палыми ветками и пыхтя, прошел отряд гвардейцев, держа искры поменьше в своих клешнях-симбионтах. Они периодически переговаривались, и пугливо озирались. Если бы это был земной отряд, то они двигались бы перебежками от ствола к стволу, а так шли кучей, прикрывшись щитами. Это было нам на руку.

Бес стоял посреди иллюзорного валежника и, раскинув в стороны руки, бормотал себе под нос. Он колдовал, отводя взор людям.

Пришел отклик от очередного маячка, и стоящая рядом Ангелина щелкнула пальцами. Где-то вдалеке в лесу застрочили автоматы. Это была очередная ложная цель, имитирующая наш отход, призванная еще дальше завлечь преследующего нас неприятеля.

Рядом шмыгнула носом Света. Я поднял глаза на неё.

— Что стряслось?

Она молча кивнула на Сорокина, который стоял со стеклянными глазами, экипированный в странный доспех, похожий рыцарский и в то же самое время уподобившийся комплекту боевого снаряжения. Во всяком сочетании шлема, снабжённого пышным плюмажем, и кевлара вместо кольчуги делало все это сюрреалистичным. Забрало из ударопрочного стеклопластика соседствовало с тяжелыми наплечниками и стальной кирасой, на которой были выгравированы непонятные символы и барельефы со сценами сражений. Его броня была выкрашена в черный цвет, подчеркнутый медными гранями, а поверх воронения словно плеснули кровью.

— Что с ним? — спросил я, хмуро разглядывая его странный доспех.

— Бес психует, — начала шептать Ангелина, — он хочет из нашего любителя компьютерных игр рыцаря смерти сделать. Так сказать, на устрашение публики. Говорит, раз любит, значит и подохнет таким. Он его хочет оставить прикрывать наш отход. Говорит, что не позволит рухнуть своей мечте.

Я снова перевел взгляд на Свету, та одной рукой утерла слезы, а другой сопли, текущие ручьем.

— Это мы еще посмотрим, — буркнул я, а потом подошел к вампирше и снял с ее экипировки небольшую стальную застежку-карабинчик, которую сжал в ладонях, прошептав заклинание.

— Не реви.

Я зашел к Сорокину сзади и пристегнул карабин на одной из петель у него на броне, куда должен продеваться плащ.

— Смотрите, — вдруг произнесла Ангелина, а потом показала куда-то.

Я пригляделся. В нашу сторону двигалась самая настоящая изумрудная стена огня. Это вспыхивали деревья и трава. Не было горения в том смысле, что не текли языки пламени, не было дыма, отсутствовал жар. Это было действительно похоже на флюорисцентную краску, подсвеченную быстро движущейся ультрафиолетовой лампой. Скорость волны по моим

оценкам составляла четыреста небольшим километров в час.

Я хотел зажмуриться, но эта волна прошла сквозь нас, оставив медленно гаснущие, словно фосфорные, витающие в воздухе пылинки. После нее тлели разными оттенками отпечатки наших пальцев на вещах, подобно догорающим уголькам.

Я посмотрел на свои руки. Сквозь кожу пылали вены, артерии и капилляры, словно их заполнили тонюсенькими красными неоновыми лампами. При этом я ничего не ощущал, ни боли, удара, ни электрического покалывания, словно эта волна несла в себе только свет. Ритмично бьющийся пульс на левой руке, вспыхивал потихоньку слабеющим маячком. Я поднял глаза на остальных, увидев ошарашенные лица. При этом их глаза до сих пор сияли остаточным излучением этой волны, белым, как светодиодный фонарик. Разве что у Ангелины огонек было янтарно-желтым, а у берегини изумрудным, хотя у Светланы тоже глаза были белыми искрами, несмотря на естественный красный цвет радужки. Через несколько минут от этого странного свечения не осталось и следа.

— Они остановились и поворачиваются, — произнесла Ангелина. — Оно сканирует, как радаром местность. Нас вычислили — проговорил я, сглотнув и проведя ладонью по своему лицу. — По местам.

Все быстро разбежались по машинам. Я дождался, когда последний займет место согласно расчета и заведутся машины, а потом звонко хлопнул в ладони, зная, что нас в этот момент слышали и заметили. Это привело в действие несколько заклятий.

Там в лесу, где сейчас были наши преследователи, в воздухе возникли шесть пылающих золотым светом ангелов в белых длинных одеяниях, расставленных на дистанции пятьдесят метров один от другого. Иллюзорные создания, все как один с лицами печальной Анны, расправив прозрачные крылья, выставили вперед ладони. Это я оставил им открытку. Моя ныне покойная жена так бы и поступила.

— Не смей приближаться, если вам дорога жизнь! — разнеслось шесть одинаковых, словно эхо, голосов, говорящих на языке сель.

Я не видел, но представил смятение в глазах воинов, увидевших такое зрелище. Солдаты наверняка замерли, в нерешительности. А вот стеклянистых ракообразных это вряд ли остановило.

— Вперед! — заорал я.

В тот же миг Тигр рванул с места, выбрасывая из-под колес речную гальку и поднимая брызги. Я вцепился в рукояти, так как сильно трясло. Света, утирая рукой слезы, включила дворники, начавшие сметать с лобового стекла потоки брызг. В зеркало заднего вида мелькнули Урал и БМП.

— Поворачивай, — кирнул я, когда мелькнул просвет дороги среди деревьев.

Света выкрутила руль и машину занесло. Галька и вода, сменились потоками песка и листвы, поднимающихся в воздух. Трясти стало не меньше и тогда, когда выскочили на открытое пространство.

Я старательно выглядывал погоню, выглядывая в узкое окно внедорожника. Когда проехали примерно километр, сзади стали доноситься гулкие взрывы. Лес затрясся и заполнился едким пороховым дымом. Я очень надеялся, что это не люди, а прозрачные создания Великого Дома, без раздумий бросившиеся вслед нам.

— Нахрен! Нахрен все это! — вдруг заорала Света, резко сбросив скорость.

— Ты что делаешь?! — так же громко отозвался бес, — К стажеру хочешь?!

— Иди нафиг! Вперед смотри!

Я тоже повернул голову по направлению движения. И сразу стало понятно, почему тормозит Светлана. Дорогу нам преграждали люди, люди и нарони. Но это были не воины. Это были женщины и дети. Они стояли плотной цепью, держась за руки.

— Тормози! — заорал я, упершись руками в переднюю панель машины.

— Дави их! — кричал бес.

Света бросила взгляд в зеркало заднего вида и начала еще больше сбрасывать скорость. Я мельком обернулся, увидев выскочивших из леса крабов, которые мчались за нами так, словно это были беговые тараканы. Они держали в клешнях оранжевые искры, но не стреляли. Просто старались нагнать.

— Вот блин, вот блин, — прошептал я, лихорадочно соображая, что можно в этой ситуации сделать. Монстры все приближались, а до живой преграды осталось всего пятьсот метров.

— Открой, — услышал я шипящий голос, доносившийся из барсетки на поясе.

Это высунулся Полоз. Я не стал размышлять, а просто доверился змёу. Когда я открыл дверь, то он выпал в траву и стал увеличиваться, ползя к реке. Пока он полз, по его толу проскакивали волны фиолетового свечения. С каждой такой волной он увеличивался, а увеличиваясь, двигался все быстрее. Вскоре он стал размером не менее двух десятков метров и толщиной с добрую свинью.

Полоз быстро скользнул к людям и, подняв голову на высоту человеческого роста, громко зашипел.

— Проч-щ-щ!

А потом древний змей, открыл пасть и бросился в толпу. Он не хотел никого убивать, но во всех нас сидит первобытный страх перед ползучими гадами, ну, а уж если перед тобой сам прародитель этих созданий, то инстинкт подскажет только одно: бежать. Я видел как люди и нарони с криками и вытаращенными глазами бросились в рассыпную.

— За ним! — прокричал я, — Газу! Газу!

Одновременно с этим со стороны Урала в группу монстров с характерным свистящим ревом ушел, оставляя едва заметный дымный след, гранатометный выстрел. Одного из крабов взрывом отбросило назад, где он стал закувыркаться на месте, поднимая конечностями камни, комья земли и пучки вырванной травы.

Полоз быстрыми зигзагами добрался до реки и скользнул в воду. Течение даже не замедлило этого колдовского исполина. Когда голова его показалась на том берегу, хвост только нырнул.

— Воду! — закричала Света.

— Ближе давай! — ответил я, стараясь сосредоточиться.

Барьер я привык ставить, а вот делать из него плотину приходилось впервые. Я вытянул вперед руку, концентрируясь на чародействе, истощенный роем пчел и защитой от той массивной атаки. Но почему они не выщелкивали в нас свои рыжие огоньки? Почему? Ведь мы сейчас были почти беззащитны, да к тому же потеряли время.

Если блок взрыва силовым щитом похож на удар по голове, то удерживание потока целой реки сродни зубной боли, выворачивающей на изнанку, заставляющей стискивать руками поручни, вызывающей желание скорейшего избавления от нее. В глазах стояла красная пелена, а само восприятие замутилось.

Река впереди выгнулась двумя стоячими по обе стороны, образуя брод. С каждым мгновением левый водяной вал все нарастал, норовя сломать барьер. Если Моисей

действительно существовал, и действительно заручившись поддержкой Всевышнего развел целое море, то мощь Всесоздателя даже трудно представить. Ни одному магу и близко не приблизиться и к миллионной доли его могущества.

Машины нырнули в обмельчавшее русло реки, подняв фонтаны брызг и ударив нас о камни. От неожиданности я выпустил поручень и разбил себе губу, из которой по подбородку побежала кровь, капая крупными каплями на форму и снаряжение. Боли я даже не почувствовал. А впереди нас в двух километрах уж начал кружиться вихрь портала.

— Тормози! — закричал я, когда Тигр выскочил на противоположный берег.

Бронированный джип заскреб колесами мокрую гальку, когда Света нажала педаль, а выскочил из кабины и, шатаясь, подошел к воде. Урал вылезал из обмелевшего русла на половину, а БМП ещё плелось по реке.

Я с наклонился, все еще держа барьер и ожидая Оксану. Она не могла не заметить наше форсирование вброд.

И не зря я поставил защитный барьер, выжигая последние силы. По голове несколько раз прокатился откат от заблокированных 'апельсинок', пущенных со стены. Они били редко, стараясь прицельно поразить меня. Я поднял Каштан и пустил короткую очередь, заставив стражников попрыгаться в бойницы. Но в ответ в землю воткнулся целый десяток обычных стрел.

— Лови! — раздался крик, а следом Оксана уцепилась мне за штанину пальцами, и взбивая воду хвостом.

Снова прилетели стрелы, проскользнув совсем рядом. А еще к нам по уцелевшему мосту бежали стражники, оставшиеся в городе.

Я ухватил навью за руку, а следом меня отбросило от реки волной воды. Перед глазами мелькнуло огромное щупальце, которое, казалось даже, стало больше. Загрохотал кувыркающийся по берегу Урал, выламывая дуги, рвя тент, коверкая кабину. Осколки вылетевшего стекла смешались с брызгами холодной воды и поднятой в воздух галькой. Он сделал пару оборотов и остановился, лежа на боку. Стажер, которого я притянул к кузову нехитрым спасательным заклиниванием, работавшим как страховочный трос у альпинистов, цеплялся за землю руки, волоча сломанные ноги и закинув АК-74М за спину. Он сейчас не чувствовал боль, будучи превращенным приказом беса в боевой механизм, идущим в бой на смерть.

Ангелина что-то копошилась в смятой кабине, потом та с лязгом вспучилась, как просроченная консервная банка, высвобождая свою пленницу. Девушка выпала через пустующий проем лобового стекла. Она держалась за руку, а по ее лицу текла кровь из рассеченного лба.

После такого удара все колдовство, наложенное на машину, развеялось. Теперь на земле валялись, помимо обломков, все наше оборудование, палатка и вспученные бочки с топливом, из которых струями била солярка.

Рядом что-то глухо хлопнуло, потом на щупальце мелькнула яркая белая вспышка. Я как в тумане повернул голову. Это стажер выстрелил из подствольного ГП-25 зачарованной гранатой.

Щупальце поднялось в воздух еще раз, но на этот раз, сжав БМП в своих кольцах, сминая и ломая, как пивную банку. И по нам били стрелы. Одна из них вскользь обожгла мою спину, воткнувшись в землю, а вот Оксане досталось целых четыре, пригвоздив навью к грунту, как бабочку булавкой. Еще три десятка воткнулись совсем рядом.

Из Тигра выскочили Света, Береста и Мефистофель.

Бес пробежал сто метров к арке храма, а потом встал, вытянув в руке взятый у меня на бегу компас. Он творил портал, который вернет нас домой.

Света и Береста подбежали к Сорокину. Берегиня быстро коснулась его затылка ладонью, заставив обмякнуть, а потом они схватили его за руки и поволокли к машине. Я приподнял дергающуюся как окунь на крючке Оксану так, что стали видны почерневшие от ее проклятой крови наконечники стрел, торчащие снизу.

С грохотом и всплесками в реку упала искореженная боевая машина пехоты, уронив рядом башню, правую гусеницу и несколько катков. Кормовые двери болтались на петлях, словно детские погремушки. БМП сразу же наполнилась водой и осталась лежать возле берега.

Лежавший рядом Полоз вытянулся, погружаясь на половину в быстрые волны. Течение стаскивало его в воду, так как зацепиться в таком положении ему было не за что. Пришлось еще поднапрячься и придержать телекинезом исполинского змея, зато тот выгнулся, вытаскивая сжатую в челюстях демоницу вымершей южноамериканской цивилизации.

Щупальце снова взметнулось в воздух, да так, что сломало оставшийся мост в город, разметав стражников на нем. Исполинская конечность огромным кольцом рухнул на землю, преграждая нам путь к portalу. Под чудовищной тушей заскрежетала ломающаяся галька. Его невозможно было сдвинуть, и так же сложно обойти. Это походило на ловлю хомячков вручную, только грызунами были мы.

— Ножом его! — закричала Ангелина.

Я обернулся на приближающихся к нам полупрозрачных созданий с зажатыми в клешнях оранжевыми искрами и тянущихся за ними гвардейцами, а потом сделал небольшое усилие телекинезом, отчего Черная Игла выскочила из ножен и привычно легла в ладонь. Я взял хрипящую Оксану, волочащую темно-серый хвост по земле, и цепляющуюся длинными волосами за камешки, поперек пояса, подошел вплотную к желтовато-серой конечности и воткнул в бугристую кожу клинок. Неизвестно, сработает ли колдовское оружие на этого исполина из другого мира.

Острые вошло тело, почти не встретив сопротивления. Рана ярко вспыхнула рубиновым огнем. В ту же секунду щупальце сжалось, словно ужаленное шершнем, едва не выдернув у меня из рук кинжал. По нему прошла волна судорог, и оно отпрянуло к океану на добрые две сотни метров. Одновременно с этим земля под ногами дрогнула, пойдя волнами. Неподалеку от нас стену расколола большая трещина, разорвав следом всю долину. В цитадели рухнула одна из смотровых башен, подняв пыль выше стены. В разрыв земли хлынула река, создав два небольших водопада, так как не успевшая сбегать в океан вода из реки хлынула обратно. Прозрачные создания уже были на подступе к пересохшему руслу, а сзади нарастал гул ветра.

— Уходи! — раздался крик беса. Я обернулся. Мефистофель стоял возле огромной ревущей воронки портала, и махал мне рукой.

— Ты должен завершить петлю той нити, что повела тебя сквозь Явь и Навь в другой мир! — продолжил он орать. — Ты должен вернуться! Ты должен закончить поход!

Вернуться я желал всем сердцем, и меня не нужно было заставлять. Только вот отступающее щупальце задело вытаскивающих Сорокина Бересту и Свету. Обе девушки сейчас корчились неподалеку от неподвижного стажера. Из сломанных конечностей торчали кости, а у вампирши так и вовсе нога болталась на одних лоскутах, не будь они нежить,

давно бы скончались. Их сшибло и проволочило по гальке, перемолов как в жерновах.

— Брось их! Они не нужны! — перекрикивал ревущий шторм портала Мефистофель.

— Иди в пекло! — ответил я и, положив в открытую заднюю дверь бронированного внедорожника Оксану, побежал на помощь. Дед Семен втянул ее поглубже в салон. Был он хмурым да со столь жестким взглядом осунувшегося и выглядящего на все свои десять тысяч лет старца, что оторопь брала. Рядом с ним таращила испуганные глаза Оляха, боявшаяся покинуть машину, словно и не она рвала тогда воинов у замка Бурбурки в облике страшного монстра. Словно она всегда была маленькой беззащитной девочкой.

— Брось их! — еще громче закричал бес, — не для того мы прошли все это, чтоб остаться у самой двери!

— Ты так ничего и не понял, — произнес я, подходя к девочкам.

Рядом присела Анегина с неестественно вывернутым запястьем.

— Я возьму Свету, она полегче, — сказала хранительница, взяв целой рукой вампиршу и осторожно приподняв ту. — Ну почему так больно быть человеком, — со стоном произнесла она, подставив колено под изломанное тельце упырицы-водительницы, чтоб поудобнее перехватить.

— А ты все завидуешь? — усмехнулся я, взяв Бересту.

— Да бросьте вы их! Эти твари рядом! — снова прокричал бес. — Я вас прокляну! Я не позволю рухнуть моей мечте из-за сентиментальных придурков!

— Не позволишь? Садись за руль и едь в портал!

— А ты?!

— А я никого не брошу!

— Прокляну! Прокляну! — психовал бес, но все же, испарившись в воздухе, возник в машине на водительском месте.

Мы вручили деду Семену девушек, а потом вернулись за Сорокиным. Чтоб хоть как-то задержать погоню, я из последних крох своих колдовских сил создал небольшой рой, отправив его на перехват самых прытких созданий Великого Дома. Пчелы умчались к вставшим на две ноги крабам, исчезая в чередке ярких белых вспышек, и отрывая конечности и стебельки глаз у этих существ.

Сорокина мы просто на ходу бросили в салон, а сами заскочили сверху, и стали держаться за направляюще системы пуска дымовых гранат.

— Гони! — прокричал я на беса, и тот выжал педаль газа, заставив машину рвануть с пробуксовкой.

Портал был совсем рядом, рукой дотянуться можно было, когда нас догнали искры. Штук шесть подняли землю из-под левого борта, а одна ударила точно в водительскую дверь. Машина заскочила в воронку на правых колесах, так как другие просто не касались грунта. Суммарный взрыв не уступал по мощности артиллерийскому снаряду. Оранжевые всполохи и ударная волна оглушила меня. Вот только с машины меня сбила не она, а нечто черное, возникшее, словно, из ниоткуда.

****

Кластер скрытого действия умеет ждать и нанести один нужный удар в нужное место. Но он свершил нечто большее, он порвал нить, связующую миры, напав на этого мага, и смешав свою ауру с его. Всего на одно мгновение, но этого оказалось достаточным.

ГЛАВА 39. ТЬМА

-- Егор Соснов — Тьма —

Я упал на землю, захлебнувшись воздухом в отшибленных легких. Я упал, а вокруг была только тьма, освещаемая только огням нашей машины и всполохами молний, бьющих в глубине быстро сужающейся воронки портала. Все это промелькнуло перед глазами как некий калейдоскоп, а потом огромная туша твари Черной Орды навалилась на меня всем своим весом, и только слабенький щит, созданный мной, держал Мясника. Это было сравнимо с попыткой защититься обычной палкой, выставив ее между собой и бешеной собакой.

Щит вот-вот был готов сдаться, оставив меня наедине с тварью, пытающейся дотянуться до моего лица когтистыми лапами. Он уже оставив несколько глубоких царапин на руках и разодрав экипировку. Я не думал, откуда он взялся, я просто хотел жить.

Рядом со мной по земле ползала Ангелина, пуская пузыри из разорванного горла. Видимо, первый удар монстра пришелся на неё.

Я лежал на черной земле и не мог дотянуться до иглы, что могла бы меня спасти.

Это, наверное, был конец. Но мир решил со мной не согласиться хлопнув пятью негромкими выстрелами. Монстр выгнулся дугой, потянувшись лапами за спину, словно стараясь вытащить занозу.

Это дало мне маленький шанс, и я воспользовался им. Я ухватил первое, что попало под руку и ударил уroda. Этим чем-то оказалась спица-переводчица. Тонкий острый артефакт вошел в пародию на лицо почти до середины. Мясник судорожно задергался, как будто его было током. Да и я не мог разжать ладонь, зажав в ней спицу. Наконец, тонкая вещица со звоном лопнула, отдавшись дикой болью в руке.

Я толкнул чудовище ногой, и Мясник упал на бок тяжелой неподвижной тушей. За ним в свете габаритных огней Тигра стала видна Александра, держащая подарочный револьвер.

— Ты цел? — тихо спросила она трясущимся голосом.

— А ты? — так же тихо задал вопрос я, с силой выдавливая из себя слова.

— Меня из сна ночницы вывели. Они мне показали кошмар, который заставил меня вынырнуть из небытия. Они показали твою смерть.

Я промолчал, горько усмехнувшись, уже зная, как отблагодарю этих ночных духов.

— Где мы? — после некоторой заминки спросила Александра.

— Не знаю, — ответил я, медленно сев и скривившись от боли повернув голову в бок. Эмоции словно выключили, оставив одну лишь смертельную усталость.

Вокруг была только тьма. Под пустым провалом черного неба не было, казалось ничего. Под ногами слегка поблескивали в свете электрических огней похожие на каменный уголь валуны, утопающие в чем-то похожем на угольную пыль.

— Это не Земля, будь оно неладно, — раздался голос домового. — Но потом разбираться будем, сначала нужно Ангелине помочь, и Свете, и Бересте.

— Да, надо, — застонав от боли произнес я, медленно встав.

— Мы ведь умрем? — вдруг спросила Александра, безвольно опустив руку с револьвером. — Почему?

— Посмотри по сторонам. Этот мир наполнен Черной Ордой. Это ее логово.

Я поднял ладонь и сотворил пчелу, вложив в нее единственное заклинание — фонарик. Колдовское заклинание с тяжелым жужжание сорвалось в полет, уподобившись громадному светлячку. Оно пролетело несколько десятков метров, прежде чем выхватить из тьмы замершие силуэты оскалившихся в тишине и сверкающих глазами тварей.

Одно из чудищ клацнуло зубами, погасив огонек. Они не нападали. Им некуда было спешить. И да, мы умрем.

— Она! Моя! — разорвал тишину истошный женский крик на языке сель. — Она моя!

Земля дрогнула, когда рядом с нами на толпу тварей обрушилось огромное щупальце, вздымая черную пыль. Во тьме стали разгораться оранжевые огоньки. Десяток. Сотня. Тысяча. А потом тьма вокруг нас разорвалась. Пылающие 'апельсинки' обрушились на Черную Орду, а та, взревев несметным числом голосов, хлынула на созданий Великого Дома. Закипел неведомый бой, в котором наши враги стали рвать друг друга, словно дикие звери, не поделившие добычу.

А еще там грянули выстрелы.

В небо взвилось само настоящее оранжевое солнце, как гигантская осветительная ракета. Рядом повисла в небе еще одна, выдергивая из темноты кишашую черную долину.

И из всего этого ада к нам шли фигуры. Хрпакая девушка, в которой я узнал Имиринку и окружавших ее вооруженных людей и нарони. То были Такасик со своей дружиной, вооруженные винтовками и экипированные в доспехи.

Девушка шла к нам трясясь, как от страшного холода, а юный лорд следовал опустив глаза под ноги, и лишь изредка бросая полный горечи взгляд на свою сестру, словно та была мертвецом.

— Вот незадача, — прошептал на вдохе дед, покачивая головой, — вот незадача. И здесь достали. Да как подло. Девку жаль, совсем молода еще.

Имиринка подошла совсем близко и стало видно ее искаженное страшными мучками лицо.

— Я больше не могу терпеть. Больно, очень больно, — проговорила она, глотая тяжелые слезы, — отдайте ее мне.

— Кто ты? — сердито спросил я, сначала опустив глаза на черный кинжал, а потом посмотрев на развернувшийся вокруг нас ад.

Имринка сначала зло сжала губы, а потом вдруг рассеяно повела взглядом по сторонам и начала отвечать.

— Люди и Нарони дали мне имя Великий Дом. Я..., - девушка тяжело задышала, а потом два раза топнул по земле, — Я и есть тот мир. Я у вас все это время был под ногами. Все они ходят, живую, размножаются на моей шкуре, как насекомые на раковине. Я Великий Дом.

— Помнишь сказку про конька-гробунька, — тоскливо заговорил дед Семен, — чудо-юдо-рыба-кит, и во лбу церквѣ стоит, на усах леса растут, девки ягодки берут. Поле пахнут, огороды. Рыбу ловят в синих водах.

Бывша Имиринка наклонила голову, а потом произнес нахмурившись.

— У вас тоже есть такие как мы?

— Вас много?

— Нас много, — кивнул Великий Дом и поднял лицо к небу, — остальные тоже кружатся около нашего светила, подставляя нужный бок. Мы собираем пыль и камни из пустоты, ими и питаемся, да еще силой светила.

Имиринка стиснула кулаки, так что те побелели.

— Камень. Большой острый камень. Он упал и пробил мою шкуру. Мне больно. Больно! У вас есть та, кто снимает боль! Она мне нужна! Я не могу больше! Пока вы стоите, каждый удар моего сердца будет умирать один человек либо нарони, на которого я буду перекладывать эту боль! Мне плевать на них, но вам нет! Если вы не поможете, то я убью их всех до последнего, лишь бы больше не чувствовать такое! И эту нон-ма тоже!

Имиринка замолчала сглотнув комок боли.

— Я слышал, вы хотите крепость здесь поставить, проход стеречь, — заговорил Великий Дом устами юной дочери феодала, — в знак благодарности я разрешу это сделать.

Из машины, шатаясь вышел Мефистофель. На его лице сияла усталая улыбка победителя.

— Старшим над крепостью я назначу лорда Такасика, сына Бурбурки, — произнес Великий Дом.

Я усмехнулся, когда увидел, как спал с лица Мефистофель, у него прямо из подноса забирали то, к чему он стремился всю свою жизнь.

— Но, — начал он, растеряно водя глазами по сторонам, ища поддержки.

Было даже немного жалко смотреть на него в этот момент.

— Я есть тот мир. Там только мои правила, — с нажимом произнес Великий Дом, сверкнув глазами.

Рядом с нами на черную землю легло щупальце, готовое сжаться чудовищными тисками. — Но ты можешь остаться как советник.

Бес сжал губы и кивнул, принимая предложение.

— Зачем ты хотел нас убить? — спросил я, глядя в горящие рубиновым огнем глаза юной владетельницы.

— Убить? Нет. Мне вы были безразличны, пока не сняли боль у этой нон-ма во время порки. Тогда я просил о помощи. Та нарони не выдержала моей боли и умерла. Я потом просил помощи в обители нон-тара Кропаса, но вы бежали. Сейчас эта дева жива только потому, что мы в другом мире и моя боль не так сильно звучит в ней эхом. Я бы сам сбежал в другой мир, но не могу бежать сам от себя.

Имиринка подняла в руке волшебную палочку.

— Мне удалось пойти по вашему следу. Зацепиться за вашу нить вашим же колдовством.

Я скрипнул зубами.

— Зачем ты отрезал путь к Священному Городу?

— Нет. Я наоборот ломал мосты, чтоб вы не передумали, и убирал всех с вашей дороги. Вы шли ко мне. Я думал, вы поняли, но вы решили бежать. Тогда я решил остановить вас силой.

— Почему?

— Это больно! — взорвалась криком Имиринка, — Я не могу терпеть! Пять сотен поколений людей я ощущаю эту боль! Прошу отдайте мне снимающую боль.

— Ей сейчас самой нужна помощь, — ответил я.

— Я знаю, она жива. Я знаю, она может вылечить саму себя. Я подожду немного. Я не причиню ей вреда. Через меня пройдет торговый тракт, вы сможете потом навестить ее, чтоб убедиться в моей правдивости. А сейчас идите. Я задержу ваших врагов. Идите, пока я не передумал, — произнес Великий Дом.

Имиринка взмахнула рукой, и позади нас возник портал. Сразу. Без всяких подготовок.

— Егор, — раздался тихий ослабленный голос из машины, — я останусь, так будет лучше.

Я оглянулся, увидев выглядывающую из двери, и держащуюся дрожащими пальцами за край проема Бересту.

— Так лучше будет, — повторила она. — Помогите мне.

К ней все так же хмуро подошел Такасик и осторожно взял нетяжелую берегиню на руки.

— Надо идти, — произнес дед Семен.

— Идите, — тихо сказал, вставший рядом с сестрой Такасик.

Я кивнул, потом наклонился и поднял Черную Иглу и три странные сферы, что отделились от Мясника, а следом поглядел в черное небо, разрываемое всполохами боевых заклинаний.

Наш мир и этот. Разные языки, разные обычаи, но и в том мире и этом есть дружба и предательство, любовь и ненависть. И тут и там есть готовые отдать жизнь за товарищей, и есть те, кто решает судьбы других, не спросив их мнения. А по-другому ли у нас? Нет, наверное. И главное не забывать, что ища где-то помощи, мы иной раз забываем что помощь требуется не только нам.

— Поехали! — произнес я, шагнув к бронированному внедорожнику.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Новосибирск, январь — сентябрь 2017 г.

Осипов Игорь Валерьевич

Стрибог — бог грозы, являющийся в бурях и вихрях, верховный царь ветров.

Сварожич — огонь, бог-покровитель кузнечного ремесла, сын бога Сварога и младший брат Солнца.

Род — наиболее древний не персонифицированный бог славян. Бог Вселенной, живущий на небе и давший жизнь всему живому.

Мара (Морана, Морена) — богиня зимы и смерти, покровительствует колдовству. Мара — сестра Лады (богини любви) и Живы (или же Лели — богини жизни). Мара, Жива и Лада — совместно хранят цикл жизни и смерти.

Берегиня — в мифологии древних славян дух-покровитель, оберегающий достойных сынов и дочерей рода. Достойных — значит живущих по законам предков, первый из которых гласит: жизнь человека определяют его деяния, а мерилom всего является совесть. Жизнь в соответствии с канонами чести, достоинства, жизнь в согласии с собственной совестью — это удел достойных. Таких людей Берегиня защищает от зла и горя.

Тигр-М (АСН-233115) — российский многоцелевой броневан автомобиль повышенной проходимости (армейский автомобиль-внедорожник). Производится на Арзамасском машиностроительном заводе.

Ребристый лист — сленговое наименование выполненной из алюминия крыши

моторно-трансмиссионного отделения боевых машин пехоты серии БМП-1 и БМП-2, а также машин на их базе. Назван так за ребра жесткости, служащие кроме того дополнительными волноотражателями при движении машины в плаву.

Основным вооружением БМП-2 является 30-мм автоматическая пушка 2А42 вспомогательным — 7,62 мм пулемет ПКТ.

Белбог — хранитель и податель добра, удачи, справедливости, счастья. Белбог и Чернобог — божества дневного света и тьмы, добра и зла.

Оба божества участвуют в творческой деятельности природы: темное, как представитель помрачающих небо и замыкающих дожди облачных демонов, и светлое, как громитель туч, низводящий на землю дождевые потоки и просветляющий солнце.

Тать — вор.

Полевка — на сленге военнослужащих так называется полевая форма одежды, камуфляжной расцветки.

Корд (расшифровывается как 'Ковровские оружейники Дегтяревцы') — крупнокалиберный пулемет с ленточным питанием под патрон 12,7x108мм.

Старлей — на сленге военнослужащих так иногда называют офицеров в звании старшего лейтенанта.

ПКТ — модификация 7,62-мм пулемета Калашникова, устанавливаемая на боевой технике в качестве дополнительного вооружения.

НСВТ (Никитина, Соколова, Волкова танковый) — крупнокалиберный пулемет под патрон 12,7x108мм, устанавливаемый на бронетехнике в качестве зенитного либо вспомогательного.

РПГ-7 — ручной противотанковый гранатомет.

ОЗК — общевойсковой защитный комплект, средство индивидуальной защиты, предназначенное для защиты человека от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли. Используется совместно с респиратором или противогазом.

Вий — старший сын Чернобога, воплощение абсолютного хаоса, тьмы и разрушения, повелитель нечисти.

Кощей Бессмертный — младший сын Чернобога, искусный колдун, предводитель армии мертвых. Его старшие братья, Горын и Вий, боялись и уважали за силу и мудрость. Кощей владел самым глубоким царством Нави, где располагался его Лунный Чертог. Будучи темным божеством и владыкой умерших, он при этом не был богом смерти, лишь покровителем черного колдовства и некромантов, а так же каждую осень спускал с цепи зимние ветра и тучи. Постоянно находился в борьбе и противостоянии с Солнцем.

МОН-90 — противопехотная осколочная мина, направленного поражения.